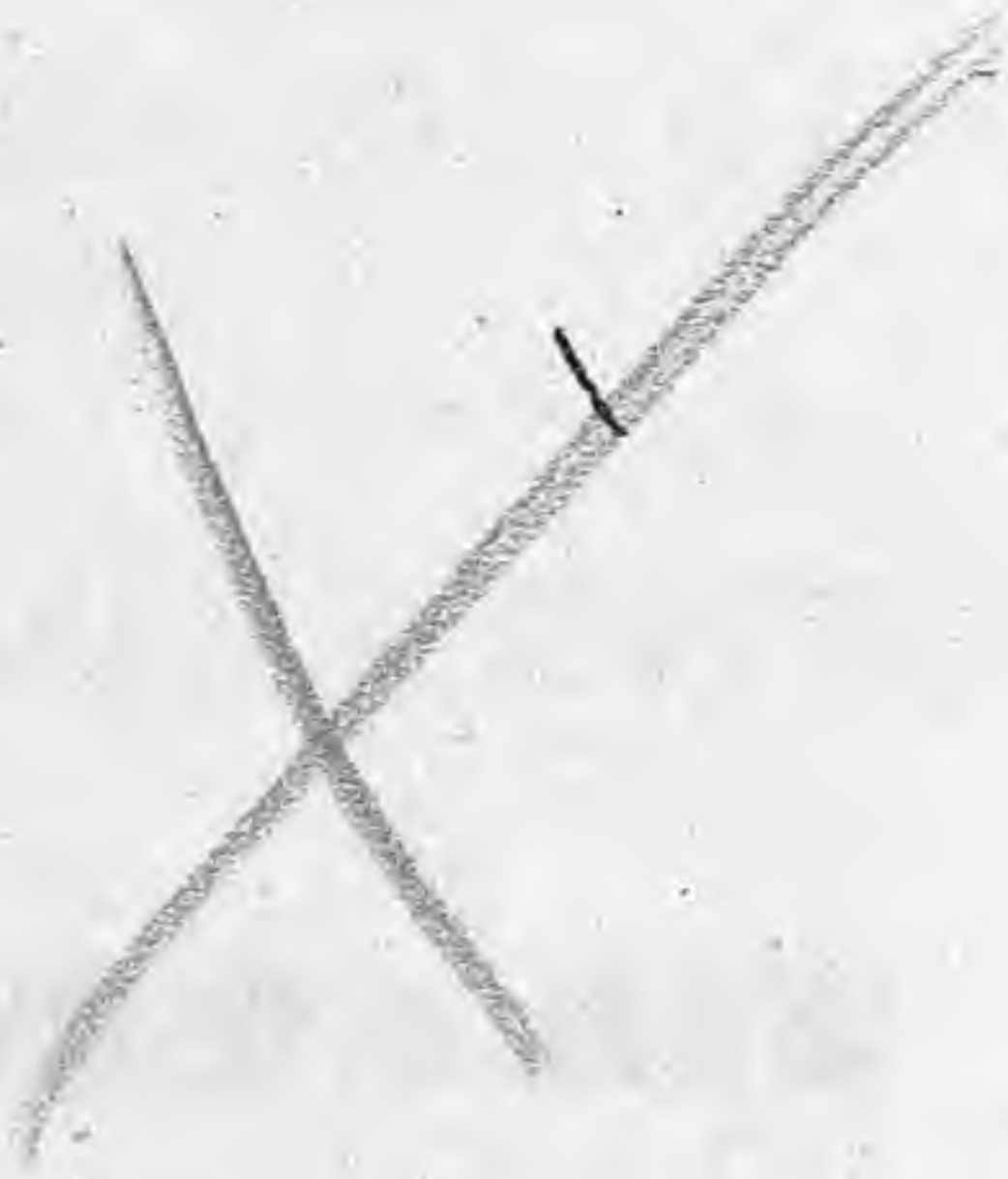
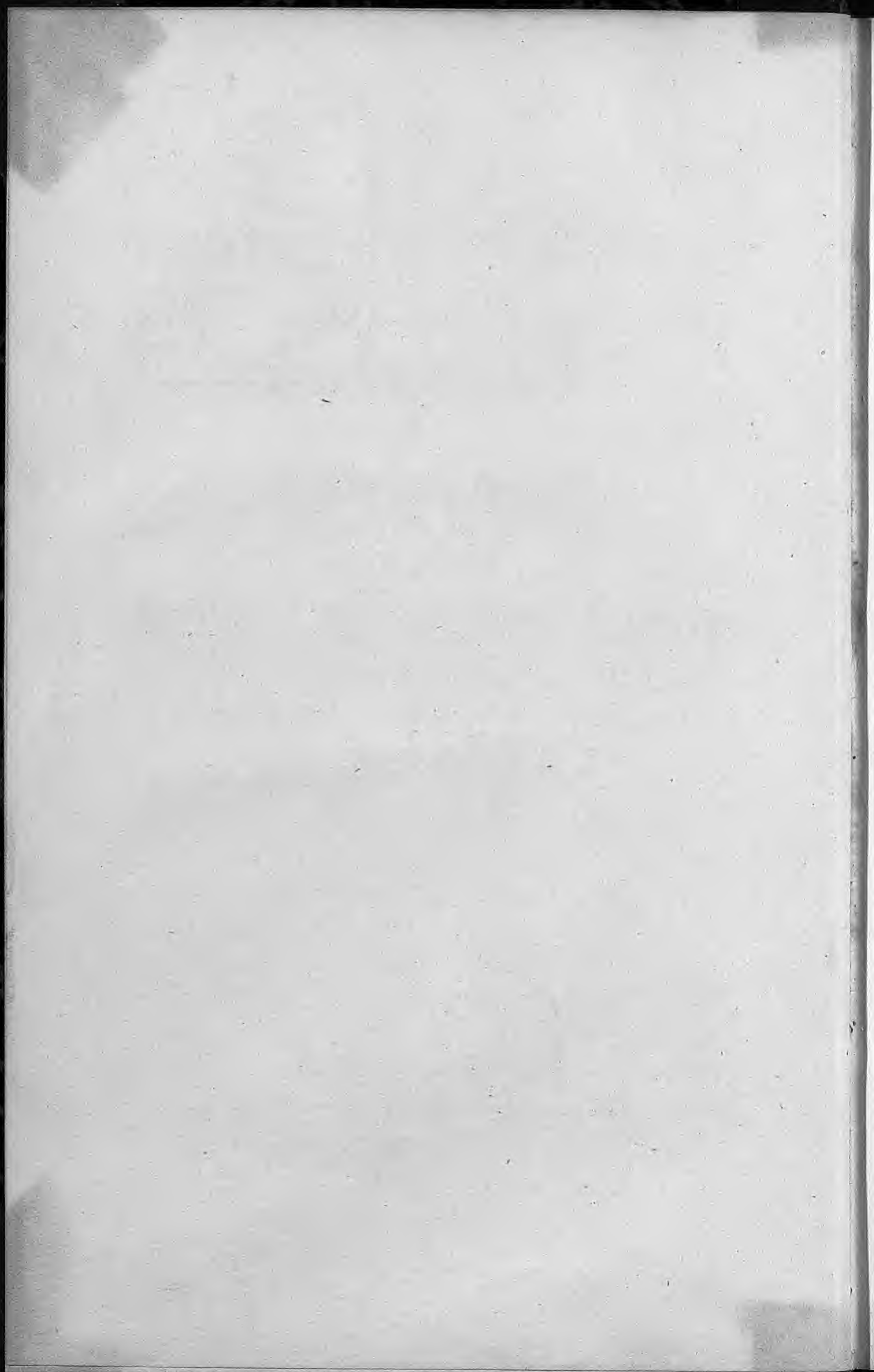

293
3

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ

СБОРНИКЪ,

СОБРАНИЕ

МѢСТНЫХЪ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХЪ ОПИСАНІЙ

РОССІИ.

КОРПАНИ

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

РОССИИ

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ

СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ИМПЕРАТОРСКИМЪ РУССКИМЪ

ГЕОГРАФИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

№ 26007.

Выпускъ 1.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

1853.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ

СБОРНИКЪ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 3
апрѣля 1853 года.

Ценсоръ *А. Крыловъ.*

Ценсоръ *Ю. Шидловскій.*

40025.1

1853

ПРЕД С Л О В І Е.

Отпечатанный нынѣ первый выпускъ Собранія мѣстныхъ этнографическихъ описаній Россіи, есть начало обширнаго изданія, нѣсколько лѣтъ тому назадъ задуманнаго и предпринятаго **ИМПЕРАТОРСКИМЪ** Русскимъ Географическимъ Обществомъ.

Съ самаго своего основанія, Общество стало получать отъ частныхъ лицъ сборники пѣсенъ, сказки, записанные простонародные обряды, праздники, повѣрья и тому подобные этнографическіе матеріалы. Достоинства этихъ сборниковъ доказывали сочувствіе людей просвѣщенныхъ къ занятіямъ Общества и готовность ихъ содѣйствовать его трудамъ. Но въ тоже время, недостатки такихъ сборниковъ, именно неполнота и отсутствіе общаго плана, указывали на необходимость дать направленіе и единство собиранію этнографическихъ матеріаловъ въ Россіи, раздвинуть шире кругъ этой дѣятельности Обще-

ства и частныхъ лицъ, привести ее въ систему и обозначить главнѣйшіе предметы, на которые надлежало при такихъ работахъ обращать особенное вниманіе.

Съ этою цѣлью, въ 1847 году, была издана **ИМПЕРАТОРСКИМЪ Русскимъ Географическимъ Обществомъ** печатная программа, которою всѣ желающіе трудиться на пользу **Этнографіи** приглашались доставлять мѣстные описанія по извѣстному плану. Планъ этотъ, изложенный довольно подробно, обнималъ слѣдующіе предметы: наружность жителей; отличительныя особенности ихъ нарѣчія; домашній бытъ (жилища, домашнюю утварь, одежду, пищу, обычаи и обряды, сопровождающіе разныя эпохи и случаи жизни, народную медицину, любимыя занятія, народное увеселеніе: какъ-то: пѣсни, пляски, музыку; расчетъ денежныхъ средствъ жителей); юридическіе обычаи; умственные и нравственные способности и образованіе; наконецъ — мѣстные народные преданія и памятники. Болѣе семи тысячъ экземпляровъ этой программы были разосланы во всѣ Губерніи, чрезъ разныя вѣдомства, въ видѣ инструкціи для желающихъ доставлять въ Общество этнографическіе матеріалы.

Изданіе и разсылка этнографической программы имѣли самыя утѣшительныя послѣдствія, даже превзошли ожиданія. Мѣстные описанія и этнографическіе сборники начали поступать въ Общество

изъ всѣхъ краевъ Россіи въ большомъ числѣ, и очевидно, несомнѣнно доказывали, что число желающихъ принять дѣятельное участіе въ трудахъ Общества значительно, что важность предложенной этнографической задачи понята и оцѣнена въ полной мѣрѣ. Очень многія изъ доставленныхъ мѣстныхъ описаній отвѣчали на всѣ или на большую часть вопросовъ программы; прочія же только на нѣкоторые. Но между тѣми и другими находятся статьи, составленныя весьма тщательно, съ большимъ знаніемъ дѣла и заключающія въ себѣ богатые и разнообразные этнографическіе матеріалы, словомъ — статьи во всѣхъ отношеніяхъ превосходныя.

Присылка мѣстныхъ описаній въ Географическое Общество до-сихъ-поръ продолжается весьма дѣятельно. Нынѣ ихъ имѣется уже до двухъ тысячъ номеровъ. Должно прибавить, что весьма многіе номера состоятъ изъ этнографическихъ описаній нѣсколькихъ мѣстностей. Уже по одному этому можно судить, какое огромное количество этнографическихъ матеріаловъ поступило въ Общество въ теченіе какихъ-нибудь пяти лѣтъ, со времени обнародованія программы.

Чтобъ сдѣлать эти матеріалы доступными для любителей и ученыхъ, ИМПЕРАТОРСКОЕ Русское Географическое Общество, въ 1850 году, опредѣлило издавать ихъ. Для этого предположено:

1. Отдѣлить этнографическія описанія *иноподцевъ*, въ Россіи обитающихъ, и напечатать ихъ особливо.

2. Изъ прочихъ этнографическихъ описаній, относящихся собственно къ *Русскому* племени, издать вполнѣ только тѣ, которыя подробно и основательно отвѣчаютъ на всѣ или по-крайней-мѣрѣ на большую часть пунктовъ программы; изъ остальныхъ же составить систематическіе своды или сборники. Къ послѣднему разряду отнесены какъ частныя этнографическія описанія, выполняющія нѣсколько или даже одинъ только пунктъ программы (напримѣръ: описанія примѣтъ, свадебныхъ и другихъ обрядовъ, сборники пословицъ, пѣсенъ, загадокъ и т. п.), такъ и мѣстныя описанія, которыя хотя и составлены въ точности по программѣ, но за исключеніемъ нѣсколькихъ данныхъ, вообще не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго и потому къ напечатанію вполнѣ не назначаются.

Издаваемый нынѣ первый выпускъ *Собранія мѣстныхъ этнографическихъ описаній Россіи* содержитъ въ себѣ одиннадцать статей перваго разряда, т. е. такихъ, которыя Общество опредѣлило напечатать вполнѣ. При выборѣ ихъ имѣлось въ виду представить образцы этнографическихъ матеріаловъ, поступившихъ въ Общество въ большомъ числѣ изъ различныхъ мѣстностей и относящихся къ тремъ главнымъ отраслямъ Русскаго племени —

Великорусской, Бѣлорусской и Малороссійской, съ ихъ подраздѣленіями и оттѣнками. Составленныя лицами, живущими или по-крайней-мѣрѣ жившими въ описываемой мѣстности, слѣдовательно очевидцами, эти описанія представляютъ, какъ могутъ удостовѣриться сами читатели, богатые и вполне достовѣрные данные для изученія Россіи.

Всѣ заключающіяся въ этомъ выпускѣ статьи напечатаны съ дипломатическою точностію, на сколько это было возможно. Того требовало историческое и научное значеніе памятниковъ Русской народной жизни, содержащихся въ этнографическихъ описаніяхъ. Поправленъ только мѣстами слогъ статей, и то въ тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ авторы говорятъ отъ себя; кромѣ того, исправлены нѣкоторыя очевидныя, не подлежащія сомнѣнію ошибки; пѣсни же, сказки, поговорки, названія—все это передано изъ буквы въ букву, безъ малѣйшихъ измѣненій.

Чтобъ обнародованіе этнографическихъ матеріаловъ шло непрерываясь, **ИМПЕРАТОРСКОЕ** Русское Географическое Общество опредѣлило печатать ихъ впредь особымъ отдѣломъ въ Вѣстникѣ Общества, и всѣ помѣщенныя въ ономъ въ теченіе года этнографическія статьи издавать особымъ выпускомъ. Такимъ образомъ, въ нѣсколько лѣтъ, сдѣлаются доступными для всѣхъ знатоковъ и любителей сокровища, которыми теперь не многіе могутъ пользоваться при ученыхъ своихъ занятіяхъ.

Въ заключеніе, ИМПЕРАТОРСКОЕ Русское Географическое Общество вмѣняетъ себѣ въ особенно-пріятный долгъ выразить искреннѣйшую признательность всѣмъ составителямъ этнографическихъ описаній, просвѣщенные и добросовѣстные труды коихъ дали возможность предпринять это изданіе. Въ изъявленіе своей благодарности, Общество опредѣлило разсылать каждому изъ нихъ, по мѣрѣ напечатанія ихъ статей, одинъ экземпляръ того выпуска этого изданія, въ которомъ помѣщены ихъ описанія и, сверхъ того, по сту экземпляровъ особыхъ оттисковъ доставленныхъ ими статей.

Редакціею первыхъ четырехъ этнографическихъ описаній, заключающихся въ этомъ выпускѣ, заведывалъ Дѣйствительный Членъ Н. И. Надеждинъ, а редакціею послѣднихъ семи — Дѣйствительный Членъ К. Д. Кавелинъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ВЫПУСКА.

	Стр.
Сельцо <i>Васильевское</i> , Нижегородской Губерніи Нижегородскаго уѣзда (Помѣщика В. Бабарыкина) . .	4.
Село <i>Ульяновка</i> , Нижегородской Губерніи Лукояновскаго уѣзда (Священника М. Доброзракова)	25.
Волость <i>Покровско-Ситская</i> , Ярославской Губерніи Моложскаго уѣзда (Священника А. Преображенскаго)	64.
Приходъ <i>Станиловской на Сити</i> (той же Губерніи и уѣзда, воспитанника Семинаріи А. Преображенскаго)	125.
Быть крестьянъ Тверской Губерніи <i>Тверскаго уѣзда</i> (Священника Н. Лебедева)	174.
Быть крестьянъ Воронежской Губерніи <i>Нижнедѣвицкаго уѣзда</i> (старшаго учителя Воронежской Гимназіи П. Малыхина)	203.
Село <i>Бобровки</i> и окружный его околотокъ (Священника С. Разумихина)	235.
Приходъ <i>Остринскій</i> , Виленской Губерніи Лидскаго уѣзда (Профессора Литовской Семинаріи И. Юркевича)	283.
Село <i>Кобыля</i> , Волынской Губерніи Новградъ-Волынскаго уѣзда (Протоіерея І. Морачевича)	294.

Мѣстечко <i>Александровка</i> , Черниговской Губерніи Сосниц-	
каго уѣзда (Священника Г. Базилевича) . . .	343.
Домашній бытъ Малоросса, Полтавской Губерніи Хороль-	
скаго уѣзда (Священника А. Иваицы) . . .	337.

СЕЛЬЦО ВАСИЛЬЕВСКОЕ.

НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНІИ

НИЖЕГОРОДСКАГО УѢЗДА.

(Помѣщика В. Бабарыкина.)

СВѢДѢНІЯ Топографическія.

ПОЛОЖЕНІЕ И ОБЪЕМЪ СЕЛЕНІЯ.

Сельцо *Васильевское*, *Новые-Ключицы* тожь, находится въ полуденной части Нижегородскаго уѣзда, на правомъ, гористомъ берегу Волги. Отстоитъ отъ Нижняго-Новгорода, большою Арзамасскою дорогою, на 25 верстѣ; а проселкомъ, черезъ болота и рѣку Кудьму, на 18 верстѣ. Арзамасская дорога, и на ней почтовая станція Бугры, лежитъ отъ него въ 3 верстахъ; приходское село Семеть — въ 5 верстахъ. Кромѣ-того, оно окружено: къ востоку — деревнею Чеглавой въ $4\frac{1}{2}$ верстахъ, къ сѣверо-востоку — деревнею Мокрой въ 5 верстахъ, къ западу — селомъ Вязовкой въ 5 же верстахъ и деревнею Елховкой въ $4\frac{1}{2}$ верстахъ, къ югу и юго-западу — деревнями Кременкою и Новою-Пунерью въ 3 верстахъ разстоянія. Сельцо выстроено въ одинъ порядокъ, лицомъ на западъ;

еъ немъ: дворовъ 26, ревижскихъ душъ 84, тяголъ 50; земли пахатной 500 дес., луговой и подъ лѣсомъ 201 дес., всего 701 казенныхъ десятинъ. *

ОБЩІЙ ВИДЪ МѢСТНОСТИ.

Мѣстность, занимаемая селцомъ Васильевскимъ, очень живописна. Оно расположено на примыкающей къ рѣкѣ *Кудьмѣ* возвышенности, состоящей въ связи съ возвышенностями, непрерывно продолжающимися почти отъ самаго Арзамаса до Нижняго Новгорода, и известными подъ общимъ именемъ *Горъ*. Принадлежащія къ селцу земли, известныя подъ названіемъ *Семетскихъ-Пустошей*, пересѣчены отъ юга на сѣверъ оврагомъ, поросшимъ лѣсомъ. Другой оврагъ составляетъ живой рубежъ съ деревнею Чеглавою, и идетъ съ востока на сѣверъ; онъ также поросъ лѣсомъ. Кромѣ-того, луга и болота по берегамъ

* Чтобы дать общее понятіе объ околodкѣ, въ которомъ находится селцо Васильевское, представимъ здѣсь имѣющіяся у насъ подъ рукой свѣдѣнія о гидрографической области рѣки *Кудьмы*, или — какъ сказалъ-бы Русскій, если-бы ему пришлось говорить объ этомъ, не зная научной терминологіи — о *Покудемѣ*. *Кудьма* выходитъ изъ сѣверо-западнаго угла Арзамаскаго уѣзда Нижегородской губерніи, и оттуда входитъ въ Горбатовскій уѣздъ, который потомъ на довольно значительномъ разстояніи дѣлаетъ отъ Нижегородскаго, а затѣмъ входитъ въ сей послѣдній, гдѣ и впадаетъ наконецъ въ *Волгу*, близъ села *Кадницъ*. Въ теченіи своемъ, направляющемся къ сѣверо-востоку, она весьма близко подходитъ сначала къ *Окѣ*, а потомъ къ *Волгѣ*, сопровождая ту и другую почти параллельно. Длина ея полагается, и, судя по картамъ, должна быть не менѣе 100 верстъ. Изъ впадающихъ въ нее рѣкъ, на «Картѣ Шуберта» поименованы: слѣва — *Алсма* (въ Горбатовскомъ уѣздѣ); справа (въ уѣздѣ Нижегородскомъ) — *Ункорь*, *Каменка* и *Озерна* или *Озерка*. Послѣдняя больше всѣхъ прочихъ притоковъ *Кудьмы* и соединяется съ ней недалеко отъ ея устья; селцо-же Васильевское, котораго на упомянутой картѣ нѣтъ, должно находиться между впаденіями въ *Кудьму* рѣкъ *Ункори* и *Каменки*, къ послѣдней ближе. Всѣхъ этихъ наименованій, равно-какъ и имени самой *Кудьмы*, нѣтъ въ «Словарѣ Щекатова»; да и въ «Гидрографіи Штуkenберга» есть только лишь строчекъ о *Кудьмѣ*, выписанныхъ изъ достопочтеннаго старца *Георги* (*Reisen II, 831, у г. Штуkenберга V, 498*), гдѣ, между-прочимъ, сказано, что «по этой рѣкѣ лежатъ разбѣянные Мордовскіи деревни (*Mordwinendörfer*)». Это послѣднее замѣчаніе, сдѣланное ученымъ путешественникомъ послѣдней половины прошедшаго столѣтія, весьма важно для современныхъ этнографическихъ наблюденій мѣстнаго населенія, которое, какъ видно, теперь стало уже чисто-Русское. Прим. Ред.

рѣки Кудьмы пересѣчены рощами средняго дровянаго лѣса и кустарникомъ.

Рѣка *Кудьма* протекаетъ, въ дачахъ Васильевскаго, съ запада на сѣверъ, разстояніемъ отъ сельца въ $4\frac{1}{2}$ верстахъ, на протяженіи $4\frac{1}{4}$ версты. Берега ея очень низки и болотисты: въ слѣдствіе-того она образуетъ вокругъ себя нѣсколько небольшихъ, но никогда не пересыхающихъ озеръ, въ которыхъ держится рыба; да и болота, образуемая ею, пересыхаютъ только во время сухаго лѣта. Рѣка разливается весной въ каждую сторону на версту и болѣе, глубиной отъ $\frac{1}{2}$ до $1\frac{1}{2}$ вершковъ, смотря по подтопу мельницъ; заливаемые луга и рощи остаются подъ водой отъ 10 до 20 дней. Зимою рѣка становится и расходится прежде Волги; ледъ бываетъ на ней не толстъ, по причинѣ глубоко покрывающаго ее снѣгу.

Кромѣ рѣки Кудьмы, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ сельца, вытекаютъ изъ небольшого, поросшаго широколиственными деревьями дола, нѣсколько ключей самой чистой свѣжей воды, удерживающей холодную температуру даже во время сильнѣйшихъ жаровъ: воды этихъ ключей, протекая по слоямъ глинисто-известковаго мергеля, заключаютъ въ себѣ много угольной кислоты и чрезвычайно здоровы; ключи соединяются въ небольшую рѣчку, впадающую въ рѣку Кудьму. Сверхъ-того, въ западной части дачи, на склонѣ возвышенности, занимаемой сельцомъ, есть нѣсколько неразработанныхъ ключей, вытекающихъ изъ песчаныхъ слоевъ.

ЦАРСТВО РАСТИТЕЛЬНОЕ.

На низкихъ мѣстахъ, по рѣкѣ Кудьмѣ, растутъ: ельникъ, береза, въ-особенности осина, елоха, и всякаго рода тальникъ. Огромные, совершенно черные дубы, попадающіеся на днѣ рѣки, и кое-гдѣ дубовый кустарникъ, свидѣтельствуютъ, что здѣсь нѣкогда росъ и дубъ, который теперѣ встрѣчается только на возвышенныхъ, преимущественно глинистыхъ мѣстахъ, въ небольшихъ сохранившихся рощахъ, перемѣшанныхъ съ другимъ лѣсомъ: тутъ онъ бываетъ до 16 вершковъ въ отрубъ и болѣе, но не въ значительномъ количествѣ. Лицу нынѣ вовсе перевели; а между-тѣмъ, всюду, въ-особенности по берегамъ

Кудьмы, встрѣчающіеся липовые кустарники остаются памятниками, что здѣсь было много и липы. Засимъ, на возвышенныхъ и песчаныхъ мѣстахъ, весьма скоро вырастаютъ: береза, осина и всякаго рода тальникъ; попадаются: вязъ, кленъ, ясень и рябина. Какъ на высокихъ, такъ и на низкихъ мѣстахъ, весьма хорошо растетъ ветла, достигающая высоты и толщины дуба; попадаетъ и осокоръ. Изъ кустовъ, болѣе всего можжевельника и шиповника—по лугамъ и болотамъ, на возвышенныхъ-же мѣстахъ—шиповника, орѣшника, жимолости, черной смородины, малины; притомъ, по низменностямъ вкругъ Кудьмы, береза далеко не достигаетъ того роста, какъ на возвышенныхъ мѣстахъ, а потому и ее, какъ кустарникъ, можно-бъ было употреблять для живыхъ изгородъ. Изъ ягодъ, очень много земляники, и попадаетъ ежевика; много грибовъ подберезниковъ и другихъ, кромѣ бѣлыхъ, которые очень рѣдки, однакожъ попадаются какъ въ ельникахъ, такъ и въ березникахъ.

Пахатныя земли лежатъ на возвышенности, и по качеству рѣзко раздѣляются оврагомъ, идущимъ съ юга на сѣверъ. Земли, лежащія къ востоку и югу отъ оврага, преимущественно состоятъ изъ суглинка, далѣе—мѣстами, хотя и не много—изъ красной мергелистой глины съ достаточнымъ количествомъ перегноя; подпочва состоитъ или изъ глины, или изъ опоки, или изъ мергеля, лежащаго нетолстыми слоями въ $\frac{1}{2}$ аршина, которые безпрестанно измѣняются въ цвѣтъ и составныхъ частяхъ. Что касается до земель, лежащихъ по-ту-сторону оврага къ западу и сѣверу, то онѣ исключительно состоятъ изъ довольно плодороднаго супеска, съ песчаною подпочвою. На поляхъ повсюду выпаживается нерѣдко мелкій голышъ; тамъ и сямъ попадаются глыбы гранита или гнейса, величиною отъ 5 до 15 кубическихъ футовъ. Земли, по свойству своему, довольно плодородны; но, по недостатку въ удобреніи и недовольно рачительной обработкѣ, урожай озимаго бываетъ кругомъ самъ 3 и самъ 4, овса—самъ 2 $\frac{1}{2}$, яровой мелкой пшеницы—самъ 4, гороха—самъ 4, льна—почти тоже. Кромѣ поименованныхъ видовъ хлѣба, съютъ въ самомъ небольшомъ количествѣ ячмень, хотя земли, по свойству своему, совершенно ячменные; съется также нѣсколько гречихи и проса. Озимое высѣваютъ между Третьимъ-Спасомъ и Фроловымъ-Днемъ; жнутъ иногда съ Лѣтней-Казанской, больше-же

съ Ильина-Дня. Изъ яроваго, пшеницу высеваютъ послѣ Никола-Дня, овесъ нѣсколько позже: послѣдній косятъ въ такомъ лишь случаѣ, когда онъ очень плохъ, и если притомъ наступить дурная погода, въ противномъ-же случаѣ жнутъ весьма низко; косьба пшеницы вводится. Самый поздній сѣвъ льна около Онуфріева-Дня; сѣмена свои; волокно очень бѣло и крѣпко. Конопля сѣютъ очень мало. Весь вообще хлѣбъ молотится конями; ими-же мнутъ и оставшуюся солому. Сушатъ хлѣбъ, снопами, въ дурно устроенныхъ овинахъ, на которые идетъ много строеваго матеріалу и много топлива: лѣсу и соломы. Вообще по здѣшнему хозяйству весьма было-бы полезно введеніе ручныхъ или одноконныхъ подвижныхъ мукомольныхъ мельницъ.

Въ огородахъ отлично хорошо родятся: свекловица, свекла, брюква, морковь и другіе подобные овощи; но капуста и лукъ родятся не совсѣмъ хорошо, по причинѣ палящихъ полуденныхъ вѣтровъ. Два года тому назадъ весьма мало сажали картофеля, теперь-же каждый дворъ высаживаетъ не менѣе 4 четвериковъ: господскій картофель сажаютъ въ полѣ, и употребляютъ на выдѣлку крахмала и въ кормъ скоту. Картофель родится: въ полѣ — самъ 5 и самъ 7, на усадокъ — самъ 10 и болѣе.

По недостатку въ тучно-удобренныхъ земляхъ, и притомъ по новости поселенія на здѣшнемъ мѣстѣ, жители Васильевского имѣютъ еще очень мало плодовыхъ садовъ; впрочемъ, въ тѣни, которая уже есть, начинаютъ разводить яблонь, и въ-особенности красную смородину. Жители окрестныхъ деревень, особенно деревни Мокрой, имѣютъ очень значительные яблонные сады, въ которыхъ разводятъ сливы, вишни и англійскую-малину.

ЦАРСТВО ЖИВОТНОЕ.

Скота держатъ здѣсь немного, но зато содержатъ порядочно. Лошади породы русской, смѣшанной съ персидской и вятской; онѣ очень крѣпки и очень часто служатъ до двадцати-пяти лѣтъ. Рогатый скотъ не очень мелокъ; въ немъ есть холмогорская, а въ новѣйшее время и тирольская примѣсь; коровы часто

приносятъ до 20 и болѣе телятъ. Овцы очень хороши; шерсть на нихъ густа, пушиста, кудрява. Скотъ обыкновенно выгоняется на подножный кормъ около Егорьева-Дня, преимущественно въ самый Егорьевъ - День; на зимній-же кормъ становится обыкновенно вскорѣ послѣ Покрова, но въ 1848 году поставленъ съ 1 ноября.

Изъ звѣрей, въ лѣсахъ и камышахъ на рѣкѣ Кудьмѣ появляется волкъ, забѣгающій иногда и въ деревню; рѣдко — лисица; есть бѣлка, русакъ, бѣлякъ, и ласочки, истребляющія домашнюю птицу.

Изъ птицъ, болѣе всего прилетаетъ ласточекъ, жаворонковъ и скворцовъ; для послѣднихъ, на каждомъ крестьянскомъ домѣ выстроена будочка. Довольно также прилетаетъ соловьевъ, кукушекъ, горлицъ; мало дроздовъ, перепелокъ; журавли и дикіе гуси опускаются очень рѣдко; дикія утки и болотная дичь выводятъ дѣтей. Изъ ночныхъ птицъ держится, какъ лѣтомъ, такъ и зимой, сова (*la chouette*); крикъ ея походить на крикъ младенца: народъ, въ-слѣдствіе-того, называетъ ее попугаемъ, вѣря притомъ, будто она кричитъ обыкновенно тогда, когда въ деревнѣ совершается какое-либо преступленіе; на самомъ же дѣлѣ она кричитъ всегда передъ наступленіемъ южныхъ вѣтровъ, въ-особенности передъ весенними оттепелями. Въ большомъ количествѣ водятся круглый годъ: воробьи, галки, пестрыя ворѣны и много черныхъ вѣроновъ. Изъ домашнихъ птицъ, почти исключительно разводятъ однихъ куръ, рѣдко — индѣекъ, утокъ и гусей.

Пчелы разводятся съ большимъ успѣхомъ, и берутъ обильную дань съ осины, тальника и растущаго всюду во множествѣ краснаго и бѣлаго дятловника. Ясеновыя деревья ежегодно бываютъ покрыты большимъ количествомъ шпанскихъ мухъ. Въ лѣсахъ много муравьевъ и червей, поѣдающихъ яблони и березовый листъ.

КЛИМАТЪ.

Въ 1847 году, зима была почти безъ снѣгу; въ-продолженіе ея свирѣпствовали, какъ и всегда, полуденные вѣтры; особенно въ началѣ зимы, была одна сильная полуденная буря.

Весна открылась очень рано, за недѣлю передъ Пасхой, что составляетъ около двадцати дней ранѣе обыкновеннаго; въ-продолженіе ея было весьма мало теплыхъ дождей. Лѣтомъ, дожди хотя и перепали, но недостатокъ тепла послѣ нихъ, и вообще недостатокъ тепла въ-продолженіе всего лѣта, чрезвычайно вредилъ растительности. Вообще замѣчено, что около 25 — 28 мая бываетъ здѣсь ежегодно буря съ полудня, съ снѣгомъ, покрывающимъ землю вершка на три; въ-слѣдствіе-того, огородовъ здѣсь прежде начала іюня не засѣваютъ.

СВѢДѢНІЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ СЕЛЕНІЯ.

Жители сельца Васильевского выселены на нынѣшнее свое мѣстопробываніе не больше какъ лѣтъ двадцать-пять назадъ, изъ села Большихъ-Ключищъ, которое находится отсюда въ 15 верстахъ разстоянія, къ востоку.

НАРУЖНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ.

Отличительная черта здѣшняго народа вообще есть особенная выразительность лица, свидѣтельствующая объ остроуміи, проницательности и самоувѣренности. Впрочемъ, между жителями сельца Васильевского, и окружающихъ его деревень, можно довольно-ясно различать два племени. Къ первому принадлежатъ люди съ черными волосами, черными быстрыми глазами, ростомъ до 2 арш. 6 — 8 верш.: члены у нихъ всѣ чрезвычайно пропорціональны, темпераментъ сангвиническій; этого племени люди весьма сходны съ Нижегородскими мѣщанами: они преимущественно занимаются промыслами и торговлей. Къ другому племени принадлежатъ люди большаго роста, до 2 арш. 8 — 10 верш. и болѣе: у нихъ волосы на головѣ и бородѣ краснорыжіе, глаза сѣро-голубые; этого племени мнѣ нигдѣ не случилось встрѣчать въ такомъ количествѣ, какъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ: тутъ изъ пяти человекъ вѣрно одинъ росту 2 арш. 10 верш.; впрочемъ члены ихъ также пропорціональны, кромѣ необыкновеннаго развитія плечныхъ мышцъ, отчего многіе изъ нихъ пе-

реносить на себя кули соли въ 12 пудъ; темперамента они флегматическаго; занимаются преимущественно пилкой досокъ и т. п., но нерѣдко попадаются межъ ними люди съ замѣчательными механическими способностями, а потому много изъ нихъ мельниковъ и маслобойщиковъ; женщины бываютъ также весьма высокаго роста, и очень стройны до глубокой старости. Въ каждой деревнѣ есть болѣе-или-менѣе людей того и другаго поличья; но въ нѣкоторыхъ деревняхъ замѣтно, что одно есть господствующее: такъ, на-примѣръ, въ селѣ Васильевскомъ — господствуетъ поличье черноволосыхъ - сангвиниковъ (пришельцевъ — какъ я думаю, можетъ - быть переселенцевъ изъ Новгорода), и съ - тѣмъ - вмѣстѣ господствуетъ духъ торговой промышленности; въ деревняхъ-же Чеглавѣ и Мокрой — встрѣчаешь почти исключительно рыжихъ и великорослыхъ флегматиковъ, и между ними много ремесленниковъ, фабрикантовъ и вообще способныхъ къ механикѣ.

БОЛѢЗНИ.

Господствующія мѣстныя болѣзни суть: одышка, золотуха, цынготныя раны, и грыжи отъ худаго присмотра за дѣтьми. Вообще смертность дѣтей чрезвычайно велика; главнѣйше, кажется, оттого, что женщины, въ-особенности съ нѣкотораго времени, перестали кормить дѣтей грудью, а даютъ имъ, съ самаго рожденія, рожокъ или соску изъ пряника. Во время болѣзней охотно ищутъ врачебныхъ средствъ, и не имѣютъ почти никакихъ народныхъ лекарствъ: любятъ вообще средства сильныя, чѣмъ пользуются нѣкоторые знахари, давая острую водку, купоросъ и т. п. Женщины, въ-слѣдствіе частыхъ родовъ и лежащихъ на нихъ усиленныхъ работъ по домашнему быту, подвержены многимъ болѣзнямъ.

ЯЗЫКЪ.

Обороты здѣшней рѣчи очень сходны съ оборотами рѣчей въ церковно-славянскихъ книгахъ; и, надо сознаться, эта рѣчь имѣетъ особую силу и выразительность. Впрочемъ, въ нынѣшнее время, частыя отлучки жителей по промысламъ, а иногда и глупая подражательность, много измѣняютъ эту ти-

пическую рѣчь: въ чистотѣ услышишь ее только тогда, когда задѣнешь крестьянина за живое, то-есть похвалишь его сторону. Жители вообще любятъ поговорить, даже болтливы. Многіе обороты рѣчи показываютъ господствующее въ нихъ религіозное направленіе; такъ они благодарятъ словами: «*Богъ спасетъ!*»; прощаясь, говорятъ: «*прости Христа ради!*», на что отвѣтствуется: «*Богъ проститъ!*»; въ напутствіе говорятъ: «*дай Господи добрый часъ!*». Вообще имя *Господа Иисуса Христа*, большей-частью безъ всякаго другаго прилагательнаго, повторяется очень часто, особенно женщинами въ домашнемъ быту. Надобно еще замѣтить выраженіе: «*доброе дѣло!*», употребляемое, когда находятъ, что собесѣдникъ сказалъ правду, дѣло; умные крестьяне употребляютъ это слово съ большою разборчивостію; иногда радъ-бы услышать одобрительное: «*доброе дѣло!*», но тщетно. Говорятъ: *Русскій*, а не *Русской*; *по-маленьку*, вм. *по-маленьку*. Органъ голоса у женщинъ очарователенъ.

ЖИЛИЩА.

Домы строятся по однообразной, стародавней архитектурѣ, съ чрезвычайно крутыми крышами, тремя и рѣдко двумя окошками на улицу, и съ рѣзбой около оконъ и карнизовъ. Крестьянинъ ничего не жалѣетъ для украшенія своего дома, въ-особенности стараясь сдѣлать его какъ можно выше, въ чемъ полагаетъ главное свое тщеславіе. Если внизу не сдѣлано жилья, то почти всегда есть закута, въ которой содержатъ скотъ на время большихъ холодовъ: отъ этого избы сгниваютъ двадцатью годами прежде времени. Дороговизна лѣса и упрощеніе вкуса стали перемѣнять архитектуру; избы дѣлаются теперь ниже и безъ рѣзбы, а въ дворахъ нарочно ставятъ теплыя конюшни. Къ избѣ примыкаютъ сѣни, соединяющія ее съ заднею, почти всегда холодною горницею, служащею для сохраненія лишняго платья и скарба: у богатыхъ хранятся тамъ лучшія иконы и книги; подъ горницею подклеть или кладовая. Внутри избы большая печь, всегда съ трубой; возлѣ печи, шкапчики для глиняной и деревянной посуды, которой весьма много. Образы стоятъ въ одномъ углу, или въ двухъ, что бываетъ или въ-слѣдствіе раздѣленія въ религіозныхъ мнѣніяхъ, или потому

что старуха-стряпуха, рѣдко оставляющая свою печь, даже во время годовыхъ праздниковъ, имѣетъ исключительно свои образы. Подъ образами нерѣдко увидишь ручную кадильницу, псалтырь, и возлѣ ставца, на стѣнѣ, лубочныя картины, съ изображеніями религіозныхъ происшествій; на потолкѣ, вблизи образовъ, почти всегда есть изображеніе парящаго голубя, сдѣланное изъ картонной бумаги. Изба содержится очень чисто, хотя, по недостатку въ теплыхъ конюшняхъ, бѣдные пускаютъ въ избы овецъ и коровъ для корму; чему, конечно, легко-бы помочь, вырывая теплые хлѣва въ землѣ, какъ это и дѣлается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Передъ праздникомъ Пасхи ежегодно моютъ и скоблятъ стѣны избы. Дворы устроены довольно аккуратно, но часто съ тою невыгодою, что половодье и дожди вымываютъ изъ нихъ всю навозную жижу на улицу; это происходитъ отъ расположенія деревень на косогорахъ, по берегамъ овраговъ, близъ воды, и легко могло-бы быть исправлено углубленіемъ дворовъ въ землю. Анбары стоятъ всегда отдѣльно, въ сторонѣ.

ОДЕЖДА.

Крестьяне одѣваются опрятно и красиво. Мужчины носятъ рубашки синія и красныя, изъ обыкновеннаго холста и ситца; верхнее платье составляетъ кафтанъ и красивое полукафтанье со сборками: волжскіе лоцмана носятъ кафтаны изъ желтаго верблюжьяго сукна, большая-же часть крестьянъ — изъ домо-тканнаго чернаго, весьма плотнаго. Женщины, сверхъ сарафана, носятъ точно такія-же полукафтанья, какъ и мужчины: лѣтнія — изъ цвѣтной, обыкновенно свѣтло-зеленой панки, или окрашеннаго въ синій цвѣтъ домашняго холста. Этѣ полукафтанья щеголи и щеголихи шьютъ черныя плисовые, обшивая воротникъ и поясъ тесьмой; нерѣдко покрываютъ и полушубки плисомъ, нанкой, а чаще крашенымъ холстомъ; стали также входить въ большое употребленіе дубленые тулупы. Всѣ женщины носятъ иногда очень широкіе и богатые пояса, переходящіе изъ рода въ родъ. Прежде, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, дѣвушки повязывали голову повязкою или широкою лентою, и заплели ленты въ косу; нынѣ покрываютъ голову плат-

комъ, также какъ и женщины, съ тою только разницею, что послѣднія носятъ подъ платкомъ повойникъ, въ который собираютъ волосы, заплетенные въ двѣ косы; повойники эти бываютъ дорогіе шитые. Платки носятъ разныхъ цвѣтовъ, но преимущественно красные и бѣлые; женщины украшаютъ и покрываютъ голову платкомъ съ большимъ вкусомъ: безъ платка ни одна изъ нихъ не выйдетъ на улицу.

ПИЩА.

Главную пищу составляетъ ситный хлѣбъ; рѣшетный, и то далеко не такой черный и кислый, какъ въ степныхъ губерніяхъ, ѣдятъ только со щами. Рѣдкая хозяйка не печетъ ежедневно ситныхъ и прѣсныхъ пшеничныхъ лепешекъ, называемыхъ кокурками; кокурки этѣ пекутся въ золѣ и мѣсятся на молоко, сметанѣ, скоромномъ и постномъ маслѣ; нигдѣ не умѣютъ ихъ такъ готовить и нигдѣ такъ не любятъ, какъ у насъ: это напоминаетъ что-то азіатское. Кромѣ-того, въ каждомъ домѣ два раза въ неделю, а у зажиточныхъ ежедневно, пекутъ пшеничные пироги и ватрушки. Говядины ѣдятъ мало; но много ситнаго хлѣба, кокурокъ, каши съ масломъ и яичницъ. Въ праздники, ко всему сказанному, присоединяютъ: жареную говядину, баранину, рыбу, медовые и паточные пряники, маковую избойну и моченую грушу, которую ребятишки и женщины вымѣниваютъ у промышленниковъ на тряпье и желѣзный ломъ; постомъ ѣдятъ: постныя кокурки, гороховый кисель. Со введенія въ употребленіе картофеля, женщины стали готовить изъ него разные вкусныя кушанья, потому что здѣсь вообще не столько любятъ ѣсть много, сколько вкусно и лакомо. Съ-тѣмъ-вмѣстѣ рѣдко встрѣтишь у насъ и пьяницу: во время годовыхъ праздниковъ больше пьютъ пиво простое, и много винограднаго вина. Можно думать, что употребленіе въ большомъ количествѣ молочной и прѣсной пищи имѣетъ немалое вліяніе на воздержаніе отъ пьянства. Съ-другой-стороны, избытокъ прѣсной пищи, вѣроятно, служить причиной часто встречающихся здѣсь болѣзней худосочія, какъ-то: золотухи и ранъ цынготнаго свойства; лучшимъ тому противудѣйствию было бы большое употребленіе овощей, до которыхъ жители большіе охотники; но по безпечности они не сберегаютъ ихъ въ зиму.

Домоводство.

По значительному количеству и изрядному качеству пахатной земли, а также и по близкому разстоянію отъ города, гдѣ такъ выгоденъ сбытъ земледѣльческихъ произведеній, жители селца Васильевского и окрестныхъ деревень должны бы были земледѣльцами по-преимуществу; на дѣлѣ выходитъ не такъ. Земля обрабатывается изрядно; но земледѣлецъ, прельщаясь примѣромъ нѣсколькихъ счастливыхъ промышленниковъ, все-таки болѣе желаетъ разбогатѣть на-сторонѣ, чѣмъ честнымъ и усидчивымъ трудомъ возвысить производительность своей земли и изъ ней добыть себѣ и средства пропитанія и деньги для уплаты денежныхъ повинностей. Слѣдствіе этого ложнаго направленія есть упадокъ земледѣлія, а съ-тѣмъ- вмѣстѣ и уменьшеніе народнаго богатства и доброй нравственности. Земледѣльческіе труды лежатъ все обыкновенно на старикахъ, женщинахъ и дѣтяхъ; настоящій-же крестьянинъ предпочитаетъ трудъ посторонній, даже самый тяжкій — на-примѣръ, волжскій промыселъ или бурлачество, какъ потому что получаетъ тутъ деньги вдругъ, такъ и по охотѣ и привычкѣ къ разгулу. Впрочемъ справедливость требуетъ сказать, что молодые люди хорошихъ домовъ и одинокіе отцы семействъ гнушаются бурлацкимъ промысломъ; если-бы не нужда, не привычка, да была-бы возможность передышать хоть одинъ годъ дома и получше распорядиться вокругъ себя хозяйствомъ (причемъ, разумѣется, всего-бы нужнѣе былъ добрый примѣръ), то конечно ни одинъ изъ нихъ не пошелъ-бы на Волгу. Между-тѣмъ, пока продолжается нынѣшній порядокъ вещей, рѣдкій изъ крестьянъ владѣетъ топоромъ даже настолько, чтобы изготовить и построить нужное около двора; предпочитая зарабатывать деньги на-сторонѣ, иногда очень нестрѣнно, онъ оставляетъ всю обузу хозяйства на плечахъ жены, и потомъ платитъ мордвину или вообще наемному плотнику деньги за постройку даже анбара или двора, не говоря ужъ объ избѣ. Ктому-же дробное дѣленіе пахатныхъ земель много препятствуетъ порядочному земледѣлію: каждая десятина, гдѣ земли наръзаны на десятины, дѣлится на десять полосокъ, и такъ-какъ обыкновенно десять тяголъ составляютъ пай, то при надѣленіи землями сперва бросаютъ

жеребьи о десятинахъ между паями, а потомъ о полоскахъ между пайщиками; въ - слѣдствіе - чего тягловому приходится иногда имѣть свою землю въ пятидесяти и болѣе мѣстахъ. Тутъ, кромѣ растраты времени и сѣмянъ, а также весьма частыхъ предлоговъ къ ссорамъ, является и то важное неудобство, что крестьянинъ не можетъ получить привязанности къ своему участку земли; а это конечно не послѣднее въ земледѣліи, и вообще въ земледѣльческомъ быту. По пріѣздѣ моемъ сюда, года два тому назадъ, я нѣсколько уменьшилъ это неудобство, надѣливъ каждаго тягловаго, въ каждомъ полѣ, ближнею, среднею и дальнею десятинами, и имѣлъ уже утѣшеніе видѣть хорошіе плоды такого распорядка, при которомъ можно подумать объ улучшенномъ хозяйствѣ. Впрочемъ, довольно хорошее состояніе скотоводства и исправность земледѣльческихъ орудій показываютъ наклонность къ земледѣлію, которое искони здѣсь процвѣтало и опять будетъ процвѣтать, какъ-скоро крестьянинъ будетъ постоянно владѣть однимъ и тѣмъ же участкомъ земли. Прежде, по избытку въ лугахъ и большому количеству лѣсовъ, хлѣбъ родился лучше, а потому и крестьянинъ имѣлъ меньше надобности добывать на-сторонѣ; въ-слѣдствіе-этого, и поколѣнія были рослѣе, здоровѣе.

Женщины любятъ огородничество; впрочемъ нѣкоторые хозяева предпочитаютъ покупать запасъ капусты на-сторонѣ. Разсуду и всякія сѣмена рѣдко кто разводитъ дома, а обыкновенно покупаютъ. Морковь и рѣпа истребляется еще лѣтомъ; кажется есть повѣрье, что морковь только лѣтомъ и годится въ пищу. Охотно покупаютъ и выхваляютъ особенно-вкусные виды овощей; нѣкоторые разводятъ, или по-крайней-мѣрѣ не истребляютъ посаженные въ огородахъ цвѣты, кусты сирени и т. п. До садоводства есть много охотниковъ; но и тутъ наклонность къ стороннимъ промысламъ и бродяжничеству много мѣшаетъ успѣху.

ПРОМЫСЛЫ.

Существующіе здѣсь виды промысловъ можно привести къ четыремъ главнымъ родамъ; именно: а) волжскій промыселъ, или бурлачество, къ которому, по сходству, присоединимъ извозы, б) наемъ въ работники, в) промыселъ торговцевъ, и г) промыселъ ремесленниковъ и заводчиковъ.

Хорошій крестьянинъ всячески старается избѣгать бурлачества, гдѣ рискуетъ потерять здоровье и подвергается не-пріятности слушать сквернословіе, котораго онъ дома никогда не слышитъ; но приманка задатка, безпечной жизни, сытной говяжей пищи и вина, тянетъ на Волгу. Большая-часть лоцмановъ, выходящихъ изъ здѣшней губерніи, принадлежатъ къ Нижегородскому уѣзду. Лоцманъ, смотря по тому, сколько знаетъ воды, получаетъ въ лѣто—отъ 500 до 1,200 р. (счетъ денегъ здѣсь, какъ и послѣ, ведется на ассигнаціи); завозильные якорей — отъ 300 до 500 р.; водоливъ и вмѣстѣ плотникъ—отъ 200 до 350 р.; бурлакъ получить въ двѣ весеннія путины—отъ 50 до 70 р., но часто гораздо менѣе, или и — вовсе, ничего. Что касается вообще до извозничества, то, кромѣ обыкновенныхъ зимнихъ извозовъ, многіе крестьяне отправляются на Нижегородскую-Ярманку перевозить товары. Въ настоящее время такъ много охотниковъ къ этому промыслу, что рѣдкому доведется получить порядочный барышъ, а если онъ и есть, то поступаетъ больше въ харчевни и тому подобныя заведенія, а между-тѣмъ страдная обуза жнитва лежитъ на женщинѣ; тѣмъ-не-менѣе, многіе крестьяне остаются извозничать въ городъ на круглый годъ.

Такъ-какъ многіе хозяева отправляются съ весны на Волгу и въ другіе промыслы, то необходимость велитъ нанимать работниковъ, или по здѣшнему—«батраковъ». Пятнадцатилѣтнему мальчику платятъ—съ весны до Лѣтней-Казанской—отъ 20 до 30 р.; работнику—на все лѣто—отъ 70 до 80 р.; жнеу—на все жнитво—отъ 22 до 28 р., а за десятину—отъ 5 до 7 р., смотря по году. Весьма многіе крестьяне, особливо зажиточные, отдають поля свои жать, несмотря на достатокъ домашнихъ рукъ. Въ жнеи, а частью и въ работники, преимущественно нанимаются бобыли и бобыльки, которыхъ въ нашихъ мѣстахъ много: занимаемыя ими, а также безсрочными и отставными солдатами, такъ-называемыя «кельи», составляютъ шестую-часть всѣхъ дворовъ въ деревняхъ. Кромѣ сельскихъ работъ, крестьяне очень охотно нанимаются въ дворники и работники къ купцамъ и къ деревенскимъ торговцамъ.

Главный мѣстный торговый промыселъ есть торговля тряпьемъ. Какъ въ Васильевскомъ, такъ и въ селѣ Большихъ-

Ключищахъ, откуда Васильевцы выселены, пятая-часть жителей занимается набираниемъ тряпья, или для себя, или для хозяевъ изъ своихъ-же крестьянъ. За это работнику платятъ въ годъ отъ 300 до 500 р., и товаръ отправляютъ преимущественно на заводы Пермской и Оренбургской губерній, также въ Казанскую губернію къ Чувашамъ и Русскимъ. Продаваемый приэтомъ дурной товаръ, въ-особенности иглы, дѣлаемые на московскихъ фабрикахъ и извѣстныя подъ названіемъ англійскихъ, поддерживаютъ, и въ торговцахъ и въ покупщикахъ, страсть къ взаимному обману другъ-друга. Лучшее тряпье берется въ здѣшнемъ уѣздѣ; выручки бываетъ и рубль на рубль, и болѣе, и ничего. Тряпичники набираютъ также и ломъ желѣза; впрочемъ нѣкоторые крестьяне особо занимаются перевозкою ломаного желѣза изъ города на заводы: въ Павлово, Ворсму, Погостъ; причемъ сами его сортируютъ и потомъ уже продаютъ.

Зажиточные крестьяне, лоцмана и другіе, любятъ торговать хлѣбомъ и рыбой, за которой ѣздятъ зимой въ Астрахань. Впрочемъ, хлѣбною торговлею занимаются и небогатые крестьяне, иногда цѣлыми деревнями; такъ, на-примѣръ, жители села Семети. Хлѣбъ покупаютъ въ селахъ Лысковѣ и Константиновѣ, мелютъ его преимущественно на своихъ мельницахъ, и вывозятъ на базары въ Нижній. Приэтомъ, по слухамъ, не обходится безъ подмѣсей въ муку, ради барыша, который иначе получить трудно, по обыкновенной дешевизнѣ хлѣба.

Многіе крестьяне, особливо въ деревняхъ Чеглавѣ и Мокрой, имѣютъ свои маслобойни, на которыхъ перебиваютъ приносное, но больше свое и покупное сѣмя. Съ нѣкотораго времени повсемѣстно стали входить въ употребленіе винтовые прессы, вмѣсто прежнихъ неуклюжихъ приборовъ. Если, по дешевизнѣ масла, и не всегда есть доходъ отъ этого промысла, то въ-замѣнъ остается всегда въ барышахъ прокормленіе скота. Промысломъ этимъ занимаются самые честные и расторопные крестьяне. Для земледѣлія очень жаль, что огромные запасы льнянаго сѣмени идутъ изъ Лыскова въ Англію въ видѣ зерна, а не въ видѣ масла, которое хорошо могло-бы быть перевозимо въ боченкахъ, сдѣланныхъ изъ своего дуба и своими ловкими руками.

Мясничествомъ занимаются зажиточные крестьяне, а иногда и жители цѣлыхъ деревень; на-примѣръ, деревни Кременокъ. Говядину возятъ въ Нижний и солить. Впрочемъ, этотъ промыселъ не приноситъ существенной пользы народному богатству, въ-особенности по тому, что случается много злоупотребленій при покупкѣ скота у крестьянъ, на ярманкахъ, равно-какъ во время самага боя и обдиранья.

Выше сказано, что жители очень способны къ механикѣ, и это поддерживается большимъ количествомъ у нихъ мельницъ и маслобоенъ. Впрочемъ, самыхъ простыхъ мастеровъ, на-примѣръ обыкновенныхъ плотниковъ — мало: которые есть, тѣ ходятъ на постройку барокъ; другіе приготавливаютъ ящики для винъ. Вообще можно сказать о здѣшнихъ крестьянахъ, что они рукомесла не любятъ. Видно также и тутъ предпочтеніе бродячаго промысла усидчивому труду: нѣкоторые крестьяне деревни Елховки гнутъ ободья, дѣлаютъ колеса и валяютъ валежки, но не дома, а за Волгой, въ заводахъ. Примѣчательнѣйшіе изъ промышленныхъ заведеній суть синильни и красильни, которыя выручаютъ отъ 300 до 700 р. въ лѣто; въ деревнѣ Мокрой есть солодовни и уксусные заводы. Женщины прядутъ безъ самопрялокъ, и ткутъ узкія полотна на станкахъ, дѣлаемыхъ въ окрестностяхъ.

ПРИМѢРНЫЙ РАСЧЕТЪ ЖИЗНЕННЫХЪ СРЕДСТВЪ И РАСХОДОВЪ СЕЛЬСКАГО СЕМЕЙСТВА.

Крестьянинъ селца Васильевскаго имѣетъ на тягло въ каждомъ полѣ по 3 казенныхъ десятины земли, изъ которыхъ, на всѣ 50 тяголъ, отдѣлено въ каждомъ полѣ по 3 десятины мірской запашки; съ этой земли онъ получить хлѣба и выручить отъ домашняго скота и птицы:

			руб.	коп.
ржи	12 четв., по 10 р.	на	120	.
яровой пшеницы . . .	3 четв., по 13 р.	—	39	.
овса	9 четв., по 6 р.	—	54	.
льну	2 четв., по 1 р. 75 к.	—	3	50
гороху	3 четв., по 1 р. 60 к.	—	4	80
гречневыхъ крупъ . . .	3 четв., по 1 р. 60 к.	—	4	80
съ усадѣ итмена . . .	1¼ четв., по 7 р.	—	8	75

	руб.	коп.
картофелю	5 четв., по 3 р. 50 к.	на 17 50
прочихъ овощей	—	5 .
сѣна	160 пуд. по 30 к.	— 48 .
двѣ овцы	каждая по 6 р.	— 12 .
теленкъ	—	5 .
отъ куръ	—	15 .
		итого 337 р. 35 к.

Сверхъ-того, заработаетъ промыслами:

	руб.	коп.
ранней путіею на Волгу	на 45 .	
перевозкой желѣза и другими лѣтними промыслами	— 15 .	
перевозкой товаровъ на Нижегородской - Ярманкѣ	— 38 .	
въ зимнее время, извозомъ, шитьемъ тулуповъ, или работой въ кузницахъ	— 50 .	
		итого 148 р. . к.

Между-тѣмъ, жена его вытчетъ:

	руб.	коп.
холста	120 арш. по 17 к.	на 20 40
сукна и овучь	—	12 .
		итого 32 р. 40 к.
		а всего 517 р. 75 к.

Здѣсь взять въ разсмотрѣніе одинокой крестьянинѣ, который если и не всегда можетъ получить отъ промысловъ 150 р., то все-же общая сумма его валоваго дохода можетъ быть оценена въ 500 р.

Для удобнѣйшаго учета содержанія крестьянской семьи со вѣмъ домашнимъ обиходомъ, всего лучше привести все нужное для того въ стоимость ржи по денежной ея цѣнѣ. Крестьянину, съ женой, старикомъ и тремя малолѣтними дѣтьми, нужно въ мѣсяцъ на харчи $10\frac{1}{2}$ пудовъ ржи, полагая на каждого взрослого по 2 п., а на малолѣтняго по $1\frac{1}{2}$ п.; молоко и масло при этомъ не считаются, но они не положены и въ общій счетъ прихода: вѣрность же хлѣбнаго расчета основана на личномъ опытѣ содержанія, въ продолженіе двухъ лѣтъ, пятнадцати чело-вѣкъ дворовыхъ людей, изъ которыхъ взрослые употребля-лись на всѣ работы. Скотъ въ здѣшнихъ мѣстахъ содержится болѣею-частью на мѣшанинѣ, такъ-что небольшая часть сѣна

п. 26007

еще продается; въ-слѣдствіе-того, у исправнаго тягольнаго крестьянина (каковы большая-часть здѣшнихъ), на домашній обзаводъ скотомъ, состоящій изъ одной лошади, одного жеребенка, одной коровы, одного теленка, четырехъ овецъ и пяти куръ, выйдетъ, въ продолженіе года, третья-часть того количества муки, которое идетъ на само семейство. Итакъ годовой обиходъ полнаго крестьянскаго хозяйства будетъ:

	руб.	коп.
на собственное содержаніе крестьянской семьи 126		
пудъ муки, по 1 р. 25 к.	157	50
на мѣсиво скоту 42 пуда.	52	50
сѣна стравить скотомъ 120 пудъ	36	
на холстъ и шерсть для одежды, съ прибавкою 10 р. за		
сивьку нитокъ, за сапоги, и портному	42	40
картофель и овощи	22	50
соли пудъ на 2 р. и дегтю на 2 р. 50 к.	4	50
станъ колесъ стоить 8 р., становится на 2 года, слѣ-		
довательно въ годъ	4	
ремонтъ сбруи и земледѣльческихъ орудій	3	50
подушныхъ съ души около 5 р. 50 к., съ тягла-же за		
дѣвъ съ половиною души	12	25
пастушескихъ дѣвскихъ и ночныхъ съ тягла	2	
оспопрививательно съ души 12½ к., и столько-же сотско-		
му съ тягла		62
стапныхъ, отправляемыхъ деньгами, съ души 1 р. 60 к.,		
а съ тягла	4	
рекрутскихъ, полагая кругомъ по 50 к. съ тягла	14	50
итого	356	р. 27 к.
священно-церковно-служителямъ, хлѣбомъ и деньгами		2—50—
барскаго оброка		70 —
всего	428	р. 77 к.

Выходитъ, что у крестьянина должно оставаться до 90 р. асс., которые поступаютъ на ремонтъ лошади, дома, на базары.

Впрочемъ, рѣдко одинокой крестьянинъ выручить 150 р. промыслами; можно, поэтому, выбросить 30 р. выручки на ярманкѣ и 10 или 15 р. съ волжскихъ и зимнихъ промысловъ. Да и вышепоказанный урожай хлѣба я не могу выдавать за средній-нормальный, потому-что нахожусь здѣсь не болѣе двухъ съ половиною лѣтъ. Зато надобно сказать, что торговцы-рукомеслен-

ники и заводчики выручают, пожалуй, и больше. Вообще рѣдкій крестьянинъ здѣсь не имѣетъ денежки про черный день; а еще больше рѣдкій не имѣетъ кредиту.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Въ селѣ Васильевскомъ, кромѣ общественной запашки, заведена запашка на господина по $\frac{1}{3}$ дес. въ полѣ на тягло: заботы по этой запашкѣ производятся все мѣромъ, по собственному распоряженію мѣра и старосты; отъ господина назначается только время и количество работъ. За работу запашки, по $\frac{1}{3}$ дес. на тягло въ полѣ, общество получаетъ отъ господина издѣльной платы по 10 р. на тягло и зерномъ за молотбу; за остальную-же землю, по 3 дес. на тягло въ полѣ, каждое тягло платитъ 70 р. оброка. Другія натуральныя повинности, подводную и особенно рекрутскую, крестьяне всячески стараются замѣнять платежемъ денегъ. Изстари рекрутъ цѣнится въ 1,500 р.: сумма эта со всей справедливостью раскладывается по семьямъ и числу взрослыхъ душъ, такъ-что на каждую такую душу налагается по 500 р., и никто, даже и одинокіе, не избавлены отъ этой домашней раскладки; приэтомъ три тягла составляютъ полнаго рекрута, и если нельзя замѣнить человека деньгами, то счетъ или рекрутскій долгъ не забывается даже до третьяго поколѣнія. Въ замѣнь своихъ рекрутъ, крестьяне получаютъ иногда рекрутъ отъ помѣщиковъ, изъ дворовыхъ людей, приписанныхъ къ имѣнію, и тогда остаются по-прежнему крестьянами, внося помѣщику сказанную сумму; а иногда и сами прикупаютъ для этой цѣли въ имѣніе цѣлыя семьи дворовыхъ или крестьянъ, и, по отдачѣ годныхъ въ рекруты, хозяева, или тѣ, за которыхъ рекрутъ пошелъ, содержатъ семейство его на свой счетъ, выстраиваютъ ему келью и все прочее, и постоянно награждаютъ самаго рекрута, который дѣлается какъ-бы членомъ семейства во все время своей службы, и даже по выходѣ въ отставку. Обычай этотъ чрезвычайно полезенъ здѣсь потому, что иначе оставалось-бы много необработанной земли, такъ-какъ здѣшнее населеніе, естественнымъ путемъ рожденій, въ слѣдствіе частаго отсутствія мужчинъ по промысламъ, очень туго разрастается.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОРЯДОКЪ.

Въ общественномъ быту здѣшнихъ крестьянъ свято сохраняется порядокъ старинный, христіанскій. Всякая власть уважается, какъ данная отъ Бога: Государя Императора называютъ Великимъ Государемъ, вспоминая имя Его съ глубокимъ благоговѣніемъ. Собственного своего Господина старики именуютъ тоже Государемъ: слово его уважается свято и передается изъ-рода-въ-родъ, въ новѣйшее же время любить имѣть отъ него и слово письменное; чтутъ также особу и слово Священника, котораго въ разговорахъ нерѣдко именуютъ Настоятелемъ. Засимъ, главное основаніе общественнаго устройства есть уваженіе къ старикамъ и ихъ общему приговору. Если въ вотчинѣ нѣтъ уполномоченнаго Бурмистра, то выбирается на три или на одинъ годъ деревенской Староста; также назначаютъ Выборнаго, то-есть счетчика, сборщика и казначея; потомъ, на каждыя 50—80 тяголъ, ежегодно опредѣляется Десятникъ, то-есть нарядчикъ для исполненія требованій Земской Полиціи и распоряженій Старосты, для домашняго надзора и внутренней сельской расправы; сверхъ-того, съ каждаго пяти тяголъ, поочередно, у Становаго находятся Сотскіе, нанимаемые міромъ съ воли, за 400 и 420 р. въ годъ. Староста, самъ-собой, не рѣшится ни на что важное, касающееся всего Общества, безъ стариковъ; мірскія-же сходки собираются лишь для денежныхъ раскладокъ, и на нихъ рѣдко крестьянинъ моложе сорока лѣтъ возвышаетъ голосъ: взаимная довѣренность къ избираемому начальству и сонму стариковъ такъ велика, что молодежь считаетъ предосудительнымъ что-либо говорить на сходкѣ. Слово держать все; слово-же, то-есть мірское неодобреніе, болѣе всего наказываетъ. Тѣлесныя наказанія употребляются для непослушныхъ и невоздержныхъ. Денежнаго штрафа очень боятся, но еще болѣе общественнаго неодобренія, бросающаго порокъ на весь домъ. Въ назначеніи наказаній, міръ бываетъ очень снисходителенъ: «Богъ проститъ!» говорятъ большею-частью старики. Нынѣ, со времени частаго раздѣленія семей, меньше стали обращать вниманія на непочтительность дѣтей къ родителямъ.

БЫТЬ УМСТВЕННЫЙ И ПРАВСТВЕННЫЙ.

Народъ здѣшній вообще убѣжденъ въ нравственномъ превосходствѣ своемъ передъ жителями всѣхъ другихъ частей Россіи; и это убѣжденіе отчасти основано на дѣйствительномъ превосходствѣ здѣшнихъ жителей передъ другими въ образованности, способностяхъ ума, болѣе развитой гражданственности и общественномъ бытѣ.

Превосходство умственныхъ способностей достаточно обнаруживается въ искательности, необыкновенномъ соображеніи и смѣливости въ торговыхъ оборотахъ, расчетливости и бережливости въ домашнемъ быту, и наконецъ въ довѣріи къ необходимости общественнаго распорядка и всякой власти: въ этомъ послѣднемъ качествѣ выражается особенно чувство осѣдлаго, зажиточнаго гражданина, который понимаетъ всю важность и пользу распределенія должностей или круга дѣйствій каждаго, и разумно сознаетъ, что въ цѣломъ одинъ-другимъ поддерживается; а потому власть ближайшую и болѣе всего оберегающую его гражданскій бытъ, то-есть господина своего, здѣшній крестьянинъ чтитъ глубоко. Что касается до превосходства образованности, то оно выказывается въ вѣжливомъ обращеніи между-собою и съ посторонними, особливо на чужой сторонѣ; также въ болѣе сознательной вѣрѣ, и въ-особенности въ строгомъ соблюденіи христіанскихъ обычаевъ, какъ-то явной и тайной подачѣ милостыни и вспоможеніи ближнему, хотя-бы и изъ посторонней деревни. Это послѣднее охотно дѣлается какъ отдѣльными лицами, такъ и цѣлымъ мірскимъ обществомъ; въ-слѣдствіе-чего, въ нашъ уголь идутъ и ѣдутъ за милостынею за сто и болѣе верстъ, и крестьянинъ всегда подастъ что-нибудь «Христа-ради». Сознательность же вѣры выражается всегдашнимъ чувствованіемъ Промысла Божія, какъ надъ цѣлымъ обществомъ, такъ и надъ каждымъ лицомъ, во всѣхъ мелочахъ жизни: это видно, между-прочимъ, и изъ того, что, при всякомъ недоумѣніи, крестьянинъ съ молитвой полагается на жеребей; тоже свидѣтельствуется выше замѣченнымъ частымъ употребленіемъ словъ: *прости Христа-ради!* и *Богъ проститъ!* *Богъ спасетъ!*; произнесеніемъ имени Гос-

пода Иисуса Христа при всякомъ дѣлѣ, особенно въ случаѣ грозящей бѣды; особливимъ значеніемъ словъ: «*доброе дѣло!*»; и т. п. Сюда также должно отнести и дѣтское уваженіе къ старшему въ семействѣ, къ Старостѣ, къ Священнику, къ Господину: безъ благословенія котораго - нибудь изъ этихъ лицъ, ни одинъ крестьянинъ не отправится въ путь, не примется ни за что важное; «*батюшка, благослови!*» говоритъ онъ, и благословляющій отвѣчаетъ: «*дай, Господи, доброй, святой часъ!*» Дѣятельность и живость ума не допускаютъ при этомъ крайностей: крайности ежели есть, то больше происходятъ отъ глубокаго уваженія къ старинѣ и стариннымъ повѣрьямъ, которыхъ не находятъ полезнымъ замѣнять новизнами, и — правду сказать — не безъ причины.

Все это въ совокупности внушаетъ здѣшнымъ жителямъ уваженіе къ себѣ, не чуждое нѣкоторой гордости и даже нетерпимости: такъ, при водвореніи крестьянъ изъ другихъ мѣстъ, здѣшніе крестьяне до - тѣхъ - поръ не примутъ новопреселеннаго въ свое братство, пока не поддержать его кредитомъ; не дадутъ, безъ особаго понужденія, невесты въ домъ, пока домъ этотъ не приметъ всѣхъ здѣшнихъ обычаевъ. Посему, первымъ отличительнымъ нравственнымъ качествомъ здѣшняго народа должно счесть уваженіе его къ своей общественности, проникнутой христіанскими понятіями. Этою-то, пережившею вѣка, народною чертою, можно объяснить себѣ патріотизмъ Нижегородцевъ въ знаменитомъ 1612 году; эта черта есть основаніе нравственной связи, любви и сыновняго страха, сохранившихся донынѣ въ чувствахъ здѣшняго оброчнаго крестьянина къ его господину-помѣщику и приходскому - священнику; эта-же самая черта хранить, наконецъ, цѣлость народнаго быта и въ селѣцѣ Васильевскомъ.

Другія отличительныя качества народа суть: твердость въ словѣ, смѣтливость и предприимчивость, знаніе цѣны времени и деньгамъ. Съ темной стороны, замѣтна недостаточная твердость семейныхъ узъ между мужемъ и женою; что должно приписать отчасти сосѣдству Магометанъ, а всего болѣе многолѣтнимъ отлучкамъ мужей изъ домовъ по промысламъ. Есть также въ нравахъ нѣкоторая суровость; отчего сами здѣшніе жители называютъ себя «*злымъ, лютымъ народомъ*».

ОБЫЧАИ.

Молодые, по совершении брака, приводятся изъ церкви домой въ вѣнцахъ; свадебный пиръ, на-другой-день, называется «княжимъ столомъ». Дѣти рождаются въ баняхъ, гдѣ родильницы остаются нѣсколько дней: туда имъ, по случаю родовъ, приносятся всякой-всячины. Мальчишки, съ двѣнадцати до четырнадцати лѣтъ, начинаютъ уже пахать; дѣвушки и молодыя женщины въ зимніе вечера собираются другъ-къ-другу на «посидѣлки», а иногда гостятъ у родныхъ по нѣсколькимъ недѣлямъ. Во время посидѣлокъ, посторонніе мушны рѣдко приходятъ; дѣвушки поютъ пѣсни, а больше говорятъ. Привычка ѣздить другъ-къ-другу въ гости, даже за нѣсколько десятковъ верстъ, очень распространена, особливо между женщинами. Послѣ похоронъ, никакихъ поминокъ не бываетъ; вмѣсто-того, подають въ кельи тайную милостыню.

Во время пожаровъ, выносятъ изъ домовъ святыя иконы; во время моровыхъ язвъ и т. п., служатъ молебны съ водоосвященіемъ, принося въ деревню иконы особенно чтимыя. По окончаніи посява, передъ возкой удобренія, всегда бываетъ мірское молебствіе съ поднятіемъ иконъ; приэтомъ служатъ три молебна: первый — въ полѣ, причемъ обходятъ поля; второй — на ключѣ, съ водоосвященіемъ; третій — въ деревнѣ, и тутъ обносятъ иконы около деревни: послѣ обѣда, изготовленнаго міромъ у кого-либо изъ крестьянъ для священника и клира, крестьяне собираются къ околицѣ скотъ, служатъ молебенъ св. Флору и Лавру съ водоосвященіемъ, и прогоняютъ скотъ мимо священника, который кропитъ его святой водой.

Замѣчательно, что все здѣшніе мушны, безъ-исключенія, бръютъ у себя макушку головы. Обычай этотъ долженъ быть тѣсно связанъ съ религіозными воспоминаніями, потому-что бритые макушки обыкновенно возобновляется передъ большими праздниками, или какими-либо важными случаями, на-примѣръ: передъ тѣмъ какъ идти на судъ къ господину, и т. п. Старики выбриваютъ голову почти также, какъ католическіе капуцины; есть какія-то неясныя преданія, что макушка брѣтся такъ въ воспоминаніе терноваго вѣнца Спасителя. Въ дѣлѣ свойственной Нижегородцамъ исключительности, о которой упомянуто было

выше, бритая макушка играет большую роль: кто считает себя наиболее вправѣ гордиться собою, тотъ больше выбриваетъ себѣ макушку.

ИГРЫ И ЗАБАВЫ.

По воскресеньямъ и во время праздниковъ, молодежь собирается въ хороводы и поетъ пѣсни, что старики не очень любятъ. Хороводы продолжаются цѣлые дни; кромѣ пѣсень, взрослые почти не имѣютъ другихъ забавъ. Народный музыкальный инструментъ есть такъ-называемая «желѣйка», съ пятью дырочками; съ одного конца ея — камышенка, съ другаго — свернутая береста; звуки выходятъ какъ-бы двойные: искусные молодцы наигрываютъ на такихъ инструментахъ цѣлыя пѣсни. Въ последнее время появились-было ручные органчики; но старики разломали ихъ объ голову молодежи-охотниковъ. Старыхъ пѣсень, любимыхъ и стариками, нынѣ совсемъ почти не поютъ, замѣняя ихъ вновь сочиненными.

НАРОДНЫЯ ПОВѢРЬЯ.

Народныя преданія, кажется, всѣ исключительно сосредоточены въ повторенія церковныхъ преданій, иногда съ нѣкоторыми искаженіями и присказками.

СЕЛО УЛЬЯНОВКА.

НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНІИ

ЛУКОЯНОВСКАГО УѢЗДА.

(Свѣщенника М. Доброзракова.)

ПОЛОЖЕНІЕ СЕЛЕНІЯ.

Тамъ, гдѣ Лукояновскій уѣздъ Нижегородской губерніи примыкаетъ къ границамъ губерній Симбирской и Пензенской, расположено, въ правильномъ квадратѣ, небольшое, разнопомѣстное селеніе Ульяновка. Съ сѣверо-восточной стороны оно отдѣляется отъ Симбирской и Пензенской границъ довольно-большою рѣкою *Инсарою*; южная его сторона орошается небольшимъ истокомъ, который называется *Рпчкой*; а съ сѣверо-запада отрѣзывается, отъ обширныхъ дачъ сосѣдняго села Оброчнаго, небольшою рѣчкой *Ламовкой*, впадающей въ главную рѣку *Инсару*. *

* Чтобы яснѣе представить географическое мѣстоположеніе села Ульяновки (на «Картѣ Шуберта» означеннаго подъ именемъ *Ильинскаго - Ульянина*), присовокупляемъ, что оно находится въ весьма близкомъ разстояніи отъ впаденія рѣки *Инсары* въ рѣку *Алатырь*, которая въ свою очередь впадаетъ въ *Суру*, а эта наконецъ уже въ *Волгу*. Рѣка *Инсара*, которая названа здѣсь «довольно-большою» и дѣй-

ОБЩІЙ ВИДЪ МѢСТНОСТИ.

Село находится на обширной, ровной, прекрасной долине, на берегу озера, называемаго Платнымъ, въ полуверстѣ отъ низменнаго берега рѣки Инсары. Сѣверо-восточная сторона окрестностей его, до рѣки Инсары, называется вообще луговою, а противоположная — степною.

Сторона луговая изобилуетъ тучной, питательной травой, и наполнена неодинаковой величины озерами, коихъ считается до пяти. Изъ нихъ: *Платное* или *Поддвориное*, при которомъ

ствительно такой представляется на картахъ, въ «Словарѣ Шекатова» означена имѣющею теченію до 100 верстѣ, а у г. Штукемберга — отъ 120 до 130 верстѣ (причемъ у послѣдняго названа она, по очевидной ошибкѣ, *Юссара* — *Jussara*, V. 517). Больше ничего объ этой «довольно-большой» рѣкѣ не обращается въ общемъ свѣдѣніи; а между-тѣмъ есть признаки, что она должна быть не безъ нѣкотораго значенія, именно — въ смыслѣ этнографическомъ. Замѣчательно уже и то, что самое названіе ея повторяется въ названіи другой соседней рѣки *Инсарки*, при которой стоитъ нынѣшній уездный Пензенской губерніи городъ *Инсара*, и которая принадлежитъ уже къ водоему не *Суры*, а *Оки*, чрезъ *Мокишу* и *Иссу*, съ которой послѣдней сливается подлѣ самымъ городомъ *Инсарою*; какъ бы ни произошло такое распространеніе одного и того же имени на двѣ разлѣчныя рѣки, произошло оно вѣрно не даромъ! Но гораздо важнѣе другія, болѣе вещественныя указанія. На рѣкѣ *Инсарѣ*, о которой идетъ здѣсь рѣчь, выше села *Ульянина*, находится и теперь Пензенской губерніи уездный городъ *Саранскъ*; а по бокамъ его, почти на одной съ нимъ линіи — два старинные города: къ востоку — *Атемаръ* (нынѣ пригородъ), къ западу — *Шешкѣвъ* (нынѣ слобода). Всѣ эти три пункта въ старину были связаны между-собою валомъ, слѣды котораго, говорятъ, приметны донынѣ, и который, въ свое время, служилъ къ оборонѣ отъ вторженій Кубанскихъ Татаръ; стало-быть, тутъ долженъ былъ лежать одинъ изъ обычныхъ путей, которыми внутренность нынѣшней Европейской-Россіи, заросшая дремучими лѣсами, сообщалась съ своей южной степно-полевой Украйной. Поэтому, нельзя не предполагать здѣсь издревле столкновенія разныхъ народностей, между которыми Русская принадлежитъ къ числу самыхъ позднѣйшихъ. Нынѣшняя топографическая номенклатура края свидѣлствуетъ, что еще не въ давнія времена совместно существовали здѣсь по-крайней-мѣрѣ три совершенно разлѣчныя народности, въ окрестностяхъ рѣки *Инсары* есть селенія, которыя нынѣ называются: *Татарская-Нипля*, *Мордовская-Нипля*, *Русскій-Шебдасть*, и т. п. Съ тѣмъ вмѣстѣ, по тѣмъ же признакамъ, видно, что старѣйшинство межъ этими народностями принадлежало Мордвѣ: цѣлая рѣка, впадающая въ *Инсару* съ правой стороны, почти на половинѣ разстоянія между городомъ *Саранскомъ* и селомъ *Ульяновкой*, называется и теперь *Мордовою*. Прим. Ред.

лежитъ селеніе, эллиптической фигуры, безъ всякихъ излучинъ и изгибовъ, имѣетъ въ поперечномъ діаметрѣ 32 сажени, а въ длинномъ болѣе 100 сажень; затѣмъ другое, называемое *Мещерское*, узкое, длинное, излучистое, въ самомъ широкомъ мѣстѣ имѣетъ 25 сажень, а въ длинномъ около 200 сажень; между тремя остальными, одно продолговатаго вида называется *Пузинскимъ*, прочія два — безъимянныя. Вся эта сторона, особенно по берегамъ озеръ, заросла мелкимъ кустарникомъ, который жители употребляютъ для огородныхъ плетней и дворныхъ сараевъ; къ югу — кустарникъ оканчивается небольшою ольховою рощей.

Юго-западная сторона называется степною потому, что на юго-западъ отъ села, верстъ на пятьдесятъ и болѣе, нигдѣ нѣтъ лѣсовъ, кромѣ небольшихъ рощъ и мелкихъ кустарниковъ, такъ-что жители, за недостаткомъ дровъ, топятъ печи соломой. Сторона эта въ трехъ верстахъ отъ селенія начинается постепенно возвышаться, и на двѣнадцатой верстѣ оканчивается высокою горою, называемою *Орловою*.

Грунтъ земли, на степной сторонѣ, чѣмъ возвышеннѣе, тѣмъ плодороднѣе; нижній глинистый слой его одѣтъ богатымъ слоемъ чернозема въ аршинъ и болѣе толщиною, и даетъ обильныя жатвы ржи (американки и русской), овса, полбы, гречи (сибирки и русской), гороху и т. п. Только поближе къ селенію почва земли измѣняется; начинаются болота, трясины, ручейки и небольшіе овраги; черноземный грунтъ измѣняется въ иловатую почву, впрочемъ не менѣе плодородную, на которой обильно родятся ячмень, просо, ленъ и т. д. На луговой-же сторонѣ, грунтъ земли вездѣ иловатый.

КЛИМАТЪ.

Климатъ можно назвать среднимъ. Лѣтомъ атмосфера бываетъ удушливая и нѣсколько вредная, потому-что сторона низменная, наполнена озерами, болотами и топями; туманы тогда густы и продолжительны; температура въ жары доходитъ до 30° по Р. Въ зимніе мѣсяцы и холодъ восходитъ выше 31°; земля промерзаетъ на $1\frac{1}{2}$ аршина и болѣе, снѣгу-же на поверхности ея бываетъ не менѣе 5, а иногда до 6 и до 7 четвертей.

Съ началомъ сентября тепло ощутительно уменьшается. Утренники бываютъ холодны, и бѣлый иней покрываетъ уже увядающую зелень; погода часто бываетъ пасмурная; солнце мало свѣтитъ, и лучи его, скользя по поверхности земли, уже не нагреваютъ ее; зелень блекнетъ, растенія увядаютъ, пожелтѣвшій древесный листъ, шумя, опадаетъ. Въ концѣ сентября и въ началѣ октября, всѣ растенія сохнутъ, дѣлаются безжизненны; между-тѣмъ, прилетныя птицы, еще въ концѣ августа или въ началѣ сентября, улетаютъ на теплый югъ, въ слѣдъ за удаляющимся солнцемъ.

Октябрь скученъ. Вся природа въ какомъ-то уныніи, въ ожиданіи чего-то печальнаго, грустнаго; только и слышны страшный вой вѣтра, да отвратительное карканье воронъ; только и видишь постоянные мелкіе дожди, грязь, сырость. Снѣгъ выпадаетъ иногда даже въ сентябрѣ, часто въ октябрѣ, но опять сходитъ; морозы иногда доходятъ до 15° по Р., такъ-что нерѣдко края рѣкъ замерзаютъ и земляная работа въ поляхъ прекращается.

Съ каждымъ днемъ ноябрю, холодъ все больше и больше увеличивается; бури воютъ, дожди льются, и очень часто перемѣшанные съ снѣгомъ. Со второй половины ноября, а иногда и раньше, дожди превращаются въ пушистый, бѣлый снѣгъ, и вода, смѣшанная съ грязью, замерзаетъ; тогда начинаются елюги и мятели, устанавливается зимній путь, и по льду рѣки Инсары уже безопасно ѣздить на лошадяхъ: морозы въ это время доходятъ иногда до 20° по Р.

Декабрь, январь и февраль, однообразны, то-есть одинаково холодны, съ тою лишь разницею, что въ декабрѣ и февралѣ болѣе бываетъ пасмурныхъ дней, а слѣдовательно и болѣе падаетъ снѣгу, нежели въ январѣ. Январскіе дни вообще ясны: поверхность снѣга ослѣпительно бѣла; воздухъ сжатъ, пронизателенъ, и наполненъ иглообразными, кристаллизованными снѣжинками; солнце въ кругу, и тускло блеститъ сквозь сверкающія пылинки инея. Холодъ бываетъ жестокий; особенно, когда подуетъ тонкій сѣверный вѣтерокъ и морозъ дойдетъ до -32° , а иной-разъ и болѣе, то невольно вспомнишь про жаркое лѣто. Впрочемъ, сильные морозы непродолжительны, и состояніе температуры въ эти три мѣ-

сяца очень непостоянно: часто случается, что, въ продолженіе нѣсколькихъ дней сряду, термометръ отъ 20° холода поднимается до точки замерзанія; съ переменною сѣвернаго вѣтра на южный перемѣняется и температура, и ртуть, смотря по вѣтру, то быстро падаетъ, то возвышается.

Начало марта все еще холодно. Утренники морозны; но когда солнце станетъ прямо надъ землею, то холодъ ощутительно смягчается, и снѣгъ дѣлается плотнѣе: случается, что въ полдень термометръ показываетъ 5° или 6° тепла, а ночью до 15° холода. Въ серединѣ марта, любимый гость весны, жаворонокъ, уже весело вьется надъ проталинками горъ, и пѣсней своей возвѣщаетъ скорое появленіе красной весны. И точно: къ концу мѣсяца, снѣга быстро исчезаютъ; вода съ шумомъ льется съ горной высоты и рѣки расторгаютъ свои ледяныя оковы; дикіе гуси и утки вереницами тянутся съ юга на сѣверъ. Но иногда весь мартъ бываетъ довольно холодень, и тогда разливъ рѣкъ бываетъ въ апрѣлѣ.

Съ каждымъ днемъ апрѣля тепло увеличивается: воздухъ бываетъ благорастворенный; дожди мелки, но часты. Въ этомъ мѣсяцѣ прилетаютъ многіе роды птицъ изъ южныхъ странъ; зелень повсюду является, и земледѣлецъ весело бороздитъ свой участокъ земли. Впрочемъ, въ 1848 году, посѣвъ ярового хлѣба, особенно бѣлотурки, по причинѣ безснѣжной зимы и скорой оттепели, начался еще со второй половины марта, а въ первыхъ числахъ апрѣля посѣянный яровый хлѣбъ уже пышно зеленеетъ. Въ половинѣ апрѣля, скотъ выгоняется на пастбище, и овца можетъ уже набѣдаться; но крупный скотъ въ состояніи прокармливаться не прежде исхода мѣсяца.

Но вотъ наступаетъ май, царь весны, краса природы! Какъ тогда все оживаетъ; какая повсюду жизнь, во всемъ какая дѣятельность! Воздухъ тепелъ, благорастворенъ; солнце ярко свѣтитъ; земля покрывается пышною зеленью и убирается разнообразными цвѣтами, какъ невѣста въ день брака; журчатъ источники; птицы весело порхаютъ, и соловей восхищается всѣхъ своими неподражаемыми пѣснями; благовонный ароматъ разливается повсюду. Въ это время, намъ, скромнымъ жителямъ села Ульяновки, не кому и не въ чемъ завидовать; остается только безмолвно благоговѣть предъ щедрою десни-

цею Всевышняго, такъ пышно расточившею дары свои на нашъ мирный уголокъ! Тепло доходить до 20°, и болѣе.

Іюнь, іюль и августъ составляютъ лѣто. Жары въ это время доходятъ иногда до 30° по Р.; ночи душны, дни томительны, и притомъ воздухъ наполняется вредными испареніями озеръ и болотъ: оттого жители часто подвергаются различнымъ болѣзнямъ, какъ-то горячкамъ и лихорадкамъ, и многіе младенцы умираютъ отъ поноса. Обыкновенно жары эти смягчаются обильными дождями, особенно въ исходѣ іюня и въ продолженіе всего іюля, во время уборки сѣна и хлѣба; но 1847 и 1848 годы были замѣчательны по необыкновенной засухѣ: въ эти два года, жары, въ продолженіе лѣта, доходили до 34° по Р.; въ полдень, въ тѣни, состояніе воздуха было удушливое, вѣтры жестокіе, солнце багровое, видима была какая-то мгла и чувствовался сильный запахъ гарью. Вообще-же, въ лѣтніе мѣсяцы, по утрамъ, бываютъ густые туманы, иногда очень вредные для цвѣта хлѣбныхъ растеній, огородныхъ овощей и плодовыхъ деревьевъ; иногда они оставляютъ по себѣ ржавчину на соломѣ и травѣ, вредную для скота. Со всѣмъ тѣмъ, въ іюнь и іюль, разные огородные овощи, садовые плоды, полевые ягоды и хлѣбъ, какъ яровой, такъ и озимой, колосятся, цвѣтутъ и созреваютъ; въ августѣ же все убирается, поля покрываются скирдами, копнами и кладами, и къ концу мѣсяца весь хлѣбъ съ полей свозится. Такъ оканчивается лѣто.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ.

Страна здѣсь вообще благословенная, щедро надѣленная Богомъ. Земля плодородна безъ всякаго удобренія; хлѣбъ родится самъ 6, самъ 7 и даже самъ 8 (исключая повсемѣстно неурожайныхъ годовъ, каковъ на-примѣръ былъ 1848 годъ); сѣна получается до 25 возовъ съ хозяйственной десятины. Въ отношеніи скотоводства, немаловажную выгоду представляютъ хорошіе водопой, которыми здѣшніе мѣста изобилуютъ. Рѣка Инсара богата прекрасной рыбой; въ ней водятся: сомы, сазаны, жерехи, лещи, подлещики, щуки, окуни, ерши, головли и другіе роды рыбъ. И озера изобильны не менѣе рѣки; въ нихъ водятся: караси, щуки, окуни, ерши, налимы, лини и нѣкоторыя другія. При такомъ обиліи, одинъ только здѣсь

недостатокъ, и недостатокъ важный — въ лѣсѣ. Выше уже замѣчено, что къ юго-западу отъ Ульяновки, верстъ на пятьдесятъ и болѣе, лѣса всѣ истреблены; остаются кое-гдѣ небольшія рощицы, и то въ половину посохшія: въ-слѣдствіе-того, жители села покупаютъ дрова, бревна, тесъ, мочало, лыки и т. п., въ огромныхъ лѣсныхъ дачахъ, принадлежащихъ разнымъ помѣщикамъ Симбирской губерніи; но и тамъ лѣса съ каждымъ годомъ быстро исчезаютъ. Въ настоящее время, за возъ дубовыхъ дровъ платятъ здѣсь — до 25 к. сер., березовыхъ — 60 к., сосновыхъ-же и еловыхъ вовсе нѣтъ; бревно дубовое, 5 верш. въ отрубѣ и 7—8 арш. длиннику, стоитъ — 40 и 50 к., сосновое такойже величины — 70 и 80 к.; сотня девяти-аршиннаго теса — 10, а иногда и 12 р. сер. Впрочемъ, немногіе изъ жителей Ульяновки покупаютъ дрова; большая-часть не только топятъ домашнія печи, но и хлѣбъ сушатъ, въ ригахъ и овинахъ, ржаной соломой, наготовивъ ее для того напередъ жгутами, или короткими веревками; этимъ хорошо нагрѣваются дома, и всякой хлѣбъ высушивается удовлетворительно.

НАРОДОНАСЕЛЕНІЕ.

По осьмой народной переписи, бывшей въ 1834 году марта 30 дня, въ селѣ Ульяновкѣ исчислено жителей:

	м. п.	ж. п.	о. п.
духовныхъ	7	7	14
дворянъ	2	7	9
военныхъ	2	8	10
крестьянъ	225	251	476
итого	236	273	509

Въ 1848 году оказалось, что, въ теченіе четырнадцати лѣтъ, число жителей увеличилось только на одну десятую долю: приращеніе незначительное! Чтобы яснѣе было видно это приращеніе, предлагается здѣсь таблица, изъ которой можно усмотрѣть, на сколько въ которомъ году народонаселеніе увеличивалось чрезъ рожденія:

		обоюго пола.	
		родилось.	умерло.
въ 1834 году	.	15	10
— 1835 —	.	14	24
— 1836 —	.	27	11
— 1837 —	.	16	12
— 1838 —	.	24	17
— 1839 —	.	23	19
— 1840 —	.	13	20
— 1841 —	.	27	30
— 1842 —	.	18	16
— 1843 —	.	23	17
— 1844 —	.	13	14
— 1845 —	.	23	21
— 1846 —	.	23	15
— 1847 —	.	20	14
итого		279	240

Выходитъ, что самое меньшее число рожденныхъ было въ 1840 и 1844 годахъ—по 13 человекъ обоюго пола; самое-же большее въ 1836 и 1841 годахъ—по 27 человекъ. Разность — 14 человекъ—значительна: она, кажется, произошла въ слѣдствіе меньшаго числа браковъ въ продолженіе 1839 и 1843 годовъ.

Въ добавокъ къ показанному увеличенію населенія черезъ рожденія, должно еще присоединить, что въ 1846 году, по распоряженію помѣщиковъ, переведено сюда 47 душъ обоюго - пола, жившихъ прежде Симбирской губерніи въ селѣ Озименкахъ. Такимъ образомъ, въ 1848 году, всѣхъ на-лицо жителей находилось здѣсь 593 души обоюго пола. Изъ нихъ большая-часть принадлежитъ г-жѣ Приклонской, а меньшая — г-жамъ Шипмаревымъ.

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО.

Всей принадлежащей къ селу Ульяновкѣ зѣмли, удобной и неудобной, считается, по генеральному межеванію, 1,303 десятины съ саженьями. Изъ нихъ:

подъ озерами и болотами	40 дес.
— кустарникомъ	10 —
— ольховою рощею	3½ —
— лугами	35 —

поль селеніемъ и огородами	45	дес.
— общественнымъ выгономъ	20	—
церковной земли	33	—
пашенной семейской	1,116½	—

Крестьяне всѣ находятся на барщинѣ, и для хозяйственнаго порядка раздѣлены на тягла (мужъ съ женою), полутягла (одинъ мужчина) и безтяглыхъ (старикъ шестидесяти-лѣтъ). Въ обѣихъ барщинахъ тяголъ находится 89, полутяголъ 4, безтяглыхъ 12. Каждое тягло получаетъ отъ владѣльцевъ по $4\frac{1}{4}$ дес. пашенной земли въ полѣ, или $3\frac{3}{4}$ дес. въ трехъ поляхъ, да сверхъ-того часть луговъ для сѣнокоса, выгонъ для пастбища скота, огороды и конопляники: все это въ сложности составитъ болѣе $4\frac{1}{2}$ дес. Полутягло получаетъ земли вполовину меньше тягла; а безтягольные получаютъ только одну пашенную землю, по $\frac{1}{4}$ дес. въ каждомъ изъ трехъ полей.

Имѣя въ непосредственномъ своемъ пользованіи по $4\frac{1}{2}$ хоз. дес. на тягло, крестьяне обязываются работать на помѣщика половину рабочихъ дней въ году; что не всегда достаточно вознаграждаетъ владѣльцевъ. Если изъ 365 дней года исключить всѣ праздники, воскресные, царскіе и нѣкоторые другіе гулевые дни, то рабочихъ дней на весь годъ останется не болѣе 140; при этомъ, если кто-нибудь изъ тягольных занеможетъ, или умретъ, особенно во время уборки хлѣба, то помѣщикъ вдвойнѣ несетъ убытокъ: лишаясь работника въ самое нужное время, онъ долженъ еще заботиться и объ уборкѣ принадлежавшаго ему хлѣба. Кромѣ-того, помѣщику много предстоитъ и другихъ невыгодъ: въ случаѣ неурожая хлѣба, пожара, скотскаго падежа и т. п., онъ долженъ поддерживать благосостояніе крестьянъ, на которомъ основывается собственное его благосостояніе; не будь у крестьянина хлѣба или лошадей, и откажи ему помѣщикъ въ пособіи, крестьянинъ не въ состояніи будетъ обрабатывать господскую землю.

НАРУЖНЫЯ СВОЙСТВА ЖИТЕЛЕЙ.

Жители села Ульяновки довольно статны: изъ нихъ немного высокихъ, но большая-часть средняго роста; грудь имѣютъ высокую; широкоплечи; лица довольно правильны, чисты, бѣлы; глаза сѣрые; у немногихъ голубые; голова, носъ, руки,

ноги, пропорціональны всему тѣлу; волосы большею-частью свѣтлорусые, у немногихъ темнорусы, черныхъ-же никто не имѣетъ, кромѣ нѣкоторыхъ изъ недавнихъ переселенцевъ Симбирской губерніи села Озименокъ. Эти послѣдніе вообще многимъ отличаются отъ коренныхъ жителей села Ульяновки: они росту средняго, и худощавы; грудь у нихъ впалая, цвѣтъ лица смуглый, волосы черные, лица длинныя со впалыми щеками, глаза каріе. Очертаніе лицъ у женщинъ нѣсколько продолговатое и довольно пріятное; онѣ худощавѣе мужчинъ, но зато стройнѣе, и расположеніе всего тѣла вообще у нихъ болѣе правильно и красиво.

Болѣзни, коимъ наиболѣе подвергаются здѣшніе жители, особенно съ продолженіе весны, лѣта и осени, суть перемежающіяся лихорадки, что должно главнѣйше приписать вреднымъ испареніямъ изъ озеръ и болотъ; впрочемъ немногіе отъ того умираютъ: только болѣзнь продолжается долго, и затѣмъ, по прошествіи лихорадочнаго состоянія, появляются мигрени, ломота въ ногахъ и поясницѣ. Во время жнитва, многіе часто страдаютъ болью живота и поносомъ, что должно отнести къ чрезмѣрному употребленію холодной воды во время разгоряченія посреди тяжкихъ работъ страды: и отъ этого возрастные помираютъ рѣдко; но зато мретъ множество младенцевъ, чему безъ-сомнѣнія способствуетъ и то, что матери, уходя въ поле, оставляютъ ихъ на цѣлый день въ домахъ, подъ плохой присмотръ малолѣтнихъ дѣвочекъ, или дряхлыхъ старухъ, которыя, вмѣсто молока, часто поятъ младенцевъ сырою водою, а мать, пришедши потѣмъ съ поля, кормитъ дитя грудью, въ которой молоко, въ продолженіе дня, совершенно перегорѣло.

Многіе младенцы дѣлаются жертвою натуральной оспы, не предупрежденной прививаніемъ. Этому предлогомъ служить неумѣстная чувствительность матерей, которыя никакъ не соглашаются отдавать дѣтей въ руки оспопрививателя, боясь видѣть страданія младенца. Впрочемъ, тутъ скрывается другая, гораздо сильнѣйшая причина — глупый предрасудокъ здѣшнихъ жителей: причинить кому-либо болѣзнь съ намѣреніемъ — грѣхъ; а какъ боль, происходящая отъ привитія оспы, есть слѣдствіе согласія матери, то она считаетъ это грѣхомъ важнымъ, непростительнымъ! Но не важнѣе-ли грѣхъ

родителей, когда дѣти, по небреженію ихъ, умираютъ натуральною оспою? Въ этомъ, къ сожалѣнію, они не хотятъ сознаться, а возлагаютъ всю вину на какой-то безусловный, слѣпой рокъ: «такъ случилось, такъ рокъ судилъ, такъ угодно было Богу!» обыкновенно говорятъ они; «чему положено быть, тому не миновать; а мы дѣтямъ своимъ худа не желали!».

Кромѣ-того, между младенцами, по-временамъ, появляются и дѣйствуютъ повально: скарлатина, коклюшъ и корь; причемъ, въ слѣдствіе неосторожнаго содержанія и небреженія дѣтей отъ простуды, много умираетъ ихъ въ скарлатинѣ, а послѣ кори появляются упорныя грудныя болѣзни.

Чахоточныхъ вовсе нѣтъ; зато много одержимыхъ золотухою и удушьемъ. Замѣчаются признаки лю бострастной болѣзни; впрочемъ, безъ смертоносныхъ послѣдствій. Въ 1848 году, холера, свирѣпствовавшая въ селѣ Ульяновкѣ съ 17 іюля по 1 сентября, похитила до 40 человекъ обоего пола, болѣе слабыхъ и старыхъ, нежели молодыхъ и здоровыхъ, и притомъ болѣе женщинъ, нежели мужчинъ; слабость тѣлосложенія и робость женскаго пола, по-видимому, усиливали предрасположеніе къ принятію заразы.

Хотя изъясненныя обстоятельства имѣютъ не совсѣмъ благопріятное вліяніе на здоровье здѣшнихъ крестьянъ и располагаютъ ихъ ко многимъ болѣзнямъ, есть однако между ними много съ крѣпкимъ сложеніемъ тѣла и съ большою силою. Свободно переносятъ они на себѣ большія тяжести, и неутомимо дѣйствуютъ ежедневно, въ полѣ и дома. О ловкости и проворствѣ ихъ многого сказать нельзя; впрочемъ, если крестьянинъ захочетъ похвастаться, то можетъ кончить самую трудную работу очень проворно и ловко. Это называется у нихъ молодецствомъ, удальствомъ, которое иногда ведетъ за собой гибельныя послѣдствія: случаются примѣры, что иной, поднимая на себѣ тяжести, несоразмѣрныя съ силами, изнуряетъ себя такъ, что, во весь остатокъ своей жизни, не въ состояніи привести силы свои въ нормальное положеніе.

ЯЗЫКЪ.

Языкъ жителей села Ульяновки болѣе правиленъ и пріятенъ для слуха, нежели въ другихъ сосѣднихъ селеніяхъ: это

должно - быть оттого, что въ селѣ Ульяновкѣ издавна живетъ много помѣщиковъ и при нихъ очень много дворовыхъ людей, которые, научаясь болѣе правильному языку отъ своихъ господъ, въ свою очередь передаютъ его крестьянамъ. При всемъ томъ, все-таки много здѣсь уклоненій отъ общепринятаго образованнымъ классомъ языка; много мѣстныхъ оттѣнковъ, не подходящихъ подъ общія грамматическія правила. Вотъ замѣчательнѣйшія изъ этихъ уклоненій:

а. Особенности произношенія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ гласную букву *а* любятъ превращать въ *е*; на-примѣръ: я видѣлъ Цера и Церицу, *вм.* Царя и Царицу; часы, *вм.* часы; часовня, *вм.* часовня; причещеніе, *вм.* причащеніе; шейтанъ-бы тебя побралъ (извѣстная между крестьянами брань), *вм.* шайтанъ-бы тебя побралъ; шешня, *вм.* шашня; счелливый, *вм.* счастливый. Съ другой стороны, *е* превращаютъ въ *а* и въ *и*; на-примѣръ: чаловѣкъ, чаво тебѣ хочатся, или жалается? *вм.* человѣкъ, чего тебѣ хочется, или желается? цалавать, *вм.* цѣловать; жавать, *вм.* жевать; зимля, *вмѣсто* земля; сидло, *вм.* сѣдло, и т. п. Очень любятъ о превращать въ *а*; на-примѣръ: харашо, *вм.* хорошо; багатый, *вм.* богатый; агародъ, *вм.* огородъ; адинъ, *вм.* одинъ, и т. п. Также въ нѣкоторыхъ случаяхъ гласную *я* превращаютъ въ гласную *е*; на-примѣръ: былъ въ редахъ, *вм.* въ рядахъ; тѣдилъ въ городъ Рязань, *вм.* Рязань; ѣли ребину, *вм.* рябину; ребой, *вм.* рябой, и т. п. Иногда *я* превращаютъ въ *и*; на-примѣръ: грида, *вм.* гряда; онъ на меня глядитъ, *вм.* глядитъ; дьичекъ, *вм.* дѣлчекъ. Иногда согласную *ж* перемѣняютъ въ соответствующую *з*; на-примѣръ: земчугъ, *вм.* жемчугъ; зилѣзо, *вм.* желѣзо. Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ немногихъ случаяхъ, двѣ согласныя буквы перемѣшиваютъ между собою, ставя одну на мѣсто другой; на-примѣръ: у него дурной рнавъ, *вм.* нравъ; онъ мнѣ нернавится, *вм.* не нравится; онъ дѣлаетъ всѣмъ рнаученія, *вм.* правоученія. Переселенцы изъ Симбирской губерніи прилагаютъ совершенно лишнюю гласную букву *а* предъ *г* въ началѣ слова: агарохъ, *вм.* горохъ. Также измѣняютъ окончанія нѣкоторыхъ существительныхъ именъ; на-примѣръ: церквя, *вм.* церковь; плантъ, *вм.* планъ; Ангиль, Архангиль, *вм.* Ангелъ, Архангелъ; Херувой, *вм.* Херувимъ; Сававой, *вм.* Саваоѣ, и т. п.

б. Особенности въ словообразованіи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, окончаніе родительнаго падежа множественнаго числа измѣняются такъ, что говорятъ: *вм. огней — огневъ; вм. глазъ — глазовъ; вм. волосъ — волосовъ; вм. галокъ — галковъ; вм. палокъ — палковъ*, и т. п. Наконецъ

в. Особенныя мѣстныя слова: *Алырить*, тоже *шанберить* — быть безъ дѣла. *Баю* — говорю. *Бажаю* — желаю, хочу. *Гс-же* — хорошо, пріятно, вкусно. *Ижно* — такъ-что. *Кандейка* — маленькая чашечка. *Кесь* — кажется. *Кобелъ* — пенекъ. *Коврига* — коровой хлѣба. *Крома*, *цоцуля* — большой кусокъ хлѣба. *Лихоманка*, *трясучка* — лихорадка. *Нампднись* — недавно, на этихъ дняхъ. *Нешто* — да. *Подлежъ* — мягкій снѣгъ. *Покалякать* — поговорить. *Поружена* — поношена. *Сакма* — слѣдъ. *Сховать* — спрятать. *Толды* — тогда, *когды* — когда. *Харчь* — говядина (въ обширномъ-же смыслѣ — и всякая пища, не только для человека, но и для лошадей). *Шаберъ* — соседъ.

ВНУТРЕННЕЕ И ВНЕШНЕЕ УСТРОЙСТВО ДОМОВЪ.

Жилища крестьянъ, по недостатку лѣса, вообще неуклюжи и неудобны: ветхи, сыры, дымны, темны, тѣсны. Впрочемъ, нѣкоторые изъ зажиточныхъ крестьянъ начинаютъ заботиться объ улучшеніи какъ собственно домовъ или избъ своихъ, такъ и прочихъ надворныхъ принадлежностей; въ селѣ найдется дома два покрытыхъ тесомъ, и домовъ пять оштукатуренныхъ глиною. Вообще-же, вотъ внешнее и внутреннее устройство здѣшнихъ жилищъ, одинаковое у всѣхъ крестьянъ, отъ перваго богача до послѣдняго бѣдняка:

Деревянная изба, не болѣе какъ въ 3 сажени по лицу и въ 4½ сажени вышины, покрыта соломой въ аршинъ, а иногда и болѣе толщиною. Три красныхъ окна въ избѣ считается пышностью и роскошью; бережливый хозяинъ никакъ не позволитъ у себя прорубить ихъ столько: онъ прорубаетъ только одно въ срединѣ фаса избы, а по сторонамъ два маленькихъ, называемыхъ волковыми; болѣе-же экономный дѣлаетъ два волковыхъ, и только. Съ лѣвой стороны дома обыкновенно ставятся тяжелыя, скрипучія ворота, подъ большимъ соломеннымъ навѣсомъ; подлѣ ихъ, или конюшня,

или погребъ, или же плетневый сарай, куда на зиму ставят лѣтнюю упряжь, а на лѣто — зимнюю. Взойдя на дворъ, на правой сторонѣ увидишь стѣни, кое-какъ прилѣпленные къ задней стѣнѣ избы, за которыми обыкновенно строится другая изба въ два этажа, внизу которой иногда дѣлается погребъ, но чаще анбаръ, а вверху такъ-называемая клѣть. Последняя бываетъ всегда холодная и темная, съ однимъ волковымъ окномъ; тутъ обыкновенно хранится все имущество хозяевъ, какъ-то: праздничное мужское и женское платье и сундуки (иначе — коробки) съ холстами, бѣльемъ и прочей домашней рухлядью; здѣсь также хранятся и деньги, если есть. Входъ въ клѣть бываетъ всегда изъ стѣней вверхъ по плохой лѣсницѣ, а въ погребъ, или въ анбаръ — со двора. Засимъ плетневый сарай, которымъ замыкается все надворное строеніе.

Войдя въ избу, въ заднемъ углу, съ правой или лѣвой стороны двери — смотря по тому, съ какой стороны дома стоятъ ворота: если съ правой, то въ лѣвомъ углу дома, и на-оборотъ — находится огромная печь, занимающая четвертую часть избы, глиняная, и безъ трубы. Съ другой стороны двери прилѣпляется коникъ, или широкая лавка, отличающаяся отъ обыкновенныхъ лавокъ тѣмъ, что подъ ней всегда дѣлаются дверцы, куда кладутъ лапти, колодки, кочедыки, донцы, гребни и проч., а обыкновенныя лавки такихъ дверецъ не имѣютъ. Отъ коника, вокругъ всѣхъ стѣнъ, идетъ также широкая лавка, которая у печи оканчивается высокой скамейкой, называемой залавкомъ; эта последняя своимъ устройствомъ походить на коникъ, и также имѣетъ дверцы, куда кладется вся домашняя посуда, какъ-то: блюда, чашки, ложки и проч.; но она гораздо выше коника и обыкновенныхъ лавокъ. Въ нѣкоторыхъ избахъ, отъ двернаго косяка во всю длину печи, прилѣпляется деревянная лежанка, по просторѣчю называемая казенкою, которая дѣлается такъ: отъ двери, вдоль всей печи, идетъ дощатая стѣнка, сверху ея настиляется потолокъ, а внизу устраиваются двери, куда въ зимнее время на ночь загоняютъ телятъ и ягнятъ, а лѣтомъ куры высиживаютъ тамъ цыплятъ; самая-же казенка дѣлается съ той цѣлью, чтобъ можно было на ней спать, когда печь еще горяча. Кромѣ-того, у нѣкоторыхъ зажиточныхъ крестьянъ, отъ наружнаго угла печи до перед-

ней стѣны избы, дѣлается деревянная перегородка, доски которой украшаются разными рѣзными фигурами: эта загородка называется чуланомъ, и есть женская половина дома. Весь передній уголъ занимаетъ божница, предъ которой ставится большой, неуклюжій столъ. Отъ середины избы къ задней стѣнѣ, подъ самымъ потолкомъ, устраиваются палаты, или подмости, гдѣ, во время зимы, все семейство укрывается отъ холода.

ОДЕЖДА.

Обыкновенное мужское платье зимою: овчинный полушубокъ, и чернаго домашняго сукна чапанъ, или кафтанъ, сшитый по покрою халата; на головѣ — четвероугольная, высокая шапка, съ овчиннымъ или какимъ другимъ околышемъ, и плюсовымъ или суконнымъ верхомъ; на рукахъ — кожаныя рукавицы; на ногахъ — лапти, съ шерстяными, бѣлыми онучами, а по праздникамъ — длинныя, широкіе сапоги. Лѣтомъ почти тоже, что и зимой: полушубокъ безсмѣнно носится во все времена года, зимою — въ морозы, и лѣтомъ — въ жары; впрочемъ, по праздникамъ, носятъ короткія, суконныя полукафтаны, или нанковые халаты, а вмѣсто шапки — поярковыя шляпы, кои часто украшаются лентами, различными оловянными и мѣдными пряжками и павлиными перьями, что считается верхомъ щегольства. Нижнее платье мужчинъ состоитъ изъ бѣлой, или пестрядиной рубахи, и такихъ же порть; по праздникамъ, на будничную рубаху надѣваютъ другую праздничную, непременно красную, и красные же порты.

Женское обыкновенное платье зимою такое же точно, какъ у мужчинъ, кромѣ головнаго убора; праздничное же отличается, и бываетъ довольно опрятно: задубленая, а иногда покрытая нанкою (преимущественно желтою и зеленою) — шуба, вокруг опушенная хорькомъ и обложенная на вершокъ плюсомъ или лентою; на ногахъ — коты, часто вышитые канителью и фигурно украшенные сукномъ. Головной праздничный уборъ, который женщины носятъ круглый годъ, какъ зимой, такъ и лѣтомъ, тоже недуренъ: небольшой волосничекъ, нѣсколько наклоненный впередъ, вынизанный бисеромъ, или вышитый разноцвѣтною шерстью, или же парчевый, сверху покрытый длинною бѣлою кисеею, или фатою, въ родъ вуаля. Дѣвицы п

вязываютъ голову платкомъ, безъ волосничковъ, и изъ-подъ платка выпускаютъ наружу длинную косу, въ которую вилетаютъ мѣдную пряжку съ большимъ пучкомъ различныхъ ситцевыхъ лоскутковъ и привѣшиваютъ небольшой четвероугольный косникъ, который виситъ гораздо ниже пояса. Въ праздничные весенніе и лѣтніе дни, молодыя женщины и дѣвицы наряжаются въ красные сарафаны, называемые кумачниками, а если нѣтъ такихъ, то въ синіе китайчатые; подоль, промцы и передъ сарафановъ бываютъ обшиты, въ два ряда, у богатыхъ — позументомъ, у бѣдныхъ — лентами или ситцемъ; съ тѣмъ вмѣстѣ, опоясываются длиннымъ, широкимъ поясомъ. Рукава у рубахъ бываютъ изъ красного ситца, со вшитымъ на плечахъ лоскуткомъ другого ситца; на шею вѣшаютъ бусы, янтари, и съ недавняго времени начали употреблять толстый, черного шолка шнуръ, которымъ дѣлаютъ около шеи оборотовъ пять или шесть, такъ-что послѣдніе обороты низко спускаются на грудь.

пища.

Обыкновенная пища поселянъ скудна преимущественно — во время постовъ, а въ мясоѣдъ — по средамъ и пятницамъ: тутъ у нихъ только щи изъ черной капусты, безъ всякой приправы, и затѣмъ хлѣбъ да вода. Гречневая каша бываетъ не всегда и не у всѣхъ: большая-часть ѣдятъ ее только по воскреснымъ днямъ и по другимъ великимъ праздникамъ; мясо еще рѣже употребляется. Зажиточные ѣдятъ иногда горохъ, картофель, огурцы и рѣдьку; но это считается столомъ роскошнымъ. Удивительно, что не всѣ хозлева сѣютъ здѣсь горохъ и картофель, а если и сѣютъ, то весьма мало: картофель и горохъ могли-бы замѣнять для нихъ и кашу и самый хлѣбъ, особенно въ неурожайные годы, и вообще служить лакомымъ блюдомъ. Праздничная пища мало отличается отъ обыкновенной: тѣже пустые щи, тотъже хлѣбъ и вода. Квасъ въ рѣдкомъ домѣ можно найти, и то не квасъ, а окисленную воду. Впрочемъ, въ великіе праздники, какъ-то: на Рождество-Христово, Крещенье, въ Свѣтлую-Недѣлю и въ сельскій Храмовый-Праздникъ, столъ бываетъ лучше: тогда много поѣдается говядины, баранины, куръ, поросятъ, гусей; дѣлаются различныя похлебки, пироги, каша; подаются молоко и яйца. Притомъ, въ Свят-

ки, въ Сырную и Свѣтлую Недѣли, и особенно въ Храмовый-Праздникъ, кушанья приготовляются въ большомъ количествѣ для угощенія родныхъ, друзей и знакомыхъ, званныхъ и незванныхъ; въ эти дни много выпивается пива и вина. Также, во время сѣнокоса употребляется лучшая пища.

Мѣстныя занятія.

Крестьяне, естественнымъ порядкомъ вещей, приохочены къ трудамъ, свойственнымъ ихъ быту, и ими поочередно заняты у нихъ весь годъ. Три дня въ недѣль, какъ мужчины, такъ и женщины, занимаются господской работой, а всѣ прочіе дни — своей собственной. Зимой, молотятъ хлѣбъ, мнутъ конопля, посконь и ленъ: помолоченный хлѣбъ, мужчины, на своихъ лошадяхъ, отправляютъ въ Нижній-Новгородъ, въ Муромъ, въ село Лысково и другія хлѣбныя пристани. Въ длинныя осенніе и зимніе вечера, женщины прядутъ ленъ, посконь и шерсть, какъ для господскаго обихода, такъ и для своего; мужчины плетутъ тогда лапти, чинятъ конскую сбрую, и т. п. Съ началомъ весны, мужчины пахутъ подъ яровой хлѣбъ землю и сѣютъ, а въ свободное отъ работъ время исправляютъ упряжь, вновь дѣлаютъ и переправляютъ сохи, бороны, телѣги, роспуски, и занимаются надворнымъ строеніемъ; женщины ткутъ холсты и сукна. Затѣмъ начинается полоть яроваго хлѣба, потомъ — съ половины іюня — сѣнокосъ, а тамъ — пашня подъ озимой хлѣбъ. Не успѣетъ все это кончиться, какъ уже и рожь созрѣла, и въ слѣдъ за нею яровой хлѣбъ; тутъ-то начинаются тяжкіе труды для каждаго, какъ для возрастнаго, такъ и для малолѣтняго: всѣ, безъ изъятія, занимаются жнитвомъ, косьбой, вязаньемъ сноповъ, возкой съ полей пожатаго хлѣба, молотьбою на сѣмена ржи, и т. д. Эта трудная работа продолжается до глубокой осени, и во все время ея женщины едва успѣваютъ заняться домашними дѣлами, присмотрѣть за малолѣтними дѣтьми, прибрать птицу и скоть: онѣ очень мало спятъ, поздно ночью ложатся въ постель, и рано утромъ пробуждаются отъ сна. Осенью, если хорошая погода, то молотятъ хлѣбъ; если же ненастная, то заботятся о господскихъ и своихъ дворахъ, переправляютъ ихъ, покрываютъ вновь соломой, и защищаютъ на зиму.

Людей ремесленныхъ всякаго-рода здѣсь очень довольно; есть хорошіе сапожники, башмачники, портные, столяры, кузнецы, плотники, штукатуры. Всѣ они прекрасно знаютъ свое ремесло, но мало получаютъ выгодъ; потому-что города губернскіе и уѣздные далеко отстоятъ отъ села, вблизи-же нѣтъ и такихъ помѣщичьихъ имѣній, гдѣ-бы жили сами владѣльцы, а оттого и работать не на кого. Посему, главное, наиболее любимое и наиболее выгодное занятіе здѣшнихъ поселянъ есть собственно сельское хозяйство.

Земледѣліе предпочитается всѣмъ прочимъ частямъ сельскаго хозяйства и вообще промышленности. Здѣшнему поселянину, хотя-бы онъ былъ и ремесленникъ, земледѣліе необходимо къ пропитанію себя и своего семейства; и при хорошемъ ремеслѣ, но безъ хлѣбопашества, онъ былъ-бы послѣдній бѣднякъ, и нашелся-бы принужденнымъ питаться милостынею: между-тѣмъ, такъ-какъ тягловый крестьянинъ получаетъ отъ владѣльцевъ болѣе четырехъ десятинъ земли, то ему, и при посредственномъ урожаѣ, легко можно пропитать посѣяннымъ хлѣбомъ семью въ шесть человѣкъ, уплатить всѣ подати и повинности, и быть хорошимъ хозяиномъ; а другимъ ремесломъ, если будетъ работа, можетъ онъ заниматься въ остальное, свободное отъ земляныхъ работъ, время. По принятому издавна обычаю, хлѣбопашество производится здѣсь въ такомъ порядкѣ, что земля, принадлежащая къ селу, вся раздѣлена на три участка или поля, изъ которыхъ первое обыкновенно засѣвается озимымъ хлѣбомъ, второе — яровымъ, а третье остается въ парѣ круглый годъ. По этой системѣ трехпольнаго хозяйства, рожь всегда приходится сѣять на томъ-же мѣстѣ черезъ два года на третій; и такой круговой сѣвооборотъ колосоваго хлѣба сильно истощаетъ землю, такъ-что здѣшняя земля, сама-по-себѣ весьма плодородная, видимо слабѣетъ. Старожилы увѣряютъ, что, лѣтъ двадцать или тридцать назадъ, никто изъ поселянъ не имѣлъ нужды удобрять землю, и земля щедро вознаграждала земледѣльца за легкіе труды; нынѣ-же, напротивъ, годъ-отъ-году все больше и больше уменьшается растительная сила, и земледѣлецъ за гораздо большіе труды несравненно меньше вознаграждается. Это каждый поселянинъ видитъ своими глазами; а между-тѣмъ, къ об-

щему удивленію, никто не хочет заняться удобреніемъ земли, и навозъ все еще по-старому выбрасывается со дворовъ на улицы и въ овраги, безъ всякой пользы. Главный корень такой небрежности есть конечно чрезполосность владній: никому не хочется удобрять свой участокъ потому только, что, при размежеваніи, удобренная земля можетъ перейти въ другія руки и положенные на нее труды пропадутъ напрасно.

Огородничество находится еще на низкой степени. Въ огородахъ сажаютъ лукъ, рѣдьку, морковь, бобы, свеклу, капусту и огурцы. Картофель, какъ уже было замѣчено, большая часть жителей совершенно не сажаютъ; да и прочіе овощи съются на одной, много на двухъ грядкахъ, такъ-что не успѣетъ наступить зима, а ужъ всѣ они и поѣдены.

Лошадей, равно какъ и прочаго домашняго скота, при изобиліи покосовъ, очень мало. Всѣ хозяева вообще держатъ скотъ только для домашняго употребленія; никто—для продажи. Лошади—малорослы, безсильны, безобразны; коровы—тоже дурной породы; на овцахъ—шерсть крупная, короткая. Въ рѣдкомъ домѣ можно найти двѣ коровы и десятокъ овецъ, и то нигде негодныхъ, тогда-какъ очень удобно-бъ было развести хорошія породы и коровъ, и овецъ, и лошадей. У помѣщиковъ находятся здѣсь два прекрасныхъ конскихъ завода: одинъ въ самой Ульяновкѣ—г-жи Приклонской, другой въ селѣ Оброчномъ—г. Потемкина (А. Я.): оба завода чистой орловской породы. Кроме-того, у владѣльцевъ же, есть два завода рогатаго скота, и заводъ черкасскихъ тонкошерстныхъ овецъ. Но крестьянинъ въ скотоводствѣ не видитъ выгодъ; онъ считаетъ лучшимъ остающееся у него сѣно продать за бездѣльную цѣну.

Было уже сказано, что рыбныя ловли здѣсь прекрасны; жители однако мало занимаются и этой отраслью промышленности: они ловятъ рыбу только для домашняго употребленія.

ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ.

Разныхъ обычаевъ и обрядовъ, при разныхъ житейскихъ случаяхъ, у здѣшнихъ крестьянъ очень много; но всѣ они, полагаю, болѣе или менѣе общи простому народу всего обширнаго Русскаго Царства: въ нихъ нѣтъ ничего собственно Ульяновскаго. Вотъ, однако, замѣчательнѣйшіе изъ нихъ:

А. ОБРЯДЫ СВАДЕБНЫЕ.

При сговорахъ и свадьбахъ крестьянъ, въ особенности, есть много занимательнаго и любопытнаго, отражающаго на себѣ характеръ древней Руси.

Выборъ невесты зависитъ собственно отъ отца и матери жениха, и женихъ никогда не противорѣчитъ волѣ родителей. Какъ родители, такъ и женихъ, мало обращаютъ вниманія на наружную красоту дѣвицы; выборъ основывается болѣе на хорошей нравственности, кротости, трудолюбіи, смысленности, доброй славѣ семьи, и т. п. Если дѣвица не имѣетъ этихъ достоинствъ, то хотябы слыла первою въ околоткѣ красавицею и ходила весьма нарядно, ея все пренебрегаютъ, и даже бѣднякъ не захочетъ ее за себя посватать. «Что намъ въ ней?» говорятъ обыкновенно старики: «что въ этой красавицѣ проку? Она не умѣетъ ни шить, ни прѣсть ни ткать, а только умѣетъ щеголять; а вѣдь мужу не въ стѣнку вѣзать смазливую жену, да глядѣть на нее: «женнинымъ-же богатствомъ вѣкъ не проживешь. А вотъ эта дѣвица, хоть и не такъ красива и богата, такъ зато работяща, умна, скромна, невѣтреница, изъ хорошей семьи, а вѣдь хорошая яблонь и сладкіе яблоки родить; она и мужа будетъ любить, обувать и одѣвать, да и насъ не забудетъ на старости лѣтъ, а это вѣдь не шутка!» Нельзя, конечно, сказать, чтобы при этомъ совершенно презираемы были богатство и красота наружная; но, во всякомъ случаѣ, это уже достоинства второстепенныя.

Выбравъ, такимъ образомъ, достойную дѣвицу, родители жениха и близкіе по родству совѣщаются, кого откомандировать для сватанья; обыкновенно выборъ падаетъ на расторопную, говорливую и опытную въ такихъ дѣлахъ женщину, хотябы и не родственницу, причемъ обѣщаютъ ей напередъ хорошій подарокъ, если она успѣетъ въ дѣлѣ. Сваха идетъ въ домъ невесты, начинаетъ издалека заводить разговоръ о женихѣ, вычисляетъ все его внутреннія и внѣшнія качества, по-секрету открываетъ матери невесты цѣль своего прихода, и проситъ на другой день передать свое согласіе или несогласіе. По уходѣ свахи, мать и отецъ невесты крѣпко задумываются, судятъ,

обсуживаютъ жениха и всю семью его, и наконецъ рѣшаютъ дѣло такъ: «Дѣвка не должна брезговать парнемъ, да и чѣмъ онъ «не мужъ нашей дочери? Умень, работающъ, тягло свое тянетъ «исправно, податей за собой не держитъ; парень бравый, здоровый, ровно кровь съ молокомъ, да и семью нечѣмъ похулить! «Чтѣже намъ забиваться вдаль? Знать уже суждено нашей дочери быть за нимъ замужемъ, а вѣдь суженаго и конемъ не объѣдешь!» Узнавъ о такомъ рѣшеніи, сваха, съ веселымъ лицомъ и съ разными гримасами, поговорками и пословицами, идетъ въ домъ жениха рапортовать объ успѣхѣ. И вотъ, подробно отобравши отъ ней всѣ свѣдѣнія, отецъ жениха, съ нѣкоторыми изъ родныхъ своихъ, идетъ самъ въ домъ невесты, взявъ съ собою вина и коровай хлѣба. Поздоровавшись съ хозяиномъ дома, гости говорятъ ему: «У тебя есть продажный товаръ, а у насъ купецъ; мы пришли покупать: продаешь-ли?» Отецъ невесты, понимая смыслъ словъ, отвѣчаетъ: «Я радъ, «если вы не побрезгуете товаромъ.» И нареченные сватовья дѣлаютъ между собою условія: какимъ образомъ долженъ быть совершенъ бракъ, какое за невестою будетъ приданое, и сколько невеста должна получить отъ жениха «вкладу», то-есть денегъ и верхняго платья. Условившись такимъ образомъ, нареченные сватовья начинаютъ угощать другъ-друга: прежде отецъ жениха, принесенною съ собою водкой и хлѣбомъ, угощаетъ отца невесты; потомъ отецъ невесты угощаетъ пришедшихъ гостей: это называется «запоемъ». По окончаніи пирушки, отецъ жениха проситъ отъ невесты даръ въ родѣ задатка, и невеста вручаетъ своему будущему свекру красные или синіе порты, которые онъ долженъ передать жениху. Тѣмъ оканчивается сватовство.

Въ послѣдній вечеръ передъ бракомъ, въ домъ невесты бываетъ пиръ, или вечеринка. На эту вечеринку отецъ невесты созываетъ всѣхъ своихъ и жениныхъ родныхъ, друзей и знакомыхъ; приглашаетъ также дѣвицъ раздѣлить послѣдній вечеръ съ своею подружкою, поѣтъ пѣсень, и тѣмъ утѣшить безутѣшную невесту. Сюда приходитъ и женихъ, съ отцемъ и прочей своей родней. Хозяинъ дома встрѣчаетъ новую родню на порогѣ съ радушнымъ пріѣтствіемъ: «добро пожаловать, гости дорогие!»; проситъ садиться, и начи-

нается пированье. Веселый хозяинъ нѣсколько разъ обноситъ чару крѣпкаго вина по всемъ пирующимъ, ласково привѣтствуя каждого: «милости прошу, гость дорогой! милости прошу откушать моего зѣлена вина и отвѣдать хлѣба съ солью!» За виномъ слѣдуетъ пиво или брага, тоже довольно крѣпкій напитокъ, и гости, часъ-отъ-часу, дѣлаются веселѣе, бесѣда шумнѣе, разговоръ живѣе. Всѣ толкуютъ, кто о чемъ знаетъ; одинъ другаго перебиваетъ, одинъ другаго не слушаетъ, а каждый силится, чтобы его голосъ заставилъ всѣхъ обратить на него одного особое вниманіе; начинается крикъ, споръ, шумъ, смѣхъ; дѣвицы поютъ свадебныя пѣсни, молодые парни имъ вторятъ; невеста горько плачетъ; пиво и вино льется рѣкой, и пиръ длится иногда долго за полночь.

Въ этотъ же вечеръ, въ домъ жениха, дѣлается важный совѣтъ между близкими его родными, какъ-бы увеличить пышность «поѣзда». Въ совѣтъ этомъ избираются посаженные отцы и матери со стороны жениха и невесты, также дружка, полдружье, сваха, дворяне и поѣзжане. Каждый, изъ сихъ выбранныхъ совѣтомъ лицъ, долженъ хорошо знать свою обязанность; особенно дружка, который долженъ быть непременно женатый, расторопный, говорунъ, веселаго характера, опытный въ своемъ дѣлѣ, потому-что на немъ лежитъ важная обязанность научить новобрачную чету всемъ тайнамъ брака, и своею веселостью занимать во время ликованья всѣхъ пирующихъ. Затѣмъ: полдружье есть помощникъ дружки; посаженные отцы и матери должны благословлять жениха и невесту; сваха должна стоять подлѣ новобрачныхъ во время вѣнчанія; поѣзжане управляютъ поѣздомъ, а дворяне увеличиваютъ пышность свадьбы.

Кончивъ совѣщаніе, гости расходятся по домамъ, и стараются сладкимъ сномъ подкрѣпить силы свои на предстоящіе подвиги; но избранному дружкѣ и ночь длинна. Вставши рано утромъ, онъ старается набрать хорошихъ лошадей, потому-что и это лежитъ на его же ответственности. Набравъ тройки три или четыре лихихъ коней, навѣшиваетъ подлѣ каждую дугу по одному или по два колокольчика, а къ ушамъ лошадей по погремушкѣ, и, по восходѣ солнечномъ, весь поѣздъ собираетъ на дворъ жениха. Тутъ сходятся всѣ должностныя

лица, избранныя въ вечернемъ застѣданіи, и начинается приготовленіе къ браку.

Одѣвши жениха въ самое лучшее платье, дружка ведетъ его изъ клѣти въ переднюю избу, для полученія благословенія отъ родителей. Родной отецъ беретъ икону и становится съ ней противъ сына, а родная мать держитъ коровай хлѣба съ солью; сынъ сначала кладетъ три земныхъ поклона предъ иконой, которую отецъ въ это время благословляетъ его троекратно; потомъ, благоговѣнно приложась къ иконѣ, цѣлуетъ отца съ матерью, и наконецъ хлѣбъ съ солью. Такимъ же точно образомъ благословляетъ родная мать; потомъ отецъ крестный или посаженной, и посаженная или крестная мать. Во время благословенія, растроганный отецъ, дрожащимъ голосомъ, говоритъ сыну: «Богъ тебя благословитъ, сынъ мой, и я благословляю тебя: будь также намъ послушенъ; люби насъ, какъ любилъ прежде; не оставь насъ на старости лѣтъ, и Богъ тебя не оставитъ!» Женихъ плачетъ, мать рыдаетъ; у всѣхъ присутствующихъ на глазахъ навертываются слезы: минута торжественная, картина восхитительная!

По окончаніи этого религіознаго обряда, сажаютъ жениха въ передній уголъ за столъ; садятся и всѣ гости, кромѣ дружки, который начинаетъ подбивать всѣхъ присутствующихъ, кромѣ жениха, передъ которымъ поэтому кладутъ на столъ ложку, оборотивъ ручкой назадъ. Когда гости выпьютъ и закусятъ, дружка кричитъ громогласно: «Время!» Всѣ съ шумомъ встаютъ съ мѣстъ, и выходятъ на средину избы; но тотчасъ опять садятся, и на нѣсколько минутъ воцаряется глубокая тишина, прерываемая развѣ только рыданіями матери. Дружка кричитъ опять: «Время въ добрый путь!» Тутъ снова всѣ встаютъ, молятся Богу, и, крестясь, безмолвно идутъ изъ избы на дворъ, ступая черезъ порогъ правою ногою. Дружка ведетъ подъ руку жениха, а крестный отецъ идетъ впереди съ иконой въ рукахъ. На дворъ, женихъ, приложась къ иконѣ и простясь съ отцемъ и матерью, садится на приготовленную для него телѣгу или сани, вмѣстѣ со свахой. Всѣ съ шумомъ занимаютъ свои мѣста. Дружка, взявши у посаженаго отца икону, троекратно обходитъ съ нею весь поѣздъ, творя какія-то молитвы, изъ опасенія чтобы злой человекъ не сглазилъ жениха; потомъ отдаетъ икону обратно поса-

женому отцу, и самъ садится. Повздь двигается въ домъ невесты, а впереди челоуѣкъ пять молодыхъ парней, заломивъ шапки на бекрень, скачутъ верхами, съ ружьями назади, перекрестивъ грудь большими красными платками.

Тоже самое бываетъ и въ домѣ невесты. Также наряжаютъ ее въ лучшее платье; также благословляютъ ее отецъ съ матерью; также дружка распоряжается всѣмъ, какъ и въ домѣ жениха. По прїѣздѣ, онъ соединяетъ жениха съ невестою рука-съ-рукой и сажаетъ за столъ. Гости все опять пьютъ и закусываютъ, кромѣ жениха и невесты, которые благоговѣнно приготавливаются къ великому, священному таинству. Дружка кричитъ: «Пора!» Все встаютъ. Потомъ дружка начинаетъ говорить: «Ну, православные! по-русски присядемъ, да помолимся Богу, и поблагодаримъ хозяевъ за хлѣбъ за соль! Время и въ добрый путь!» Все снова садятся и молчатъ: это минута благоговѣйнаго безмолвія, это священный обрядъ отъѣзжающихъ. Новый крикъ дружки: «Пора!» пробуждаетъ отъ молчанія; опять все встаютъ, и молятся Богу. После молитвы, прощальныя слова отца и матери сливаются съ поцѣлуями увозимой невесты. У всехъ на глазахъ навертываются слезы: невеста безъ чувствъ падаетъ въ объятія матери, впиивается въ нее жадными устами, и вздохи замираютъ въ ея сладкихъ поцѣлуяхъ; она желала-бы какъ можно долѣе оставаться въ такомъ положеніи, но голосъ и сильныя руки дружки невольно увлекаютъ ее изъ родимаго крова, и Богъ-знаетъ куда. И вотъ, усадивши жениха и невесту на особыя телѣги, дружка громко кричитъ къ собравшемуся изъ любопытства народу: «Народъ крещеный! Благословите нашихъ бояръ къ кресту и вѣнцу!» Все отвѣчаютъ: «Богъ васъ благословить! И мы не отротчики!».

Повздь съѣзжаетъ со двора. Отецъ съ матерью выходятъ за ворота, и долго, долго, провожаютъ любезную дочь прощальными знаками. Весь повздь быстро двигается впередъ. Но, чрезъ нѣсколько минутъ, дружка возвращается на своей тройкѣ къ дому невесты, слѣзаетъ съ телѣги, и подходитъ къ воротамъ. Ворота заперты. Онъ стучитъ сильно рукой, и кричитъ: «Отпирите!» — На крикъ его отвѣчаютъ со двора: «Не отпремъ, давай выкупъ!» — «Что вамъ надо?» — «Рѣшето вина и вязанку денегъ!» — Дружка подаетъ въ подворотню стаканъ вина и мѣдный грошъ;

ему отпираютъ ворота; онъ входитъ въ избу, и спрашиваетъ хозяина: «Отчего ты такъ печаленъ; не болитъ-ли голова! — Тотъ «отвѣчаетъ: «Нѣтъ!» — Такъ не пропало-ли что?» — «Пропало.» — «А что?» — «Моя дочь.» — «Такъ я тебѣ скажу, говоритъ дружка, «гдѣ твоя дочь; она не пропала, а на руки напала; она больно «приглянулась нашему молодцу (такому-то — по имени и по отчеству), да и онъ-то ей знать по сердцу пришелся; сговорились, да «и уѣхали вѣнчаться!» — Отецъ невесты, нѣсколько разъ перекрестясь, подноситъ стаканъ вина дружкѣ, и дружка, выпивъ вино, бѣжитъ въ клѣть къ дѣвицамъ выкупать постель. Кончивъ это, онъ возвращается къ потѣзду, который и затѣмъ еще нѣсколько разъ до церкви останавливается: потѣзжане пьютъ пиво и вино; также подчиваютъ и встрѣчныхъ, изъ опасенія чтобы злой человѣкъ не испортилъ молодыхъ.

По окончаніи таинства брака, на церковной паперти, головной уборъ невесты перемѣняется; вмѣсто платка, надѣбаютъ ей на голову волосникъ. Затѣмъ отправляются въ домъ жениха; по дорогѣ мимоходящихъ угощаютъ пивомъ и виномъ, и на каждомъ перекресткѣ, или поворотѣ, потѣздъ останавливается, и дружка приглашаетъ знакомыхъ и незнакомыхъ въ гости къ новобрачнымъ: «Милости просимъ, людъ честной, къ нашимъ молодымъ, на сырѣ-коровай!» Тѣ благодарно кланяются.

Пріѣхали. Высаживаютъ молодыхъ, и дружка, соединивъ ихъ рука-съ-рукою, ведетъ въ растворенныя ворота. У входа въ стѣны, отецъ жениха ожидаетъ молодыхъ съ иконою въ рукахъ, а мать съ короваемъ хлѣба и съ солоницею. Молодые, приложась къ иконѣ, цѣлуютъ отца съ матерью, потѣмъ хлѣбъ съ солью, и идутъ въ избу; вдругъ кто-нибудь изъ родныхъ нечаянно обсыпаетъ новобрачную чету хмѣлемъ смѣшеннымъ съ мякиною: это, говорятъ, для того, чтобы новобрачные во всю жизнь были веселы. По приходѣ въ избу, сажаютъ молодыхъ въ передній уголъ; садятся и всѣ потѣзжане. Тутъ какая-либо родственница подаетъ молодой супругѣ младенца: та нѣсколько времени держитъ его на своихъ рукахъ, и передаетъ молодому мужу, а онъ отдаетъ обратно родственницѣ. Дружка потѣмъ начинаетъ подносить гостямъ вино, и каждый, взявъ рюмку, поздравляетъ новобрачную чету съ законнымъ бракомъ; молодые встаютъ, благодарятъ, и стоятъ пока гость выпьетъ всю рюм-

ку и отдасть поднощику: тутъ-то происходитъ такъ-называемое «ломанье надъ молодыми»; гость, отведывая понемногу вина, кричитъ: «Горько!», и молодые должны приэтомъ целоваться. Наконецъ, дружка, который тѣшитъ, между-тѣмъ, гостей шутками и прибаутками, кричитъ: «Пора!», и всѣ встаютъ. Молодыхъ выводятъ изъ-за стола тѣмъже порядкомъ, какъ они вошли за столъ, то-есть — чтобы столъ не обходить вокругъ: иначе, говорить суевѣріе, молодая не будетъ родить. Затѣмъ дружка и сваха ведутъ ихъ на брачную постель, которая заранее готовится въ задней избѣ, или въ клѣтѣ. Тамъ вмѣстѣ готовъ и столъ съ разными кушаньями, которыми дружка угощаетъ молодыхъ, а потѣмъ укладываетъ спать. Дверь снаружи запирается замкомъ. Дружка, между-тѣмъ, время отъ времени подбѣгаетъ къ запертой двери, прислушивается, и, когда замѣтитъ, что молодые проснулись и встали, кличетъ сваху и вмѣстѣ съ ней опростелью бѣжитъ отпирать дверь. Молодыхъ одѣваютъ, вводятъ назадъ къ пирующимъ гостямъ, и тутъ открывается завѣтная тайна брака: или радостная, или печальная для родныхъ; впрочемъ, что бы ни случилось, радость или печаль, пирующие все это скоро забываютъ.

По приходѣ новаго свата съ своей родней, молодые начинаютъ раздавать подарки. Дружка ставитъ на поднось рюмку съ виномъ, или стаканъ съ пивомъ, а сваха на другой поднось кладетъ подарокъ. Оба подходятъ къ тому, кого слѣдуетъ дарить, и кланяются ему, а дружка приговариваетъ:

Во пиру веселомъ,	Золотую гривну.
Во теремъ высокомъ,	Они люди на-новѣ;
Четыре ноги подходятъ,	Имъ нужны деньги:
Четыре руки подносятъ,	На шильце, на мыльце,
На золотомъ блюдѣ,	На тонки полотенца,
Чару зелена вина.	На кривыя веретенца,
Изволь чару выкушать.	На бѣллы, на румяны,
Изволь впередъ выступить,	На синіе сарафаны;
Изволь посмотрѣть,	Надо имъ коня купить,
Какъ нашъ князь съ княгиней	Надо имъ его кормить,
Быютъ тебѣ челомъ.	На немъ воду возить:
Прими челобитье,	Вода-то хоть и близко,
А самъ положи	Да ходить-то склизко.

Вызванный такимъ-образомъ гость встаетъ съ своего мѣста, беретъ рюмку съ виномъ, или стаканъ съ пивомъ, начинаетъ понемногу прихлебывать съ разстановкою, а въ это время молодые лежатъ у его ногъ; по временамъ и тутъ кричитъ онъ: «Горько!», и молодые встаютъ, цѣлуются, и опять падаютъ къ нему въ ноги. Наконецъ, выпивши напитокъ, беретъ онъ съ подноса подарокъ, состоящій обыкновенно изъ платка, полотенца, или просто нѣсколькихъ аршинъ холста, утирается имъ, и, поцѣловавъ молодыхъ, кладетъ на подносъ нѣсколько денегъ: это называется «отдарьемъ». Обнесши такимъ порядкомъ всѣхъ присутствующихъ, молодые садятся за столъ, и тутъ-то начинается пированье. Пьютъ, ѣдятъ; дѣвицы поютъ пѣсни, молодые парни играютъ на дудкахъ, балалайкахъ, гармоніяхъ и скрипкахъ; пляска, шумъ, крикъ, говоръ, смѣхъ; и все это оживляется неподдѣльною веселостію дружки и радушіемъ хозяевъ. Пиръ длится иногда до разсвѣта, и называется «горнымъ столомъ».

На другой день дѣлается такаяже пирушка въ домъ отца молодой, и иногда цѣлую недѣлю длится перегулка между новыми сватовьями. Такъ оканчиваются брачныя обряды.

Б. ОБРЯДЫ ПРИ ДРУГИХЪ ЖИТЕЙСКИХЪ СЛУЧАЯХЪ.

Похороны и поминки умершихъ вообще не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго, кромѣ только что всякой присутствующій родственникъ или знакомый, хотябы вовсе не былъ расположенъ плакать по умершемъ, долженъ непременно вопить сколько достанетъ у него силъ, исчисляя всѣ качества и хозяйственныя занятія покойнаго, не то сочтутъ его безчувственнымъ. Общій обычай велитъ класть въ руку всякому похороняемому покойнику платокъ. Нѣкоторые особые обряды бывають при похоронахъ во время смертоносныхъ повальныхъ болѣзней: тутъ, какъ въ церковь для отпѣванья, такъ и на кладбище, умершаго несутъ впередъ головой, и притомъ какая-нибудь женщина, въ самой околицѣ, или на перекресткѣ, взявъ въ руки косырь, нѣсколько разъ ударяетъ имъ по дорогѣ: это, по суевѣрному предразсудку, значитъ перестычь путь мертвецу и тѣмъ прекратить навсегда смертоносную язву.

Когда угрожаетъ селенію какая-либо повальная болѣзнь (на-примѣръ — въ последнее время холера), то, ночью, собираются нѣсколько старыхъ и незамужнихъ дѣвицъ, извѣстныхъ своей христіанскою жизнью, и, съ иконою и зажженными свѣчами въ рукахъ, идутъ вокругъ селенія съ церковнымъ пѣнопѣніемъ, а позади ихъ нѣсколько дѣвицъ тащатъ на себѣ соху, которою бороздятъ землю, въ твердой увѣренности, что за эту черту никакая язва перейти не можетъ. Въ самую-же полночь, одна изъ дѣвицъ тайкомъ подходитъ къ колокольнѣ и начинаетъ бить въ колоколъ тревогу; жители въ испугѣ выбѣгаютъ изъ домовъ, смотрятъ во все стороны, нѣтъ-ли гдѣ пожара, и, не видя ничего, бѣгутъ къ церкви, а дѣвица, между-тѣмъ, никѣмъ не узнанная, скрывается: это, говорятъ, для того, чтобы въдьму, которая умерщвляетъ людей смертоносной язвой, запугать такъ, чтобы она не смѣла и подходить къ селенію.

Вообще, при болѣзняхъ, здѣшній поселянинъ слишкомъ недовѣрчивъ къ врачамъ, особенно иностранцамъ; но до ослабления склоненъ искать помощи у своихъ знахарей и ворожей.

Все истерическія болѣзни, по вѣрованію ихъ, происходятъ отъ дѣйствія злаго духа въ человѣкѣ, а потому такому больному даютъ и лекарства духовныя. Отыскиваютъ старика или старуху, грамотея, честнаго поведенія и строгой христіанской жизни, и просятъ почитать что-нибудь изъ Священнаго-Писанія надъ бѣснующимъ; призванный, или призванная, идетъ въ домъ больного, становится предъ божницею, очерчиваетъ вокругъ себя троекратно углемъ, въ твердой увѣренности, что за эту черту бѣснующій не можетъ перейти и причинить какой-либо вредъ, и протяжно читаетъ разныя молитвы, иногда произвольно выдуманныя.

Какъ истерическія болѣзни приписываютъ дѣйствию злаго духа, такъ геморроидальныя — порчѣ злыхъ людей, или нехорошему глазу; а потому ищутъ ворожею, который-бы могъ, чрезъ наговоры и другія средства, принести облегченіе. Для этого, находятъ старуху-знахарку, или знахаря-старика, которые, являсь, начинаютъ обыкновенно увѣрять больного, что его точно испортилъ нечистый глазъ: «я, дескать, вѣрно это знаю; мнѣ не въ-первой вылечивать съ глазу!» Больной проситъ помощи, и, разумѣется, обѣщаетъ хорошій подарокъ.

Тогда знахарь беретъ ковшъ воды, кладетъ туда горячихъ углей и щипотъ соли, и въ тихомолку начинаетъ шептать какія-то слова, вѣроятно какія въ то время попадутся на языкъ; тутъ вдругъ съ нимъ начинаются корчи, судороги и зѣвота, которыя служатъ къ убѣжденію зрителей, что больной точно испорченъ, и эту порчу знахарь теперь принялъ на себя. Последний, по прошествіи судорожнаго состоянія, беретъ въ ротъ изъ ковша воды и нечаянно спрыскиваетъ больного, который оттого вздрагиваетъ, и тотъ поздравляетъ его съ выздоровленіемъ, приказывая остальную воду выпить въ три или четыре приѣма.

Бываетъ и другіе особые приѣмы ворожейнаго шарлатанства. Въ-случаѣ боли въ поясницѣ, кладутъ больного на порогъ, головою въ стѣну, и знахарь косыремъ потихоньку ударяетъ его въ спину. При зубныхъ болѣзняхъ, знахарь беретъ рябиновый сучекъ, надкалываетъ его начетверо, шепчетъ надъ нимъ, и даетъ больному нѣсколько минутъ подержать на больныхъ зубахъ, причемъ строго приказываетъ нѣсколько годовъ сряду не ѣсть рябины. Чтобы остановить кровь изъ свѣжей раны, знахарь что-то шепчетъ надъ раной и перевязываетъ ее бинтомъ. Отъ такихъ, по-видимому пустыхъ и ничего незначащихъ, средствъ, многіе, какъ увѣряютъ очевидцы, получаютъ облегченіе; что, конечно, происходитъ отъ твердой, какъ со-стороны больного, такъ и со-стороны знахаря, вѣры въ непремѣнную дѣйствительность даваемыхъ средствъ.

А вотъ народныя домашнія лекарства. Въ простудныхъ болѣзняхъ, крестьяне обыкновенно прибѣгаютъ къ единственному средству—банѣ; здѣсь, въ пару, намазываютъ тѣло виномъ, рѣдечнымъ сокомъ, свинымъ и медвѣжьимъ саломъ, дегтемъ и т. п. Въ лихорадкахъ, кладутъ подъ подушку больного лошадиную голову, поятъ дегтемъ съ молокомъ, полыннымъ отваромъ и виномъ съ солью. Къ застарѣлымъ ранамъ и язвамъ прикладываютъ траву придорожникъ, паутинникъ и коровье масло; къ нарывамъ, печеный лукъ и хлѣбъ съ солью. Въ случаѣ почесушекъ, намазываютъ тѣло горячей сѣрой, смѣшенной съ кислой сметаной. Въ глазныхъ болѣзняхъ, двѣнадцать зорь умываются росой; въ летучихъ сыпяхъ, надъ болячками выстукаютъ изъ кремня огонь; отъ кашля, ѣдятъ печеный лукъ; слабительнымъ служитъ огуречный рассолъ съ медомъ. Въ

случаѣ упорныхъ головныхъ болѣзней, кладутъ въ горшокъ горящихъ углей и на нихъ сыплютъ кивоваръ, потѣмъ больнаго сажаютъ надъ этимъ горшкомъ съ разинутымъ ртомъ, закутавъ какъ возможно теплѣе. Въ болѣзняхъ любострастныхъ, пьютъ крѣпкую водку съ виномъ или съ отварною водою; также пьютъ настой «дорогой-травы».

Во время скотскаго падежа, существуетъ обычай, отсужа въ полѣ общественный молебень, прогонять весь скотъ сквозь глубокий, нарочно приготовленный ровъ, при входѣ въ который раскладывается огонь, вытертый изъ дерева.

При продажѣ и покупкѣ, никто изъ здѣшнихъ жителей не согласится купить лошадь безъ узды, или корову безъ дойника, хотябы они продавались за полцѣны. Также никакая вещь не продается и не покупается безъ вина, хотябы то была вещь самая малоцѣнная; покупатель и продавецъ должны непременно угостить другъ-друга. Сверхъ-того, поладивъ въ цѣнѣ, покупатель и продавецъ, перекрестясь, подають другъ-другу въ руки правую полу своего кафтана, или полушубка: это служитъ вмѣсто клятвы, и иной скорѣе нарушитъ присягу, нежели согласится солгать, совершивъ этотъ обрядъ.

Е. НАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

Отличительная, характеристическая черта здѣшнихъ жителей есть веселость. Они такъ любятъ игры, забавы, пѣсни и пляски, что ничто не можетъ ихъ удержать отъ нихъ: ни домашнія заботы, ни постоянные тяжелые труды, ни даже самая бѣдность. Радуетъ-ли что крестьянина — онъ радость свою выражаетъ въ веселыхъ пѣсняхъ; случится-ли что непріятное въ жизни — онъ изливаетъ свои горестныя чувства въ пѣсняхъ протяжныхъ, заунывныхъ; сытъ-ли, голоденъ-ли — онъ все поетъ, все не унываетъ. Въ лѣтнее рабочее время, пробывши цѣлый день въ полѣ, въ тяжкихъ трудахъ, онъ возвращается домой, поздно вечеромъ, непременно съ пѣснями, и такъ весель, такъ доволенъ, какъ будто возвращается съ пирушки.

Зимою, въ длинные вечера, дѣвицы и молодыя женщины сходятся въ одну избу, съ донцами и гребнями, прядь ленъ или посконъ: это называется «посидѣлки»; сюда также сходятся

и молодые парни: дѣвицы прядутъ и поютъ пѣсни, парни играютъ въ дудки, балалайки и гармоніи, причемъ веселыя пѣсни часто заставляютъ дѣвицъ покидать гребень и приниматься за пляску. Въ Святки, молодежь гурьбами ходитъ изъ дома въ домъ, съ пѣснями и пляскою; въ полночь ходятъ по банямъ, овинамъ, и, по лаю собакъ и пѣнію пѣтуховъ, отгадываютъ свою будущую судьбу. Во время Масляницы, все наряжаются какъ-можно лучше, ходятъ хороводами по улицамъ, поютъ пѣсни, и катаются на лошадяхъ; а вечеромъ отправляются на скользкую гору, гдѣ въ разныхъ забавахъ проводятъ всю ночь.

Но вотъ наступаетъ весна, и съ ней рядъ особенныхъ веселій для поселянъ. Въ Свѣтлую-Недѣлю, женщины, дѣвицы и молодые парни, нарядясь въ лучшее платье, выходятъ изъ домовъ; улицы наполняются народомъ, веселымъ, здоровымъ и красивымъ: все рады красной веснѣ и теплomu солнышку, все рѣзвятся, какъ рой мотыльковъ, по зеленой, мягкой муравѣ. Съ Перваго-Воскресенья послѣ Пасхи, народъ, отслушавъ обѣдню, выбѣгаетъ на улицы, и начинаютъ играть кто во что гораздъ; составляется нѣсколько хороводовъ, и вдругъ вся окрестность оглашается звуками веселыхъ пѣсень. Затѣмъ, до Петра-на-Поста, или, по просторѣчю, до Русалкина-Заговѣнья, каждый вечеръ, особенно въ праздничные дни, молодежь вся собирается на открытую площадь противъ господскаго дома и веселится: составляется нѣсколько большихъ круговъ, сходятся пѣсенники и пѣсенницы, являются музыканты съ рожками, кленовыми и тростниковыми дудками, гармоніями, балалайками и скрипками; пѣвчіе поютъ веселыя пѣсни, а музыканты играютъ на своихъ инструментахъ; въ средину одного круга попарно выходятъ дѣвица или женщина съ молодымъ парнемъ, и подъ пѣсни начинается пляска; въ другомъ кругу, играютъ въ жгуты; въ третьемъ, въ горѣлки; тутъ рѣзвятся дѣти, а тамъ старики посматриваютъ на забавы молодыхъ людей, вспоминаютъ времена своей юности, и дивятся, какъ рѣзвая, кипучая кровь незамѣтно въ нихъ охладѣла. Въ Троицынъ-День, послѣ обѣда, все собирается на площадь, и составляется одинъ огромный хороводъ, который, съ веселыми пѣснями и музыкой, отправляется въ близь-лежащую рощу; тамъ, послѣ различныхъ игръ, каждый изъ

гуляющихъ вьеть себѣ изъ зеленыхъ вѣтвей и весеннихъ цвѣтовъ вѣнокъ, и надѣваетъ на голову; потѣмъ, въ этомъ убранствѣ, идутъ къ широкому озеру, и начинаютъ бросать вѣтки въ воду, а вечеромъ возвращаются на площадь и играютъ до разсвѣта. Въ Русалкино-Заговѣнье, молодежь также вся собирается на площадь: тутъ кого-нибудь наряжаютъ лошадью, подвѣшиваютъ подъ шею колокольчикъ, сажаютъ верхомъ мальчика, и двое мушинъ ведутъ подъ-узды въ поле, а позади весь хоръ, съ громкими прощальными пѣснями, провожаетъ, и придя въ поле разоряетъ наряженную лошадь съ разными играми: это значить — «проводить весну».

УМСТВЕННЫЯ И ПРАВСТВЕННЫЯ СВОЙСТВА.

Многіе изъ нашихъ поселянъ наделены отъ природы прекрасными умственными способностями, имѣютъ острую память, удачно судятъ о разныхъ серьезныхъ предметахъ и переимчивы во многихъ отношеніяхъ. Случалось встрѣчать стариковъ, которые твердо помнятъ самыя малозажныя вещи, видѣнныя ими еще въ дѣтствѣ; расскажутъ вамъ, годовъ за двадцать или болѣе, какія были зимы — холодныя или теплыя, лѣто — сухое или дождливое, какой былъ урожай хлѣба, и т. п. Есть опытные старцы, которые, по извѣстнымъ имъ однимъ примѣтамъ, предугадываютъ, какой лучше хлѣбъ родится на будущій годъ, какаа будетъ весна, лѣто, осень и зима; и все это иногда такъ удачно, что невольнымъ образомъ почтень ихъ за прорицателей. Но у большинства, надо сознаться, умственные способности находятся еще въ совершенномъ младенствѣ, не развиты, подавлены различными заблужденіями, суевѣріями и предразсудками. Большая-часть судятъ о вещахъ по своимъ закоренѣлымъ привычкамъ, или слѣпо послѣдуя невѣжественному водительство другихъ. Многіе поступаютъ глупо и дурно единственно по тому, что не хотятъ нѣсколько времени подумать о дѣлѣ, поломать надъ нимъ голову, поработать умомъ: дѣлаютъ какъ попало, а оттого и дѣла ихъ идутъ безуспѣшно и къ раззоренію собственнаго ихъ благосостоянія.

По нравственнымъ качествамъ, здѣшній поселянинъ вообще простодушенъ, довѣрчивъ, ласковъ, уважаетъ всѣ общественныя

власти, богобоязливъ, и свято исполняетъ свои обязанности. Рѣдки примѣры, чтобъ братья несогласно жили между-собою и принуждены были дѣлиться. Вездѣ еще оказывается уваженіе къ старикамъ и дѣти непочтительные презираются. Отецъ или мать, дѣлая правоученіе своимъ дѣтямъ, всегда приводятъ въ примѣръ другихъ чьихъ-нибудь дѣтей, какъ дурныхъ, такъ и почтительныхъ: «небудь, говорятъ, и ты, какъ такой-то «сынъ или такая-то дочь, а живи, какъ живетъ такой-то или «такая-то!» Это прекрасная черта въ характеръ здѣшняго народа; и дай Богъ, чтобы она никогда не измѣнялась!

При этихъ прекрасныхъ христіанскихъ добродѣтеляхъ, зачѣмъ умалчивать и о порокахъ, наиболее замѣтныхъ? Многіе преданы губительной страсти пьянства, также игрѣ въ карты и въ орлянку, чѣмъ подрываютъ собственное домашнее благосостояніе, и другимъ, слабымъ и неопытнымъ, даютъ дурной примѣръ; нѣкоторые такъ сильно заражены этими страстями, что ни совѣты благонамѣренныхъ людей, ни слезы семейныхъ, ни угрозы и наказанія начальниковъ, не могутъ ихъ остановить. Кромѣ-того, есть еще отличительный господствующій недостатокъ, которому здѣшніе жители преданы почти все безъ исключенія: это нищенство. Здѣшній крестьянинъ не считаетъ за стыдъ кормиться милостынею; иной безбѣдно могъ-бы прокормить свое семейство, имѣя у себя въ сусѣкахъ хлѣбъ и въ сундукѣ деньги, даже могъ-бы удѣлять по-возможности и другимъ нуждающимся въ дневномъ пропитаніи; но онъ не ставитъ себѣ въ грѣхъ и не стыдится посылать дѣтей своихъ ходить подъ окнами чужихъ домовъ и просить куска хлѣба.

Того, что называется образованіемъ, здѣсь можно-сказать вовсе не существуетъ. Изъ всѣхъ жителей села, исключая помѣщиковъ и духовныхъ, только шесть человѣкъ обоего пола грамотныхъ, да и тѣ едва могутъ разбирать печатныя книги по складамъ и кое-какъ подписывать свое имя. Причина неграмотности та, что здѣшній житель слишкомъ преданъ старицѣ и ненавидитъ нововведенія: одно только старое, дѣдовское, въ глазахъ его хорошо, хотябы то было совершенная нелѣпость и бессмыслица; новое - же, будь самое прекрасное, никуда не годно, и пренебрегается. Такъ думаетъ, такъ и дѣйствуетъ здѣшній поселянинъ; поэтому, если кто здѣсь и учится, такъ только од-

ному чтенію, и притомъ у невѣждъ, которые сами едва знаютъ грамоту. Отъ такого жалкаго состоянія просвѣщенія происходитъ, что здѣшніе жители преданы весьма грубымъ и нелѣпымъ суевѣріямъ и предразсудкамъ; въ подтвержденіе чему, приведемъ здѣсь нѣсколько обращиковъ.

Всѣ здѣшніе жители отъ души вѣрятъ домовымъ, лѣшимъ, русалкамъ, вѣдьмамъ, колдунамъ, оборотнямъ, ягамъ-бабамъ, и т. п. Да и немудрено: они, отъ самыхъ дѣтскихъ пеленъ, непрестанно слышатъ объ нихъ, то отъ няньки, то отъ бабушки, то отъ отца и матери. Здѣшній житель вскормленъ, можно-сказать, этими разсказами, и потому такъ любитъ ихъ, что ни за какія блага не захочетъ съ ними разстаться. Каждый, если послушать его, то самъ, хоть разъ въ жизни, а непременно видѣлъ кого-нибудь изъ этихъ демоновъ; иной разскажетъ, пожалуй, со всею подробностью, какъ однажды, ни за что, ни прочто, домовою чуть-было не удушилъ его ночью. Вотъ одинъ довольно странный изъ здѣшнихъ обычаевъ, относящійся собственно къ домовому. Всякой хозяинъ, если вздумаетъ изъ стараго дома переходить въ новый, составляетъ себѣ въ непремѣнную обязанность просить домового переселиться съ нимъ вмѣстѣ. Посему, не перенося еще въ новопостроенную хату ничего изъ пожитковъ, глава дома беретъ въ одну руку икону, а въ другую кусокъ хлѣба съ солью, и, перекрестясь, начинаетъ приглашать въ новый домъ домового: «Дѣдушка домовою! Прошу твою милость перейти съ нами «на ново житье: прими нашу хлѣбъ-соль! Мы будемъ тебѣ «рады: только мы пойдемъ дорогой, а ты стороной!» Придя потѣмъ въ новый домъ, ставитъ онъ икону на божницу, и, помолясь предъ ней Богу, хлѣбъ съ солью кладетъ въ подпечекъ, который считается обиталищемъ домового, и, послѣ того, вполнѣ увѣренъ, что домовою никакъ не забудетъ его хлѣба-соли. И точно: заржетъ-ли лошадь въ конюшнѣ — хозяинъ отъ души вѣритъ, что домовою несетъ или мѣситъ ей овесъ; спутается-ли у ней грива — приписываетъ это особенной любви къ ней домового; похудѣетъ-ли она — увѣряетъ себя и другихъ, что это произошло отъ нерасположенности домового къ лошади, или, какъ выражаются крестьяне, лошадь похудѣла оттого, что домовому пришлась не по нраву. Вообще, если ночью что-нибудь нечаян-

но скрипнеть, стукнетъ, мрукнетъ, или застонетъ, хозяинъ видить тутъ счастливое или несчастное предсказаніе домоваго объ его семействѣ; нѣтъ ни одного пустаго случая, который бы не былъ относимъ къ домовому: онъ считается хранителемъ домашняго скота, вѣрнымъ сторожемъ двора, спутникомъ жизни, предвѣстникомъ будущаго, коротко - сказать — домашнимъ патрономъ. Какъ домоваго считаютъ хозяиномъ дома, такъ лѣшаго — хозяиномъ лѣса, русалку — водъ, а ягу-бабу — полей.

Суевѣріе дотога ослѣпляетъ здѣшній народъ, что онъ и самыя казни Божіи приписываетъ какимъ-то волшебнымъ дѣйствіямъ вѣдьмъ и колдуновъ. Такъ, въ 1847 году, падежъ рогатаго скота приписываемъ былъ злему дѣйствию собакъ и свиней, почитаемыхъ за какихъ-то оборотней; поэтому, въ продолженіе падежа, истреблено было нѣсколько собакъ и убита одна свинья. Во время холеры, сколько было разсказовъ о вѣдьмахъ, оборотняхъ и колдунахъ, которые, по мнѣнію жителей, умерщвляютъ людей! Не дальше какъ въ августъ мѣсяць 1848 года, числа не припомню, въ день воскресный, народъ отъ бездѣлья кружками сидѣлъ подъ окнами домовъ и толковалъ про общее бѣдствіе: вдругъ, въ одномъ концѣ селенія, сдѣлался необычайный шумъ, крикъ, суматоха; народъ со всѣхъ пунктовъ сбѣгался къ мѣсту тревоги; явилось челоуѣкъ двадцать конниковъ съ большими дубинами, и вся масса быстро двинулась въ поле, мимо двухъ вѣтрѣнныхъ господскихъ мельницъ. У многихъ бѣгущихъ я старался узнать причину тревоги, но никто не зналъ и самъ, зачѣмъ и куда бѣжить; только и было видно, какъ народъ мелькалъ по полю, и всадники во весь карьеръ мчались за кѣмъ-то въ догонку, то быстро сдвигаясь въ одинъ тѣсный кружокъ, то стремглавъ разсыпаясь по всѣмъ сторонамъ, а потѣмъ, чрезъ нѣсколько минутъ, и вовсе исчезли изъ глазъ изумленной толпы, стоявшей изъ любопытства на краю селенія. Часа черезъ два, всѣ, конные и пѣшіе, возвратились опять въ селеніе, усталые, измученные, въ поту, въ пыли, лошади въ мылѣ; тутъ-то, наконецъ, я узналъ настоящую причину тревоги. Какая-то женщина, сидѣвши подъ окномъ своего дома, увидѣла подлѣ мельницъ большую пеструю собаку, которая, оборотясь головой къ селенію, стала выть непріятнымъ образомъ; испуганная этимъ воємъ, она

побѣжала къ сосѣдямъ, и какъ въ это время воображеніе всѣхъ было сильно настроено къ чему-то чудесному, небывалому, сверхъестественному, то сосѣди немедленно выбѣжали на улицу и начали сзывать праздный народъ воплями и криками: «Вѣдьма! Вѣдьма! Ребята бѣгите! Здѣсь вѣдьма, пришла морить насъ! Это колдунъ! Оборотень! Сюда! Скорѣе! Скорѣе!» Народъ шумными толпами бѣжалъ на крикъ, и самъ въ свою очередь кричалъ, что попало въ голову, чтобы только увеличить суматоху и разгорячить воображеніе. Несчастная собака сдѣлалась-бы непременно жертвою этого разъяренія, еслибы не успѣла прибѣжать къ своему хозяину, который едва могъ разувѣрить преслѣдователей, выставя въ свидѣтели цѣлую деревню, что эта собака его собственная, взятая имъ еще щенкомъ у такого-то крестьянина: тогда только, обезоруженная очевидными доводами толпа, измученная и пристыженная, возвратилась назадъ въ селеніе. Да, и до-сихъ-поръ, не всѣ еще здѣшніе жители соглашаются, что холера была кара Божія, за грѣхи людей посланная; большая-часть продолжаютъ упорно вѣрить, что это было дѣйствіе злыхъ вѣдьмъ и колдуновъ.

Вотъ еще нѣсколько здѣшнихъ повѣрій и заблужденій. Солнечное и лунное затмѣніе происходитъ отъ скрадыванія луннаго свѣта злыми духами, чтобы въ темнотѣ удобнѣе имъ было уловлять въ свои сѣти Христіанъ. Громъ и молнію производятъ отъ быстрого движенія колесъ огненной колесницы Пророка Іліи. Падающія звѣзды почитаютъ за огненныхъ змѣй или демоновъ, которые, будто-бы, летаютъ къ людямъ и вселяются въ нихъ, отчего такъ много бываетъ бѣспуемыхъ или кликушъ. Табакъ считается за проклятую траву, выросшую изъ трупа какой-то блудницы. Кофе, тоже говорятъ, проклять; да и о чаѣ мнѣніе нашихъ мудрецовъ не лучше. Самый картофель считался прежде за проклятое растеніе, которое производили какъ-то отъ табачнаго-же корня; но теперь, когда узнали его пользу и вкусъ, начали безбоязненно свѣать и охотно употребляютъ въ пищу.

ВОЛОСТЬ

ПОКРОВСКО - СИЦКАЯ.

ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНІИ

МОЛОЖСКАГО УѢЗДА.

(Священника А. Преображенскаго.)

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ.

ОБЩІЙ ВИДЪ МѢСТНОСТИ. РѢКА СИТЬ. ПОДРОБНОСТИ МѢСТОПОЛОЖЕНІЯ.

ПОЧВА. ЕСТЕСТВЕННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ. НАСЕЛЕНІЕ.

Ярославской губерніи Моложскаго уѣзда, вѣдомства Государственныхъ Имуществъ, преждебывшая *Покровско - Сицкая* Волость нынѣ составляетъ два Сельскія (неотдѣльные) Общества: *Покровско - Ситское* и *Байловское*, причисленные для управленія къ *Дубровской* (прежде *Веретейской*) Волости, такъ названной отъ деревни *Дубровы*, гдѣ помѣщено Волостное Правленіе. Она расположена по обѣимъ сторонамъ рѣки *Сити*, въ разстояніи отъ истока ея около 60 верстъ и около 15 верстъ отъ впаденія. По правую сторону рѣки волостныя земли разстилаются въ видѣ полукружія, а на лѣвой сторонѣ, казенный лѣсъ, къ волости-же прилежащій, окружаетъ се въ видѣ подковы; такимъ образомъ, волость, въ своемъ общемъ объемѣ, имѣетъ видъ немного продолговатаго круга. Длина волости вдоль рѣки *Сити*,

отъ деревни *Папкратовой* включительно до деревни *Торонковой*, составляетъ около 12 верстъ, а поперечникъ, отъ деревни *Базыковъ* до деревни *Семеновки*, около 17 верстъ.

Рѣка *Сить*, давшая названіе волости, раздѣляетъ ее на двѣ неравныя половины. Она выходитъ Тверской губерніи въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, изъ огромной топи; протекаетъ затѣмъ Кашинскимъ и частію Мышкинскимъ уѣздомъ, а потомъ уже Моложскимъ, отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, въ одномъ направленіи съ рѣкой *Волгой* почти вездѣ въ одинаковомъ отъ ней разстояніи, впадаетъ, наконецъ, въ рѣку *Мологу*, въ 40 верстахъ до впаденія сей-последней въ *Волгу*. Все теченіе ея составляетъ отъ 80 до 90 верстъ. Въ Бѣжецкомъ и Кашинскомъ уѣздахъ, она не болѣе какъ ручеекъ, текущій по низкому и ровному пространству, наравнѣ съ берегами; но въ Моложскомъ, принимая въ себя рѣчку *Болотею*, становится значительнѣе. Сначала, въ продолженіе около 50 верстъ, берега ея ровны и низки; потомъ становятся выше, гористѣе, и въ предѣлахъ волости дѣлаются очень круты, часто представляютъ голые утесы, которые горизонтально стоятъ надъ водой и осыпаются каждую весну; но дальше, за волостью, опять понижаются мало-по-малу, и верстахъ въ 5 отъ впаденія сравниваются съ водою. Нынѣ, вдоль всего теченія рѣки, стоятъ на ней десять довольно значительныхъ мукомольныхъ мельницъ и одна пошевная: первая — поперечная мукомольная мельница — въ 50 верстахъ отъ истока, последняя — крупчатный заводъ — около 100 сажень отъ впаденія. Вотъ ихъ послѣдовательный съ верху порядокъ: 1) мельница *Колегаевская*, съ 5 поперечными жерновами, маслобойней и толчсеей; 2) *Щербининская*; 3) *Правдинская*; 4) *Добрецовская*; 5) *Бабигорская*, менѣе значительная; 6) *Этауловская*, пошевная о 2 поставахъ; 7) *Папкратовская*, имѣющая 5 жернововъ, толчею о 32 пестахъ и маслобойню (здѣсь начинается волостная земля, и ниже плотины строеніе барокъ отъ волости); 8) *Мерзлеевскій* пильный заводъ, и при немъ 5 мельничныхъ жернововъ и маслобойня (здѣсь волостная земля на правомъ берегу рѣки кончается прудиною, а также кончается и строеніе отъ волости барокъ); 9) *Тимонинская* мукомольная поперечная мельница, о 5 жерновахъ, съ маслобойней; 10) *Средній* крупчатный заводъ; наконецъ 11) *Нижній* крупчатный заводъ. До первой мель-

ницы теченіе рѣки тихо; далѣе-же, по мѣрѣ какъ берега становятся круче, и теченіе дѣлается быстрее до самаго впаденія. Вода въ рѣкѣ вообще красноватая. Дно, около волости, неизмѣнно каменисто, и въ иныхъ мѣстахъ представляетъ сплошную каменную гряду. Рыба водится обыкновенная рѣчная; только въ верховьѣ, вѣдъ волости, ловится карась, а при самомъ истокѣ рѣки вьюнь. Берега—начиная отъ истока—солотны, а въ предѣлахъ волости—и солотны, и завалены камнями; примѣтно, что нѣкоторые изъ сихъ-последнихъ нанесены при разливахъ, а иные скатились съ крутизны горъ. Покосовъ хорошихъ по берегамъ вовсе почти нѣтъ, а вообще они или кочковаты, или солотны, или по-крайней-мѣрѣ потны; изъ 500 возовъ сѣна, которые снимаетъ волость съ береговъ, нѣтъ и 50 хорошаго, поемнаго и безъ подзолу: только за 5 верстъ отъ впаденія Сити въ Мологу, гдѣ берега ровны и низки, а почва земли супесокъ, начинаются отличные сѣнокосные луга, не принадлежащіе впрочемъ волости.

Мѣстоположеніе, открытое съ В. и Ю.-В., вообще можно назвать гористымъ. Лѣвый лѣсной берегъ рѣки весь изрытъ рѣками, ручейками, рывинами, поросшими или мелкимъ кустарникомъ, или тощею травою. Правый берегъ также изрытъ и гористъ, но немного пониже лѣваго. На лѣвомъ берегу, въ разстояніи отъ рѣки на 2 и на 3 версты, мѣстоположеніе хотя возвышенное, но ровное; на правомъ, въ томъ же разстояніи, волнистое. По лѣвому берегу, мхи и болота малы и рѣдки; по правому, ихъ болѣе и они обширнѣе. Примѣтно, что мѣстность отъ С.-С.-З. къ Ю.-Ю.-В. понижается.

Верхній слой земли есть сѣроватая глина съ пескомъ: въ нѣкоторыхъ пахатныхъ мѣстахъ, толща его простирается отъ 2 четвертей до аршина; въ мѣстахъ-же выпаханныхъ, брошенныхъ подъ выгоны и поросшихъ кустарникомъ, слой этотъ иногда не составляетъ болѣе вершка. На берегахъ, покрытыхъ кочками, покоится жирный черноземъ: осыпи ихъ, по самой рѣкѣ Сити и по впадающимъ въ нее рѣчкамъ, представляютъ красную глину съ мелкимъ бѣлымъ хрящомъ и другихъ породъ булыжникомъ. Подпочва состоитъ вообще изъ жирной и плотной глины, блѣдноватаго цвѣта: при кладкѣ печей въ моемъ домѣ, хорошій молодежскій мастеръ употреблялъ на три тельги

этой глины двѣ тѣлѣн песку. Что касается до песку, то его въ горахъ встрѣчается мало, и притомъ на значительной только глубинѣ. Да и красная глина съ бѣлымъ хрящомъ, которая по берегамъ лежитъ на верху, дальше отъ рѣки попадаетъ только при рытьѣ колодцевъ, на глубинѣ 4 и болѣе сажень, и притомъ на лѣвомъ лишь берегу. Вода на берегахъ рѣки встрѣчается при рытьѣ колодцевъ не ближе 8 сажень глубины, а иногда за 10 и болѣе сажень не встрѣчаютъ ни капли; но чѣмъ далѣе отъ береговъ, тѣмъ она ближе попадаетъ.

Вотъ наши естественныя произведенія. По царству животному: домашній скотъ — мелкой породы; изъ домашнихъ птицъ — одна курица; въ поляхъ и болотахъ — довольно дичи; въ рѣкѣ — рыба и раки (последніе въ пищу здѣсь не употребляются); изъ пресмыкающихся — около лѣсовъ довольно змѣй, но черной змѣи вовсе нѣтъ. По царству прозябаемому: изъ воздѣлываемыхъ на поляхъ растений — рожь озимая, ячмень и пшеница яровая, овесъ (арабскій видѣлъ я у одного только крестьянина), ленъ, конопля, горохъ (мелкой), рѣпа; изъ огородныхъ овощей — картофель, рѣдька, брюква, капуста, лукъ, и еще кое-что; изъ лѣсу — сосна въ маломъ количествѣ, ель, береза, осина, ольха, ива, дуба вовсе нѣтъ, липа мелкая, клену мало и мелко, изрѣдка попадаетъ вязъ и ясень, рябины множество, попадаетъ хотя весьма рѣдко и мелкая яблоня; изъ кустарниковъ — калина, черная и красная смородина, орѣшникъ, можжевельникъ, жимолость; изъ ягодъ — земляники, клубники, морошки, поленики водятся мало, черники, малины, брусники, клюквы годами бываетъ множество, голубо-блю почти вовсе нѣтъ; грибовъ — нѣсколько сортовъ. Изъ царства ископаемаго, нѣтъ ничего употребляемаго въ домашнемъ быту, кромѣ сказанной красной глины, изъ которой крестьяне бьютъ печи, и глины бѣдноватой, изъ которой дѣлается кирпичъ-сырецъ; сторонніе крестьяне пробовали дѣлать изъ последней и горшки, но или глина негодна, или мастера плохи, только промыселъ этотъ не удался. Можетъ-быть въ лѣсахъ и поляхъ есть еще особые роды пѣвчихъ и хищныхъ птицъ, а на горахъ какія-нибудь особенныя травы; можетъ-быть и въ горахъ и оврагахъ есть еще кое-что кромѣ глины: по недостатку свѣдѣній въ естественной исторіи, не замѣчалъ и не знаю.

Число ревизскихъ душъ въ волости къ 1848 году было около 2,150 обоего пола. Всѣ они живутъ въ 3 селахъ и 42 деревняхъ, изъ коихъ 13 деревень и 2 села (*Байловское* и *Семеновское*) находятся на правомъ берегу Сити, а остальное село (*Покровское-на-Сити*) и 29 деревень на лѣвомъ. Самое большое селеніе заключаетъ въ себѣ отъ 25 до 30 домовъ, самое меньшее состоитъ изъ 2 домовъ; отъ 25 до 30 домовъ имѣютъ не болѣе пяти селеній; отъ 10 до 20 — около тридцати; остальные — менѣе 10 домовъ. Старики помнятъ, что лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, населеніе было здѣсь только по берегамъ рѣки Сити: кромѣ деревни *Никитинской*, которая издревле существовала во глубинѣ лѣса, все прочее было лѣсъ; помнятъ даже, какъ нынѣшнія деревни выстраивались и какъ въ нихъ переезжали жить: около двадцати деревень выстроилось, выѣхавъ въ лѣсъ не болѣе двадцати лѣтъ назадъ; да и вдоль берега, самыя отдаленныя отъ села, двѣ большія деревни: *Давыдовское* и *Михалево*, существуютъ не болѣе пятидесяти лѣтъ. Все это народонаселеніе издревле подлежало одному управленію, кромѣ деревни *Панкратовой*, которая причислена къ волости въ послѣднюю ревизію, послѣ смерти своего господина. Старики говорятъ, что, на ихъ памятахъ, вся волость состояла не болѣе какъ изъ 500 душъ; населеніе быстро умножилось въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ. Достойно замѣчанія, что, изъ нѣсколькихъ тысячъ народа, живущаго по рѣкѣ Сити во всю длину ея, населеніе *Покровско-Сицкой* Волости предпочтительно извѣстно въ околоткѣ подъ именемъ *Сицкарей*, то-есть «жителей *Сити*».

НАРУЖНЫЯ СВОЙСТВА ЖИТЕЛЕЙ.

РОСТЪ. ВОЛОСА И БОРОДА. ПРОЧІЯ НАРУЖНЫЯ ОСОБЕННОСТИ. ЗДОРОВЬЕ И СИЛА. НЕЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ КЪ ПЕРЕМѢНАМЪ ВОЗДУХА.

БОЛѢЗНИ И ЛЕКАРСТВА. НАБЛЮДЕНІЯ ВО ВРЕМЯ ХОЛЕРЫ.

Ростъ здѣшнихъ жителей вообще средній. Кажется безошибочно можно положить, что изъ всего мужескаго населенія одна-осьмая часть выше 2 аршинъ и 8 вершковъ, пять-осьмыхъ — отъ 8 до 6, а остальные двѣ-осьмыхъ — ниже 6 вершковъ.

Волосъ, на головѣ и бородѣ, обыкновенно русый, иногда черно-русый, или съ малой прорыжью; совершенно-же черный или рыжій волосъ, большая рѣдкость: изъ 700 или 800 человекъ возрастныхъ, кои бываютъ въ праздникъ у обедни, не увидишь семи или осми рыжихъ, и трехъ или четырехъ черныхъ. Борода обыкновенно малая, окомелкомъ, и очень рѣдко срастается съ волосами у ушей; иногда видишь ее одну безъ усовъ, клочкомъ только на подбородкѣ; съ довольно большей бородой не болѣе одного на 100.

Части тѣла вообще соразмѣрны съ ростомъ. Въ полнотѣ замѣчательна нѣкоторая выпуклость щекъ и одутловатость лица; брюхо также нѣсколько отвисло, а лядвен немного повиснули назадъ, отчего, когда смотришь сзади на идущаго человека, видно, что онъ, идучи, примѣтно переваливается. Другихъ наружныхъ особенностей нѣтъ; но — одежда, приемы, обороты рѣчи — все это, вмѣстѣ взятое, такъ отличительно отъ прочихъ, что, за сорокъ и пятьдесятъ верстъ отъ мѣста жительства, тотчасъ узнаютъ Сидкаря.

Народъ силенъ и здоровъ. Впрочемъ нынѣшнюю молодежь старики называютъ «пѣженками», и «сопляками», говоря, что сами они въ такія лѣта были несравненно здоровѣе и сильнѣе; и этому можно повѣрить. Многіе изъ нихъ сохранили за восемьдесятъ лѣтъ силу и бодрость; часто семидесяти-пяти-лѣтній дѣдъ работаетъ съ двадцати-пяти-лѣтнимъ внукомъ рядомъ, и весело поетъ пѣсню; иной изъ нихъ и не помнитъ, когда бывалъ нездоровъ; у другихъ, за восемьдесятъ лѣтъ, зубы сохранились какъ у двадцати-лѣтняго юноши. Разказы о прежней ихъ могутъ почти невѣроятны; но если представить, что старики отъ родителей своихъ не получали никакихъ наследственныхъ болѣзней, поздно принимались за работу, работали въ ватагѣ, не торопясь, исподоволь, иные во всю жизнь не бывали дальше своего лѣсу и церкви, а потому и не знакомились ни съ какими излишествами, то это не покажется удивительнымъ. И настоящее поколѣніе здорово еще и сильно, но нѣтъ силачей подобныхъ старымъ, о которыхъ разсказываютъ: причины могутъ быть тѣ, что нынѣ слишкомъ рано принимаются за работу, рано также начинаютъ ходить на сторону, жить по чужимъ селеніямъ и особенно городамъ, гдѣ зна-

комятся со всякими издешествами, а иногда и съ распутствомъ, всего-же хуже — рано навикають употреблять вино.

Смотря на рабочаго Сицкаря, невольно удивляешься, какъ онъ выносить безвредно перемѣны воздуха. Лѣто онъ всегда или въ полевой работѣ, или въ лѣсу, или въ Рыбинскѣ на баркахъ; осень, зиму и весну, также либо на баркахъ, либо въ лѣсу. Самой поздней осенью, проработавъ цѣлый день въ лѣсу въ одной рубашкѣ, весь потный, приходитъ онъ въ зимницу, и тотчасъ, безъ всякихъ предосторожностей, отводитъ душу холодною водою; поужинавъ, потный-же, спитъ на нарахъ, изъ-подъ которыхъ, сквозь рѣдкія немщенныя стѣны, сквозитъ холодный вѣтеръ, а часто пробивается и дождь. На баркахъ въ Рыбинскѣ, онъ также весь день подвергается стужѣ, дождю, слякоти, и пьетъ холодную, прямо изъ Волги, воду; приходитъ потомъ на квартиру мокрый, и не имѣетъ ни времени, ни мѣста обсушиться; поужинавъ, садится еще «до-пѣтуновъ» (то есть — до-пѣтуховъ) тесать гвозди, и напоследокъ ложится спать, мокрый, на сырыхъ щепкахъ и подъ сырымъ кастаномъ.

Впрочемъ, такой образъ жизни, раньше или позже, отзывается на здоровьѣ Сицкарей. Изъ наружныхъ болѣзней, наиболѣе обыкновенны у нихъ: жаба и рожа — слѣдствія простуды, также ногтевка (которую въ просторѣчьи называютъ «воло-сатикомъ») — слѣдствіе неминуемой неопрятности при лѣмовыхъ работахъ. Жабу обыкновенно вылечиваютъ теплымъ питьемъ изъ осолодка, или малины, или мяты, или звѣробоя съ медомъ; рожа вылечивается мѣломъ, натертымъ на сукно; а къ ногтевкѣ прикладывается бѣлая тряпка, натертая сырмъ мыломъ, сверху припарка изъ теплаго печенаго луку, а если выросло дикое мясо, то и оно по-временамъ присыпается жжеными квасцами: не было примѣра, чтобы этимъ послѣднимъ средствомъ ногтевка не вылечивалась, хотя-бы отгнилъ составъ; только, до излеченія не надобно мочить больное мѣсто, даже нельзя, завязавъ рану, ходить въ баню. Въ порѣзахъ и порубахъ употребляется сатурнъ (по выраженію крестьянъ — «сахаръ-сатуръ»), распущенный въ винѣ, который обыкновенно берутъ у красильщиковъ; впрочемъ, это не есть собственно крестьянское лекарство, равно-какъ летучая мазь и оподельдокъ, которыми иногда пользуются отъ ушибовъ. Ударъ въ поясницу отъ тяжелыхъ подъ-

емовъ (что у крестьянъ называется — «поясница отнялась») лечатъ отдыхомъ и баней: къ этому средству прибѣгаютъ потому, что во всей волости нѣтъ фельдшера; работающіе же въ городахъ, въ такомъ случаѣ, обыкновенно пускаютъ кровь, что впрочемъ для крестьянской природы не совсѣмъ полезно: къ счастью, больные, за неспособностію работать, тотчасъ возвращаются домой, и тутъ родныя поля, воздухъ, теплая изба и печь возстановляютъ вполне ихъ здоровье. Боли въ животѣ отъ тяжелыхъ работъ и подъемовъ, также помогаетъ отдыхъ и баня. Засимъ, болѣе тяжкія внутреннія болѣзни, происходящія отъ простудъ, на-примѣръ горячка, у насъ рѣдки, и если бывають, то не опасны; теплое питье и теплая изба вылечивають и ихъ, слава Богу, безъ лекарствъ. Въ послѣдніе два года свирѣпствовали очень лихорадки, и какъ крестьяне не соблюдаютъ никакихъ діететическихъ правилъ, то онѣ были весьма упорны, продолжаясь отъ 6 до 18 мѣсяцевъ; впрочемъ, изъ больныхъ умерло не болѣе одного на 30: старики говорятъ, что лихорадки бывають здѣсь частенько, вѣроятно оттого, что крестьяне болѣею частью работаютъ у воды и слишкомъ уже не берегутся простуды.

Обыкновеннѣйшія изъ дѣтскихъ болѣзней: оспа, корь и желваки за ушами. При всѣхъ попеченіяхъ благотельнаго Правительства, оспа прививается мало; впрочемъ, изъ метрики видно, что когда оспа и сильно свирѣпствуетъ, смертность младенцевъ бываетъ не велика. Корь тоже проходитъ сама-собою, когда младенца держать въ умеренномъ теплѣ. Желваки скоро и легко вылечиваються медовою лепешкою. Прочія болѣзни, какъ-то золотуха, поносъ (по-здѣшнему — «черевуха») и т. д., конечно есть; но я не слыхалъ, чтобъ на нихъ слишкомъ жаловались.

Чуждаясь вообще медицинской помощи, наши Сидкари хранятъ однако про себя разныя домашніе секреты на разныя случаи болѣзней, которые, сколько мнѣ случалось объ нихъ слышать, такъ нелѣпы, что вѣрно ни одинъ мало-мальски умный крестьянинъ въ дѣйствительности ихъ не употребляетъ. Такъ, на-примѣръ: есть у нихъ мастера заговаривать кровь при порубкѣ; зубную боль также заговаривають; высыпало на губахъ — надо пристѣчь огня; отъ золотухи — надо покормить золотомъ (?); въ ломотахъ и другихъ застарѣлыхъ болѣзняхъ — пить какую-то траву, которая укладываетъ недуги; въ горячкѣ — повѣсить рубаш-

ку въ лѣсу на кустъ; въ лихорадкѣ—надобно сходить на рѣку въ полночь, такъ - чтобъ никто изъ домашнихъ не слыхалъ, выкупаться, и оставить тамъ исподнее платье, то-есть рубашку и прочее. Повторяю, что эти лекарства всего вѣроятнѣе существуютъ только въ разсказахъ старухъ - бабушекъ и стариковъ-хвастуновъ, а не на дѣлѣ; разъ только разсказывалъ мнѣ одинъ молодецъ, что онъ точно купался въ полночь, и послѣ того выздоровѣлъ: вотъ торжество для шарлатановъ!

Говоря о здоровьѣ, нельзя похвалить дурной привычки здѣшнихъ крестьянъ лечить почти всѣ безъ исключенія болѣзни парной баней, которая притомъ берется у нихъ большей частью внутри домашней печи. У ребенка на ногѣ вышла рожа: надо попарить, размылить ногу, не ушибъ-ли, не вывихнулъ-ли ее ребенокъ, и дней пять таскаютъ его въ печь, моютъ, трутъ, вертятъ, парятъ. Появилась чесотка, шолуди, золотуха и т. п.: это отъ нечистоты, надо и тутъ промыть, попарить ребенка. Простудился мужикъ, и уже почти въ горячкѣ, мечется и бредитъ: гдѣ и чѣмъ лечить, кромѣ печи? Крестьянинъ въ лихорадкѣ, его знобитъ, ломаетъ: опять въ печь, пусть согрѣется! Опытъ, однако, доказываетъ, что это всеобщее лекарство во многихъ случаяхъ бываетъ явно во вредъ: у дѣтей, на-примѣръ, рожа, вереда и т. п. жестыютъ и дѣлаются провалы, а золотуха разливается по всему тѣлу; взрослые, въ простудахъ и лихорадкахъ, жестоко послѣ бани пухнутъ.

Считаю не неумѣстнымъ присовокупить здѣсь нѣсколько личныхъ моихъ наблюденій надъ бывшей у насъ въ послѣднее время холерой. Въ моемъ Покровско-Ситскомъ приходѣ числится теперь въ-наличности около 3.200 душъ обоего пола; въ томъ числѣ казенныхъ около 2,900 душъ, а прочіе Графа Мусина-Пушкина. Изъ нихъ, во время холеры, умерло и погребено при церкви 32 человека (сверхъ-того, двое, не дошедши до дому изъ Рыбинска, померли въ Моложской больницѣ); въ сказанномъ числѣ, изъ крестьянъ Графа Пушкина умерло только двое, оба въ одной деревнѣ. Всѣ умершіе были уже въ возрастѣ: самый младшій—16, а самый старшій—70 лѣтъ. До появленія холеры, они всѣ находились въ крѣпости силъ и въ добромъ здоровьѣ. Между ними былъ одинъ молодой холостой парень, дѣвицъ ниодной, вдова одна, и одна беременная женщина. Холера появи-

лась 9 июня, внезапно: занемогъ ею первый старикъ 67 лѣтъ, который и умеръ, страдавъ 25 часовъ. Тутъ еще на холеру и думали, и нѣтъ; но 13 июня привезенъ былъ съ Мологи больной отъ роду 31 года, который, послѣ напутствія, умеръ черезъ 3 часа; затѣмъ 17 июня скончался еще крестьянинъ 52 лѣтъ, страдавъ не болѣе 24 часовъ, а на другой день померла жена умершаго въ 13 число, протрдавъ трои сутки. Всего потомъ умерло отъ холеры: въ июнь — мужчинъ 8, женщинъ 2, обоего-пола 10 душъ; въ июль — мужчинъ 5, женщинъ 5, обоего-пола тоже 10 душъ; въ августъ — мужчинъ 7, женщинъ 5, обоего-пола 12 душъ. Последний смертный случай былъ 22 августа. Самое меньшее страданіе умершихъ больныхъ продолжалось 12 часовъ, самое большее — трои сутки, а одинъ страдалъ — четверо сутокъ. Припадки болѣзни не у всѣхъ были одинаковы: у молодыхъ отъ 16 до 35 лѣтъ, круженіе головы и рвота начинались и сопровождались горячкой и остановкой обоихъ испражнений; у больныхъ за 40 лѣтъ и далѣе, холера начиналась болѣе судорогами безъ рвоты. Тѣ изъ больныхъ, которые получали одинъ изъ этихъ припадковъ, круженіе, или рвоту, или даже рвоту и судороги вмѣстѣ, но не въ самой сильной степени, выздоравливали; ихъ число можно положить выше 100 человекъ. Лекарства, употребляемая при этомъ крестьянами, были: треніе крапивою, деревяннымъ масломъ, чистымъ дегтемъ, спиртомъ; иные пили вино съ перцемъ, другіе парное молоко; но некоторое изъ этихъ средствъ не доставляло видимаго облегченія. Замѣчено, что когда заболѣвшій холерою выпивалъ рюмку или полрюмки вина, да закусывалъ хлѣбомъ съ солью, и припята пища удерживалась въ желудкѣ, а больной притомъ дѣлалъ движеніе, то онъ непременно выздоравливалъ; былъ впрочемъ случай, что одна дѣвица 23 лѣтъ, у которой обнаружили всѣ три припадка, и которая трои сутокъ не могла принимать никакой пищи, даже воды, которую даже рвало при напоминаніи о хлѣбѣ, выздоровѣла. Мы увѣрены, что холера не прилипчива; однакожь, двѣ женщины, ходившія за больными мужьями, сами заболѣли и умерли; двѣ другія, при тѣхъже обстоятельствахъ, были больны и выздоравливали; а въ одномъ семействѣ, изъ 14 человекъ, семеро умерли въ четверо сутокъ, а трое болѣли и выздоравливали.

ЯЗЫКЪ.

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗНОШЕНІЯ. ОСОБЕННОСТИ ВЪ СЛОВООБРАЗОВАНІИ.

МѢСТНЫЯ СЛОВА. ИСКАЖЕНІЕ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ.

Особенности произношенія у Сидкарей не одинаковы. Крестьяне вообще цвякаютъ, говоря: *цасъ* вм. *часъ*, *цаво* вм. *чего*; другіе произносятъ *ц* и *ч* какъ-бы совокупно, на-примѣръ: *ццѣво* вм. *чего*; иные (и ихъ менѣе) говорятъ: *черковъ* вм. *церковъ*, *ови* вм. *овцы*. Прибавленія буквъ, какъ, на-примѣръ, въ словахъ: *хфилинъ* и *идравъ*, слыхалъ я очень рѣдко.

Важнѣйшая особенность въ словообразованіи касается окончанія словъ при спряженіи глаголовъ въ настоящемъ и будущемъ временахъ; вопреки грамматикъ, крестьяне наши говорятъ: *ицѣшо*, *ицѣто*, *ицѣмо*, *идутю*, вм. *идеишъ*, *идетъ*, *идеми*, *идутъ*; *пойцѣшо*, *пойцѣто*, *пойцѣмо*, *пойдутю*, вм. *пойдеишъ*, *пойдетъ*, *пойдемъ*, *пойдутъ*. Вотъ обрашки здѣшней рѣчи: *Цово ты баѣшо?* *Банька мой поицѣто еъ Рыбну.* *Покативаѣмо.* *Сцѣлаѣшо?* *Не буцѣто толку.* *Небось сработаемо.* *Подряды-це даютю.*

Словъ мѣстныхъ довольно. Примѣры: *лазейка* (дверь въ стѣнѣ), *закутать лазейку* (запереть дверь), *скакиивать навозъ* (сваливать навозъ), *хорошулъ* (круглой пирогъ), *наццрыишъ* (пирогъ прѣсной на молоко или маслѣ), и множество другихъ.

Въ особенности любятъ коверкать ужаснымъ образомъ собственные имена людей; на-примѣръ: Авксентій — *Оксѣиъ*, Афиногенъ — *Финоедъ*, Автономъ — *Артамонъ*, Артемій — *Артема*, Артемонъ — *Артимъ*, и т. д. При кличкѣ или призывѣ одного лица другимъ, имя его еполна не договаривается; на-примѣръ: *Батюшъ* —, *дядь* —, *Парах* —, *Катюх* —, *Окулъ* —, и т. п. Да и вообще другъ-друга зовутъ всегда полуименемъ; на-примѣръ: *Васька*, *Оська*, и т. д.; смѣшно приэтомъ слышать, когда на-примѣръ старику, или о старикѣ, говорятъ: *дядя Банька!*

Вообще должно замѣтить, что крестьяне, живущіе на правомъ берегу Сити, говорятъ лучше, чѣмъ на лѣвомъ; мужчины, живущіе въ селахъ, рѣшительно не цвякаютъ; женщины говорятъ вообще хуже мужчинъ.

ДОМАШНІЙ БЫТЪ.

РАСПОЛОЖЕНІЕ ДЕРЕВЕНЬ. КРЕСТЬЯНСКІЕ ДОМЫ. ИХЪ РАСПОЛОЖЕНІЕ: ВНЕШНЕЕ И ВНУТРЕННЕЕ. ОСОБОЕ УСТРОЙСТВО ПЕЧИ. ДВОРЪ И НАДВОРНОЕ СТРОЕНІЕ. ПЛАТЬЕ ОБОИХЪ ПОЛОВЪ : ОБЫКНОВЕННОЕ И НАРЯДНОЕ. ПИЩА: ЕЖЕДНЕВНАЯ И ПРАЗДНИЧНАЯ.

Старинныя деревни выстроены дурно; часто, по пословицѣ, у семи домовъ восемь улицъ: гдѣ кто вздумалъ, тамъ и выстроился, было-бы согласіе сосѣдей. Новыя деревни нѣсколько лучше; онѣ строятся по одному посаду, но тоже не по прямой линіи: одинъ домъ выдался на улицу угломъ, другой вдался; иной строится шеломомъ на улицу а иной вдоль улицы: все это представляетъ линію изломанную, исковерканную и непріятную для глазъ. Притомъ, какъ новыя, такъ и старыя деревни выстроены весьма тѣсно, и, въ случаѣ пожара, одинъ домъ грозитъ неминуемой опасностью другому.

Домы крестьянъ строятся больше изъ еловаго дерева, иногда изъ толстой осины; сосны мало, да и дорога, почему употребляется только у зажиточныхъ на переборки, наличники и т. п. Прежде избы ставились прямо на землю, и обыкновенно нижній ихъ рядъ, а иногда и полтора ряда подваливались бревнами, толстыми и суковатыми; нынѣ, которыя получше, ставятся на деревянныхъ словыхъ стульяхъ, но не обожженныхъ; дикій же камень, или кирпичъ, на быть никогда не употребляется. Кроютъ всегда соломой, которая пригнетается жердями; въ подвязку крыть рѣшительно не умѣютъ; у богатыхъ кроется иногда и тесомъ, на гвоздь рѣдко, болѣе въ жолобъ. Новую лѣтнюю избу обиваютъ тесомъ, стоймя. Волоковыхъ оконъ вовсе не бываетъ.

Двѣ, сѣнами раздѣленные, избы (лѣтняя и зимняя: лѣтняя — бѣлая, зимняя — всегда черная, а иногда — и обѣ черныя), съ выдвинутымъ на улицу крыльцомъ: вотъ и весь домъ крестьянина. Иногда, черезъ сѣни, противъ лѣтней избы, ставится сельникъ, съ клевомъ для овецъ подъ низомъ, а зимняя изба ставится подъ дворомъ, то-есть на углу возлѣ воротъ; у зажиточныхъ бываетъ иногда двѣ избы — стаяей, а третья — подъ дворомъ. Такъ-называемыхъ круглыхъ домовъ съ карнизомъ, не

насчитается и двадцати во всей волости; впрочемъ, такой домъ тѣже двѣ избы съ стѣнами, отличающіеся только тѣмъ, что стѣны забираются не въ столбы, поставленные къ угламъ избъ, а въ пазъ, выбранный на самыхъ углахъ.

Стѣны рѣдко крыты чѣмъ-нибудь; на дворъ нѣтъ забора; посреди срубленъ небольшой чуланъ, иногда и того нѣтъ: онъ поставленъ подъ дворомъ, вмѣсто самцовъ, лежа половиною на клевѣ, а другою на воротахъ; съ стѣнъ-же черезъ дворъ, для прохода къ нему, кинута толстая доска, или два тесаныхъ бревешка. Бѣлая изба есть обыкновенно лѣтняя: если лицевая сторона дома обращена на югъ, а входъ въ нее съ запада, то около наружной двери устроены вверху — полати, на правой сторонѣ за порогомъ — коникъ (короткая до угла лавка), далѣе — лавка во всю стѣну, широкая, осиновая; въ юго-восточномъ углу — полка, уставленная образами; на лѣво — печь съ голбцемъ и дверь туда; далѣе — дверь въ переборку, если такая есть. Въ зимней избѣ, направо отъ входа — лавка, а въ юго-западномъ углу — полка, или кѣотка съ иконами; вдоль южной стѣны — также лавка, на восточной — суденка; въ сѣверо-восточномъ углу — черная печь, возлѣ къ сѣверу — голбецъ; далѣе до западной стѣны — палати, и подъ ними — осиновая колода для корма рогатаго скота, который тутъ, во всю зиму, кормится дважды въ сутки, поутру и ввечеру, мякиной или тертовкой (житной, иногда и пшеничной соломой, или крупнымъ ржанымъ колосомъ, измятымъ лошадьми намелко), и поится, чѣмъ кто умѣетъ и имѣетъ.

Печь здѣсь рѣшительно никогда, ни въ бѣлой, ни въ черной избѣ, не кладется изъ кирпича, а сбивается на мѣстѣ изъ глины. Прежде мѣли для того глину въ самой глинищѣ, рѣзали ее потомъ косяками (четвероугольными, въ подъемъ человѣку, брусками или кирпичами), возили на лошадяхъ домой, и складывали пѣчку. Но такая печь не довольно прочна, жаръ пробивается въ спай, и ее надобно часто мазать; оттого этотъ способъ брошенъ, и теперь пѣчка сбивается на мѣстѣ. Для сего обыкновенно выбираютъ красную глину съ бѣлымъ хрящомъ, которой изобилуютъ наши горы; другая, по отзывамъ крестьянъ, не годится. Эта красная глина чѣмъ суше, тѣмъ печь прочнѣе; а если будетъ нѣсколько сыровата, то при топкѣ вода станетъ пробиваться сквозь верхніе слои, внутрь и внѣ, и

спосить верхнюю гладкую оболочку печи. Выбравъ такимъ образомъ глину, возять ее прямо въ избу, сыплоть на приготовленный опечекъ помаленьку, тонкимъ слоемъ, и рубять деревянными заостренными молотками, подсыная до-тѣхъ-поръ, пока подъ печи будетъ достаточно толстъ. Потомъ дѣлають изъ досокъ четвероугольный ящикъ, ставятъ его на подъ, оставляя между нимъ и стѣнами избы пространство отъ 4 до 6 вершковъ для стѣнъ печи (известно, что печь всегда почти кладется въ углу), а съ третьей стороны отъ голбца забирають досками въ столбъ, поставленный на углу печи, гдѣ должно быть устье, и утвержденный брусъями въ обѣ стѣны избы. Засимъ, на открытой сторонѣ, гдѣ должно быть устье, кладутъ подлѣ ящика другую доску, утвержденную однимъ концемъ въ брусъ, а другимъ въ стѣну, такъ-чтобы между ней и ящикомъ было известное пространство для печной стѣнки; въ это пространство сыплоть опять помаленьку глину, рубять ее стоя на поду, и возвышаютъ мало-по-малу стѣны печи, накладывая вверхъ досокъ и упирая ихъ одну-въ-другую. Когда придется потомъ сводить сводъ, то всю внутренность печи набиваютъ толстыми отрубками, складывая ихъ костромъ, такъ-чтобы въ печи было кругло; насыпають опять глины, и бьютъ, доколѣ не засыплоть послѣдній отрубекъ. Дѣло конечно, когда верхъ (по здѣшнему выраженію — «сковорода») сдѣлается довольно толстъ. Тогда остается на работѣ одинъ человекъ, который отбираетъ съ лицевой стороны изъ избы утвержденныя доски, вырѣзываетъ по мѣркѣ, какое надобно устье, и выбираетъ сквозь него отрубки; потомъ влезаетъ внутрь печи, выламываетъ доски, беретъ худую косу, сгибаетъ ее какъ скобель, и обдѣлываетъ ею печь внутри какъ ему угодно, обрѣзывая излишекъ глины, пробившійся сквозь промежутки досокъ или сквозь отрубки, забивая вдавленные лѣсомъ мѣста и снова изсѣкая ихъ своимъ деревяннымъ молоткомъ; послѣ чего, положи одну дощечку по срединѣ печи на поду, а другую приложивъ къ своду, вколачиваетъ подставку, и вылезаетъ. Если печь черная, то она совсѣмъ готова, и немедленно затапливается; если-же бѣлая, то мнутъ еще глину на полу, рѣжутъ толстыми кирпичами, и выкладываютъ у трубы ноги: потомъ приходитъ печникъ и кладетъ, какъ водится, трубу, подъ крышей — сырцомъ, а сверхъ крыши —

жженымъ кирпичемъ. Такую печь, кромѣ трубы, обыкновенно сработываютъ восемь человѣкъ въ десять часовъ, считая тутъ-же рытье и возку глины на разстояніи полуверсты; вырѣзки-же, одному мастеру, часа на четыре. Все это обходится крестьянину очень дешево, особенно при черной печи, которая не требуетъ ни одного кирпича, а между-тѣмъ, просушенная хорошенько, вся становится какъ одинъ кирпичъ, и печетъ и варитъ прекрасно; крестьянинъ цѣлую жизнь на ней спитъ и парится въ ней, не зная поправки пода и покупки кирпича. Еслиже притомъ подобная печь сбивается на срубъ съ земли, то въ такомъ случаѣ когда и сама изба уже сгніетъ, хозяинъ ставитъ на мѣсто ея новую, а печь все остается старая: такимъ образомъ, еслибы срубъ подъ печью не опускался, то она вѣрно - бы пережила пять избъ; былъ примѣръ, что крестьянинъ, перетѣхавъ жить на другое мѣсто, оставилъ такую печь на улицѣ, и она полтора года, подъ морозами и дождями, стояла невредима.

Дворъ обыкновенно ставится величиной соответственный числу скота, длиной равной дому, а иногда и нѣсколько выше дома шеломомъ, именно когда бываетъ шире избы; кроется соломой съ жердями. На задней стѣнѣ, подъ углами по клеву къ дому — ворота, а на большихъ дворахъ — и двое, для возки навозу, чтобы въ одинъ въѣзжать, а въ другія выѣзжать. Заборы рѣдко мѣшеные; надъ навозомъ повѣть, рѣдко глухая (то-есть во весь дворъ). Въ повыхъ деревняхъ, близкихъ къ лѣсу, у крестьянъ, болѣе зажиточныхъ, есть прекрасные теплые дворы съ глухими повѣтями, и даже со въѣздами на повѣть; но такихъ не много. Есть и такіе дворы, на которыхъ, не понимаешь, какъ можетъ жить скотина.

Сараевъ большихъ мало; обыкновенные — отъ 3 до 4 сажень длины, и 3 или 2½ поперечины; между двумя, всегда простенокъ, иногда съ одной стороны открытый и безъ полу: все это покрыто соломой. Жаль, что крестьяне вообще не обращаютъ должнаго вниманія на поставку своихъ сараевъ, и, за недостаткомъ ихъ, часто сѣно и яровую солому мечутъ въ стоги въ гумнахъ; потеря корма тутъ видимая: между-тѣмъ, лѣсъ мелкой здѣсь очень дешевъ, и поставка почти ничего не стоитъ, потому-что каждый крестьянинъ самъ плотникъ: да дорого время, и каждый, кончивъ полевую работу, торопится зашибать

денежку на черный день. Ригъ тоже очень мало. Овиновъ съ потолка есть-таки, но безъ печей; болѣе безъ потолковъ; съ крытымъ гумномъ, или ладонью, не болѣе какъ на половину. Зимникъ обыкновенно осиновый; на лапахъ садила не ставятъ. Житница есть у cadaго крестьянина, разной величины, смотря по количеству семейства и хлѣба. Погребъ не у всякаго; за неимѣніемъ его, лѣтомъ хозяйка ставитъ молоко и т. п. во мшаникѣ, а хозяинъ — пиво и т. п. въ клевѣ, очистивъ его отъ навозу, или въ пустой избѣ. Баня еще рѣже, и та черная; крестьяне, какъ уже было замѣчено обыкновенно парятся въ печахъ, а льны мнутъ съ овиновъ. У нѣкоторыхъ, близъ дома есть свѣсы, гдѣ ставить телѣгу, сани и т. п.; также щепники, куда валить щепу и обрубки, остающіеся при дѣланіи барокъ.

Въ платьѣ мужскомъ нѣтъ никакихъ особенностей противъ другихъ крестьянъ. Обыкновенное платье лѣтомъ: на головѣ невысокая шляпа, поярковая, съ короткими полями, у молодаго — съ ленточкой, или бархаткой, и съ пряжкой, а иногда — ермолка съ кисточкой; на шеѣ нѣтъ ничего; на плечахъ сѣрый кафтанъ по колѣно, иногда понитникъ, а въ сырую погоду «поволочень» (худой сѣрый кафтанъ, покрытый толстымъ бѣлымъ холстомъ), и бѣлой, нитяной, вязаный дома кушакъ; на ногахъ старыя плохенькія суконныя онучи, сверху портянки, и потомъ берестяные или липовые лапти: зимой: у старика — шапка, сшитая изъ своихъ домашнихъ овчинъ, иногда малахай, круглыхъ мало, а у молодаго — суконный картузь, или круглая съ околышемъ шапка; на шеѣ иногда худенькой платчишко; подъ кафтаномъ худенькой полупубокъ, или телятникъ; короткіе сѣрые штаны, иногда сверху онучь; онучи бѣлыя, здоровыя, обернутыя на ногѣ сверху холщевкой, чтобы не терлись отъ лаптей; рукавицы бараньи большія; на ногахъ лапти или «шептуны» (лапти изъ отрепанныхъ прядокъ.) Нарядное платье лѣтомъ: у стариковъ — шляпа, сѣрый кафтанъ съ короткимъ откинутымъ воротникомъ изъ плиса, которымъ окладываются и полы до пояса; кушакъ шерстяной, красный, или полосатый; сапоги надѣтые по онучѣ; сверху армякъ, иногда черный суконный отъ 80 к. до 4 р. сер. за аршинъ, иногда решменскій съ плисовымъ воротникомъ, иногда просто сѣрый, только обложенный плисомъ; на ногахъ сапоги (у бѣд-

ныхъ — кимерскіе красные, или и просто — лапти); у молодыхъ-же, и особенно у жениховъ — на головъ картузь съ кисточкой; на шеѣ платокъ, иногда недорогой шелковой, обернутый кругомъ, чтобы концы упали на грудь, или накинутый на-крестъ, чтобы заткнуть концы за поясъ; непременно красная рубашка съ косымъ воротникомъ (манишекъ и нагрудокъ не знаютъ, но иногда носятъ жилетъ); сверху полукафтанье суконное синята цвѣта, или нанковое, рѣдко «поддѣвка» (такъ-называемая потому-что на нее надѣвается армякъ); широкіе плисовые штаны; сапоги вытяжные съ широкими раструбами; наконецъ, сверху всего армякъ, непременно суконный синій — у кого есть, а въ противномъ случаѣ — ничего: зимнее нарядное платье одно съ лѣтнимъ, съ тѣмъ только различіемъ, что подъ армякъ поддѣваютъ здоровый овчинный бѣлый полушубокъ, а на ноги валеные съ-рые сапоги; дубленокъ очень мало.

Платье женское также не имѣетъ ничего особеннаго противъ другихъ крестьянокъ. Въ будни: у всякой замужней женщины — на головъ волосникъ, или неширокій и невысокій кокошникъ, съ мѣднымъ на лбу позументомъ; по лбу платокъ, сверху кокошника другой; сарафанъ крашеный безъ кружевъ; на ногахъ лапти съ онучами или портянками; сверху сѣрый кафтанъ; у дѣвицы — нѣтъ кокошника, и голова просто повязана платкомъ, иногда набойчатымъ; сарафанъ съ кружевомъ; прочее какъ у женщинъ. По праздникамъ, и вообще при нарядѣ: у женщинъ — кокошникъ съ серебрянымъ позументомъ; сарафанъ съ кружевомъ, или такъ-называемая «кумашница», или ситцевой, а у богатыхъ и шелковой, только безъ цвѣтовъ; рукава бѣлые полотняные, иногда ситцевые, иногда обшитые узенькою серебряною бахромою; на шеѣ ничего; поясъ шелковый въ два ряда, съ длинными концами, на коихъ висятъ кисточки; на ногахъ шерстяные бѣлые чулки и босовики, иногда красные башмаки, черныхъ нѣтъ; чулковъ бѣлыхъ очень мало; у дѣвушки: лѣтомъ — на головъ платокъ («голстинка», или «галошница» — по здѣшнему), часто шелковый, въ видѣ повязки, такъ-чтобы маковка была открыта; коса выпущена, и въ ней непременно длинная шелковая лента; остальное все какъ у женщины, смотря по достатку, только у каждой дѣвушки-невѣсты есть непременно за чулкомъ маленькое зеркальцо; зимою — голова повязана, коса вы-

пущена; сверху поддѣвка, какъ у мужчинъ, смотря по достатку; длинныхъ шубъ нѣтъ.

Сицкаръ питаетъ себя и семейство свое, смотря по достатку; вообще, однако, любить поѣсть если не всегда хорошо, по-крайней-мѣрѣ плотно. Въ мясоѣдѣ, осенью тѣтъ онъ овсяные блины, щи сѣрые съ овсяной крупой, и съ говядиной или бараниной — если есть, картофель жареный въ салѣ или маслѣ, кашу жидкую съ саломъ, молоко, и т. д.; весной, тѣже щи — если есть, а нѣтъ — такъ кашницу овсяную съ свининой и т. д. Кушанье постное: ржаной пирогъ, или ситникъ, или жидкая преснушка, или такъ-называемый «кулыбыщъ»; рѣдка, рыжики или струхи, грибы сушеные; щи съ лукомъ и масломъ въ накрошку, иногда со снѣтками; горохъ, каша пшенная или житная (гречневой не любятъ), картофель съ масломъ, и т. п. Праздничное кушанье: пряженцы (въ постъ и въ мясоѣдѣ непременно пшеничные, иначе нѣтъ и праздника); потомъ щи съ говядиной, свинина свѣжая или соленая; жаркаго готовить не знаютъ, зайца и дичи вовсе не ѣдятъ; сальникъ, лапша въ молокъ (мясной не готовятъ), молоко и т. д. Въ постный праздничный день, чѣмъ Богъ послалъ, но ужъ во всякомъ случаѣ непременно рыба, если есть — свѣжая, а нѣтъ — такъ и соленая; севрюга впрочемъ рѣдко, а изъ свѣжей щучина предпочтительно.

ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫСЛЫ.

ОБЩЕЕ ПРИМѢЧАНІЕ О ТРУДОЛЮБИИ НАРОДА. ХЛѢБОПАНШЕСТВО, СѢНОКОСЪ, СКОТОВОДСТВО. ОГОРОДНИЧЕСТВО И САДОВОДСТВО. ЛѢСОВОДСТВО И ЛѢСНЫЕ ПРОМЫСЛЫ: СТРОЕНІЕ БАРОКЪ, ГОНКА ДЕТТА, ЖЖЕНІЕ УГЛЯ. ЗВѢРИНАЯ ЛОВЛЯ, РЫБНАЯ ЛОВЛЯ, ПЧЕЛОВОДСТВО. ТОРГОВЛЯ И РУКОМЕСЛЕННОСТЬ. ПРИХОДЪ И РАСХОДЫ. ОТСУТСТВИЕ НИЩЕНСТВА.

Сицкій народъ вообще трудолюбивъ. Хотя нельзя сказать, чтобы въ немъ не было вовсе лѣнивцевъ, по справедливой пословицѣ: «въ семьѣ не безъ урода»; но совершенныхъ лѣнтяевъ очень не много. Во время лѣта, всякой лишній человекъ въ

сѣмействѣ, то-есть тотъ безъ котораго сѣмейство надѣется управитъ полевья работы, всегда ходитъ «на сторону», или живетъ «въ людяхъ», промышляя денежку работою. Когда-же народъ выберется съ полей, то дома для молотбы остается одинъ только мужчина изъ сѣмейства, съ бабами и ребятишками; прочіе всѣ поголовно отправляются въ разныя работы: или — въ лѣсъ валить и тесать копани (клюши, кокоры), или — на сторону съ топоромъ и съ пилой, или наконецъ — въ Рыбинскъ, либо въ другое какое мѣсто, на барки: это продолжается, пока не начнетъся дома яровый посѣвъ, или и далѣе, пока барки не спихнутся съ берегу. Коротко-сказать, Сицкаръ нашъ круглый годъ въ работѣ; и надо прибавить, что онъ къ работѣ прилеженъ (по здѣшнему выраженію — «наложенъ на работу»), въ работѣ ловокъ (или какъ здѣсь говорятъ — «складенъ»); если захочетъ, то и проворенъ; только дѣлаетъ дѣло не торопясь, по пословицѣ: «всего вдругъ не сдѣлаешь»!

Собственно по домашнему хозяйству, Сицкари хлѣбопашествомъ занимаются тщательно. Нѣтъ мѣста, способнаго къ паши, которое-бы не было распахано; горы и овраги, поросшіе лѣсомъ, гдѣ нѣтъ возможности проѣхать съ сохой или косулей, выѣкаются, выжигаются, цпаются желѣзнымъ крюкомъ, засѣваются ячменемъ и заборониваются граблями. Эта послѣдняя, крайне трудная работа, на первый разъ немного приноситъ выгоды; но, на слѣдующій годъ, земля зарастаетъ хорошею травою, и, въ-послѣдствіи, когда пенъ, сгнивши, вываливается, вся гора, вмѣсто голой осыпи, покрывается травой, хотя не богатой, но очень полезной для скота, при здѣшнемъ недостаткѣ выгоновъ. Пашней занимаются вообще одни мужчины; пахать женщинъ, или дѣвкъ, большая рѣдкость. Полеводство, обыкновенное, трехпольное. Другихъ земледѣльческихъ орудій нѣтъ, кромѣ одноконной косули для яроваго посѣва, сохи перекладной для паровой и озимой пашни, да деревянной бороны; въ новыхъ только деревняхъ, и то рѣдко, употребляется тупая прямая сошка для распашки новей, гдѣ нѣтъ возможности, по множеству пней, пахать другимъ орудіемъ; бываетъ, что когда надо выламывать слишкомъ толстые пни, то лошадь идетъ съ однимъ отрѣзомъ, а за нею другая въ косуль, съ отрѣзомъ и лемехомъ. Дерево сохи каждый крестьянинъ дѣ-

лаетъ самъ, а косули не каждый: соха, съ желѣземъ и полицею, покупается не выше рубля сер., косуля не выше 2 руб., а борона лучшая не выше 40 коп.: впрочемъ послѣднюю могутъ дѣлать сами крестьяне, и половина крестьянъ дѣлаетъ.

Пашня яровая никогда здѣсь не двойится, а застѣвается прямо на ломоть, который выскороживается подъ горохъ и пшеницу — не очень мелко, подъ ленъ — намелко, а подъ овесъ — по одной боронѣ по мѣсту. Въ 1848 году, пашня подъ яровый посѣвъ по берегамъ Сити началась 7 апрѣля — рѣдкость, какой не запомнятъ даже старики; въ плотную принялись около 17 апрѣля — и это слишкомъ рано: все это оттого, что истекшее лѣто было сухо, снѣга зимою очень малы, и съ горъ почти все сдуло въ рѣку. Обыкновенно же яровый посѣвъ, или, лучше сказать, ранняя пашня начинается съ Егорьева-Дня (23 апрѣля), а поздняя съ Еремея (1 мая); старики помнятъ, что былъ разъ только случай, когда начали ее около 4 или 5 мая. Пашня продолжается обыкновенно около трехъ недѣль. Смотря по количеству хлѣба, высѣваемого крестьянами, это время кажется велико, и пашня, значить, идетъ неторопливо: причина тому, во-первыхъ, та, что пашня по обыкновению идетъ валомъ; во-вторыхъ, у большаго числа крестьянъ недостаетъ лошадей, а у иныхъ недостаетъ и рукъ, потому — что мало — мальски лишній человекъ идетъ, какъ сказано, «въ люди» — въ работники, или на барку, или плотничать. Посѣвъ обыкновенно начинается съ гороху; но, посѣявъ его, крестьянинъ не оставляетъ уже косули до-тѣхъ-поръ, пока не подыметъ послѣдняго ломтя пашни, что у иныхъ продолжается около двухъ недѣль. Для меня это сначала казалось страннымъ: земля, по мнѣнiю моему, должна была высохнуть, выветриться, а индѣ засохнуть комьями, такъ-что не будетъ возможности разборонить ее; но, къ удивленiю моему, опытъ показываетъ противное: пашня, пролежавшая около двухъ недѣль, также хорошо выборонивается, какъ и паханная вчера, и, кажется, нисколько не обезсиливается въ плодородiи; впрочемъ это требуетъ еще дальнѣйшихъ наблюденiй и опытовъ. Кончивъ пашню, крестьянинъ приступаетъ немедленно къ общему посѣву, и сѣетъ прежде овесъ, потомъ ленъ, далѣе ячмень, наконецъ пшеницу. Есть у крестьянъ примѣта, сѣять пшеницу въ то время, когда будетъ зацвѣтать черемуха, и какъ ее сѣютъ послѣ

всего, то оно дѣйствительно всегда почти такъ и приходит-ся; говорятъ также, что горохъ не должно сѣять, когда дуетъ сѣверный вѣтеръ. Впрочемъ, то и другое, кажется, болѣе поговорки; и горохъ, и пшеницу, крестьянинъ сѣетъ немедленно, когда, по обыкновенному ходу посѣва, дойдутъ до нихъ руки. Не дѣлаютъ закона и поговорки взятая изъ народнаго мѣсяцеслова: «*Еремей — подыми спитиво*» (1 мая — день Пророка Іереміи), и «*Еремей — опусти спитиво*» (30 мая — день Апостоловъ Ермія и Ерма). Вообще крестьяне, соблюдая постепенность въ посѣвѣ, не выжидаютъ чиселъ; такимъ образомъ когда зажиточный крестьянинъ сѣетъ уже овесъ, маломощный сѣетъ только горохъ, когда первый сѣетъ ячмень, второй сѣетъ еще овесъ, и т. д. Картофель и конопель сѣются лишь въ загородахъ (первый — около 15, а вторая — 25 мая); это оттого, что для конопли полевой слой земли тощъ, а картофель не посѣвается въ полѣ: часто, на 15 августа, поля здѣсь уже совершенно очищаютъ. Количество земли хотя и равно на каждую ревизскую душу, но неравна мѣстность, а потому и посѣвъ: въ одномъ селеніи болѣе пашни, въ другомъ — сѣнокосу, въ третьемъ — зарослей кустарныхъ, въ четвертомъ — болотъ и мховъ, въ пятомъ — ручьевъ и овраговъ. Притомъ, одинъ сѣетъ рѣдко, другой чаще; глупая привычка крестьянъ, на лучшую землю сѣять гуще, есть и здѣсь: «эта, дескать, подыметъ!» Обыкновенно полагаютъ на ревизскую душу яроваго посѣва: гороху — отъ полмѣры до четверика, овса — отъ 2 до 4 четвертей, ячменю — отъ 1 до 3 четвериковъ, пшеницы — полчетверика, льну (смотря по величинѣ семейства, и особенно женскаго пола) — отъ половины до полутора четверика. Въ 1848 году, урожай гороху, высѣяннаго до Пасхи, былъ отъ 5 до 6 и болѣе на четверикъ; горохъ позднихъ посѣвовъ, отъ 23 апрѣля до 1 мая, не вызрѣлъ, и принесъ зеленчаку отъ 3 до 4. Въ то же время, овесъ былъ хорошъ, и пришелъ вообще самъ-4: въ деревняхъ новыхъ, гдѣ почва земли еще не истощена, онъ былъ выше аршина и принесъ 4 съ половиною, а тамъ, гдѣ сѣянъ былъ въ ржаномъ полѣ, на полосахъ выѣденныхъ червемъ, до 5 и болѣе. Ячмень здѣсь никогда не сѣется въ яровомъ полѣ, конечно по причинѣ тощей почвы, а оставляется для него въ ржаномъ полѣ унавоженная полоса, болѣею-ча-

стію низкая, или почему-либо неспособная къ посѣву ржи; принесъ онъ, въ сказанномъ году, отъ 7 до 8 на четверикъ. Пшеницы вообще съется мало, и родится она всегда почти съ головней, а приносить отъ 4 до 5; посему только треть крестьянъ ее съеть. Вообще, относительно здѣшняго плодородія, должно сказать, что были годы, когда горохъ приносилъ 9, а пшеница 7; были и такіе, когда тотъ и другая едва приносили сѣмена. Зерно яровыхъ хлѣбовъ не крупно, но сухо, сжато, полно: четверикъ овса вѣситъ отъ 28 до 30 ф., ячменя — отъ 35 до 41 ф., пшеницы — отъ 40 до 47 ф. Весна 1848 года стояла довольно холодная; былъ снѣгъ и довольно сильные морозы около 1 мая, когда ростокъ ранняго гороха былъ уже въ вершокъ и болѣе; всѣ полагали, что ранніе посѣвы гороха пропадутъ, но оказалось противное: они и созрѣли, и принесли хорошій урожай. Посѣвъ яроваго былъ конченъ около 10 мая; по такому раннему посѣву думали, что овесъ поспѣетъ вмѣстѣ съ рожью, и опять ошиблись: послѣ холодной весны, лѣто было не жаркое, часто перепадали теплые дожди, и потому овесъ протѣхнулъ долго; его начали жать около 15 августа, а убрали съ полей по берегамъ Сити—въ послѣднихъ числахъ мѣсяца, дальше къ лѣсу — позднѣе, а въ самыхъ заднихъ деревняхъ — около 20 сентября. Цѣна овса была отъ 25 до 28 к. сер., ячменя—не выше 30 к. сер. за пудъ.

Паровая пашня обыкновенно начинается тотчасъ по вывозкѣ навозу; безнавозная земля прежде парится. Вывозка навозу начинается не вездѣ равно: въ деревняхъ, близкихъ къ лѣсу, или гдѣ есть хорошіе выгоны для скота—раньше, а гдѣ не куда дѣвать скота—разумѣется, позднѣе; обыкновенно-же—около 9 іюля. Крестьяне возятъ навозъ, каждый своимъ семействомъ; иногда, если семейство мало, сосѣди пособляютъ другъ-другу: за работника, съ лошадыю и съ водокомъ, платится отъ 40 до 50 к. сер. въ день, кромѣ корму людямъ и лошади. Для наметыванія навозу употребляются деревянные вилы съ желѣзными нарожниками, которыя очень туго и въ плотный навозъ идутъ съ трудомъ: увидя у меня желѣзные кованыя вилы, нѣкоторые крестьяне ихъ попробовали, полюбили, и сковали себѣ такіеже. Крестьянинъ не начинаетъ орать, пока не вывезетъ навозу начисто; а до того

времени, навозъ лежитъ на полѣ въ колышкахъ. Пашню производятъ сохою, къ одной межѣ, по одной бороздѣ, перекладывая полицу, и мелко, не глубже полутора вершка; у хорошей пашни ломоть ложится крестъ-на-крестъ и хорошо закрывается навозъ. Черезъ недѣлю, начинаютъ боронить, и забораниваютъ намелко. Въ 1848 году, пашня продолжалась до 1 июля; крестьяне, напуганные червемъ предшествовавшего года, не торопились паровою: сѣять рожь, и думали, и нѣтъ.

Подъ озимовый посѣвъ земля орется тоюже сохою, только глубже, около 3 вершковъ и болѣе. Полицу перекладываютъ, и отваливаютъ отъ межей на средину; отчего небольшая подоранная полоса представляетъ невысокую гряду. Пашня до посѣва не скородится, а послѣ посѣва выбираивается не очень мелко: кто мелко заборонитъ, у того будетъ рожь мелка, говорятъ крестьяне. Проганивать борозды послѣ посѣва, здѣсь и обыкновеніе нѣтъ. Въ 1847 году, посѣвъ начался поздно, не ранѣе 12 августа, и кончился около 5 сентября: крестьяне были напуганы червемъ, который, въ предшествовавшемъ 1846 году, въ деревняхъ, лежащихъ по берегамъ рѣки Сити, выѣлъ озимь почти начисто, такъ-что кое-гдѣ уцѣлѣлъ лоскутокъ на полостъ; нѣкоторые пересѣвали дважды, но послѣднимъ посѣвамъ червь не далъ показать и зелени. И на сей разъ, червь также появлялся, но уже ѣлъ не сплошь, начиная съ боку или съ конца, какъ прежде, а — вьюнами, разрѣжая посѣвъ по всей полостъ, особливо отъ межей и бороздъ. Замѣчено притомъ, что онъ ѣлъ сильнѣе на полосахъ мягкихъ, рыхлыхъ, хорошо унавоженныхъ и выпашанныхъ; гораздо-же меньше вредилъ, или даже и совсѣмъ не показывался на полосахъ глинистыхъ, или первыхъ отъ дворовъ, гдѣ скотъ мнетъ землю, и она, какъ дорѣга, не разборонивается, а таскается крупнымъ комъемъ; также на поднятыхъ перелогахъ, на оборотахъ, то-есть не совсѣмъ перепрѣвшемъ дернѣ. Поэтому, въ нѣкоторыхъ деревняхъ по берегамъ Сити (такихъ, впрочемъ, было не много), сѣяли ржи очень мало, опасаясь потерять и труды и сѣмена; а въ нѣкоторыхъ (этихъ было болѣе), сѣяли поздно, даже около 5 сентября. Не знаю кто по цѣнности хлѣба получилъ болѣе выгоды; знаю только, что кто сѣялъ ячмень есенной на паревую унавоженную землю, тотъ получилъ бога-

тый урожай, а поздній посѣвъ ржи принесъ мелкую солому, мелкое зерно и скудный приплодъ. Осень 1847 года была продолжительная и теплая, такъ-что озимовые посѣвы, уцѣлѣвшіе отъ червя, поправились и укрѣпились; потомъ наступила зима безснѣжная, опасались что на горахъ посѣвы выдуетъ вѣтрами, но Богъ сохранилъ; ранняя, не очень теплая весна, тоже не сдѣлала вреда, потому-что земля была суха. Окончательно исправило все лѣто: рожь быстро поднялась отъ теплыхъ дождей; выцвѣла, не смотря на бывшіе во время цвѣту вѣтры и дожди, хорошо; налилась еще лучше, и принесла обильный урожай — отъ 7 до 8: жать начали ее съ 6, а убирать съ поля съ 15 августа. Замѣтить надобно, что здѣсь никогда не сѣется овесъ въ ржаномъ полѣ, а безнавозная земля обыкновенно парится и засѣвается также рожью; поэтому приплодъ ржи, съ унавоженной и съ безнавозной земли, никогда не превышаетъ 5, ибо почти половина ея у каждаго крестьянина остается неунавоженною. Въ новыхъ деревняхъ, на земляхъ новыхъ, изъ-подъ лѣсу или кустарнику, рожь и овесъ иногда лѣтъ двадцать родятся порядочно, не зная навозу; зато, ленъ и ячмень, на грубомъ пластвѣ, даже унавоженномъ, родятся плохо. Крестьянинъ, на ревижскую душу, высѣваетъ не болѣе одной четверти ржи, а сѣетъ ее часто. Рожь вообще родится мелковатая зерномъ, но сухая, бѣлая и полная; въ хлѣбъ спора, и выпекается хорошо. Четверикъ подсыянной ржи вѣситъ 45 фунтовъ; не знаю, будетъ-ли вѣситъ столькоже выросшая на поляхъ и оборотяхъ. Въ 1848 году, озимовый посѣвъ начался тоже не рано, именно около 40 августа, а къ 20 былъ уже конченъ; губительный червякъ не показывался; озими шли хорошо; не смотря на то цѣна ржаной муки возвысилась: осенью она была ниже 40 к., а потомъ поднялась до 50 к. сер. за нудъ.

Земли сѣнокосныя, какъ уже было замѣчено, вообще здѣсь плохи. По берегамъ Сити онѣ болѣею-частью солотны, кочковаты, или по-крайней-мѣрѣ потны; исключеній очень мало. Само-собою разумѣется, что, въ слѣдствіе того, травы не съдобны для скота, и не питательны, хотя скотъ и ѣстъ ихъ по нуждѣ и привычкѣ. Поемныхъ луговъ почти вовсе нѣтъ. По берегамъ Сити, и впадающихъ въ нее рѣчекъ, есть травяныя мѣста, но онѣ болѣею-частью такъ завалены камнями, что не понимаешь воз-

возможности косить ихъ; по скатамъ горъ и овраговъ, трава такъ тоща, что тоже не стѣитъ косьбы. Въ новыхъ деревняхъ, на низяхъ изъ-подъ лѣсу, травы высоки, метлисты, ломовиты, и также непитательны: рано скошенную траву скотина ѣстъ еще кое-какъ, а поздняя тоже что солома. Сѣнокосъ, въ новыхъ деревняхъ, начинается съ 1, а по берегамъ рѣки Сити около 8 іюля; продолжается у иныхъ до уборки полей. Количество сѣна, собираемаго на ревижскую душу, неравно; въ некоторыхъ деревняхъ не болѣе трехъ возовъ, а въ другихъ селеніяхъ, изъ новыхъ, простирается до осьми. Вообще сѣнокосы недостаточны въ сравненіи съ количествомъ пашни, и крестьянинъ всегда бьется изъ корму. Зажиточные покупаютъ десятину и больше травы въ такъ-называемомъ «порѣчьѣ» (поемный лугъ за рѣкой Мологой, у Графа Мусина-Пушкина), р. на 100 и болѣе ас., въ разстояніи отъ мѣста жительства отъ 15 до 25 верстъ; скашиваютъ своею семьей, и мечутъ тамъ же въ стога до зимы: хорошая десятина платится до 30 р. сер., и приноситъ до 16 возовъ поемнаго сѣна; разумѣется, какъ количество, такъ и цѣна травъ измѣняется, смотря по обстоятельствамъ. Средній крестьянинъ наравитъ нанять гдѣ-нибудь въ околоткѣ подешевле, спорить кормъ бережливостью, мѣскою мякины и т. п.; плохой-же крестьянинъ бьется кое-какъ.

При недостаткѣ сѣнокосовъ, разумѣется, не можетъ быть и хорошаго скотоводства. Только въ новыхъ деревняхъ, близкихъ къ лѣсу, оно идетъ порядочно; тутъ скотъ лѣтомъ не нуждается въ подножномъ корму, и зимой кормится по-крестьянски достаточно: лошадь и овца — сѣномъ, а крупный рогатый скотъ — соломой и мякиной, которыхъ достаетъ, потому что хлѣбъ родится порядочно. Напротивъ, въ деревняхъ по берегу рѣки, лѣтомъ скотина мретъ сильно на тощихъ выгонахъ, весной и осенью взять ей также нечего, а зимой и того хуже; посему нисколько не удивительно, что скота здѣсь вообще держать мало, да и тотъ тощъ и мелокъ. Лучшій крестьянинъ, на ревижскую душу, держитъ одну лошадь, двѣ коровы, да овцу, болѣе нѣтъ возможности прокормить; есть крестьяне, имѣющіе, на четыре души, одну лошадь. Лучшую во всей волости лошадь можно купить не выше 50 р. сер., и такихъ очень не много; лучшая корова стѣитъ 40 или 44 р. сер., ов-

ца — отъ 1 р. 50 к. до 2 р. сер. Обыкновенный вѣсъ убитой коровы — отъ 5 до 6 п., ягненокъ — отъ 25 до 30 ф. (выше—мало); пудъ говядины стоилъ, въ 1848 году, отъ 1 р. до 1 р. 30 к. сер., баранины — отъ 80 к. до 1 р. сер. Свиной держать крестьяне довольно, потому-что мясо ихъ предпочитаютъ всякому другому; кормятъ чѣмъ попало; вѣсу въ нихъ бываетъ отъ 5 до 8 п. Цѣна свиной туши: съ зубомъ — отъ 1 р. 50 к. до 1 р. 60 к. сер., по лопатки — 2 р. 40 к. сер. за пудъ; ниже вѣсъ туши, ниже и цѣна. Сверхъ-того: щетины хребтовой фунтъ — около 1 р. 70 к. сер., боковой — не выше 20 к. сер. Не смотря на особенную любовь къ свининѣ, крестьяне, однако, ни свиней, ни борововъ, для разведену не держатъ, а покупаютъ ихъ маленькихъ, или пожалуй и взрослыхъ, и откармливаютъ на убой, рѣдко кормя долѣе году; при этомъ они не знаютъ какъ продвѣвать свиньямъ проволоку, отчего эти прожорливыя животныя все, куда ни залѣзутъ—гумно, загороды, луга — взрываютъ какъ пашню.

Правительство оказало величайшее благотвореніе Сичкарямъ, позволивъ имъ селиться на заднихъ своихъ полосахъ. Было уже замѣчено, что, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, все здѣшнее народонаселеніе сжато было въ кругу не болѣе семи верстъ поперечника, на самомъ берегу рѣки Сити, около трехъ главныхъ селъ. Земля, на прибывающія ревижскія души, иарѣзывалась, позади полевой земли заднихъ деревень, къ казенному лѣсу; такимъ-образомъ, у каждаго селенія, не болѣе половины земли было въ полѣ, а другая часть за семь, восемь и болѣе верстъ. Можно судить, какая была оттого невыгода для земледѣлія: крестьяне рѣзали мелкими полосами полевую землю, а задняя пропадала почти даромъ; кое-гдѣ былъ палъ, засѣянный ячменемъ, или ручеекъ, расчищенный подъ покосъ—вотъ и все: гонять туда скотъ на пастбище, черезъ чужія поля, а иногда еще и изъ-за рѣки, не было возможности; ближайшія деревни не брали ничего въ кортому у дальнихъ, потому-что и своей земли дѣвать было не куда. При такой совершенной безполезности задней земли, дальній крестьянинъ, когда приходила нужда платить подать и кормить семейство, весь участокъ свой въ ней, на три ревижскія души, отдавалъ ближайшему—за одни березовыя лапти!—Наконецъ крестьяне

одумались; бѣднѣйшіе изъ нихъ, при пособіи зажиточныхъ, стали выѣзжать съ позволенія Правительства; и, такимъ образомъ, изъ 20 селеній, въ теченіе пятидесяти лѣтъ, сдѣлалось 45. Теперь эти выселившіеся крестьяне изъ бѣдняковъ стали зажиточными, и новыя деревни суть самыя лучшія, и скотомъ, и хлѣбомъ. Впрочемъ, народонаселеніе, по обоимъ берегамъ рѣки Сити, все еще слишкомъ тѣсно. На трехъ верстахъ часто живетъ до трехъ сотъ ревижскихъ душъ и болѣе, съ домами, сараями, житницами, гумнами, огородами, и т. д. Село, на-примѣръ, *Искровское*, и деревни: *Милютино*, *Григорово*, *Рысье*, *Копань*, *Михнево*, *Ревятино*, *Игнатово*, *Глинникъ* (до 500 ревижскихъ душъ) — составляютъ кругъ не болѣе двухъ верстъ длины и поперечины! Гдѣ же земля для пашни? Она вся нартзана длинною полосою взадъ, протягиваясь отъ 5 до 7 верстъ. Плохо. Станетъ крестьянинъ возить навозъ, навозить не болѣе 4 или 5 телегъ въ день; съ сохою, бороною, сѣменами, ѣдетъ за 5 и болѣе верстъ; возъ сѣна, сноповъ, везетъ 7 верстъ: задняя земля дика, худа, выпажана, не унавожена; скоту плохой выгонъ, когда онъ долженъ идти около 10 верстъ и болѣе, взадъ и впередъ, на тощую траву. Нѣтъ сомнѣнія, что когда крестьяне подвинутся еще далѣе на заднія полосы, такъ-что земля будетъ у каждаго подъ руками, польза выдетъ для нихъ большая. Нѣсколько сотъ трудолюбивыхъ, здоровыхъ и привычныхъ рукъ, вмѣсто того чтобы въ плохіе годы шататься для насущнаго пропитанія по сторонамъ съ топоромъ и пилою, обратятся, для собственнаго своего блага, къ улучшенію земледѣлія и скотоводства, и такими существенными произведеніями, какъ скоть и хлѣбъ, будутъ обезпечивать себя вполнѣ на неурожайные годы, какъ уже не разъ случалось съ новыми деревнями. Тогда можно будетъ ввести у нихъ со-временемъ и многопольное хозяйство, что при настоящемъ расположеніи селеній рѣшительно невозможно. Населенность отъ такого домоудства вѣрно ничего не потеряетъ; да и нравственность, конечно, не останется въ накладѣ: крестьяне будутъ приносить менѣе, и пороковъ, и болѣзней, въ свои семейства.

Изъ прочихъ домашнихъ хозяйственныхъ промысловъ, огородничество маловажно, и едва-едва удовлетворяетъ небольшимъ потребностямъ крестьянина. Рѣдька, морковь, свекла,

сидятся въ маломъ количествѣ; бобы и горохъ очень рѣдко. Лукъ мелкой рѣпчатой: иногда его остается у крестьянина нѣсколько четвериковъ въ продажу, а продается онъ до 30 к. сер. за четверикъ; чесноку вовсе нѣтъ. Картофеля тоже иногда остается нѣсколько на продажу: цѣна 10 к. сер. за четверикъ, рѣдко выше. Рѣпа есть, и брюквы довольно. Капусты мало; иногда ее покупаютъ въ городѣ Мологѣ, а иногда, за недостаткомъ кислицы, хлебаютъ овсяную кашу. Вотъ и все. Можно прибавить сюдажъ конопляники, разводимые, какъ сказано выше, въ огородахъ; но они не велики, и не у каждаго, менѣе чѣмъ у половины домохозяевъ. У иныхъ есть порядочные хмѣльники; впрочемъ сбору съ нихъ не выше пуда въ хорошій годъ.

Садоводство также ничтожно. Нѣсколько яблоней, рябина, черемуха, кустъ малины, кое-гдѣ смородина черная; и все.

Засимъ, особыхъ сельско-промышленныхъ заведеній, кромѣ самыхъ необходимыхъ въ простомъ хозяйствѣ, нѣтъ. Есть съ полсотни вѣтреныхъ толчей, но ни одной шатровой мельницы. Въ 1848 году, завелась одна конная маслобойня.

Лѣсу при волости довольно, и весь онъ состоитъ въ одномъ мѣстѣ, на лѣвомъ берегу рѣки Сити. Выгоны на этомъ лѣвомъ берегу заросли мелкимъ ельникомъ, а на правомъ — олешиникомъ. Тотъ и другой крестьяне рубятъ на дрова, а ельникъ еще — на колья въ полевой огородъ и на переплетину къ загородъ. Самый мелкій ельникъ идетъ на витвину или перевязь: для этого елка раздирается на-двое, и ею перевиваются колья въ огородахъ; такая перевязь очень прочна, и обыкновенно держитъ огородъ отъ 10 до 45 лѣтъ. Можно-бы думать, что крестьяне, рубя мелкій ельникъ, переводятъ тѣмъ лѣсъ, но опытъ показываетъ противное: березовая перевязь держитъ всего только годъ, ивовая не болѣе двухъ, а елка, сама не старѣе четырехъ лѣтъ, держитъ до 45 лѣтъ; пока одна держитъ, другая вырастаетъ въ жердь; крестьянину менѣе работы, и лѣсу меньше ущерба. Напротивъ справедливость требуетъ сказать, что лапти слишкомъ дорого достаются лѣсамъ. Липнякъ, котораго очень было довольно, становится уже слишкомъ рѣдокъ и мелокъ; не найдете во всемъ лѣсу липы и въ оглоблю. А что терпитъ бѣдная береза? Дважды въ годъ, въ петровки и осенью, крестьянинъ, въ теплый день, отправляется въ лѣсъ съ топоромъ за поясомъ, и высматриваетъ

березу: гладка, такъ онъ тутъже срубаетъ ее и обдираетъ годныя мѣста; но часто случается, что береза оказывается негодною (ибо не всякая береста годна для лаптей, иная двоится и тронется), тогда онъ бросаетъ ее и ищетъ другой: бываетъ, такимъ-образомъ, что, проведивъ цѣлый день и срубивъ десятокъ березъ, онъ возвращается домой по-вечеру съ запасомъ — на одни лапти! — Лѣсъ гибнетъ даромъ, и мужикъ не въ выгоду!

Вообще должно сказать о Сицкарѣ, что онъ, родясь и выросши въ лѣсу, свыкъся съ топоромъ, какъ казакъ съ своимъ копьемъ: его любимое занятіе — возиться всячески съ лѣсомъ. Такимъ образомъ, лѣтъ тридцать тому назадъ, крестьяне здѣшніе, не имѣя за собой надзора, сильно губили волостной свой лѣсъ: они рубили его на барки, на избы, на сараи, на крышечный тесъ; и чтожь изъ того выходило? Двѣ копани, свезенныя въ село Локкое (около 25 верстъ), продавались не болѣе 20 к. сер.; стало-быть, крестьянинъ съ лошадыю, на своемъ хлѣбѣ, выработывалъ въ день не болѣе 40 к. асс., ибо не менѣе 30 к. стоило свалить копань и вытесать. На мѣстѣ стѣновое бревно продавалось не выше 15 к. сер., сотня крышечнаго тесу доходила до 2 р. сер.: такимъ образомъ лѣсъ гибъ понапрасну, скорѣе разоряя, чѣмъ обогащая крестьянъ; немного десятинь уцѣлѣло отъ топора, а множество костровъ сгнило въ лѣсу, за недостаткомъ сбыта. Къ счастью, такое безразсудное злоупотребленіе лѣсныхъ богатствъ нынѣ прекращено попечительными распоряженіями Правительства; и это послужило къ явной выгодѣ самихъ крестьянъ. Теперь сами они, по собственному расчету, не пользуются даже и дровяникомъ казеннымъ; условія, на коихъ отводится имъ лѣсъ для отопленія, превышаютъ выгоду получать его безденежно: лошадь съ мальчикомъ подъ кладъ стѣитъ отъ 25 до 50 к. сер. въ день, крестьянинъ съ однимъ топоромъ — отъ 20 до 30 к. сер.; дороги придутъ дрова, когда надобно еще очистить сукъ и щепу въ порубкѣ. Оттого, въ настоящее время, крестьяне, покупая у окольных помещиковъ лѣсъ для строенія барокъ десятинами, вершины отъ копаней и вальковъ, также иву, березу, осину, ольху и прочее негодное для барочнаго промысла, употребляютъ на отопку; присемъ, такъ-называемый здѣсь «обработокъ», то-есть десятина, изъ которой годный для барокъ лѣсъ вывезенъ, продается отъ 5 до 8 р. сер. и

даетъ дровянику до 300 воевъ. Такимъ образомъ, казенный лѣсъ при волости значительно поправляется, и есть уже порядочный строевой; можно надѣяться, что, при продолженіи подобной бережливости, лѣтъ черезъ сорокъ достигнетъ онъ и совершенной полноты, что на случай очень важно.

Нынѣ, главный и почти единственный прибыточный для крестьянъ лѣсный промыселъ есть строеніе барокъ; потому что каждый въ немъ находитъ себѣ работу, а слѣдовательно и средство добывать деньги. Конечно, по перемѣнчивости обстоятельствъ, промыселъ этотъ не всегда надеженъ; но вотъ уже около десяти годовъ, какъ идетъ порядочно, въ слѣдствіе чего и цѣны на все поднялись, на копани, на днища, за работу, и т. д.; прежде, на-примѣръ: барка продавалась отъ 250 р. до 300 р. асс., нынѣ — отъ 450 до 515 р. Крестьянинъ обыкновенно рядится съ какимъ-либо купцемъ, заключаетъ контрактъ, или просто, по одной запискѣ, получаетъ половину денегъ въ задатокъ, и начинаетъ строить. На волю вообще строить мало, опасаясь упадка цѣнъ: только нѣкоторые работаютъ по баркѣ или много по двѣ. Впрочемъ, и по подряду, жилищный и семейный крестьянинъ работаетъ не болѣе какъ до пяти барокъ, средній — двѣ или три; много работать нѣтъ выгоды. Въ 1817 году, если лѣсъ былъ весь покупной, барка обыкновенно приходилась въ 450 р. асс. (именно: за мѣсто — отъ 5 до 6 р.; днище съ пыжами и порубьями — отъ 115 р. до 125 р.; лѣсъ на бока — 10 р.; сосна — 10 р.; пилка боковъ — до 18 р.; стойки — 6 р. за сотню; копани — отъ 125 р. до 140 р. за сотню; сдѣлать барку — отъ 90 до 100 р.; пакля, скобы, гвоздь — 25 р.; сгонщику до Рыбинска — 20 р.). Затѣмъ продажная цѣна для нѣкоторыхъ выпадала до 515 р. за барку, а въ казну ставили не выше 450 р. ассигн.: барышъ пустой! — Но дѣло въ томъ, что крестьянинъ, покупая лѣсъ десятиною, копань валить и тешетъ самъ, еловое дерево для днища тоже самъ валить и тешетъ, возить его самъ, работаетъ барку самъ, стойка своя, лѣсъ для боковъ также весь свой, кромѣ сосны, да и гонить въ Рыбинскъ барку самъ-же. Платить — да и то не каждому — приходится только за вывозку сотни копаней изъ лѣсу на берегъ — до 25 р., за пилку на барку — отъ 45 до 55 р. съ барки, да работнику, если собствен-

ное семейство мало — отъ 50 до 60 р. асс. Покрывъ эти расходы, и заплативъ за десятину лѣсу (въ 1847 году — отъ 40 до 70 р. асс.) — крестьянинъ остальное считаетъ барышемъ! — Бываютъ, впрочемъ, особенные случаи, увеличивающіе цѣнность расходовъ, а потому уменьшающіе барышъ. Въ 1847 году, Сицкарями сработано было до 250 барокъ, но по мелководію нѣкоторыя не были спихнуты съ берегу. Крестьяне не помнятъ такой мелкой воды, даже старики; водяныя ветряныя мельницы, до Панкратовской, стояли всю зиму даромъ, за недостаткомъ воды; Панкратовская молола только въ два жернова, а иногда и въ одинъ; затѣмъ, весною, всѣ, кромѣ Панкратовской, не выбирали даже вѣхъ и начали прямо молотъ; спущенная нижними заводами вода, не болѣе какъ въ три сутки, стекла вся въ рѣку Мологу, а потому въ иныхъ мѣстахъ глубина Сити не превышала четверти аршина. Гнать барокъ не было возможности по множеству камней; посему иные крестьяне не спихивали ихъ, а оставили на берегу до слѣдующаго года, и такихъ осталось до 40. Между-тѣмъ, для тѣхъ, которыя были спихнуты, крестьяне должны были, собираясь, разбирать камни вѣртами: работа трудная, и по холодной и дождливой веснѣ опасная для здоровья, ибо въ дождь и хизъ надо было непрестанно быть въ водѣ. Наконецъ, согласясь, купили они воду у верхнихъ заводчиковъ, заплативъ, какъ я слышалъ, около 2,000 р. ассигн., и кое-какъ вышли въ самомъ началѣ Петрова-Поста. Плачено было неравно, съ верхнихъ барокъ — болѣе, съ нижнихъ — менѣе: средняя платила отъ 13 до 15 к. асс.; всего-жъ расходу пало, такимъ образомъ, кромѣ своихъ трудовъ, около 25 р. асс. на барку! — Знатоки вообще хвалятъ Сицкую барку; она не такъ чиста, какъ работаютъ на Мологѣ и Волгѣ, но плотна и не водяниста, а потому легка на ходу и подъемиста: между-тѣмъ Сицкари говорятъ, что если бы давали имъ до 150 р. сер. за барку (цѣна вполтора и вдвое дешевле той, за которую барки покупаются въ Рыбинскѣ), то волость, собственными работниками, ежегодно сработала-бы и доставила въ Рыбинскъ до 300 такихъ барокъ. Замѣчу, въ заключеніе, что строеніе барокъ важно для здѣшнихъ крестьянъ и по тому, что въ прочихъ работахъ крестьянинъ занятъ одинъ, а тутъ все его семейство, и даже

лошадь. Мальчикъ отъ 10 до 12 лѣтъ возить копани или вальки; старый и малый тешетъ и строгаютъ деревянный барочный гвоздь: между-тѣмъ цѣна подъ кладъ на одну лошадь бываетъ отъ 15 до 25 к. сер.; тысяча гвоздей стесанныхъ изъ хозяйскаго лѣсу стоитъ 50 к. сер., а строганыхъ—до 70 к. сер. Такимъ образомъ, лица, при прочихъ работахъ бесполезныя крестьянину, здѣсь, когда барочныя работы идутъ хорошо, добываютъ на свѣчку Богу, на соль, на табакъ, на деготь, на штофъ вина о праздникъ, на моль вяленную и судачину объ масланицѣ, на опучи, рукавицы, вареги и другіе мелкіе домашніе расходы, а иногда по нуждѣ и на кулъ муки, даже и на часть оброка; а между-тѣмъ самъ крестьянинъ свободенъ, идетъ на работу въ лѣсъ, или на сторону, и часто въ зиму, одинъ, на чужомъ хлѣбѣ, зарабатываетъ отъ 20 до 30 р. сер. и болѣе.

Прочіе здѣшніе промыслы, въ сравненіи съ стройкой барокъ, почти ничтожны; въ томъ числѣ и тѣ, которые можно-бы было извлекать изъ лѣсу.

Есть человекъ съ десятокъ, которые въ помѣщичьихъ лѣсахъ, съ позволенія владѣльцевъ, ломаютъ сосновый пень, возятъ его зимою домой, а весной и осенью гонятъ изъ него, съ прибавкой бересты, деготь. Впрочемъ этотъ деготь не болѣе, какъ простая коломазь; чистаго-же, для мазанья сапоговъ, не гонятъ. Приэтомъ не умѣютъ сами работать горшковъ для гонки дегтя, а ѣздятъ за ними ежегодно верстъ около полтора, Вологодской губерніи въ Домшинскую волость, гдѣ платятъ на мѣстѣ отъ 10 до 15 к. сер. горшокъ; не умѣютъ также гнать деготь ямами. Все количество добываемаго такимъ образомъ дегтя не превышаетъ 500 пудовъ въ годъ. Цѣна ему отъ 70 до 80 к. сер. за пудъ.

Жженіемъ угля занимается также немного рукъ. Обыкновенно для этого покупается лѣсной обрабокъ, гдѣ выкапывается угольная яма и производится жженіе дровяника. Приэтомъ вершинникъ отъ копней продается на стройку и на стойки къ баркамъ; осинникъ годный идетъ на колоды, лопаты, лукошка, дупелки, въ стѣну сарая, въ ямникъ къ овину, и т. п., а негодный на дрова и овинники; береза употребляется на лучину и дрова; только ельникъ весь безъ остатка сожигается на уголь, иногда съ прибавкой здороваго осинового вершиннику. Кулъ

добытаго такимъ образомъ еловаго угля, съ доставкой на домъ отъ 10 до 15 верстъ, продается отъ 10 до 15 к. сер., смотря по разстоянію; на мѣстѣ-же можно купить его отъ 8 до 9 к. сер. за куль.

Звѣроловствомъ постоянно занимаются немногіе, и въ самыхъ малыхъ размѣрахъ. Ловятся зайцы (русакъ и бѣлякъ), немного куницы, бѣлка, нѣсколько хорьковъ, иногда волкъ; медвѣдей третій годъ уже вовсе нѣтъ, въ 1848 году видѣли только слѣды ихъ; лисицу убили одну, десять лѣтъ тому назадъ; прежде, говорятъ, охотники бивали около рѣки выдру и норку, а въ лѣсахъ барсука, и разъ какъ-то (впрочемъ очень уже давно) поймали тройку оленей. Изъ птицъ, осенью бьютъ больше тетерева и рябчика; голубь и куропатка (последней очень довольно) не стѣять охоты, ихъ никто не покупаетъ; дикую утку, гуся, журавля, бьютъ рѣдко, и только послѣднихъ на перелетѣ, а взводовъ вовсе здѣсь нѣтъ; лебедь перелетаетъ очень рѣдко; куликовъ большихъ и среднихъ, бекаса, песчаника, со-рогая, не бьютъ; кербника и луговку, не бьютъ и не ѣдятъ. Весь промыселъ не приноситъ болѣе 150 р. сер. въ годъ.

Рыболовство еще ничтожное. Не болѣе трехъ чело-вѣкъ занимаются имъ постоянно, и ловятъ въ Сити двойною сѣ-тью безъ рукава, длиною отъ 30 до 40 сажень, которая выби-рается прямо въ лодку, или на плотъ; ловить-же неводомъ, по-чрезвычайному множеству камней, нѣтъ возможности. Впрочемъ, у каждаго крестьянина есть про себя плотный наметъ, которымъ онъ хватаетъ рыбу, когда идетъ ледъ и въ мутную (по здѣшне-му—«въ мульную») воду; есть также холщевая недотка, которой ловятъ, когда вода, при спускѣ мельницъ, обмелѣетъ. Ловится: щука—до 30 ф., окунь—до 5 ф., ершъ, пискаръ, налимъ—до 10 ф.; изъ бѣлой-рыбы (по здѣшнему—«бѣли») леща не бываетъ выше 1 ф., сорокъ—до 3 ф., голавль и язь—до 6 ф., подъязокъ—до 3 ф., жерехъ—до 2 ф.; линя и карася вовсе нѣтъ. Зимой въ язы идетъ довольно налива—отъ 1 до 5 ф., а весной—плотвы. Вообще, въ верховьѣ рѣки рыбы болѣе, нежели при впаденіи. Все количество улавливаемой въ годъ рыбы не доходить и до 100 пудовъ. Рыба продается отъ 3 до 4 к. сер. за фунтъ. Щу-ка всякой другой рыбѣ предпочитается. Раковъ множество, но ихъ не ѣдятъ и не ловятъ.

Не больше можно сказать и о пчелиномъ промыслѣ. Имъ почти вовсе не занимаются. По всей волости не насчитается болѣе полусотни порядочныхъ ульевъ.

Самое обыкновенное ремесло здѣшнихъ крестьянъ есть плотничество. Нѣкоторые дѣлаютъ осиновыя лопаты и колоды: сотня лопатъ продается отъ 2 р. до 2 р. 50 к. сер.; а осиновая колода въ 3 четверти аршина глубины и въ 3 аршина длины—отъ 30 до 50 к. сер., смотря по прочности дерева и чистотѣ отдѣлки. Лукошекъ и дупелекъ осиновыхъ дѣлать не умѣютъ; дровней гнуть также. Столяровъ хорошихъ нѣтъ, но кровельщики есть порядочные; здѣшніе крестьяне сами ставили и обивали жестью деревянный крестъ, сшибенный вѣтромъ съ церковной главы. Стекольщиковъ только два. Каменщиковъ, онѣже и штукатуръ, одинъ, и тотъ плохой. Выдѣлкой кирпича-сырцу занимаются больше ребята, и то не многіе, и выдѣлываютъ въ маломъ количествѣ; не было ни одного опыта обжигать кирпичъ. Печниковъ также нѣтъ; трубы кладетъ всякой самъ для себя. Кузнецовъ не болѣе трехъ; сапожниковъ порядочныхъ также трое. Портныхъ, и то для строй крестьянской одежды, не насчитаешь и десятка. Сапожныхъ катальщиковъ довольно, но они плохіе мастера своего дѣла: нѣкоторые изъ нихъ умѣютъ только бить шерсть. Мастеровъ выдѣлывать овчины не болѣе трехъ, одинъ изъ нихъ учится и дубить: за квашенье овчины берется отъ 5 до 6 к. сер. за работу, за дубленье—10 к. сер.; овчинъ всѣ три мастера выдѣлываютъ отъ 3 до 4,00); выдранная изъ овчинъ кислая сырая шерсть стоитъ отъ 2 р. 50 к. до 3 р. сер. за пудъ, вычесывается-же ея со 100 овчинъ не болѣе пуда, по сказу овчинниковъ; стружку, лапку и т. п., берутъ красильники за безцѣнокъ. Крашеньемъ холста и пряжи и набиваньемъ холста цвѣтками занимаются тоже трое: одинъ и красить и набиваетъ, двое только красятъ; кромѣ синей краски, другихъ не знаютъ; матеріалу въ годъ переводятъ почти на 1,500 р. сер.; фунтъ пряжи выкрасить стоитъ отъ 15 до 25 к. сер.; за набивку своей холстины крестьяне платятъ съ аршина по 3 к. сер.; узоровъ рѣзать не умѣютъ, а получаютъ ихъ съ ситцевыхъ фабрикъ изъ Костромской губерніи; на маслѣ не набиваютъ; сандалу идетъ мало. Женщины прядутъ и ткутъ домашній грубый холстъ и домашнее сѣрое сукно; шьютъ для себя и семейства рубашки:

не всякая однако можетъ сшить себѣ ситцевый сарафанъ. Вотъ, кажется, и все здѣшнія ремесла.

Нѣкоторые изъ крестьянъ занимаются и торговлей, но она вообще маловажна; развѣ исключить торговлю рукавицами, варегами и онучами, которыхъ продается иногда на сумму до 3,000 р. сер. въ годъ? Хлѣбныхъ торговцевъ, по незначительности капиталовъ, нѣтъ ни одного; да и всехъ торгующихъ крестьянъ не болѣе двадцати. Въ Петербургѣ, на заработкахъ, живетъ не болѣе десяти человѣкъ изъ всей волости; весь притокъ отъ нихъ не доходитъ до 1,000 р. сер.

Трудно опредѣлить количество денегъ, добываемыхъ крестьяниномъ въ годъ; это зависитъ отъ его промысла болѣе или менѣе прибыльнаго, также отъ лѣности или прилежанія, ловкости или вялости, и т. д. Барочникъ, на-примѣръ, красильщикъ, кузнецъ, торговецъ, вырабатываетъ болѣе нежели — пильщикъ, плотникъ, работникъ на баркѣ. Впрочемъ, и тутъ человѣкъ въ человѣка не приходитъ. Въ 1847 году, хорошій барочный работникъ въ зиму, отъ Никола до Никола, то-есть отъ 6 декабря до 9 мая, получалъ, на готовомъ хлѣбѣ, отъ 25 до 35 р. сер., ловкій пильщикъ зарабатывалъ столько-же; въ остальную половину года крестьянинъ стоилъ не менѣе, и получалъ не менѣе, если, имѣя дома лишняго человѣка, уходилъ въ работу: посему количество денегъ, выработанныхъ, въ этомъ году, хорошимъ и прилежнымъ крестьяниномъ, можно положить отъ 50 до 70 р. сер. Конечно, были которые не заработали и половины этой суммы; были зато и такіе, на-примѣръ овчинники, кузнецы, красильники, которые добыли около 100 р. сер., а можетъ-быть и болѣе.

Еще труднѣе опредѣлить количество крестьянскихъ расходовъ. Крестьянинъ, какъ говорить пословица, «по одежкѣ тлаетъ ножки»: кто менѣе зарабатываетъ, тотъ менѣе и издерживаетъ. Съ ревизской души, съ прочими расходами, сходится съ него обыкновенно до 20 р. асс. въ годъ; столько-же должно положить на его житейскія необходимыя нужды, какъ-то: онучи, вареги, рукавицы, соль, деготь, табакъ, иногда кусокъ говядины для семейства, также на починки по дому, поправку сбруи, и т. п. Одинокій крестьянинъ, который имѣетъ земли на три ревизскія души, для содержанія семейства, состоящаго изъ жены и нѣсколькихъ малолѣтнихъ дѣтей, необходимо долженъ выработать

до 120 р. асс. въ годъ; около 40 р. сер. въ годъ надо прибавить къ тому на солодъ, хмѣль, вино и еще кое-что на праздничные расходы; сверхъ-того, такъ-какъ нѣтъ возможности ему одному съ малолѣтними дѣтьми сжать и смолотить хлѣбъ, то еще до 40 р. сер. нужно на работницу, молотильщиковъ и т. п.: такимъ образомъ весь расходъ его будетъ доходить до 200 р. асс.

Когда бываетъ хорошій урожай хлѣба, и крестьянину, за пропитаніемъ семейства, достанется продать сколько-нибудь овса, или ячменя (ржи у него никогда не остается), да еще задокъ свининки, или овечку, или шерсти, или еще чего-нибудь, рублей хоть на полсотни; то остальное количество хорошій работникъ добудетъ работою, и такимъ образомъ живетъ годъ хоть не богато, но безбѣдно. Но выше было замѣчено, что въ нашей волости недостатокъ сѣнокосовъ бываетъ причиной недостатка скота, отъ недостатка скота происходитъ недостатокъ навоза, а отсюда недостатокъ и самаго хлѣба. Маломощному и одинокому крестьянину не на что купить сѣнокосу въ порѣзъ, и нѣтъ возможности обработать его тамъ по причинѣ отдаленности, а вблизи, и на малую сумму, нѣтъ его вовсе; поэтому онъ бьется со скотомъ кое-какъ, кормя его мякиной, тертовкой и т. п. Зажиточный крестьянинъ, имѣя въ семействѣ двухъ взрослыхъ сыновей, невестокъ, дочерей и т. д., покупаетъ ежегодно корму для скота, травой, на сумму отъ 5 до 40 р. сер. на ревижскую душу; этимъ содержитъ онъ довольно скота, а потому, въ сравненіи съ маломощнымъ, снимаетъ хлѣба болѣе и не нуждается въ немъ. Впрочемъ когда бываетъ неурожай сѣна и яровой соломы, то цѣна корму быстро возвышается: возъ поемнаго сѣна, отъ 10 до 15 п. вѣсомъ, доходитъ до 3 р. сер. на-мѣстѣ, за 15, 20 и болѣе верстъ разстоянія, откуда за доставку надо платить на лошадь отъ 25 до 50 к. сер., смотря по качеству дороги и количеству верстъ, да еще корму ей и хозяину на сутки; возъ яровой соломы, тогоже вѣсу, доходитъ отъ 4 р. 20 к. до 4 р. 50 к. сер.: а такихъ возовъ сѣна мало шести для прокормленія лошади въ зиму, соломы — четырехъ недостаточно для коровы безъ мякины! Бѣда, если къ этому присоединится еще и недостатокъ хлѣба: тогда крестьянинъ уменьшаетъ даже необходимые свои расходы, вовсе оставляетъ расходы на праздники и щегольство, и все-таки неминуемо

долженъ продать за безцѣнокъ нелишнюю для него скотину, чтобы не кормить ее и добыть денегъ на хлѣбъ семейству. Бывали годы, когда крестьянинъ, имѣя семейство въ 15 и 16 душъ, покупалъ хлѣба на сумму до 300 р. асс. въ годъ; когда, покупая травы р. на 100, прикупалъ еще хлѣба на 100 р. асс.: два-три такихъ года сряду, и половина крестьянъ совершенно нищаетъ. Въ 1846 году, по берегамъ Сити червь выѣлъ начисто озимые посѣвы; въ 1847 году, поѣлъ онъ также довольно; но зато, въ 1848 году, ячмень и овесъ на паровыхъ пашняхъ уродились, по-здѣшнему, прекрасно; уцѣлѣвшая отъ червя рожь была умолотна: поэтому крестьяне спорили ржи овсяными блинами, ячменными прѣснушками, кулыбышами, индѣ пекли пироги изъ ячменной муки и ту же муку на-половину и болѣе клали въ хлѣбъ; такимъ образомъ, бѣда отъ червяка, по милости Божіей, обошлась еще благополучно.

Къ всегдашнимъ необходимымъ расходамъ крестьянина временно присоединяется равно-необходимый расходъ на стройку. Если это бываетъ въ слѣдствіе пожарнаго несчастія, то является на помощь благотѣльное Правительство, которое даетъ нужный лѣсъ, и крестьянинъ вывозитъ его самъ, съ помощію добрыхъ людей. При добровольной постройкѣ, онъ старается заблаговременно, посредствомъ сбереженій отъ всегдашнихъ расходовъ, заготовить нужную на издержки сумму, и ведетъ дѣло очень расчетливо. Хорошая изба покупается дорого, не по цѣнѣ лѣсу, а по цѣнѣ, какую можно выручить употребивъ лѣсъ на барки; также по цѣнности времени и лошадей, необходимыхъ на свалку лѣса, вывозку его и самую срубку избы. Изба изъ комельнаго еловаго лѣсу, въ 3 сажня длины, 3 поперечины, и до 15—17 рядовъ вышины, съ переводами и потолкомъ, но безъ верху, цѣнится отъ 40 до 50 р. сер.; затѣмъ нужны еще: еловое стулье подъ избу, поставка или сборка избы, мохъ, самцы, солома или тесъ на крышу, тесъ на полъ и двери, косяки, желѣзо, печь, рамы и прочія мелочи; наконецъ работа, если самъ хозяинъ не станетъ работать, будетъ стоить отъ 30 до 40 р. сер. Поэтому, изъ комельнаго лѣсу, крестьянская изба рубится рѣдко; а если рубится, то хозяинъ покупаетъ лѣсъ десятиною, такъ-что сосновое дерево обойдется на корню не дороже 30 к. сер.; изъ лучшаго дерева идутъ два бревна въ стѣ-

ну, изъ худшаго — одно; лучшіе комли употребляются на косяки и нарядъ, вершинникъ — на потолки, заборы, чуланы, клевы, самцы и т. п.; прочій мелкій лѣсъ, который приходитъ даромъ, идетъ на верхи, отопку, лучину, и т. д. Такъ строятся зажиточные, и потому весьма немногіе. Обыкновеннѣе же, и почти всегда, крестьянинъ за безцѣнокъ беретъ вершины отъ лодочныхъ копаней и нѣсколько комельковъ для наряду, вывозить ихъ, рубить срубы между-дѣломъ, собираетъ и мшитъ или своей ватагой, или при помощи родныхъ и сосѣдей, потомъ кроетъ и сбьетъ печку — все самъ. Только за чистенькую работу, за окно, полъ, дверь, наличникъ, переборку и т. п., платитъ онъ отъ 5 до 8 р. сер. въ глухую пору; а часто и это исправляетъ самъ же, нанимая въ помощь работника, или понеждѣльно, или на всю работу. Такимъ образомъ стройка самой избы стѣитъ ему очень не дорого; а о сараѣ, овинѣ и т. п., и говорить нечего.

Есть еще одинъ очень важный временный расходъ, который, по здѣшнимъ обычаямъ, считается тоже необходимымъ: это при выходѣ изъ семьи рекрута. Какъ-скоро сынъ или братъ поступитъ отъ семьи на очередь (по нынѣшнему порядку, недѣль за десять еще до настоящей отдачи), то онъ совершенно перестаетъ работать, ходитъ и ѣздитъ въ гости къ себѣ подобнымъ, и зоветъ ихъ къ себѣ: во все это время, пиво и вино, въ семействѣ, не выходитъ; рекрутъ катается на лошади, одну замучилъ, давай другую; мыкаетъ и рветъ на себѣ хорошую одежду; пой, корми — и его, и лошадей, и гостей, береги ихъ, давай имъ проводника, сторожа, и т. д. Все это такъ уже заведено изстари, и перемѣнить нельзя, а семья стѣитъ очень дорого, и притомъ безъ всякой существенной пользы. Иное, вполне похвальное дѣло, когда семейство посылаетъ деньги уже находящемуся въ полку, или угощаетъ прибывшаго на побывку: это дань родительской любви, или долгъ благодарности со стороны братьевъ, за которыхъ отданный служить (особенно если это еще по охотѣ, что здѣсь совсѣмъ не рѣдкость). И это дѣлается здѣсь тоже на широкую руку: въ хорошемъ домѣ солдатъ стѣитъ въ годъ семейству отъ 15 до 25 р. сер.; издержки для него въ побывкѣ составляютъ отъ 20 до 40 р. сер.: Родственники должны, каждый, ставить пиво и покупать вино, чтобъ было гдѣ гостю погостить и повеселиться.

Издержки на щегольство существуют только для молодежи, и притомъ весьма незначительны и для семейства неощутительны. Сынъ или братъ - женихъ, когда ему хочется прилично, по его понятію, одѣться, идетъ въ Рыбинскъ на барки, и тамъ, работою и бережливостію, самъ приобрѣтаетъ себѣ красную рубашку, ермолку съ кисточкой, плисовые штаны, вытяжные сапоги, синюю поддѣвку и т. д., а иногда добываетъ денегъ и на самую свадьбу; тутъ у семейства въ потерѣ одно время. При недостаткѣ, довольствуются и меньшимъ; а изъ семейства, очень рѣдко, и то развѣ у весьма зажиточныхъ, шьютъ парню какой-бы то ни было нарядъ. Дѣвица одѣвается тоже сама, своимъ веретенкомъ, при пособіи матери: отецъ и братья пособляютъ ей мало и рѣдко; притомъ лучшій нарядъ невесты не превышаетъ 30 р. сер., а часто бываетъ ниже 10 р. Что касается до стариковъ и отцевъ семействъ, то они вовсе и не знаютъ, что такое щегольство.

Расходы праздничные очень не велики, если исключить хлѣбъ, солодъ, хмѣль, говядину и прочее, что есть дома, не купленное. Даже въ богатомъ домѣ, гдѣ земли пашутъ на пять, на шесть и болѣе душъ, эти расходы не превышаютъ 30 р. сер. въ годъ, а у одинокого не доходятъ и до 10 р. сер. И тутъ, при каждой невзгодѣ, или другой неминуемой издержкѣ, богатый старается уменьшать ихъ, а бѣдный и вовсе уничтожаетъ.

Здѣсь не мѣшаетъ сказать, какіе у нашихъ крестьянъ наиболѣе чествуются праздники.

Храмовый-День есть праздникъ для всего прихода. Онъ бываетъ: въ селѣ *Покровскомъ-на-Сити* — 1 октября, въ день Покрова Пресв. Богородицы; въ селѣ *Семеновскомъ*, 8 ноября, въ день Св. Архистратига Михаила; въ селѣ *Байловскомъ* — 21 ноября, въ день Введенія во Храмъ Пресв. Богородицы. Празднованіе обыкновенно начинается въ селахъ, по окончаніи службы, и оттуда гости постепенно переходятъ въ ближайшія деревни, доколѣ не дойдутъ до самыхъ отдаленныхъ: это вообще продолжается отъ трехъ до четырехъ сутокъ, а въ приходѣ *Покровскомъ*, по количеству и отдаленности деревень, отъ семи до осьми сутокъ. Крестьянинъ самой отдаленной деревни гоститъ поочередно у родственниковъ живущихъ въ селѣ и ближайшихъ деревняхъ, постепенно подвигаясь къ себѣ домой; между-тѣмъ,

хозяева ближайших деревень, отпраздновавъ у себя угощеніе, идутъ сами въ гости въ дальнія деревни. Обыкновенное крестьянское угощеніе изъ питей: простой полугаръ, и пива вдоволь; настойки, наливки, виноградное вино и водка, большая рѣдкость; самоваровъ также немного, особенно на лѣвомъ берегу Сити. Вина покупается отъ полу-до полутора-ведра, смотря по достатку хозяина и количеству гостей. Пиво варится котломъ; маломощные варятъ, двое и трое, въ одномъ котлѣ, и дѣлятъ свареннымъ уже пивомъ: за котель въ сутки платится 15 к. сер.; хорошій крестьянинъ варитъ солоду отъ 15 до 20 четвериковъ, иногда ячменнаго, иногда овсянаго, съ прибавкой ржаного, который покупается въ городѣ Мологѣ кулками. Съдобныхъ припасовъ выходитъ также значительное количество: говядина, баранина, свинина, блины, пряженцы, пирогъ (изъ своей пшеницы, рѣдко — изъ бѣлой купленной), сальникъ; въ постный день — какая-нибудь рыба. Гости собирается отъ 15 иногда до 30 человѣкъ въ домъ, и все любятъ попить и поѣсть до свѣту. Молодые люди, между-тѣмъ, веселятся на улицѣ, поютъ пѣсни, ходятъ въ кругахъ, пляшутъ, играютъ на бала-лайкѣ, или въ гармонію; другихъ инструментовъ никакихъ нѣтъ.

Сверхъ общаго Храмоваго-Праздника, почти каждая деревня въ Покровско-Сицкомъ приходѣ имѣетъ лѣтомъ еще свой собственный праздничный день: какой-либо изъ Господскихъ, на-пр. Троицынъ-День, Преображенъе; или изъ Богородичныхъ, на-пр. Владимірской, Казанской Божіей Матери; или Святыхъ Угодниковъ, на-пр. Николинъ-День, Петровъ-День, Ильинъ-День, и т. п. Угощеніе бываетъ и тутъ такое же; но какъ праздники эти частные, а не общіе во всей волости, и гости сходятся въ одну лишь деревню, то празднованье не продолжается болѣе двухъ сутокъ.

Особо празднуется такъ-называемое «Крапивное - Заговѣнье» (последній Воскресный-День передъ Петровымъ-Постомъ): въ этотъ день, послѣ обѣдни, не дома, а въ селѣ, свать угощаетъ свата, мужъ жену, теща зятя и т. д., покупая вина, иногда пива, а женщины приносятъ изъ дому пряженцовъ, личицу, яицъ вареныхъ и т. п. Затѣмъ, въ день Святыхъ Космы и Даміана (по-просту — «Кузьма-Демьянъ»), зять непременно гоститъ у своего тестя, иногда и отецъ зятинъ съ матерью тутъ же; только больше

гостей не бываетъ, и оттого издержки малы, хотя праздникъ продолжается отъ однихъ до двухъ сутокъ. Равнымъ-образомъ, въ послѣдніе дни Масляницы, каждый зять непременно долженъ побывать въ гостяхъ у тестя; тутъ корчаги двѣ-три пива, четверть вина, и всѣ издержки.

Вообще на Масляницѣ работы прекращаются въ четвергъ; въ пятницу работникъ уже нейдетъ на барку, пильщикъ въшааетъ свою пилу, работающій въ лѣсу приходитъ домой: не всякой однако крестьянинъ беретъ вино и ставитъ пиво; катанья также мало; только въ субботу и воскресенье, подвечеръ, съѣзжаются женихи въ одну какую-нибудь деревню, и тудаже сходятся дѣвицы и молодыя женщины повеселиться, себя показать и другихъ посмотреть. Въ прочіе нарочитые праздники, крестьяне не работаютъ, но и не гуляютъ; на самой Свѣтлой-Недѣлѣ, иногда съ среды, или съ четверга, рабочіе выходятъ уже на барку, особенно когда рѣка прошла и пора валить барки въ воду.

Въ заключеніе считаю долгомъ сказать къ похвалѣ Сицкарей, что какъ всякой изъ нихъ питается трудами своихъ рукъ и тунеядцевъ между ними очень мало, то нѣтъ между ними и нищихъ. Вообще тунеядство такъ здѣсь презрительно, что какъ-бы ни была велика нужда крестьянина, онъ не пошлетъ дѣтей своихъ по міру: ему стыдно будетъ тогда выйти на улицу, сойтись съ людьми. Были и бываютъ примѣры, что, при недостаткѣ и дороговизнѣ хлѣба, когда крестьянину не на что купить куля муки, половина семейства отправляется на всю зиму въ работу, чтобы не ѣсть своего хлѣба и заработками прокормить другую половину; но это не нищенство. Пять, шесть, или около десятка бобылокъ и старухъ, которыя временемъ собираютъ такъ-называемую здѣсь «лостину», или новъ зернами по гумнамъ, или «петровщину», не стѣяютъ чтобъ по поводу ихъ сдѣлать исключеніе изъ общаго правила. Довольно, что изъ двухъ слишкомъ тысячъ душъ мужеска пола въ моемъ приходѣ, я знаю только двухъ просящихъ милостыню, и то оба слѣпые: одинъ изъ нихъ холостъ, а другой женатъ и имѣетъ одного маленькаго сына; люди эти, свѣкшисъ съ подобными себѣ слѣпцами изъ другихъ мѣстъ, научились у нихъ питаться подаеніемъ.

УМСТВЕННЫЯ И ПРАВСТВЕННЫЯ СВОЙСТВА.

СМЫШЛЕННОСТЬ И ПОНЯТИВЕСТЬ. НАБОЖНОСТЬ. КАЧЕСТВА ОБЩЕ-
ЖИТЕЛЬНЫЯ. ГОСПОДСТВУЮЩІЕ ПОРОКИ. БЫТЬ СЕМЕЙНЫЙ. ОБЫЧАИ
ПРИ РАЗНЫХЪ СЛУЧАЯХЪ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ. ОБРАЗОВАНИЕ.

Въ окрестностяхъ есть привычка говорить о томъ, кто не ловокъ въ обращеніи, не развязенъ, не умѣетъ щегольно одѣться: «экой ты Сицкаръ!» или просто: «кокоря Сицкан!» Эта поговорка конечно взята была съ дѣйствительности, когда Сицкари, лѣсные домостѣды, впервые начали ходить въ околотокъ съ топоромъ, и разумѣется были не ловки, не развязны и очень бѣдно одѣты. Впрочемъ, нынѣшній Ситскій крестьянинъ вовсе не глупъ, напротивъ очень смѣтливъ; это человѣкъ, «его же не оплетиши». Онъ знаетъ свое дѣло или работу вѣрно, и если берется за нее, то вѣрно сдѣлаетъ, и найдетъ тутъ свои выгоды: этому способствуетъ много и то его свойство, что онъ ни на что не кидается вдругъ, опрометью, сколько-бы дѣло съ перваго взгляда ни представляло выгоды, но всегда обдумавши и тщательно сообразивши ходъ дѣла или работы. При томъ онъ и понятливъ: поработавъ топоромъ годъ, становится порядочнымъ плотникомъ, а поработавъ года два на баркахъ, прилежный самъ дѣлается мастеромъ. Ковать, катать сапоги, дѣлать сырецъ, класть трубу и т. п., а часто и грамотъ выучивается онъ самоучкой.

Говоря о нравственныхъ качествахъ Сицкарей, во-первыхъ должно сказать, что они набожны и къ храму Божію усердны. Въ воскресный или праздничный день, церковь всегда полна: есть старички, которые, въ эти дни, зимою и лѣтомъ, приходятъ за восемь и болѣе верстъ, всегда пѣшкомъ, до утренняго пѣнія, какова-бы ни была погода; есть которые рѣшительно не пропускаютъ ни одной воскресной и праздничной службы. Къ исповѣди и св. причастію каждый приходитъ ежегодно, а старички и старушки, два, три и болѣе разъ, въ годъ: опущеніе бываетъ рѣдко, и то развѣ за отлучкою, или по другой уважительной причинѣ. Въ 1848 году, когда появилась холера, они ходили въ церковь,

наряжали обѣдни, молебны, брали иконы въ домъ, говѣли и цѣлыми селеніями исповѣдывались и пріобщались св. таинъ, такъ-что иногда число причастниковъ въ одинъ день доходило до трехъ-сотъ. Когда храмъ Божій требовалъ пособій, то недостатки восполнялись ихъ усердіемъ, и часто тайною, но щедрою рукою. Раскола между ними вовсе нѣтъ, да и вообще раскольниковъ они не любятъ.

Въ быту общественномъ, Сицкаръ покорень и послушенъ; никогда не увидишь въ немъ упорства, не услышишь нималѣйшаго ропота на распоряженія Начальства. Они хорошіе крестьяне, тихіе сосѣди. Воровство у нихъ рѣдкость: Сицкаръ круглый годъ не запираетъ своихъ колесъ, сбруи, топора, возжей, саней и т. п.; конечно все это не богато, но гдѣ есть воры, тамъ не спускаютъ ничему. Нельзя не упомянуть еще объ ихъ чрезвычайной бережливости, которая простирается до самыхъ маловажныхъ вещей, на-примѣръ: лаптей, опучъ и т. п. Не знаю, слѣдствіе-ли это ихъ природнаго расположенія, или потому они крайне бережны, что имъ каждая деньга достается тяжелою работою, или наконецъ прежнія тяжкія времена, когда работъ не было, хлѣбъ родился плохо, а расходы были необходимы для платы податей и прокормленія семействъ, научили ихъ беречь денежку на черный день: только чувство это развито въ нихъ такъ, что, на-примѣръ, сколько положено подати съ души, Сицкаръ платитъ безъ всякаго спору и ропота, а пусть сборщикъ возметъ, къ пятидесяти рублямъ, лишнихъ двѣ копейки, спору и жалобъ не оберется. По тойже чрезвычайной бережливости, Сицкаръ валокъ и на деньгу: дайте хорошую плату, и вы всегда найдете много работниковъ; ихъ пословица: «время денежку беретъ!»

Теперь слѣдуетъ упомянуть и о томъ, что не относится къ похвалѣ Сицкарей: это склонность ихъ къ пьянству, а въ пьянствѣ — и къ самоуправству. Сицкаръ, и кромѣ праздника, не опуститъ случая выпить: порядился-ли онъ на барку, или пилить, надо непременно выпить — какъ онъ говоритъ — «*литочки*»; порядиль-ли кого — опять *литочки*; взялъ подряды — *литочки*; купилъ днище, или копаней — *литочки*, продалъ — *литочки*, и т. д.: словомъ — безъ *литочки* не бываетъ ничего. Поэтому, когда работы идутъ хорошо, въ воскресный день, послѣ обѣдни, народъ

пьетъ, что называется — «на пропалую»; и тутъ, во хмѣлю, одинъ толкнулъ другаго, сдача тотчасъ летитъ въ ухо. Сицкаръ не любитъ искать суда и жаловаться; зато ни одна попойка не пройдетъ безъ драки. Впрочемъ, если и поколотятъ кого порядочно, онъ тоже не ищетъ: дѣло кончено — только обидчикъ не попадайся вскорѣ на глаза обиженному, и еще пьяному, а то сердце закипитъ. Иногда бываетъ, что соперники, послѣ размѣна нѣсколькихъ полновѣсныхъ опляухъ, не понимая сами причины драки, спрашиваютъ кротко другъ-друга: — «Ты братъ за что дерешься?» — «А ты за что?» — и въ полунтофъ общаго полугару топятъ вражду. Впрочемъ и то сказать: при склонности напиваться, совершенныхъ пьяницъ между Сицкарями мало, или даже и совсѣмъ нѣтъ: самый склонный къ вину — въ полночь, рѣдко — на утро, приходитъ домой, высыпается, охмѣляется квасомъ — и работаетъ прилежно до новаго воскресенья. О женщинѣ здѣшной надо замѣтить, что она сама ни за что не пойдетъ въ кабакъ, а дома, о праздникъ, пожалуй, тоже не опуститъ случая подпить. Но это еще не все: пусть-бы крестьяне пили сами, а то и малолѣтнихъ дѣтей своихъ приучаютъ къ вину. Нельзя безъ удивленія видѣть, когда младенецъ, не умѣющій ни ходить, ни говорить, видя вино, тянется къ нему, проситъ знаками, и, получивъ, съ удовольствіемъ пьетъ; четырехъ или пяти-лѣтній ребенокъ выпиваетъ уже порядочный стаканъ: чтожь будетъ далѣе? Даже дѣвушка - невеста не ставитъ себѣ въ стыдъ, при случаѣ, на-примѣръ на помочахъ, выпить добрый стаканъ вина и ставецъ пива.

Объ отношеніяхъ семейныхъ, должно сказать, что здѣсь замужняя женщина не госпожа дому, но и не раба, а такъ-сказать — середка о половинѣ; индѣ большуетъ хозяинъ, а индѣ и хозяйка, по пословицѣ: «ночная кокушка дневную перекокуетъ». Дѣти къ родителямъ послушны и почтительны. При раздѣлѣ семейнаго имѣнія, они зависятъ совершенно отъ отца, если онъ живъ; тутъ воля его законъ. По смерти отца, два брата (это называется — «ровной - бой») берутъ, каждый свою половину, или по жеребью, или по согласію, предоставляя матери, если она жива, братъ изъ общаго имѣнія на пропитаніе, сколько ей угодно. Братняя жена, оставшаяся послѣ мужа вдовой безъ дѣтей мужескаго пола, зависитъ отъ воли брата, и если хо-

четъ, живетъ съ нимъ, а нѣтъ, такъ возвращается къ своему отцу съ тѣмъ, что дастъ деверь; сынъ умершаго брата беретъ половину при раздѣлѣ съ дядей. Приданое дѣвицы зависитъ отъ воли отца, брата, или дяди, которые ее пристроиваютъ.

Особыхъ обычаевъ у Сичкарей, кромѣ тѣхъ, которые свойственны всемъ вообще Великороссійскимъ крестьянамъ, я не замѣтилъ. Вотъ порядокъ ихъ свадебъ: разсужденія жениха, дума родственниковъ; потомъ сватанье, отсрочка со стороны невесты, дума у ней, согласіе (запиванье); въ назначенный день рукобитье и богомолье (помолвка); дары отъ невесты жениху, угощеніе жениховой родней родныхъ невесты (пропиванье); наканунѣ свадьбы дѣвишникъ; въ назначенный день свадьба; послѣ свадьбы крученіе невесты (голову у ней повязываютъ какъ у женщины, то-есть надѣваютъ кокошникъ и заплетаютъ двѣ косы); свадебный пиръ, по достатку; и — конецъ! Одно бросилось мнѣ въ глаза, при здѣшнихъ обрядахъ, весьма забавное: когда повѣзжане передъ бракомъ прѣдутъ за невестою, то отецъ невесты, сажая ихъ вдоль стола, дѣлаетъ имъ прежде обѣда угощеніе, поить виномъ большими стаканами, не подавая однако закуски, чтобы скорѣе напоить; расчетъ экономическій — пьяные дѣйствительно меньше съѣдятъ, и притомъ меньше видятъ недостатки, а потому меньше взыскиваютъ; но и повѣзжане, съ своей стороны, ловки — у нихъ у каждаго въ пазухѣ есть свой кусокъ пирога: равномерно, когда и невестина родня прѣдетъ потомъ къ жениху на свадебный пиръ, ей отвѣчаютъ тѣмъ же; то-есть коли у невесты поили и кормили — такъ пей и ѣшь, а коли поили да не кормили — такъ ищи закуски у себя въ пазухѣ. При поминкахъ бываетъ нѣчто подобное: послѣ панихиды по умершемъ — со-стороны хозяина дома, и нѣсколькихъ литій — со-стороны родственниковъ, когда всѣ собравшіеся усядутся по мѣстамъ, хозяинъ дома ставитъ вино и пиво на столъ, а повариха закуску, и начинаютъ подчивать гостей; но какъ? всю порцію вина, которую думаютъ выпить гостямъ, ставятъ сразу на столъ, на-примѣръ штофа три и болѣе — сидите и пейте до обѣда, сколько угодно; зато ужъ во время обѣда — ни капли вина, одно пиво. Поминки зажиточные дѣлаютъ въ сорочины и въ години: у хорошихъ дѣтей, по отцѣ и по матери, исправляется по три години, что впрочемъ бываетъ очень рѣдко.

Образованность Сицкарей вся пока ограничивается умѣньемъ читать, писать, рѣдко пѣть наслышкою (нотъ никто не знаетъ) и знаніемъ нѣкоторыхъ молитвъ и десятословія. Число умѣющихъ читать можно положить примѣрно 10 на 100, читать и писать—5 на 100, пѣть наслышкою и знающихъ десятословіе и еще кое-что—1 на 100. Женщинъ и дѣвицъ, знающихъ грамоту, почти нѣтъ вовсе. Мастеровъ, которые-бы учили читать и писать, также нѣтъ, потому что эта должность невыгодна; Сицкаръ дорого не дастъ. Обыкновенно мальчикъ учится у мальчика, иногда у какого-нибудь ближайшаго дѣячка или пономаря, а иногда и вовсе самоучкой; точно также учится онъ и писать въ свободное время, и нѣкоторые пишутъ довольно порядочно. Научась писать получше, мальчикъ ходитъ въ церкви на крилосъ, читаетъ часы, шестопсалміе, канонъ и т. д., привыкаетъ пѣть наслышкой, вытверживаетъ молитвы и десятословіе по азбукѣ: вотъ и весь ходъ ученія. Азбука, часовникъ, псалтирь: вотъ все учебныя книги. Читающіе получше берутъ иногда изъ церкви Четви-Миней и другія церковныя книги, изъ которыхъ, однако, Прологъ—на-примѣръ, понимаютъ плохо. Книгъ гражданской печати вовсе не читаютъ, потому что и грамоту гражданскую худо знаютъ, да и вообще довѣрія къ ней не имѣютъ. Ариѣметики не знаетъ никто, но многіе хорошо кладутъ на счетахъ. Еслибы въ самой волости была школа, то крестьяне, я увѣренъ, не задумались-бы отдать въ нее своихъ дѣтей, потому-что грамоту они любятъ; училище-же, открытое недавно въ селѣ Веретѣ, хотя не очень далеко, въ 20 или 25 верстахъ, но все не подъ руками.

ПАМЯТНИКИ И ПРЕДАНІЯ.

СЛѢДЫ СТАРЫХЪ СЕЛЬБИЩЪ. РАСКАЗЫ О КЛАДАХЪ. ПРЕДАНИЕ ОБЪ
УСАХЪ. ПАМЯТЬ И ПРИЗНАКИ ДРЕВНЕЙ ВѢТВЫ НА СИТИ.

Дикіе, пустынные берега рѣки Сити, до-сихъ-поръ еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не обработанные, близость отъ селеній дремучихъ лѣсовъ (крестьяне помнятъ, что на прежнюю деревянную церковь села Покровскаго рубили лѣсъ въ нынѣшнемъ полѣ того села), сжатое положеніе нынѣшнихъ усадьбъ:

все это дает повод думать, что теперешняя населенность волости не очень древняя, или, по-крайней-мѣрѣ, прежде была очень не велика, какъ свидѣтельствуеъ и народная память. Въ околоткѣ нѣтъ признаковъ большихъ сельбищъ. Указываютъ только на одно—въ разстояніи отъ села Покровскаго не далѣе трехъ верстъ, въ дачахъ гг. Зиновьевыхъ—небольшое гладкое мѣсто при маленькой рѣчкѣ, которое называется понынѣ *Великое-Село*. Крестьяне говорятъ, что тутъ было то самое село *Великое*, которое нынѣ находится подъ Ярославлемъ; мнѣ кажется, что они говорятъ это только по тождественности названій. Осматривая мѣстоположеніе, можно видѣть точно признаки двухъ или трехъ жильевъ, борозды послѣ пашни, и нѣсколько свай по берегамъ рѣчки: но гдѣ-же признаки большаго селенія? Говорятъ даже, будто тутъ былъ бумажный заводъ: но рѣчка, отъ одного до двухъ аршинъ ширины и менѣе аршина глубины, не могла пустить въ ходъ бумажнаго завода; да и нѣтъ никакихъ признаковъ бассейна, или омута, который вода непременно выбиваетъ ниже плотины. Вѣроятно, тутъ была какая-нибудь обширная упашка: «*село*»—древнее славянское слово—значить именно «поле, упашку», а «ходить на *село*»—и теперь у крестьянъ—значить «ходить на барщину, или на барскую пашню». Видимыя здѣсь печины могутъ быть слѣдами скотныхъ дворовъ; а свай—остатокъ плотины, устроенной, чтобы, въ зимнее время, при такой малой рѣчкѣ, ни люди, ни скотъ не нуждались въ водопояхъ.

Расказовъ о кладахъ здѣсь множество. Всѣ они сопровождаются общимъ повѣрьемъ, что кладъ зарытъ въ землю съ злымъ намѣреніемъ, злыми людьми, подъ вліяніемъ и охраненіемъ злой, нечистой силы. Вотъ одинъ изъ такихъ расказовъ, весьма у насъ извѣстный. Мужичокъ, прѣхавши въ лѣсъ нарубить кольевъ, случайно увидѣлъ человека, зарывающаго кладъ; онъ притаился, глядитъ, слушаетъ. Зарывающій, положивъ въ глубокую яму деньги, замечиваетъ ихъ землею и приговариваетъ: «На сто головъ!»—«Нѣтъ!» отвѣчаетъ притаившійся, тихо, но такъ что зарывающій слышалъ: «На сто коловъ!»—Этими словами оба они переговаривались долго; наконецъ зарывающій, не видя отвѣчающаго ему, подумалъ, что отвѣчаетъ тотъ, кому повѣряетъ онъ беречь свое сокровище, и слѣдовательно такова его воля,

согласился съ нимъ, и сказалъ:—«Ну, на сто коловъ!»—Мужичокъ замолчалъ; но когда зарывающій, кончивъ свою работу, ушелъ, то онъ тотчасъ срубилъ «сто коловъ» по условію, положилъ ихъ на кладъ, и потомъ совершенно безвредно и безнаказанно вырылъ и увезъ домой сокровище. Сицкари говорятъ, что, и въ нашемъ лѣсу, гдѣ-то (о мѣстѣ говорятъ не одинаково), есть большой кладъ, положенный на цѣну вдвое дороже выпесказанной, и при зарываніи его не было такого мужичка, который-бы цѣну эту переговорилъ на «коля»: старики говаривали, что были и удалцы, которые хотѣли вырыть кладъ этотъ даромъ, но такъ были испуганы на мѣстѣ, что едва живые прибрали домой. Сказки эти вѣроятно порождены дѣйствительнымъ обычаемъ зарывать въ землю деньги и другія драгоценности при бывшихъ въ старину вражескихъ набѣгахъ.

Слыхалъ я еще расказъ о какихъ-то «Усахъ», которые будто жили когда-то въ нашихъ мѣстахъ. Чтѣ это были за Усы?—Шайка-ли удалыхъ разбойниковъ, имѣвшая пріютъ въ дремучихъ лѣсахъ Ситскихъ?—Но крестьяне не упоминаютъ о разбояхъ. Или не временное-ли стойбище Казаковъ, въ смутныя времена Самозванцевъ?—Не умѣю рѣшить.

Изъ исторіи извѣстно, что была кровопролитная битва у Русскихъ съ Татарами при рѣкѣ Сити; но въ какомъ именно мѣстѣ, ни исторія, ни преданіе, намъ этого не указали. Впрочемъ, съ достовѣрностью можно положить, что битва эта была здѣсь, хотя время всѣ почти признаки стерло. Уцѣлѣло лишь нѣсколько невысокихъ насыпей, на разстояніи верстъ осьми расположенныхъ на лѣвомъ берегу Сити: это родъ невысокихъ круглыхъ кургановъ, не болѣе десяти сажень въ окружности при подошвѣ, съ ямой въ срединѣ до двухъ аршинъ глубины. Замѣчательно, что всѣ эти курганы расположены не на высотахъ, а на склонахъ горъ, и именно тамъ, гдѣ правый противоположный берегъ представляетъ не крутизну, не оврагъ, а ровный скатъ къ рѣкѣ. Не знаю, для какого служили они въ то время употребленія; ужели все это могилы умершихъ, разрытыя въ послѣдствіи жадною рукою? Одна изъ такихъ насыпей находится въ нашемъ полѣ, саженьхъ въ 50 отъ рѣки Сити. Мнѣ самому случилось видѣть еще такуюже насыпь верстахъ въ 12 отъ села *Покровскаго*, а въ прямомъ на-

правленіи отъ рѣки Сити верстахъ въ 8, когда я прїѣзжалъ туда съ рабочими за сѣномъ; взойдя на нее и осмотрѣвъ, я увидѣлъ, что она точно такаяже, и фигурую, и величиною, какъ въ нашемъ полѣ. На мои распросы, крестьяне сказали, что такихъ насыпей здѣсь не одна, и что прежде, отъ насыпи до насыпи, примѣтна была небольшая канава, такъ-что насыпи съ канавой образовали продолговатый четвероугольникъ; впрочемъ какъ тогда была зима и земля покрыта снѣгомъ, то я не могъ повѣрить этого собственными глазами. Указывая также на одинъ земляной валъ, длиною болѣе пятнадцати сажень, вышиною до трехъ и около семи сажень въ подошвѣ, крестьяне говорятъ, что онъ полонъ человѣческихъ костей, такъ-что до него нельзя дотронуться: этотъ валъ находится также на лѣвомъ берегу рѣки Сити, верстахъ въ 2 отъ села *Покровскаго*, на самомъ берегу рѣки Сити, противъ церкви села *Семеновскаго*, стоящей на крутомъ берегу противоположной стороны; прибавляютъ еще, что кости тѣ осыпаны землею съ берега, отчего этотъ послѣдній понизился и сдѣлался поемнымъ. Нѣчто подобное есть опять и въ нашемъ полѣ: это небольшой валъ, или продолговатый курганъ, поросшій кустарникомъ на самомъ берегу небольшой рѣчки *Каменки*, подъ крутымъ берегомъ; возлѣ него есть небольшое болото, какъ будто земля взята изъ него и ссыпана въ валъ: игра-ли это природы, или дѣло рукъ человѣческихъ, признаюсь я не изслѣдовалъ. При тщательнѣйшемъ обзорѣ береговъ, можетъ-быть найдутся и еще подобные курганы. Крестьяне говорятъ еще, что возлѣ деревни *Игнатовой*, верстахъ въ 2 отъ села *Покровскаго*, на склонѣ горы, идущей къ упомянутому валу, была прежде церковь и кладбище; теперь тамъ не примѣтно слѣдовъ никакого фундамента (да его конечно и быть не можетъ, ибо въ старину церкви, даже въ городахъ, строились изъ дерева): лежитъ лишь нѣсколько дикихъ камней порядочной величины, но и на нихъ ни надписей, ни даже знаковъ никакихъ нѣтъ. Случалось мнѣ слышать отъ стариковъ, будто *Сицкій Князь Егорій*, здѣсь убитый, былъ похороненъ въ церкви, бывшей возлѣ деревни *Игнатовой*; но кѣмъ и когда этотъ Князь убитъ, они не знаютъ. Если, подъ именемъ *Егорія Князя Сицкаго*, разумѣть *Георгія Великаго-Князя Владимірскаго*, пав-

шаго на Сити въ битвѣ съ Батыемъ, то мощи его погребены не здѣсь. Не былъ-ли этотъ *Георгій* изъ несчастной фамиліи *Князей Сицкихъ*, во время истребленія ея (не помню — когда) убитый и погребенный здѣсь? Все это требуетъ разработки людьми болѣе меня опытными и просвѣщенными. Нынѣшнія три каменныя церкви въ волости построены въ началѣ настоящаго столѣтія, а прежде ихъ существовали на тѣхъже мѣстахъ деревянныя: это не подлежитъ сомнѣнію; но когда онѣ были первоначально построены, которая прежде, которая послѣ, и по какому случаю, существовала-ли какая изъ нихъ до несчастной битвы съ Татарами: объ этомъ нѣтъ ничего ни въ церковныхъ архивахъ, ни въ рассказахъ крестьянъ. Во всякомъ случаѣ должно полагать, что, послѣ знаменитой битвы, благочестивые предки наши не могли оставить безъ храма Божія мѣста, гдѣ палъ Великій Князь, гдѣ пролили кровь свою много другихъ витязей, гдѣ тлѣли кости столькихъ мучениковъ за Вѣру и Отечество. Во времена болѣе къ намъ близкія, Покровско-Сицкая Волость принадлежала Московскому Новоспасскому Монастырю; крестьяне и теперь еще показываютъ, гдѣ было монастырское подворье, скотные дворы и т. п.; но съ которыхъ временъ и долго-ли это продолжалось, опять мнѣ неизвѣстно. Не осталось-ли чего обо всемъ этомъ въ монастырскомъ архивѣ? Монахи Московскіе безъ сомнѣнія были и любознательнѣе и просвѣщеннѣе, нежели Сицкіе деревенскіе священники.

— ОТЪ РЕДАКЦІИ —

Предложенный здѣсь очеркъ, своими послѣдними замѣтками, обращаетъ вниманіе на весьма любопытный географическо-историческій вопросъ: «о мѣстѣ злополучнаго побоища на рѣкѣ Сити, бывшаго при первомъ нашествіи Батые на Русь, въ 1238 году». Вопросъ этотъ, до-сихъ-поръ, не только не рѣшенъ удовлетворительно, но и не былъ рѣшаемъ ученымъ образомъ; и это очевидно оттого, что у насъ историческая дѣятельность весьма мало, или почти и вовсе не прибѣгаетъ

къ помощи географіи, а эта послѣдняя, въ свою очередь, находится сама не въ такомъ еще положеніи, чтобы служить съ пользою исторіи.

Не дальше какъ пять или шесть лѣтъ тому назадъ, первый изъ современныхъ дѣятелей по части отечественной исторіи, г. Профессоръ *Погодинъ*, извѣздилъ весь восточный край Тверской губерніи, чтобы найти рѣку Сить въ натурѣ. Послѣ долгихъ поисковъ, спросовъ и распросовъ, ему удалось наконецъ въ городѣ Бѣжецкѣ узнать отъ одного тамошняго куица, гдѣ находится не только рѣка Сить, но и мѣсто бывшей на ней битвы Русскихъ съ Татарами, куда онъ тотчасъ и отправился самъ лично. Это вышло село *Боженки*, лежащее въ верховьѣ рѣки Сити — по расчисленію г. Погодина — верстахъ въ 50 отъ Бѣжецка, въ 60 отъ Кашина, въ 30 отъ Краснаго-Холма (защитнаго города въ нынѣшнемъ Весьегонскомъ уѣздѣ Тверской губерніи). На «Картѣ Шуберта», село это значитъ точно въ такомъ положеніи, и это положеніе тѣмъ замѣчательно, что тутъ, въ настоящее время, сходятся границы пяти уѣздовъ двухъ губерній, а именно: Кашинскаго, Бѣжецкаго и Весьегонскаго — Тверской, и Мышкинскаго и Моложскаго — Ярославской; само-же село находится въ первомъ изъ этихъ уѣздовъ, то-есть въ Кашинскомъ. Къ сожалѣнію, г. Погодинъ повѣстилъ объ этой своей находкѣ очень коротко и бѣгло, вотъ въ какихъ буквально выписываемыхъ здѣсь словахъ: «Земля» (въ окрестностяхъ Боженокъ) «усажена «буграми, какъ хлѣбами. Подѣзжая къ селу, увидѣли на «берегу рѣки» (Сити) «нѣсколько кургановъ. . . У самой «церкви возвышается огромный курганъ сажень въ пять «шиною. . . Мы тотчасъ-же вступили въ разговоръ съ Священ- «никомъ. Точно, по всеобщему преданію, здѣсь было сраже- «ніе. — Не знаете-ли мѣста, гдѣ погибъ Великій Князь? — «Какъ-же, у Сидоровскаго-Ручья. Онъ, видно, хотѣлъ спастись «по этой дорогѣ, самая узкая, но его настигли Татары и уби- «ли. (А другой старикъ сказалъ, что у Калинина-Ручья). «Кругомъ насъ вездѣ болота, и дальше проѣхать никуда не- «льзя. А ворота къ намъ одни; эта дорога, по которой вы «пріѣхали» (изъ Бѣжецка). . . «Слѣдовательно» — разсуждаетъ, продолжая расказъ свой, г. Погодинъ — «Георгій Всеволодовичъ

« попалъ сюда отъ Углича, а въ Угличъ отъ Ростова; или такъ
« Татары, а онъ прежде могъ отъ стороны Суздаля, Колязина
« и Кашина. Лѣтописцы говорятъ глухо о ихъ пути. Село Бо-
« женки. . . гдѣ-то называется Божиимъ-Городкомъ. Не вдалекѣ,
« также на берегу Сити, есть село *Могилыцы* съ курганами. . .
« Одинъ берегъ Сити повыше другаго, но она здѣсь еще очень
« не широка, а весною разливается широко. Мы обошли ров-
« ное поле, простирающееся по другому берегу. Церковь бѣд-
« ная, деревянная, коей одинъ придѣлъ посвященъ Великому
« Князю Георгію, впрочемъ не въ древности. Какой-то старикъ
« являлся въ лѣсу ихъ одному крестьянину во время голода, и
« упрекнулъ ему: зачѣмъ-де вы не молитесь вашему угоднику,
« Князю Георгію, отъ того у васъ и хлѣба мало! Крестьянинъ
« воротясь сказалъ своимъ товарищамъ, и они сообща посвя-
« тили одинъ придѣлъ, вмѣсто (кажется) Николая Чудотворца,
« Князю Георгію, которому съ-тѣхъ-поръ празднуютъ и слу-
« жать молебны. . . Засимъ слѣдуетъ нѣсколько отрывчатыхъ
словъ о тамошнихъ находкахъ въ землѣ, которыхъ, впрочемъ,
прибавляетъ изслѣдователь, «очень мало, кромѣ крестовъ»; и
послѣ того, заключаетъ онъ, «я какъ будто легъ на лавры, и
« не могъ удѣлять ничему вниманія. » (Москвит. 1848, № 12,
стр. 114 — 116).

Между-тѣмъ, прежде-нежели г. Погодинъ обнаруговалъ
эти свѣдѣнія, одинъ изъ теперешнихъ нашихъ Сочленовъ, г.
Подполковникъ Генеральнаго Штаба *Иванинъ*, въ статьѣ своей
« О военномъ искусствѣ и завоеваніяхъ Монголовъ » (напеча-
танной въ « Военномъ Журналѣ », а потомъ вышедшей въ
свѣтъ особой брошюркой, СПБ. 1846), коснувшись этого
предмета, указалъ мѣсто знаменитому сраженію на Сити
не въ *Боженкахъ*, а въ селѣ *Могилцахъ*: томъ самомъ, о
которомъ и г. Погодинъ упоминаетъ мимоходомъ, и кото-
рое, по « Картѣ Шуберта », находится на Сити ниже Бо-
женокъ верстахъ въ 40, на самомъ соприкосновеніи Кашин-
скаго уѣзда съ Мышкинскимъ и Моложскимъ. Приэтомъ г.
Иванинъ не сказываетъ, почему онъ мѣсто это приурочиваетъ
именно къ Могилцамъ; но, зато, съ своей стратегической
точки зрѣнія, онъ означаетъ и разъясняетъ движенія против-
ныхъ войскъ, предшествовавшія сраженію, слѣдующимъ обра-

зомъ (стр. 38 -- 42): «По взятіи Владиміра штурмомъ 7 февраля, Батый разослалъ отряды для разоренія Владимірскаго Велико-княженія, побралъ всѣ его города и посады, и между-тѣмъ узнавъ, что Великій-Князь Георгій стоитъ съ войсками близъ рѣки Сити, онъ 4 марта напалъ на него съ фланга такъ неожиданно, что Георгій не успѣлъ даже попасть на путь отступленія къ Новгороду и былъ истребленъ почти со всеми войсками при селѣ Могилицахъ... Онъ» (Батый) «имѣлъ въ виду и сумѣлъ выполнить главное правило стратегіи: раздѣлять силы непріятеля и разбивать ихъ по частямъ... Для отрѣзанія Георгію прямого пути на Новгородъ, онъ послалъ заблаговременно отрядъ къ Торжку; взятіемъ этого города 5 марта, послѣ двухнедѣльной осады, и разбитіемъ тамъ Новгородцевъ, а 4 марта Георгія на Сити, онъ достигъ своей цѣли. По разбитіи Георгія на рѣкѣ Сити, Монголы двинулись на Торжокъ и оттуда... на Новгородъ.» Тутъ же прибавлено еще въ примѣчаніи (стр. 42), что «соображая лѣтописи, время и обстоятельства, надобно полагать, что противъ Георгія, на рѣкѣ Сити, былъ отрядъ Монголовъ съ Бурундаемъ, полководцемъ Батия, а самый Батый вѣроятно шелъ прямымъ путемъ на Тверь и Торжокъ.»

Вотъ все, что, доселѣ, есть у насъ мѣстной о мѣстѣ роковаго побоища на Сити; другихъ, по-крайней-мѣрѣ, мы не знаемъ. *Боженики-ли, или Могилыцы* — только въ обоихъ случаяхъ выходитъ, что мѣсто это было не въ предѣлахъ Покровско-Синской волости, обозрѣваемой въ предложенномъ здѣсь очеркѣ, а верстъ по-крайней-мѣрѣ за пятьдесятъ, если не дальше, къ западу, или вѣрнѣе къ юго-западу. Чтожъ значать тогда насыпи и валы, такъ добросовѣстно, хотя и неполно, описанные достопочтеннымъ наблюдателемъ въ подлежащемъ очеркѣ? Они тѣмъ болѣе примѣчательны въ настоящемъ вопросѣ, что и къ нимъ тоже, какъ видно, привязано мѣстное преданіе «о убитомъ тутъ *Князѣ Игорѣ*».

Чтобы разяснить это, надо дознаться обстоятельно: какъ и зачѣмъ могъ попасть на Сить Великій-Князь Георгій въ столь злополучную для него и для всей тогдашней Руси годину?.. Правъ совершенно г. Погодинъ, говоря, что лѣтописцы обо всемъ этомъ говорятъ «глухо»: глухо точно, но

все однакожъ не такъ, чтобы, вслушиваясь внимательно въ ихъ рассказы, нельзя было ничего расслушать....

Лѣтописцы все единогласно говорятъ, что Георгій оставилъ Владиміръ, прежде-нежели подступилъ къ нему Батый, который шелъ туда, изъ Рязани, чрезъ Коломну и Москву... Куда же онъ пошелъ изъ Владиміра? — Въ бѣльшей-части лѣтописей говорится общимъ выраженіемъ: «на Волгу»; но одна лѣтопись (Новг. I.) говоритъ прямо и опредѣлительно: «бѣжа на Ярославль». Это единственное опредѣлительное указаніе направленія, принятаго Великимъ-Княземъ при уклоненіи изъ своей столицы, должно принять за самое вѣрное; ибо оно совершенно согласно какъ съ историческимъ развитіемъ событій, такъ и съ географическими ихъ условіями.

Въ эпоху нашествія Татаръ, Великое-Княжество Суздальско-Владимірское прикасалось къ Волгѣ на довольно значительномъ пространствѣ ея теченія: въ нынѣшнихъ губерніяхъ Тверской, Ярославской, Костромской, и отчасти Нижегородской. Трудно съ точностью опредѣлить крайніе предѣлы тогдашняго протяженія его по этой рѣкѣ; особенно въ направленіи верховомъ, къ западу, гдѣ предѣлъ этотъ былъ весьма непостояненъ, передвигаемый съ мѣста на мѣсто случайностями непрерывныхъ столкновений, извѣстныхъ въ нашей исторіи подъ именемъ «удѣльныхъ междоусобій». Видно однако изъ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ намековъ, что, не задолго передъ тѣмъ (въ 1216 году), Суздальское Поволжье, притязаніями Князей распространяемое до рѣки Вазузы, впадающей въ Волгу при существовавшемъ уже тогда городѣ Зубцовѣ нынѣшней Тверской губерніи, въ своихъ безспорныхъ границахъ простиралось не дальше рѣки Шоши, составляющей нынѣ границу Тверской губерніи съ Московской (И. Г. Р. III, пр. 164). Дальше вверхъ отсюда, по обѣимъ сторонамъ Волги, господствовалъ Новгородъ, уступавшій иногда въ подручное владѣніе Князьямъ Суздальскаго-Дома, но никогда не отчуждавшій отъ себя волостей Торжка и Волока-Ламскаго. Засимъ, внизъ по Волгѣ, нѣтъ никакихъ признаковъ, чтобы, со времени образованія Суздальскаго Великаго-Княжества, владѣнія Новгородскія переходили за Волгу, на правый ея берегъ; но, съ другой стороны, нѣтъ также признаковъ и тому, чтобы, въ періодъ до-Татарскомъ, владѣнія Суздальскія переходили на лѣвый бе-

регъ Волги ближе, какъ развѣ по впаденіи въ нее рѣки Мологи (И. Г. Р. II, пр. 316). Въ этомъ промежуткѣ, между устьями Мологи и Шоши, Волга, кажется, составляла тогда живой граничный рубежъ Великаго-Княжества; почему и лежавшіе тутъ при ней города, коренные Суздальскіе, на-примѣръ Угличъ и Скнятинъ (нынѣ село въ Колязинскомъ уѣздѣ Тверской губерніи), стояли все по правую ея сторону, ни одинъ—по лѣвую, Новгородскую. Но затѣмъ далѣе, внизъ послѣ устья Мологи, видно по всему, что Великое-Княжество не стѣснялось уже Волгою, а распространялось безпрепятственно и за нее, въ глубь Чудскаго Сѣверо-Востока, главнѣйше по рѣкамъ Шекснѣ и Костромѣ (ср. И. Г. Р. II, пр. 141. III, пр. 154). Выходитъ, что, въ движеніи своемъ изъ Владиміра «на Волгу», Великому-Князю Георгію не было приличіе направленія, какъ «на *Ярославль*», гдѣ онъ, властвуя по обоимъ берегамъ Волги, оставался дома, внутри земли своей, а не на порогѣ такого неблагонадежнаго сосѣда, какъ Новгородъ, отъ котораго, при тогдашнихъ отношеніяхъ, стольже мало могъ ожидать себѣ пріязни и помощи, сколь мало самъ онъ оказалъ ихъ передѣтѣмъ Рязани. *Ярославль* притомъ былъ и самый ближайшій пунктъ Волги отъ Владиміра, дорогой лежащей черезъ *Суздаль* и *Ростовъ*. Другой, ближайшій затѣмъ, пунктъ Волги находился у *Скнятина*, и путь туда изъ Владиміра шелъ на города *Юрьевъ* (*Польскій*) и *Переяславль* (*Залесскій*): но Георгій очевидно двигался первымъ путемъ. По единогласному свидѣтельству лѣтописей, выступивъ изъ Владиміра, онъ взялъ съ собою сыновцевъ своихъ Константиновичей, Князей *Ростовскихъ*, и не взялъ, а только ожидалъ къ себѣ дружины братьевъ своихъ Святослава и Ярослава, изъ которыхъ первый княжилъ удѣльно въ *Юрьевѣ*, а второй въ *Переяславлѣ*; стало-быть, ни *Юрьевъ*, ни *Переяславль*, не были у него на дорогѣ. Да и трудно вообразить, чтобы Георгій, избѣгая Батыя, выбралъ путь отступленія своего на Волгу близъ пути, которымъ самъ Батый двигался отъ Москвы къ Владиміру: на *Суздаль* было совсѣмъ въ противоположную сторону отъ враговъ, и потому безопаснѣе. Присовокупимъ здѣсь наконецъ и то единогласно въ лѣтописяхъ разсказываемое обстоятельство, что Батый, расположивъ «станы свои» у Владиміра, счелъ нужнымъ, прежде приступа къ городу, сдѣ-

дать особую вылазку на *Суздаль*, который и был тогда же взят и разрушен: чѣмъ это лучше объяснить, какъ не погоней по свѣжимъ слѣдамъ за Великимъ-Княземъ? — И такъ, все наклоняетъ къ полному убѣжденію, что Великій-Князь Георгій отправился изъ Владиміра «на Волгу» — не въ иное мѣсто, какъ — «на *Ярославль*»! —

Теперь, какъ же могъ онъ очутиться на рѣкѣ *Сити*, которая отъ Ярославля — гдѣ ни возьми — не ближе, какъ Ярославль отъ Владиміра? — На верхъ *Сити*, туда гдѣ находятся *Боженики* и *Могилыцы*, прямой путь отъ Ярославля лежитъ на *Угличь*, противъ котораго впадаетъ въ Волгу рѣка *Корожична*, верховьемъ своимъ вяжущаяся съ верховьемъ *Сити*; тутъ дѣйствительно и было изстари одно изъ сообщеній Новгорода съ Ростовской половиной Суздальской Великокняжеской области, а потому и съ Ярославлемъ: сообщеніе чрезъ такъ-называвшійся *Блжецкій-Верхъ*, въ послѣдствіи давшій названіе одной изъ *Пятинъ-Новгородскихъ* (ср. *Соф. Врем.* подъ г. 1148). Но Георгію идти такимъ образомъ изъ Ярославля на *Угличь*, хотябы даже и для того чтобъ искать наконецъ прибѣжища ко владѣніямъ Новгородскихъ, значило вернуться назадъ; и — въ какихъ-же обстоятельствахъ? — По единогласному свидѣтельству лѣтописей, Татары, взявши Владиміръ, тотчасъ разсыпались по всему пространству Великаго-Княжества: «ови идоша къ Ростову, а инии къ Ярославлю, а инии на Волгу на Городецъ, и ти плѣниша все по Волзѣ, даже и до Галича Мерьскаго; а инии идоша на Переяславль, и тѣ взяли, и оттолѣ всю ту страну и грады многы плѣниша, а даже и до Торжку, и нѣсть мѣста, ни вси, ни сель атацѣхъ рѣдко, и дѣже не воеваша на Суздальской земли; и взяли городовъ 14, опрочъ свободъ и погостовъ, въ одинъ мѣсяць февраль» (*Лавр. Спис.* въ П. С. Л. I. 198; ср. *Соф. Врем.* I. 242, *Воскр. Лѣт.* II. 195, *Новг. IV.* въ П. С. Л. IV. 32). Какъ тутъ было и думать Великому-Князю, принявшему съ самаго начала систему отступательную, взять путь прямо въ-лицо остревенному непріятелю! — Съ другой стороны, однако, куда жъ было и дѣваться ему, когда Татары, по прямому свидѣтельству одной изъ лѣтописей, погнались — именно за нимъ — «къ *Ярославлю*» (*Новг. I.* въ П. С. Л. III. 51) —? Продолжать отступление свое

внизъ по Волгѣ отъ Ярославля, значило-бы наткнуться на тѣ полчища Татаръ, которыя въ то же время, по сказанію летописей, устремлясь въ нынѣшнюю Костромскую губернію, губили ее отъ Городца-на-Волгѣ до Галича. Остался только одинъ еще путь, путь совершенно свободный и безопасный: это вверхъ отъ Ярославля по Волгѣ. Въ этомъ направленіи, глядя на карту, невольно отличаешь глубокой уголъ, дѣлаемый почти прямымъ устремленіемъ Волги на сѣверъ отъ Углича, а потомъ, при нынѣшнемъ городѣ Мологѣ, внезапнымъ почти отвѣснымъ изломомъ ея на югъ, съ постепеннымъ затѣмъ наклономъ къ востоку. Въ вершинѣ этого угла, самой сѣверной точкѣ, до какой достигаетъ Волга въ своемъ теченіи, впадаетъ въ нее рѣка Молога; и тутъ же возлѣ вливается въ нее протокъ Шексны, извѣстный подъ именемъ Тушмы или Пушмы, а потомъ и сама Шексна, нѣсколько пониже, при нынѣшнемъ Рыбинскѣ. Такимъ образомъ, по этимъ двумъ рѣкамъ, открывается тутъ двойное сообщеніе съ глубиной тогдашняго Русскаго Сѣвера, гдѣ находилась древняя область Бѣлозерская, въ то время зависимая отъ Великаго-Княжества. Лучше нельзя было выбрать убѣжища Георгію, который, слѣдуя этимъ путемъ, самымъ естественнымъ образомъ долженъ былъ попасть — на низъ *Сити*, при ея впаденіи въ *Мологу*, не вдалекѣ отъ впаденія самой Мологи въ Волгу! —

Утвердивъ это направленіе приходу Великаго-Князя на Сить, можно и послѣдующія событія разяснить согласно съ указаніями летописей. По свидѣтельству ихъ, Георгій, ставши «станомъ на *Сити*», послалъ какого-то находившагося при немъ Дорожа (въ нѣкоторыхъ летописяхъ — Дорожея Семеновича, должно-быть одного изъ своихъ воеводъ), съ тремя тысячами войска — «въ *Просоки*» (такъ это послѣднее слово пишется во всѣхъ летописяхъ, въ которыхъ пишется). Что могли-бы значить эти *Просоки*, до-сихъ-поръ не только не объясненные, но и не подвергавшіяся объясненію? — По этимологіи можно-бы разумѣть здѣсь такого-рода мѣстность, которая — какъ говорится въ простонародіи — «прос осана» водяными протоками; и въ этомъ смыслѣ такъ могла очень легко называться окрестность устья рѣки Мологи, гдѣ, какъ выше было замѣчено, проходить въ Голу одѣвъ изъ «протскости» Шексны,

подобный которому, у тойже Шексны, нѣсколько выше, называется и понынѣ *Просса* (Штукенб. *Hydrogr.* V. 379). Дѣйствительно, тутъ былъ ключъ въ ту сторону Заволжья, а потому занять пунктъ этотъ крѣпкою охранительною стражею было бы весьма расчетливо: мѣстные преданія говорятъ, что такъ и бывало въ старину, что находящіеся здѣсь при Мологѣ селенія *Боронищино* и *Станово* оттого будто и получили свои нынѣшнія названія, что въ первомъ изъ нихъ въ старыя времена «боронились» а во второмъ «отстаивались» отъ непріятелей. Но у Георгія, по всему видно, не то было въ мысляхъ: въ одной изъ лѣтописей говорится, что онъ послалъ Дорожа не стеречь, а «пытать Татаръ» (И. Г. Р. III, пр. 365); и затѣмъ всѣ лѣтописи говорятъ, что Дорожъ прибѣжалъ назадъ съ печальною вѣстью: «а уже, Княже, обошли суть насъ около Татарове!» То-есть: Татары появились, откуда ихъ вовсе не ожидали, гдѣ ихъ нисколько не стереглись, и Великій-Князь, совершенно нечаянно, увидѣлъ себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ непріятельскими силами.

Перенесемся теперь на рѣку *Сить*, и осмотримъ ея положеніе по нынѣшнимъ даннымъ. Рѣка *Сить*, какъ объяснено и въ настоящемъ очеркѣ, начинается въ Бѣжецкомъ уѣздѣ Тверской губерніи, не вдалекѣ отъ нынѣшняго города *Бѣжецка* (по увѣренію г. Погодина, бывшаго лично на-мѣстѣ, верстъ около 12, близъ нынѣшняго села *Сабурова*, *Тараканово* тожъ). Длина теченія ея, тѣмъ не менѣе, остается до-сихъ-поръ проблематическою: въ настоящемъ очеркѣ она показана простирающеюся до 90 верстъ, съ чѣмъ согласно и показаніе «Словаря Щекатова» (IV. 317); но у г. Штукенберга она полагается, на основаніи оффиціальныя свѣдѣній, во 160 верстъ, изъ которыхъ 100 судоходныхъ (*Hydrogr.* V. 353). Чтобы согласить эти противорѣчія, не остается ничего, какъ предположить, что въ оффиціальныя свѣдѣнія вычислена длина дѣйствительнаго теченія рѣки со всеми извилинами, а мѣрой 90 верстъ, какъ видно господствующей въ народномъ мнѣніи, опредѣляется прямое сухопутное разстояніе отъ истока рѣки до устья, которое близко къ тому выходитъ и по картамъ. Между-тѣмъ, *Бѣжецкѣ*, близъ котораго начинается *Сить*, самъ находится при Мологѣ-же, въ верхней части ея теченія; выходитъ, что *Ситью* нарѣзывается

поперечное разстояніе, отъ *Мологи* до *Мологи*, не больше какъ верстъ во 100, тогда-какъ рѣка эта, своимъ дѣйствительнымъ теченіемъ, отъ *Бѣжецка* до устья *Сити*, дѣлаетъ дугу не менѣе какъ въ 400 верстъ. Зная условія стариннаго быта, когда дороги всѣ пролагались не иначе какъ по рѣкамъ, можно съ достовѣрностью полагать, что тутъ шель издревле кратчайшій путь съ низу *Мологи* на верхъ, которымъ Ярославскій предѣлъ Ростовской области соединялся съ Бѣжецкимъ краемъ Новгородскихъ владѣній. Но путь этотъ не былъ путь удобный: изъ современныхъ официально собранныхъ мѣстныхъ свѣдѣній извѣстно, что, въ верхней части теченія *Сити*, тамъ гдѣ она нынѣ разграничиваетъ Кашинскій уѣздъ отъ Моложскаго, именно въ окрестностяхъ селъ *Боженокъ* и *Могилицъ*, находится, по обоимъ берегамъ рѣки, обширное непроходимое болото, покрытое мелкимъ лѣсомъ и кустарникомъ, которое въ одномъ Кашинскомъ уѣздѣ занимаетъ до 30 кв. верстъ, и потомъ далеко продолжается въ уѣздѣ Моложскій, по лѣвому берегу рѣки; такъ говорилъ и Священникъ Боженскій г. Погдину: «кругомъ насъ вездѣ болота, и дальше проѣхать никуда нельзя!» Въ этихъ-то мѣстахъ впадаетъ въ *Сить* съ лѣвой стороны, упоминаемая и въ настоящемъ очеркѣ, рѣка *Болотея*, которой самое имя слишкомъ краснорѣчиво изображаетъ ея топографическія свойства. Эта послѣдняя рѣка въ настоящемъ случаѣ заслуживаетъ примѣчаніе тѣмъ, что, во-первыхъ, ею и доннынѣ разграничивается Весьегонскій уѣздъ отъ Моложскаго, а потомъ, между ней и *Ситью*, внутри Моложскаго уѣзда, находится до-сихъ-поръ совершенно пустое необитаемое пространство, которое разширяется еще болѣе къ сѣверу, по зачинающейсѣ близъ верховьевъ *Болотеи* рѣкѣ *Себлѣ*, служащей также въ свою очередь границей между помянутыми уѣздами. Отсюда больше чѣмъ вѣроподобно можно заключить, что, и въ прежнія времена, здѣсь, по этимъ рѣкамъ, проходилъ если не официально размежеванный рубежъ, то живой природный раздѣлъ владѣній Новгородскихъ и Ярославско-Ростовско-Суздальскихъ. Выходитъ, Георгій, расположивъ «станомъ на *Сити*», въ нижней части ея теченія, сталъ въ одномъ изъ крайнихъ захолустьевъ своей Велико-Княжеской области, въ то время конечно мало еще и заселенномъ. Онъ уклонился такимъ образомъ, хотя и на недалѣе разстояніе

отъ прямаго пути къ Бѣлу-Озеру по рѣкѣ Шексѣ; уклонился даже нѣсколько и отъ обычнаго пути къ Новгороду по Мологѣ (черезъ Весьегонскъ и Устюжну): безъ-сомнѣнія, потому-что, по обоимъ этимъ путямъ, ожидалъ неминуемаго преслѣдованія за собой отъ Татаръ. Но у него былъ и тутъ, на случай крайности, вѣрный исходъ — вверхъ по *Сити*, къ *Блжецк*! Современныя официальныя свѣдѣнія говорятъ, что и нынѣ болота, окружающія *Сити* при впаденіи въ нее рѣки *Болоты*, непроходимыя лѣтомъ, зимою замерзаютъ, и тогда прокладываются черезъ нихъ дороги; а событія, о которыхъ идетъ теперь рѣчь, происходили именно зимою, въ теченіе февраля мѣсяца. Въ такихъ обстоятельствахъ, не естественно-ли всего было Великому-Князю, при слухѣ, что Татары гонятся за нимъ «къ *Ярославю*» — послать Дорожа для развѣдокъ по этому, единственно остававшемуся у него въ запасъ, направленію? — Еслижъ такъ, то вблизи *Блжецка*, на рѣкѣ *Мологѣ*, верстахъ въ 40 выше нынѣшняго города, находится и теперь село *Проспик* (такъ по «картѣ Шуберта», а по другимъ показаніямъ — *Приспик*). Село это имѣетъ положеніе въ весьма характерическомъ пунктѣ теченія *Мологи*: тамъ, гдѣ рѣка эта, сначала имѣя почти прямое направленіе къ востоку, вдругъ почти прямоугольнымъ изломомъ поворачиваетъ на стверь. Между-тѣмъ, *Блжецк* — главное мѣсто края, прозывавшагося по его имени — въ старину былъ не тутъ, гдѣ нынѣ, а нѣсколько ниже по *Мологѣ*, гдѣ теперь село *Блжецы*; стало-быть, выходъ на *Мологу* въ Блжецкомъ-Краѣ, со стороны Великаго-Княжества, могъ быть тогда именно въ нынѣшнемъ селѣ *Проспик*! Это, между-прочимъ, подтверждается и тѣмъ, что, и въ настоящее время, тутъ сходятся всѣ пути внутренняго туземнаго сообщенія (дороги изъ Углича, Переяславля, Дмитрова, и изъ самой Твери), немного только уклоненные перенесеніемъ города *Блжецка* на нынѣшнее мѣсто. Итакъ, летописные *Проспик* очень могутъ быть одно и то же съ нынѣшнимъ селомъ *Приспик*, куда Георгій послалъ передовой отрядъ разузнать и приготовить себѣ путь новаго, скрытнаго отступленія, передъ бѣдой, грозившей убожищу его со стороны *Ярославля*.

Но уже было поздно. Пока Великій-Князь стоялъ станомъ, Татары, какъ видно, не стояли. На верхъ *Сити*, въ окрестно-

сти *Блжеца*, они могли достигнуть, двигаясь отъ Владиміра на сѣверъ, *Переяславско-Скятинской* дорогой, черезъ *Кашицъ*: это находятъ себѣ подтвержденіе и въ лѣтописяхъ, считающихъ между городами, опустошенными отъ Татаръ вслѣдъ за взятіемъ Владиміра, при общемъ погромѣ земли Суздальской: и *Переяславъ*, и *Скятинъ*, и *Кашицъ* (И. Г. Р. III, прим. 364). Тутъ конечно наткнулся на нихъ и Дорожъ; и—какъ видно по всему—наткнулся совершенно неожиданно. Въ бѣльшей-части лѣтописей говорится, что Татары напали на Великаго-Князя «внезапу» (Новг. I, Соф. Врем., Воскр. Лѣт.); а одна говоритъ еще опредѣлительнѣе, что Георгій, за неимѣніемъ сторожей, былъ «изъѣханъ» (то-есть—застигнутъ въ распlohъ) «безаконнымъ Бурундасемъ» (Ипат. Спис. въ П. С. Л. II. 176). Это послѣднее извѣстіе. принятое и г. Иванинымъ въ основаніе своихъ стратегическихъ соображеній, склоняетъ къ убѣжденію, что гибельный натискъ Татаръ на Великаго-Князя могъ быть сдѣланъ точно съ верховья *Сити*, полководцемъ отдѣльнаго отряда Батыева; только этотъ отрядъ едва-ли имѣлъ въ виду отыскивать тутъ Великаго-Князя, а просто шелъ опустошительной тучей по направленію къ *Блжецкому-Верху*, тогда-какъ главная туча, предводительствуемая самимъ Батыемъ, двигалась, черезъ Волокъ и Тверь, на Торжокъ, съ одной цѣлью пробраться съ разныхъ концовъ въ предѣлы Новгородскіе. Найдя здѣсь враговъ, которые, въ тоже время, другимъ отрядомъ, двигались къ устью *Сити* изъ *Ярослава*, Дорожъ имѣлъ полный поводъ сказать Великому-Князю роковыя слова, сохраненныя въ бѣльшей-части лѣтописей: «а уже, Княже, обои ѿ сѣ насъ около Татарове!» При этомъ, первая схватка Татаръ съ отрядомъ Дорожа могла точно произойти въ окрестностяхъ села *Блжецокъ*, и всего вѣроятнѣе при нынѣшнихъ *Могилицахъ*, судя по имени урочища, которому всего естественнѣе прозваться такъ отъ изобилія «могилъ» павшихъ въ бою воиновъ. Но «станъ», которымъ Георгій «стоялъ на *Сити*», и гдѣ застigli его, въ распlohъ, безъ сторожей, Татары, гнавшіеся по пятамъ за разбитымъ Дорожемъ—по всемъ изложеннымъ соображеніямъ—долженъ былъ находиться гораздо ниже, внутри нынѣшняго Моложскаго утзда: и если судить тоже по имени, то не его-ли память сохранилась въ на-

званіи нынѣшняго села *Станилова-на-Сити*, находящагося выше описываемой здѣсь *Покровско-Сицкой* волости, верстахъ въ десяти, не болѣе?— Вотъ и объясненіе, самое удовлетворительное, тѣхъ валовъ и насыпей, соединенныхъ между - собою канавами, о которыхъ говорится въ настоящемъ очеркѣ: это остатки Георгіева «стана», можетъ - быть отчасти перемѣшанные также и съ «могилами» погибшихъ въ бѣгствѣ послѣ сраженія. Самое подробное извѣстіе, какое осталось въ лѣтописяхъ о концѣ злополучнаго дѣла на Сити, есть слѣдующее: «И сступишася «обои полки, и бысть сѣча зла, и побѣгоша предъ иноплемен-
«ники, и ту убьенъ бысть Великій-Князь Юрій Всеволодичъ на
«рѣцѣ на Сити, и вои его многи погибоша» (Троиц. Счис. въ П. С. Л. I. 224; ср. Соф. Врем. I. 243).

Гдѣ именно «на *Сити*» палъ самъ Великій-Князь, опредѣлительныхъ указаній въ лѣтописяхъ нѣтъ; одна изъ нихъ выражается даже объ этомъ такъ: «Богъ - же вѣсть како скончася, «много бо глаголють о немъ нини» (Новг. I въ П. С. Л. III, 51—52). Во всякомъ случаѣ, это не могло быть очень далеко отъ сліянія *Сити* съ *Мологой*. По единогласному всѣхъ лѣтописей свидѣтельству, тѣло Великаго-Князя нашелъ Епископъ Ростовскій Кирилль, возвращаясь обратно въ Ростовъ съ Бѣла-Озера, гдѣ онъ укрывался и благополучно укрылся отъ Татаръ. Но съ Бѣла-Озера къ Ростову естественная дорога лежитъ по Шекснѣ, которая къ мѣсту, гдѣ *Сить* впадаетъ въ *Мологу*, приближается въ теченіи своемъ верстъ на 20 или на 30, не болѣе: тутъ могъ онъ легко по - пути найти тѣло святаго страдальца за Вѣру и Отечество. Можно, пожалуй, предположить и такъ, что Кирилль возвращался не здѣсь, а Верхне-Моложскимъ путемъ, чрезъ нынѣшніе Череповецъ, Весьегонскъ, Бѣжецкъ и Кашиню, и тогда онъ могъ-бы проходить близъ верховья *Сити*, не подалеку отъ *Боженокъ* и *Могилицъ*: но путь этотъ во-первыхъ далѣе, и шелъ не по области древней Ростовской Епископій, а въ предѣлахъ Новгородскаго Владыки; потомъ, если-бы Кирилль почему-нибудь и предпочелъ такой дальній обходъ для своего возвращенія, то, идучи здѣсь, онъ-бы непременно нашелъ также и тѣло Василька Константиновича, племянника Георгіева, котораго Татары, взявъ въ плѣнъ живаго на *Сити*, довели съ собой до *Рѣньскаго-Лѣса*, и тамъ злодѣйски

замучили. Объ этомъ лѣсѣ, до-сихъ-поръ, существуютъ у насъ тоже самыя неудовлетворительныя толкованія, запутываемыя въ особенности тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописей пишется онъ не *Рѣпскій*, а *Шерпскій*, или *Шереньскій*, или *Шерпескій* (Лавр., Троиц., Новг. IV); въ слѣдствіе чего, и ищутъ его обыкновенно на рѣкѣ *Шерпѣ*, которая, протекая мимо города Александра въ нынѣшней Владимірской губерніи, впадаетъ въ рѣку Клязьму въ Богородскомъ уѣздѣ губерніи Московской. Но это значило-бы заставлятъ Татаръ идти съ Василькомъ, назадъ къ Владиміру, по опустошеннымъ уже ими мѣстамъ: что несовмѣстно ни съ правилами военнаго благоразумія, котораго, какъ доказано г. Иванинымъ, никакъ нельзя у нихъ отрицать, ни съ топографическими условіями ихъ движеній, ни даже наконецъ съ историческими преданіями, которыя всѣ единогласно свидѣлствуютъ, что туча нашествія ихъ, устремленная окончательно на Новгородъ, встрѣтивъ тамъ физическія себѣ препятствія, уклонилась и свалила въ Южно-Русскія степи, путемъ совершенно особымъ, черезъ Козельскъ въ нынѣшней Калужской губерніи. Всего естественнѣе лѣсѣ *Рѣпскій* находился на рѣкѣ, которая, и донынѣ называясь *Рѣпюю*, впадаетъ въ *Мологу* при *Весегошкѣ*, на дорогѣ оттуда къ *Бѣжецку*; а если такъ, то проходя тутъ, Кирилль непременно узналъ-бы о мѣстѣ умерщвленія Василька, и какъ это былъ Удѣльный-Князь Ростова, гдѣ Кирилль имѣлъ свою святительскую кафедру, то благочестивый Пастырь приложилъ-бы сугубое рвеніе къ отысканію его тѣла, въ чемъ не трудно-бы было ему и успѣть, такъ-какъ оно, по свидѣтельству лѣтописей, тотчасъ же было прибрано добрыми людьми изъ окрестностей. Между-тѣмъ, это все узнано было въ Ростовѣ уже по возвращеніи туда Епископа, и за мощами Князя посылаемы были оттуда нарочные (П. С. Л. I. 199, 224; ср. Соф. Вр. I. 244, Воскр. Лѣт. II. 200). Выходить, и тутъ все побуждаетъ вѣрить, что *Князь Егорій*, объ убіеніи котораго хранится память въ предѣлахъ *Покровско - Сицкой* Волости, недалеко отъ устья *Сити*, былъ не иной кто, какъ *Великій-Князь Георгій*, тѣло котораго можетъ - быть временно, до прибытія Епископа, покоилось на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ народное преданіе указываетъ мѣсто его погребенія.

Что касается до *Князей Сицкихъ*, потомковъ владѣтельныхъ *Князей Ярославскихъ*, имѣвшихъ сначала удѣль, а потомъ вотчины свои на этой самой рѣкѣ *Сити*, отъ которой и пошло прозвище ихъ *Сицкими*; то, по печатной «Родословной Книгѣ» (СПБ. 1787. ч. I, стр. 169—171), значатся между ними трое съ именемъ *Юрія* (тоже что *Георгій*), и всѣ трое около того времени, какъ родъ ихъ находился въ страшной опалѣ у Царя Бориса Годунова, вмѣстѣ съ Романовыми, которымъ *Сицкіе* были въ сродствѣ. Но, во-первыхъ, тотъ изъ *Князей Сицкихъ*, о которомъ есть современное извѣстіе, что онъ въ это время былъ задушенъ въ заточеніи, назывался не *Юріемъ*, а *Иваномъ* (И. Г. Р. т. XI, гл. II); а затѣмъ, еслибы кого изъ погибшихъ тогда *Сицкихъ* и звали *Юріемъ*, то народная молва никакъ не переименовала-бы его въ *Егорія*, а развѣ въ *Егора*, всегожъ скорѣе запомнила-бы его подъ тѣмъже именемъ *Юрія*. У насъ, въ народной рѣчи, «*Егорій*» есть имя священное, придаваемое по-преимуществу чтимымъ Церковью угодникамъ Божиимъ, каковъ дѣйствительно и есть «Св. Благотѣрный Князь Георгій Всеволодовичъ, убіенный отъ Татаръ на Сити», память котораго празднуется, по православному мѣсяцеслову, въ 4 день февраля мѣсяца.

ПРИХОДЪ СТАНИЛОВСКІЙ НА СИТИ.

ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНІИ
МОЛОЖСКАГО УѢЗДА.

(Воспитанника Семинаріи А. Преображенскаго.)

— О Т Ъ Р Е Д А К Ц І И —

Приступая къ предлагаемому здѣсь очерку, авторъ вкратчѣ замѣтилъ, что описываемый имъ приходъ составляетъ часть обширнаго околотка, который, по положенію своему на рѣкѣ *Сити*, весь вообще называется *Ситиной*. По его вычисленію, въ этомъ околоткѣ заключаются села: *Покровское*, *Семеновское*, *Байловское*, *Красное*, *Станилово*, *Правдино*, *Колегасово* и *Новое*, съ принадлежащими къ приходамъ ихъ деревнями. Это значитъ: все теченіе рѣки *Сити*, въ предѣлахъ Моложскаго уѣзда Ярославской губерніи. Авторъ прибавляетъ къ тому, что жители этой *Ситиной* всѣ вообще называются *Ситкарями*; въ-частности-же прозываются они еще отъ своихъ селъ или приходовъ, на-примѣръ: прихожане села Покровскаго — *Покровишна*, Семеновскаго — *Семеновишна*, Байловскаго — *Байловишна*, Краснаго — *Красноселишна*, Станилова — *Станиловишна*, и т. д.

Окрестные жители обыкновенно говорят: «я былъ въ *Ситчи*», и: «вонъ ѣдетъ *Станиловица*»!

Замѣчаніе это свидѣтельствуешь, что рѣка *Сить* и ея населеніе, въ предѣлахъ нынѣшняго Моложскаго уѣзда, до-сихъ-поръ считаются какимъ-то «особнякомъ». Основаніе этому безъ сомнѣнія должно быть этнографическое, какъ можно заключить и по нѣкоторымъ слѣдамъ старинной исторіи края. Слѣды эти укажемъ мы здѣсь, сколько знаемъ, для руководства будущимъ мѣстнымъ наблюдателямъ.

То, что теперь называется *Ситчиной*, составляло нѣкогда часть особаго удѣла *Ярославскаго* Княжества, которое, въ началѣ XIII вѣка, выдѣлено было изъ области *Ростовской*, Великимъ-Княземъ Константиномъ Всеволодовичемъ, въ пользу одного изъ сыновей своихъ, Всеволода Константиновича, который потомъ, вмѣстѣ съ дядей, Великимъ-Княземъ Георгіемъ, погибъ на роковомъ побоищѣ *Ситскомъ*. Неизвѣстно въ точности, какъ далеко простиралось тогда это Княжество: вообще оно оставалось въ тѣни при сынѣ и преемникѣ Всеволода, Князѣ *Василіи*, который умеръ въ молодости (р. ок. 1229, + 1249), оставя по себѣ одну малолѣтнюю дочь, во имя которой правила мать ея, вдовствующая Княгиня *Ксенія*; въ этотъ періодъ времени, оно могло быть очень стѣсняемо соудѣльными Князьями, въ особенности при господствовавшемъ стремленіи нѣкоторыхъ изъ нихъ владычествовать вмѣстѣ въ *Ростовѣ* и на *Бѣль-Озерѣ*. Лучшая эпоха для *Ярославскаго* Княжества началась съ супружества Княжны *Маріи* съ Княземъ *Оеодоромъ* *Ростиславичемъ-Чернымъ*, по рожденію—*Смоленскимъ*, по родовому удѣлу—*Можайскимъ*: онъ стоялъ тѣмъ крѣпче за наслѣдіе жены своей, что, оно въ послѣдствіи, по изгнаніи его изъ родовой области (ок. 1281), сдѣлалось единственнымъ его достояніемъ. По смерти *Оеодора* (+ 1299), сынъ и преемникъ его, Князь *Давидъ*, былъ единовластителемъ *Ярославскаго* Княжества; но его сыновья, которыхъ было двое, раздѣлились, и изъ нихъ, старшій *Василій*, прозваніемъ *Грозныя-Очи*, остался «на большомъ княженіи на *Ярославлѣ*» (съ 1321), а младшій *Михаилъ* — «сѣлъ на удѣлѣ въ *Мологѣ*», и такимъ образомъ положилъ начало отдѣльному существованію особаго *Удѣльнаго-Княжества Моложскаго* (или — какъ писали

въ старину — *Моложскаго*). Объ этомъ Князь Михаилъ упоминается въ лѣтописяхъ, что онъ, въ 1362 году, ѣздилъ въ Орду; а это въ тѣ времена было признакомъ нѣкоторой самостоятельности Князей относительно другъ-друга: въ слѣдствіе чего удѣлу *Моложскому* должно приписать нѣкоторую, по тогдашнимъ понятіямъ, степень особности въ общемъ родовомъ достоинствѣ Князей Ярославскихъ.

Какъ велико было Княжество *Моложское*, можно видѣть изъ титуловъ, принятыхъ въ-послѣдствіи потомками Князя Михаила, очевидно по доставшимся имъ наслѣдственно владѣніямъ. У Князя Михаила было три сына: Князь Ѳедоръ, Князь Иванъ и Князь Левъ. О послѣднемъ изъ нихъ, то-есть Левъ, родоначальникъ Князей Дуловыхъ, сохранилось свѣдѣніе, что сынъ его, Князь Андрей Дуловъ, «отъѣхалъ во Тверь, потому и вотчины отсталъ», то-есть лишился доли въ родовомъ удѣлѣ *Моложскомъ*. Затѣмъ, второй сынъ Михаила, Князь Иванъ, является родоначальникомъ Князей *Шуморовскихъ*, названныхъ такъ, очевидно по рѣчкѣ *Шуморъ*, впадающей въ Волгу, въ предѣлахъ нынѣшняго *Моложскаго* уѣзда, нѣсколько выше устья рѣки *Мологи*; тутъ и понынѣ находится при Волгѣ село *Шуморово* (по «Картѣ Шуберта» — *Шумарово*), очевидный памятникъ древней вотчины Князей *Шуморовскихъ*, которые потомъ частью извелись бездѣтно, а нѣкоторые потеряли свой вотчинный титулъ (значить и самую вотчину), прозваніишь одни — Ушатыми, другіе — Шапиными, третьи — Голыгиными (прозвища очевидно уже не вотчинныя, а личныя). Главная часть всего удѣла, какъ видно, досталась старшему сыну Михаила, Князю Ѳеодору, который удержалъ за собой и титулъ *Моложскаго*. Этотъ Князь *Моложскій*, равно-какъ и прочіе современныя Князья Ярославскіе, былъ уже — какъ говорилось тогда — «одинъ человекъ» съ Великимъ-Княземъ Московскимъ Дмитріемъ-Донскимъ, которому дѣятельно помогалъ и въ борьбѣ съ Тверью (1375), и въ славной битвѣ Куликовской (1380). Послѣ него (+ 1408), удѣлъ *Моложскій* раздѣлился, по числу дѣтей его, на трое. Титулъ *Моложскаго* Князя перешелъ къ сыну Ѳеодора, Дмитрію-Перицѣ, вѣтвь котораго въ четвертомъ затѣмъ поколѣніи пресѣклась. Другой сынъ Ѳеодора, Иванъ, является съ титуломъ Князя *Прозоровскаго*: долю его навѣрно долж-

но искать въ нынѣшнемъ селѣ *Прозоровъ*, въ Моложскомъ уѣздѣ, въ сѣверо-западномъ его углу, на рѣкѣ *Редьмѣ*, впадающей въ рѣку *Мологу* верстѣ 30 ниже впаденія *Сити*. Отъ этой вѣтви отдѣлялась-было еще новая отрасль Князей *Судичихъ*, въ лицѣ внука перваго Князя *Прозоровскаго*, которая впрочемъ во второмъ поколѣнїи изсякла. Гдѣ была вотчина этой отрасли, можно гадать на-двое: и возлѣ села *Прозорова*, въ предѣлахъ Моложскаго-же уѣзда, есть нынѣ село *Сутки*, лежащее при рѣкѣ *Себлѣ*, которая впадаетъ въ *Мологу* нѣсколько повыше *Редьмы*, составляя границу нынѣшняго Моложскаго уѣзда съ Весегонскимъ; но есть еще рѣка *Сутка*, довольно значительная, въ томъ-же Моложскомъ уѣздѣ, только въ противоположной его сторонѣ, служащая нынѣ границей между нимъ и уѣздомъ Мышкинскимъ, гдѣ и впадаетъ она прямо въ Волгу, нѣсколько выше упомянутой прежде рѣки *Шуморы*. Тутъ-ли, или тамъ—ясно одно: что вотчинныя доли, выдѣляемыя очевидно младшимъ въ роду братьямъ, всѣ отводились по краямъ общаго родоваго удѣла. Между-тѣмъ, середина нынѣшняго Моложскаго уѣзда, и должно-быть сердцевина стариннаго удѣла Моложскаго, теперешняя *Ситчина*, досталась старшему изъ сыновей Князя *Федора Михайловича Молозскаго*, Князю *Семену*, который такимъ образомъ и сдѣлался родоначальникомъ особой вѣтви Князей *Сицкихъ* (по старинному правописанію — *Ситичихъ*), всегда потомъ старѣйшинствовавшихъ надъ прочими отраслями Моложской линїи Ярославскаго Княжескаго Дома.

Князья *Сицкіе*, подобно всѣмъ своимъ сродичамъ, были вѣрными слугами Великихъ-Князей Московскихъ, въ то время уже дѣятельно сбиравшихъ подъ себя всю Русскую Землю. Сынъ перваго изъ нихъ, Князь *Борисъ Семеновичъ*, погибъ въ несчастномъ бою съ Татарами при Суздаль, гдѣ былъ подъ знаменами Великаго-Князя *Василья Темнаго*, который и самъ попался тогда въ полонъ Татарами (1445). Затѣмъ, сынъ брата *Борисова Петра*, Князь *Федоръ-Кривой*, является однимъ изъ главныхъ Воеводъ Великаго-Князя *Василья Ивановича* въ битвахъ съ Татарами (1506) и съ Литвою (1508), заключивъ свое воинское поприще, должно-быть въ глубоко преклонныхъ уже лѣтахъ, тѣмъ, что взятъ былъ въ плѣнъ Литовцами при не-

счастной осадѣ Стародуба, въ началѣ царствованія Грознаго (1536). Знаменитость этой фамиліи, поддерживаемая личными заслугами ея членовъ, должна-была возвыситься еще болѣе, когда внукъ Криваго, Князь Василій Андреевичъ, породнился съ Царемъ Грознымъ, женись на своячинѣ его, дочери Романа Юрьевича Захарына, сестрѣ добродѣтельной Царицы Анастасіи. Но это высокое счастье, въ послѣдствіи, обратилось на гибель всему роду Сидкихъ: при Царѣ Борисѣ Годуновѣ, за свойство ихъ съ Романовыми, они подверглись страшной опалѣ, были раскиданы по разнымъ мѣстамъ въ ссылку и въ заточеніе, гдѣ тогдашній глава рода, Бояринъ и Воевода Князь Иванъ Васильевичъ, былъ даже, по увѣренію современниковъ, задушенъ насильственно. Съ-тѣхъ-поръ, родъ этотъ, кажется, не возстановлялся уже въ прежнемъ блескѣ и могуществѣ, пока наконецъ угасъ безслѣдно.

Изъ всего изложеннаго здѣсь открывается, что *Ситчина*, въ старыя времена, имѣла свой періодъ «исторической особенности»; а это если не было послѣдствіемъ, то непременно должно было обусловить для ней и нѣкоторую «этнографическую особенность». Вотъ почему съ особливимъ участіемъ помѣщаемъ мы здѣсь очеркъ принадлежащаго къ ней прихода *Станиловскаго*, который есть чисто этнографическій, тогда-какъ предшествовавшій очеркъ сосѣдней *Покровско-Сидкой* волости есть преимущественно топографическій и статистическій. Помѣщая рядомъ эти два очерка, взаимно дополняющіе другъ-друга, мы имѣемъ въ виду доставить полную картину края, занимательнаго, какъ видно, во многихъ отношеніяхъ для просвѣщенной любознательности.

Весьма желательно-бы имѣть подобныя свѣдѣнія и о верховьѣ рѣки *Сити*, въ предѣлахъ нынѣшняго Моложскаго уѣзда Ярославской губерніи, куда оба предлагаемые теперь очерка не простираются; желательно, по-крайней-мѣрѣ, на столько, чтобы видѣть, какъ относится этнографически эта часть теченія рѣки къ Моложской *Ситчинѣ*. По «Картѣ Шуберта», *Ситъ*, передъ селомъ *Новымъ*, входитъ въ Моложскій уѣздъ изъ Мышкинскаго, гдѣ, впрочемъ, проходитъ самое небольшое пространство, а гораздо длиннѣе течетъ, передъ-тѣмъ, по границѣ обоихъ этихъ уѣздовъ, принадлежащихъ къ губерніи Ярославской. Тутъ, если идти съ низу въ верхъ, значатся при ней

села: *Сасыево* — въ уѣздѣ еще Моложскомъ, потомъ *Кузлево-Никольское* и *Воскресенское-Баулово* — оба въ Мышкинскомъ; съ послѣдняго, по показанію г. Штукенберга, начинается по рѣкѣ судоходство (*Hydrogr.* V, 353). Затѣмъ, въ Кашинскомъ уѣздѣ Тверской губерніи, слѣдуя тому же порядку снизу на верхъ, значатся на *Сити* селенія: *Могилы* (на картѣ — *Могилецъ*), *Боженки*, *Богоявленское* и *Прилуки-Введение*; въ послѣднемъ, по имѣющемуся съ-мѣста описанію, живутъ нынѣ Корелы. Тутъ же, въ Кашинскомъ уѣздѣ, проходитъ черезъ *Сить* большая дорога изъ Кашина въ Бѣжецкъ, при деревнѣ *Литвиновой*; по официальнымъ свѣдѣніямъ, рѣка здѣсь, въ полую воду, разливается очень широко, впрочемъ не представляя тѣмъ большихъ затрудненій сообщенію. Наконецъ, въ уѣздѣ Бѣжецкомъ, гдѣ находится начало рѣки, видимъ мы при ней, на картѣ, одно только село *Богородское*; и тутъ, возлѣ, значится деревня *Сабурова*, вѣроятно та самая, при которой г. Погодинъ, лично бывшій на мѣстѣ, нашелъ источникъ Сити, и «выпилъ изъ него воды въ память Великаго-Князя Георгія Всеволодовича и воевъ его, отъ Татаръ побѣжденных» (*Москв.* 1848, № 42, стр. 113).

Въ заключеніе, чтобы покончить все, относящееся къ рѣкѣ *Сити*, намъ извѣстное, скажемъ, въ предотвращеніе смѣшенія, что есть у насъ еще другая рѣка *Сить*. Она находится хотя и въ томъ же краю Сѣверной-Россіи, но на довольно значительномъ разстояніи отъ разсматриваемой здѣсь *Сити*, и притомъ принадлежитъ совсѣмъ къ другой гидрографической области, именно къ *Сѣверно-Двинской*. Начинается эта другая *Сить* въ Вельскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи, и потомъ входитъ въ Кадниковскій уѣздъ, гдѣ впадаетъ въ рѣку *Кусину*, поглощаемую извѣстнымъ *Кубенскимъ-Озеромъ*. Теченія этой *Сити*, по г. Штукенбергу, около 400 верстъ, и она, на нѣсколько верстъ разстоянія, передъ устьемъ, годна и употребляется для сплава (*Hydrogr.* II, 149). По «Картѣ Шуберта», въ *Сить* эту впадаютъ рѣки: *Вондашъ*, *Кезьма*, *Ягренга*, *Восма* (все — съ названіями очевидно не-Русскими). Замѣчаемъ это для того, что номенклатура эта можетъ служить къ соображеніямъ о первоначальномъ этнографическомъ значеніи и *Моложской-Сити*, на которой лежитъ описываемая теперь *Ситчина*.

НАРУЖНЫЯ СВОЙСТВА ЖИТЕЛЕЙ.

Стапиловскіе прихожане лицомъ бѣлы; росту средняго; голову, руки и ноги имѣютъ соразмѣрной величины; волосомъ русы и темно-русы; господствующіе цвѣта глазъ карій и сѣрый; тѣлосложеніемъ крѣпки; подвергаются болѣзнямъ, болѣею-частью, лихорадкѣ, весенней и осенней, и горячкѣ, отъ усиленной работы и простуды; сильны, но не такъ ловки и проворны; къ физическимъ трудамъ вообще очень прилежны.

ЯЗЫКЪ.

Нартчіе, употребляемое здѣсь крестьянами въ обыкновенныхъ разговорахъ, нельзя назвать чисто Русскимъ. Можно замѣтить въ немъ слѣдующія главныя отличія:

а. Выговоръ словъ вообще крайне протяжный, болѣе похожій на нотный напѣвъ, чѣмъ на обыкновенный разговоръ. Особенно бываетъ это, когда выражается превосходство одной вещи передъ другою: гдѣ, по общепринятому употребленію, слѣдовало бы къ прилагательному имени, для выраженія его въ превосходной степени, прибавить нартчія *весьма* или *очень*, предлогъ *пре* или мѣстоименіе *самый*, слово это тянется дольше нотнаго такта; на-примѣръ: *хоро — шая*, *далѣ — ко*, *высо — ко*, и т. п. Да и вообще спросите здѣшняго мужичка о чемъ-нибудь, онъ вамъ не скоро отвѣтитъ; на-примѣръ: — Какъ тебя зовутъ? — *Ко — го?* — Тебя, я спрашиваю. — *Ме — ня — то?* — Тебя-то. — *Да — ме — ня — меня — то — зовутъ*. — *Сце — на — номг!* —

б. Букву *а* выговариваютъ какъ букву *я*, когда передъ ней стоитъ буква *к*; на-примѣръ: *рѣдка*, *сайка*, *скамейка*, *линейка*, и т. п.

в. Букву *б* не выговариваютъ передъ буквами *я*, *а* и другими; на-примѣръ: *тея*, *тея* (тебя, тебѣ), *сея*, *сея* (себя, себѣ).

г. Букву *з* выговариваютъ иногда какъ букву *к*; на-примѣръ: *лѣкко*, *мякко* (легко, мягко), и т. п.

д. Къ буквѣ *д* прибавляютъ букву *з* передъ буквами: *е*, *и*, *ь*, *я*; на-примѣръ: *дзеревня*, *дзеря*, *дзергать*, *подя*, *идя*, *дѣя*, *дзя*; иногда и совсѣмъ опускаютъ *д* въ выговорѣ передъ

буквою *и*; на-примѣръ: *иѣ*, *пой*, *правой* (*иди*, *поди*, *прово-ди*); передъ *и* выговариваютъ какъ двойное *и*; на-примѣръ: *ланно*, *смороннякъ*, *што*, *ннемъ*, *сегоння*, *винно* (*ладно*, *смород-някъ*, *дно*, *днемъ*, *сего дня*, *видно*) и т. п.

е. Букву *е* перемѣняютъ на букву *и*, особенно въ словахъ сложенныхъ съ предлогами *предъ* и *пре*; на-примѣръ: *приподоб-ный*, *прикрасно*, *придъ* *пристоломъ*, и т. д.

ж. Букву *к* иногда выговариваютъ какъ букву *г*; на-при-мѣръ: *зергало* (*зеркало*).

з. Букву *о* перемѣняютъ на *ѣ* или *ю*; какъ-то: *юнь*, *юна*, *юно* (*онъ*, *она*, *оно*), или: *манинькѣй*, *сининькѣй* (*маленькой*, *си-ненькой*), и т. п.

и. Букву *т*, передъ буквами: *е*, *и*, *ь*, *п*, *я*, *ю*, выговари-ваютъ какъ *ц*; на-примѣръ: *цесць* (*тестъ*), *цѣска* (*теска*), *цѣмно* (*темно*), *иццй* (*итти*), *дзѣлаць* (*дѣлать*), *зѣць* (*зять*) и т. п.

і. Букву *х* перемѣняютъ на букву *ф*; на-примѣръ: въ при-красныѣфъ *долинафъ*, въ пригѣжіѣфъ *равнинафъ*, и т. д.

к. Букву *ц* выговариваютъ какъ букву *ч*; на-примѣръ: *чел-ковой*, *курича*, *кольчо*, *братець*, *сестрича*, *умнича*; а иногда и какъ букву *т*; на-примѣръ: *твѣть* (*цвѣть*).

л. Букву *ч* всѣ, кромѣ грамотныхъ, выговариваютъ какъ букву *ц*; на-примѣръ: *целѣ* (*чело*), *целовѣкъ* (*человѣкъ*); иногда какъ букву *т*, на-примѣръ: *состытаць* (*сосчитать*).

м. Букву *ш* замѣняютъ двойнымъ *ши*; на-примѣръ: *дура-цѣшиши* (*дурачище*), *домишиши* (*домище*), *иши* (*щи*), и т. п.

Вотъ краткій опытъ мѣстнаго словаря, изъ котораго от-части можно узнать нарѣчіе Станиславщины:

Адиць — копить что-нибудь, неумѣрен-но употреблять что-нибудь; также завидовать чему-нибудь.

Арѣва — толпа.

Бѣскаць — лаять.

Бажію — неотступно просящій.

Балѣйки — грибы отваренные.

Батракъ — работникъ.

Бѣхирь — краснобай.

Бахѣлиць — щеголять.

Бацѣгъ — яма вырытая водою въ ручьѣ.

Барѣхтаца — бороться.

Байонъ — краснобай.

Бѣця старинькой — дѣлушка.

Бѣлиць — говорить. *Бѣлиць по-городскіе* — говорить хорошо.

Бзырѣць — поситишно бѣжать, скакать.

Бобѣль — вдовый, одинокій.

Бобѣлка — вдова.

Богъ знамѣ — Богъ знаетъ.

Богъ далѣ — Богъ далъ.

Богданной бѣццошко — тестъ.

- Брюжжаць* — ворчать.
Будорражницъ — кружить, опьянеть.
Бутусъ — надутый.
Бухаць — ударять шибко.
Бухнуца — падать, ударяться.
Бытто — будто.
Ваганъ — мужикъ.
Ваганка — мужичка, крестьянка.
Валкѣй — алчный, завистливый.
Валѣса — необоротливый.
Ватѣга — семья.
Ватрухи — прѣсные пироги съ творогомъ.
Вахлѣй — дуракъ.
Взбуцецѣницъ — выстѣ, прибить.
Взѣмши — взялъ.
Возгрівъ — сопливъ.
Воздырѣць — безъ отдыха хлебать.
Волѣжницъ — тащить что-нибудь черезъ силу, везти что-нибудь.
Вредѣ — вредъ.
Въ та поры и въ ту пору — въ тѣ поры, въ то время.
Втрѣкацца — вѣстѣся, вѣбѣся.
Вынай и вынай — вынимай.
Галивѣсницъ — калякать пустяки.
Гѣмницѣ — дивиться.
Гадъ и гадкѣй — ловко угадывающій.
Гамѣць — кричать.
Глумѣнон — непонятно.
Глумницѣ — чудится.
Глыбѣко — глубоко.
Гожѣ — ладно.
Гоношѣць — готовить, суетливо дѣлать; также присвоивать.
Гѣсцѣйкѣ — гостѣя.
Дѣрома — порядочно, кое-что. *Дѣрома што* — несмотря на то что.
Дзѣнъ — день. *Дзѣнъ* — дней (род. пад. множ. числа).
Дзѣнегъ не мѣ — денегъ нѣтъ.
Добрѣ — имѣніе.
Домскѣй — свой, собственный.
Доржаць — держать.
Дотронѣсь — дотронися.
Дослѣдѣй — бери, кушай: такъ подчуютъ гостѣя за столомъ.
Дрѣмлицъ — надувать губы передъ плачемъ.
Дрѣблѣй — гнилой.
Дрлѣдѣ — забѣйка.
Дзвѣрь — дверь.
Евѣтки — вѣтъ.
Емистратѣ — Каллистратъ.
Ерѣпѣницѣ — зазнѣваться.
Ерестѣръ — Аристархъ.
Етѣта — дѣсь.
Жѣвляць — чавкать, жевать.
Жарѣвика — клюква.
Жердзіло — высокій ростомъ.
Жолунѣца — самая малость.
Журавѣль — журавль.
Загомѣздоватѣ — затѣснѣ, замысловатѣ.
Загребаздницъ — захватить насильно.
Задорѣжокъ — поверхность печи, находящаяся около гольца.
Закалѣдѣга — повѣса.
Заутрѣ — завтра.
Зачкѣй — зачти.
Зю — очень, весьма.
Золѣ къ работѣ — прилежный, трудолюбивый.
Зпѣмлицъ — кричать.
Издѣбмлицѣ — позаботиться, приготовиться.
Игрѣщѣцкѣ — пирогъ, коблѣчекъ прѣснѣй, лепешечка.
Иззѣбѣцца — поручаться, заботиться.
Имѣцца — общаться.
Иниѣй — иной.
Иниѣ, *инѣ* — когда такъ.
Иниѣй на попадзѣйкѣ — ницѣ что будетъ впереди или что попадетъ (собств. ницѣ на попадѣяхъ).
Идѣбро — ребро.
Ионтѣръ — олтарь.
Кадѣщѣць — во всю мѣчь кричать.
Кажѣйной — каждый.
Калѣнда — богатство. *Калѣнду на-бить* — разбогатѣть.

- Калиць* — ударять шаромъ въ палку (при игрѣ).
Карѣбканица — лѣзть на что-нибудь.
Карапѣзикъ — маленький ростомъ.
Карахциръ — характеръ.
Кѣя — Евдокея.
Кицѣкъ — два столбика, на которыхъ утверждается голбецъ въ избахъ.
Клѣишиць — неумѣренно пить.
Кляпѣицѣкъ — пуговица.
Кляпина — молодое дерево способное гнуться.
Колѣушка — небольшой ковшичекъ.
Кнѣжица — силиться.
Кожѣлица — черезъ силу поднимать что-нибудь.
Корѣга — трудолюбивый земледѣлецъ.
Корѣжиць — трудиться до поту лица въ земледѣльчествѣ.
Корѣжиць дзерѣвѣя — ломать, выдергивать деревья изъ корня.
Крѣхотка — крошка.
Кстацѣ — встати.
Ксицица — креститься.
Кувирѣиць — бросать палку такъ, чтобы она обоими концами скакала по землѣ (въ игрѣ).
Кѣксица — хлопать, стонать.
Кулага — простокваша, или солодь ржавой, смѣшанный съ ржавою мукою и сваренный въ печкѣ.
Кулкаиць — мотать, пьянствовать, кутить.
Кѣсъ — кусъ.
Кѣштаиць — кушать.
Лѣва — тучный, толстой.
Лагѣиць — бочка изъ-подъ дегтю.
Лѣза — коварный человекъ, имѣющій способность выманивать у кого-нибудь что-нибудь.
Лѣжень, лѣнь — палимъ.
Обикѣиць — опрятный;
Летучая травка — крылатый муравей.
Лѣпачъ — неумѣренно пить и тѣтъ.
Лопуха — оспа.
Латѣиць — бѣдно одѣтый.
Лязга — вздорный человекъ.
Лядѣ и лядѣице — человекъ часто болящій.
Лядѣиць — чахнуть.
Лязгѣиць — вздорить, ссориться.
Мало мѣльски, мѣленски — лишь бы только.
Мѣлка старинька — бабушка.
Марѣи — Марко.
Мѣледкѣ — медленно.
Мелѣдѣ — медленіе.
Мелѣдѣиць — медлить.
Мижѣиць — прицѣпываться.
Мицѣице — дорогое.
Мутѣиць — бабочка.
Мѣиць — пить медленно.
Молѣиць — сосать.
Мѣвляиць — жевать жвачку.
Набулѣицаиць — переполнивать.
Назрѣице — наугадъ, наизусть.
Набѣиць — яблѣнникъ.
Назѣиць — цѣлѣбный.
Нѣице — предъ сномъ.
Наведѣиць — наморщивъ лобъ.
Нарѣицаиць — намѣряться.
Нахѣиць — наговорить, клеветать.
Нахѣиць, нахѣиць — безстыдный, безсовѣстный.
Ндрѣиць — правъ.
Невидѣице — невидимо.
Некрѣиць — рекрутъ.
Нѣице — чуждающійся, собраній.
Немѣиць — молчать.
Немѣиць — не только.
Нѣиць — ночь.
Ну, добро! Ну ииць, колда ииць, спасибо! такъ благодарять за подарокъ.
Обилѣиць — всякаго рода сѣмена: рожь, овесъ, ячмень и т. п.
Облѣиць — сани простые.
Оверѣиць — Аверкій.
Огорѣиць — опозорить.
Одѣиць — дроги, на коихъ возятъ снопы съ полей въ лѣтнее время.

- Озляці* — озлбнуть.
Окѹлываць — обманывать.
Осизбѣнница — раздражиться, разгнѣваться.
Осошѣница — остановиться, притти въ сматеніе.
Оспожѣнка — Успенскій-Постъ.
Острѣмокъ — небольшой возъ сѣна.
Острогъ — пространство земли, на которомъ растетъ строевой лѣсъ.
Оттѣриць — выпѣжить, выхолить, откормить.
Охробѣще — плевель.
Пелѣзѣць — кормить хорошо.
Перебурѣзѣць — переполнить.
Пѣгорной — маленькій.
По глазмі — по-глазамъ.
Подземѣценекъ — низкій ростомъ.
Побирѣй — бери, кушай: такъ подчуютъ гостя за столомъ.
Попрошѣй — пищѣй.
Поотхробѣць — порастать.
Поотхлянуць — сдѣлаться полегче.
Поурѣвотки нѣту — право нѣтъ.
Поцѣсь, поцкѣй — почти.
Прѣскѣй — настоящій, подлинный.
Праховѣць — истлѣвать, пропадать.
Прѣпоркѣ — пристально и приторно.
Прѣпѣцѣць — прѣхать, притти.
Прѣпѣшениць — прѣшпорить.
Протрѣфѣць — издержать, истратить.
Простѣй — глупый.
Прѣшнѣй — локѣй.
Пузѣриць — ругать, позорить, безчестить.
Пѣвѣнь — пѣтухъ.
Раскорѣбина — кривое дерево.
Распѣсная трѣвка — земляной муравей.
Рѣбѣ — товарищи.
Рѣбѣтко — дитятко.
Рукѣ отсѣць — руку отсѣчь.
Рѣнѣпикѣ — черненькій.
Самѣдѣшѣнна — сволочь, толпа шулуновъ.
Свѣтѣць — свѣтать.
Свѣтѣокъ — цвѣтокъ.
Сдѣблѣць — готовить.
Сельникъ — чуланъ.
Середѣ — часть избы, которая находится противъ печи.
Сквалѣга — скупецъ.
Скляно — полнѣ, цѣлѣ.
Скорѣсь — торопливъ.
Слобѣда — свобода. *Слобѣдно* — свободно.
Смѣслиць обѣдѣ — приготовить обѣдѣ.
Совѣтѣница — совѣтоваться.
Солѣшѣной — жадный.
Сѣпаць — хватать съ порывомъ, торопливо что-нибудь дѣлать. *Сѣпѣль* — торопливъ.
Сѣйма — сума.
Сѣнно — судно.
Сѣуканѣць — муравей.
Сѣзмала — съ малѣтства.
Сѣтѣи — сочни.
Сѣйка — такъ называютъ скамеечку, на которой маленькіе ребята обѣмѣсѣнѣцѣ катаются.
Скѣшно — вкусно.
Талѣдѣнѣць — твердѣть.
Тарѣнѣць — большую тяжесть нести.
Тарѣшѣница — очень тихо, медленно тѣхать и ѣтти.
Таскѣй — бери, кушай: такъ угощаютъ гостя за столомъ.
Торскѣнѣ — тараканъ.
Торохѣница — торопѣться.
Торопѣра — говорунъ.
Трунѣдѣ — худая одежда.
Тѣнѣ — огородь.
Ужесѣ — множество.
Удорѣжѣсаць — разбивать.
Упѣтѣоваць — обезсилѣть.
Усудѣбѣць — дѣвать.
Уцѣнѣ — предѣлъ, граница.
Уцѣрѣлѣникъ — полотенце.
Хѣлда — невѣжда. *Хѣлдовѣть* — не очень учѣть.

Хару́ли — хоругви.

Хёнкаца — чваниться.

Хюпопникъ — полочка надъ домашними
жерновми.

Хомы́льцъ — хромать.

Церёзой — трезвый.

Целепень — толстый.

Фицъ — баште.

Бзда́ва — шалунья.

Яблоки — картофель.

Язди́ца — обьщаться.

Язжѣцъ — вздорить.

Якиди́ца — сообщаться, знаться, зна-
комиться.

ДОМАШНІЙ БЫТЪ.

А. жилища.

Каждый крестьянинъ имѣетъ двѣ избы, изъ коихъ одна черная, необходимая для его рукодѣлья, а другая бѣлая. У нѣкоторыхъ бываетъ одна черная изба, въ которой живутъ и лѣтомъ и зимою; другая-же изба служить вмѣсто чулана. Кроме-того, каждый крестьянинъ имѣетъ: житницу, амбаръ сѣнной, овинъ съ навѣсомъ и дворъ съ хлѣвами. Вся постройка покрывается ржаною соломою.

Убранство въ избѣ: кіота для иконъ; три или четыре окна, мѣрою не болѣе аршина, съ простыми косяками и рамами; столъ изъ досокъ; печь, въ черной избѣ — безъ трубы, а въ бѣлой — съ трубою; подлѣ устья печи, такъ-называемая суденка, необходимая для каждой стряпухи; въ переднемъ углу, противъ печи, домашніе жернова; подлѣ печи и двери, голбецъ; полати, лавки; полавочники надъ окнами; полочка надъ суденкою; грядка, или полочка, положенная на кичокъ и утвержденная въ переднюю стѣну.

Домашняя утварь: шайки, ушаты, лохани; рукомойникъ глиняный; деревянныя блюда, ложки, и солоница; ножи; горшки глиняные; кадки или квашни; свѣтецъ деревянный; чугуны; бочки для браги; чашки деревянныя, служащія вмѣсто блюдъ; ковши деревянные и жестяные; ставцы деревянные, служащіе вмѣсто ковшей; уполовники; плошки глиняныя; корчаги; кашнички; кринки; дойники; сковороды и сковородникъ; ступа; лотокъ; ночвы; сито; рѣшета; кубышка для постнаго масла; клюки деревянные и желѣзныя; ухватъ; косарь; нѣсколько стеклянной посуды, какъ-то: штофы, полуштофы, бутылки, и т. п.

Б. ОДЕЖДА.

Платье мужское. Зимнее обыкновенное: шуба овчинная, шапка теплая съ кряковками, картузь теплый, длинный армякъ изъ сѣраго самодѣльнаго сукна, штаны изъ тогоже сукна, тулупъ овчинный нагольный, лапти лыковые и лыяные. Праздничное зимнее: картузь, платокъ александрійскій на шеѣ, тулупъ овчинный нагольный или покрытый сукномъ, поддѣвка суконная на овечьемъ мѣху, на которую надѣваютъ суконный армякъ, сапоги валеные, шаровары широкіе плисовые, жилетъ. Лѣтнее обыкновенное: рубашка холщевая или пестрядинной ткани, кафтанъ изъ сѣраго самодѣльнаго сукна, лапти лыковые, картузь. Лѣтнее нарядное: картузь, рубашка бумажная и полубумажная краснаго цвѣта (у молодыхъ парней — александрійская), шаровары широкіе плисовые, сапоги кожаные съ длинными наморщенными голенищами, легкая суконная поддѣвка съ наборчиками, сверхъ которой надѣвается суконный армякъ.

Платье женское. Зимнее обыкновенное: сарафанъ крашенинный, шуба овчинная нагольная, лапти лыковые и лыяные, шубочка набойчатая. Зимнее нарядное: молодыя женщины и дѣвицы надѣваютъ платокъ, ситцевое платье, ситцевую шубочку, шубу суконную на заячьемъ мѣху; пожилыя — сарафанъ китайчатый, кумачницу, поддѣвку суконную овчинную, сапоги валеные. Лѣтнее обыкновенное: платокъ набойчатый холщевый, повойникъ, сарафанъ крашенинный, шубочка набойчатая, кафтанъ изъ сѣраго самодѣльнаго сукна, лапти. Лѣтнее нарядное: косынка алаго цвѣта, платье ситцевое, шубочка штофная, поддѣвка суконная, башмаки, шубочка ситцевая, кумачница и сапоги кожаные.

В. ПИЩА.

Ежедневная скоромная: щи изъ сѣрой капусты, подбѣленные молокомъ, черныи хлѣбъ, блины овсяные, прѣсные пироги съ творогомъ, «сметуха» или кислое молоко, картофель вареный. Ежедневная постная: щи изъ сѣрой капусты, капуста

бѣлая съ квасомъ, картофель вареный, иногда и жареный въ постномъ льняномъ маслѣ, каша изъ овсяной крупы и блины овсяные. Праздничная скоромная: щи съ мясомъ, пирогъ ржаной съ овсяной крупой, прѣсные пироги изъ ячной муки, называемые «житнухами», съ творогомъ и овсяною крупой, молоко прѣсное, картофель жареный въ салѣ, свиной жиръ съ овсянымъ блиномъ (это самый лакомый кусокъ), молочная овсяная каша, ячные оладьи. Праздничная постная. щи изъ бѣлой капусты, пирогъ ржаной съ овсяною крупой, блины овсяные, картофель жареный въ льняномъ маслѣ, соленая и вяленая рыба, больше судакъ и севрюжина, соковая каша.

Въ неурожайные годы, многіе, круглый годъ, питаются одними овсяными блинами.

ЗАНЯТІЯ.

Хлѣбопашество порядочно. Каждый однопольный крестьянинъ высѣваетъ двѣ четверти съ половиною ржи, пять четвертей овса, двѣ четверти ячменю, мѣру гороху, полторы мѣры льняного сѣмени и немного пшеницы.

Огородничествомъ занимаются только для домашняго продовольствія; садятъ картофель, лукъ, капусту, свеклу, рѣдьку, брюкву, и немного огурцовъ, моркови и рѣпы.

Изъ скота однопольный крестьянинъ держитъ: одну лошадь, двухъ коровъ, трехъ овецъ и одну свинью.

Нѣкоторая часть крестьянъ, особенно въ зимнее время, живутъ въ городахъ, гдѣ наживаютъ достаточное количество денегъ для уплаты оброка и податей и для домашнихъ потребностей. Но больше всего народъ здѣшній промышленеть отъ своей рукодѣльности, а именно: отъ искусной отдѣлки деревянной посуды, которая развозится потомъ въ ближнія торговыя села и города. Иные промышленаютъ отъ маслобойныхъ заводовъ, мельницъ и толчей. Изъ деревянной посуды дѣлаютъ преимущественно: чаны, шайки, ушаты, лохани, кадки, кубы, бочки и ведра. Есть которые дѣлаютъ рѣшета. Многіе занимаются плотничествомъ, ковкою желѣза и столярною работою. Очень немногіе выдѣлываютъ овчины, красятъ холстъ и пряжу, шьютъ сапоги.

БЫТЬ ОБЩЕСТВЕННЫЙ.

Приходъ Станисловскій состоитъ изъ трехъ вотчинъ, изъ которыхъ одна, состоящая изъ 406 душъ мужескаго пола, находится во владѣніи Князя А. Н. Волконскаго; другая, состоящая изъ 395 душъ мужескаго пола—во владѣніи Статскаго Совѣтника В. П. Зубкова; третья, состоящая изъ 73 душъ мужескаго пола—во владѣніи Генеральши А. И. Извъковой. Крестьяне все находятся на оброчномъ положеніи. Тягловыхъ изъ нихъ: въ первой вотчинѣ — 200, во второй — 210, въ третьей — 40; во всехъ же трехъ вотчинахъ—до 450 душъ. Съ оброкомъ и съ очисткою государственныхъ повинностей, годовой расходъ крестьянина, во всехъ трехъ вотчинахъ, можно положить отъ 145 до 155 р. асс.; въ томъ числѣ: на необходимыя прожитки (какъ-то: соль, деготь и т. п.) — 40 р., да на праздничное угощеніе (главнѣйше на водку) — около 20 р. асс. въ годъ.

Чины Сельскаго Управленія, по здѣшнему порядку, суть слѣдующіе: а) Бурмистръ: въ это званіе, съ дозволенія Господина, выбирается, всѣмъ міромъ, крестьянинъ честнаго поведенія, предпочтительно грамотный, смѣтливый, разсудительный, во всехъ отношеніяхъ ловкій; должность его, по довѣренности Господина, управлять вотчиною. б) Земскій: это вотчинный писарь. в) Выборный: вотчинный казначей, должность котораго состоитъ въ томъ, чтобы собирать денежные повинности съ крестьянъ и представлять потомъ съ отчетомъ Бурмистру (онъ, только въ первой изъ сказанныхъ вотчинъ, выбирается). г) Старшины: выбираются въ каждой деревнѣ, всѣмъ міромъ, и начальствуютъ въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ живутъ; на сходкѣ имѣютъ предпочтительное право подавать голосъ. д) Десятскіе: выбираются тоже въ каждой деревнѣ; должность ихъ созывать крестьянъ, по приказу Бурмистра, на сходку; также отводить квартиры прѣзжающимъ по должности Чиновникамъ. е) Городовой Десятскій или Пятидесятскій: избирается для того, чтобы, въ отсутствіи или за болѣзнью настоящаго Соцкаго, занимать его должность.

Для мірскихъ сходокъ, сдѣланы особенные дома, называемые Судными или Конторами. Сходка бываетъ очень рѣдко,

въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Когда необходимо нужно быть сходкѣ, Бурмистръ приказываетъ Десятскому созвать находящихся подъ вѣдомствомъ его крестьянъ той деревни, гдѣ онъ самъ живетъ, а Десятекимъ другихъ одновотчинныхъ деревень объявить приказъ, когда собираться на сходку и по какому случаю сходка назначена: такимъ образомъ все крестьяне, согласно приказу Бурмистра, собираются безпрекословно въ надлежащее время. На сходкѣ, первое мѣсто занимаетъ Бурмистръ; подлѣ него садятся Выборный и Старшины по старшинству, а за ними прочіе почетные крестьяне. Разсужденіе бываетъ: о землѣ, сколько слѣдуетъ наложить для обработки на тѣхъ или другихъ крестьянъ, и сколько съ кого сложить; объ лѣсѣ, сколько кому слѣдуетъ внести денегъ за пользованіе лѣсомъ, и сколько дозволяется его срубить; о выборѣ крестьянъ въ должности по вотчинѣ; о денежныхъ сборахъ, оброкѣ и недоимкахъ по оброку; объ рекрутской очереди; о провинившихся въ чемъ-либо крестьянахъ; и т. п. Рѣшенія постановляются не иначе, какъ съ согласія всехъ присутствующихъ на сходкѣ, а потомъ препровождаются на разсмотрѣніе и утвержденіе Господина.

Выборъ крестьянъ въ должности по вотчинѣ бываетъ ежегодно. Если прежнія лица проходили свои должности хорошо, то ихъ оставляютъ еще на годъ; впрочемъ не иначе какъ съ ихъ на то согласія. Въ случаѣ же небрежнаго прохожденія должностей, состоявшіе въ нихъ отрѣшаются, и на мѣсто ихъ выбираются міромъ другіе благонадежные изъ крестьянъ. Выборъ или отрѣшеніе Бурмистра зависитъ предпочтительно отъ самихъ Господъ.

Земля и оброкъ распределяются такъ, что всякой молодой парень, пришедшій въ 16-лѣтній возрастъ, долженъ обработать земли на четверть тягла, и платить четверть оброка; 17-лѣтній получаетъ земли на полтягла, и обязывается платить половину оброка; 18-лѣтній вступаетъ въ полное тягло, и платить полный оброкъ.

Сборъ оброка бываетъ два раза въ годъ: одна половина уплачивается до 29 іюня, другая — до 1 января. За крестьянъ, недоплатившихъ оброкъ, вносятся общественныя деньги, которыя недоимщики обязываются въ послѣдствіи вре-

мени выплачивать исподоволь и посрочно въ Общество. Особенные денежные сборы бываютъ очень рѣдко, въ самыхъ только необходимыхъ нуждахъ по Обществу.

Рекрутская очередь ведется строго соблюдаемымъ порядкомъ. Семейство, изъ котораго уже кто-нибудь поступилъ въ военную службу, освобождается отъ рекрутства. Одинокіе, не имѣющіе сыновей или имѣющіе одного лишь сына, обязаны вносить денежный повытокъ за полрекрута.

По мірскому приговору присуждаются къ тѣлесному наказанію: за грубость и неповиновеніе Вотчинному Начальству, также за ссору и драку, пьянство, лѣность и другія подобныя вины. Въ вотчинѣ Князя Волконскаго положенъ за вины денежный штрафъ, простирающійся до 5 р. сер.: сумма, которая изъ того составляется, хранится въ Вотчинной Конторѣ для непредвидѣнныхъ надобностей.

Мѣстные обычаи.

А. ПРИ БРАКАХЪ.

Приступая къ описанію обыкновений, существующихъ между прихожанами села Станилова во время браковъ, прежде всего за нужное почитаю ознакомить съ тѣми «чиновными лицами», которыя на сей случай предварительно выбираются, со стороны жениха и невесты, изъ ближайшихъ ихъ родственниковъ, съ показаніемъ какая каждому изъ нихъ назначается должность при брачныхъ обрядахъ.

Со стороны жениха выбираются: а) Сватъ: онъ посылается жениховымъ отцемъ, не безъ согласія и самаго жениха, сватать выбранную по любви невесту. б) Тысяцкій: должность его состоитъ въ томъ, чтобы, предъ совершеніемъ брака, ввести жениха и невесту въ храмъ, поставить тамъ на извѣстное мѣсто и, во все продолженіе таинства, стоять по правую сторону жениха, а потомъ представить новобрачныхъ въ мѣсто брачнаго пиршества; тысяцкимъ называется онъ потому, что ему дается право управлять всѣмъ повздомъ. в) Дружка: онъ наканунѣ брака ѣздитъ отъ жениха къ невестѣ съ

подаркомъ, а по совершеніи таинства брака, при брачномъ пиршествѣ, бываетъ распорядителемъ всего, что готовится для брачнаго стола. г) Полудружье: помощникъ дружки. д) Прибесѣдный и Прибесѣдная: это крестные отецъ и мать жениха; оба они въ потѣзду не бывають, а только, во время брачнаго пиршества, болѣе прочихъ гостей наслаждаются яствами и напитками, какія готовятся для стола. е) Бояре: одинъ изъ нихъ называется главнымъ или большимъ, а всѣ прочіе, хотя бы ихъ было до двадцати и болѣе, называются меньшими; число ихъ назначается отцемъ жениха, смотря по кошельку; обязаны: быть въ брачномъ потѣзду, а, послѣ брака, при столѣ брачномъ. ж) Сваха: во время вѣнца всегда стоитъ позади жениха, а послѣ, за столомъ брачнымъ, сидитъ возлѣ него. з) Подвезиха: это кучеръ жениховъ, который обязывается свезти его къ вѣнцу и послѣ представить обратно домой.

Съ невѣстиной стороны бывають: а) Такъ - называемые коробейщики: они обязываются, тотчасъ по совершеніи таинства брака, при началіи брачнаго пиршества, представить всѣ дары, назначенные невѣстинымъ отцемъ жениху. б) Сваха: она, во время совершенія таинства брака, стоитъ позади невѣсты, а послѣ, во время пиршества, сидитъ подлѣ ней.

Теперь представлю подробно всѣ брачныя обряды въ ихъ постепенности.

СВАТОВСТВО.

Выбранный отъ женихова семейства свать, какъ должностной и притомъ главный чиновный человекъ, сумеречками, тайкомъ, пробирается въ деревню, гдѣ давнымъ-давно запримѣчена дѣвушка-суженая, по-любви жениху. Не бѣжить, а летитъ онъ стрѣлой къ мѣсту своего назначенія; и чего не придумаетъ, идучи потаенною дорогою: какъ и чѣмъ начать разговоръ, какъ позавлекательнѣе поговорить? и т. д. Вотъ подходитъ онъ къ дому, гдѣ живетъ завѣтный предметъ его посольства; вступаетъ тихимъ шагомъ на крыльцо; сто разъ отряхнется, причешется, пригладится; наконецъ идетъ къ двери избы, робко берется за скобку, отворяетъ

дверь, манежно входитъ въ избу, молится Богу, и воздаеть, направо и налѣво, низкіе поклоны. Затѣмъ начинается разговоръ, который передается здѣсь буквально на мѣстномъ нарѣчій:

Сватъ. *Здорово-цѣ мои ропп'ю! Здорово-цѣ золоты'ю мои! — (Обращаясь къ невестину отцу): Здорово, задушєвный мой прійцєлишио! —*

Отецъ. *А зацѣмъ ваше прихожєство къ нашему убожєству? Зацѣмъ къ намъ пожаловали твоя милосия?*

Сватъ. *Пишу', п'янг-ли гдѣ пол'уцє лю-бо яроски, лю-бо цел'ушєцки на свой дворъ. Н'ятъ ли у ц'я, брац'яша, євтакой для плємени? — Я слышалъ оподысь, ш'тò у ц'я єсци євтакая пригò — жая, расхорò — шая, да и продажна єшиò — дакъ я къ цѣть по слухамъ-цѣ и за'рѣлъ. Слухомъ зємля полница, братєцъ! ... (Тутъ отецъ невестинъ догадывается къ чему клонится дѣло, а сватъ продолжаетъ): Ну ш'тò, голубцыкъ мой, єсци ш'толи у ц'я?*

Отецъ. *Єсць, дружоцыкъ, єсць. Да самому нужна мнѣ: к'ица, не лишняя јона.*

Сватъ. *О родзи - мојо мојо! Ниш'то, вишь, цѣп нехòцца єъ ней расступница. Померєкай кѣ хорошенькѣ, да и по рукамъ скорп'ю: дзєнжòнєцки сєйцасъ жє на ру'цку! Пєцòво мпшк'ацъ, покуд'я не ушли годòчки у нєјо; толда и радъ бы проб'ацъ, да ужъ поздо будзѣтъ. Сп'усця л'п'то по малину єъ л'сѣ не хòдзятъ никòгда: слыхалъ ли ты, мојо родзи-мојо, євту пословицу Рассєйскую? Мерєкай-кѣ! ...*

И, какъ мелкій бѣсъ, всячески увивается онъ вокругъ отца невесты, изливаетъ все свое краснорѣчїє, расхваливаетъ предлагаемаго жениха на чемъ свѣтъ стоитъ; а между тѣмъ и самъ искусно навѣдывается, сколько отецъ думаетъ взять «вывода» за невесту. Надо сказать, что между прихожанами села Станилова издрєвле существуетъ обыкновєніє платить жениху за невесту такъ-называемый «выводъ», количество котораго назначаетъ отецъ невестинъ, смотря по достатку женихова отца; иные платятъ такимъ-образомъ 20, 30, 40 р. асс. и болѣе: эти деньги отецъ невестинъ получаетъ на другой день послѣ сватовства, и на нихъ до брака собираетъ пиръ для будущей своей родни.

Удостоверясь о женихѣ, что онъ чєловѣкъ очєнь порядочный, къ домашнимъ семействєннымъ занятїямъ способ-

ный и трудолюбивый, отец соглашается выдать дочь и тутъже назначаетъ количество вывода; а свать, если видитъ, что выводъ неотяготителенъ для женихова отца и для жениха, встаетъ съ лавки, даетъ руку невестину отцу въ знакъ согласія, прощается съ нимъ, и уходитъ, въ тотъже вечеръ въ домъ женихова отца, для уведомленія о благополучномъ успѣхѣ сватовства.

БОГОМОЛЬЕ.

На другой день послѣ сватовства, вечеромъ, приходитъ въ домъ отца невесты тотъже свать, и съ нимъ жениховъ отецъ, съ виномъ и выводомъ за невесту. Тутъ происходитъ такъ - называемое «богомолье». Усердно помолясь Богу, будущая родня садится за столъ. Отецъ жениховъ угощаетъ принесеннымъ съ собою виномъ невестину семью, а также и всѣхъ ея сосѣдей и сосѣдокъ, приходящихъ въ это время нарочно въ домъ отца невестина; потомъ отдаетъ условленный выводъ, и, посидѣвъ довольное время, возвращается, вмѣстѣ съ сватомъ, домой.

По уходѣ ихъ изъ избы, невеста, узнавъ, что ее помолвили выдать въ замужество, вбѣгаетъ съ горькими слезами въ избу, бросается опрометью въ объятія отца и матери, и начинаетъ причитать имъ на распѣвъ:

Осуларь ты мой бацюшко!

Осудароня моя матушка!

Задавали за свои руки бѣлыя —

во цу — жи лю — дзи:

Запорудили мою бѣяну голову,

За поруки не взяли за крѣпкія —

вѣковъ — шны — ю.

Знаць я все дѣло-то придѣлала,

Всю работушку-ту приработала!

Моложили на мнѣ гнѣвъ безъ милости:

Безъ милости — безъ жалѣнья —

Безъ великова радѣнья.

Ужъ какова-то пора!

Ужъ каково-то время!

Забѣжитъ мнѣ безспасѣ великое,

Впередзи меня — во цужи людзи.

На ково мнѣ будзетъ класць судзи Бога?

Ужъ на цѣя ли мой, кормилецъ бацюшко,

Ужъ-ли на цея ли, родзима матушка?

Ужъ на своѣ-то ли безцѣсцѣ великоѣ?

Въ это время всѣ подружки невесты собираются въ домъ ея отца. Невѣста встрѣчаетъ ихъ слѣдующимъ причетомъ:

Голубушки милыѣ, подруженьки мои!

Ужъ любезныѣ мои, советныѣ!

Не повышуй-ко-цѣ на мнѣ горюшѣ горькою,

Што я васъ не повѣсцѣла и не встрѣтила.

Не по старому я живу, не по прежнему:

Подогнулса у мина скоры ноги,

Опустилися бѣлы руки,

Свалиласа съ плечъ головушка,

Подорвало мое рецѣио сердце.

Ужъ голубушки, милыѣ подруженьки!

Отгуляла я съ вамъ, отпрохладзила,

По полями-це по пыстымъ,

По лугами-це зеленымъ,

По травами-це по шелковымъ;

Отпѣла я съ вамъ пѣсни веселыѣ.

Што возмѣтко-цѣ съ мина дѣзью красоту,

Што возмѣтко-цѣ се на бѣлы руки,

Ужъ возмѣтко-цѣ се бережнѣшеыкѣ, да цеснехолькѣ,

Ужъ подзицѣ вы гуляцѣ во зелены-це луга!

Стапицѣ завивацѣ золоты вѣвки —

Вы завейко-цѣ за мина вѣнокъ,

Принесѣткс-цѣ къ моему-то бацюнцю,

И къ моей-то родзимой матушкѣ:

Ужъ не завянетъ-ли мой зелѣной вѣпокъ,

Ужъ не погибнетъ-ли моя-та повинна голова,

Во цужѣ-це людзѣхъ живуцы? —

Этотъ самый причетъ повторяетъ невеста, и послѣ-того, каждый день вечеромъ; потому-что подружки, каждый день, вечеромъ, навѣщаютъ ее до самага дѣвичника.

дѣвичникъ.

На дѣвичникъ, который всегда бываетъ вечеромъ на канунѣ свадьбы, сзываются всѣ подружки той деревни, въ которой невеста имѣетъ жительство. Нарядясь, какъ можно лучше, онѣ собираются въ одно какое-нибудь мѣсто, и, составивъ хороводъ, идутъ тихими стопами къ дому, гдѣ живетъ ихъ сто-

воренная подруга, съ самымъ томнымъ пѣніемъ. Приэтомъ каждая изъ нихъ несетъ подъ мышкой изготовленный предварительно ржаной пирогъ въ подарокъ невѣстѣ; а впереди всѣхъ идетъ одна изъ дѣвушекъ съ искусно убранною, разукрашенною цвѣтами и лентами, елкою, которая называется «дзѣвьею красотою». Подойдя къ дому, онѣ становятся подлѣ крыльца, и до тѣхъ-поръ не входятъ въ избу, доколѣ отецъ или мать невѣсты не позоветъ ихъ; а между-тѣмъ продолжаютъ пѣть пѣсни. Вотъ, чрезъ нѣсколько минутъ, является на крыльцѣ отецъ или мать невѣсты, ласково привѣтствуетъ ихъ, и приглашаетъ навѣстить неутѣшно плачущую подругу. Лишь только дѣвицы переступятъ черезъ порогъ избы, какъ невѣста затягивается, какъ говорится — благимъ матомъ, изложенный выше горемычный причетъ: подруги, слушая, плачутъ, и, наплакавшись до-сыта, каждая отдастъ свой пирогъ сговоренкѣ. Послѣ того спрашиваютъ онѣ невѣсту:

Голубушка бѣлая, полюбовная!
Што ты рано вонъ выпархиваешь?

та отвѣчаетъ имъ:

Не сама я вонъ вымѣтываю,
Не сама я вонъ выпархиваю;
Отдастъ мня бацюшко,
Соряжаетъ мня родзима матушка,
во пужіе-це людзи,
За пужово-то ли пужанина! —
Ужъ ты, свѣтъ, руса коса!
Ужъ ты, свѣтъ, моя буйная головушка!
Разобьютъ мою головушку нарозно,
на шесць прядзѣй;
Зплетутъ мою косыньку на двѣ косы;
Обовьютъ мою косыньку кругъ головы,
кругъ макоски;
Надзѣнутъ на мою головушку бабью красу:
А бабья-то краса — шлыкъ волосникъ! —

Если невѣста не имѣетъ въ живыхъ матери, то она обращается потомъ къ отцу съ слѣдующимъ причетомъ:

Осударь ты мой бацисшко!
Погодзі-тко ты, помѣшай-ко,

Хощь малой и едзиной цась,
Хощь малую-ту минутую . . .
и въ слѣдъ затѣмъ причитаеть брату:

Осударь ты мой, милой братъ!
Послушай ты моего глупово разуму,
Глупово моево, неразумново,
Што и цетъ скажу сирота горькля:
Выйди-ко ты во цыстѣ полѣ,
Огляди-тко ты всю сторонушку,
отъ востоку до запада;
Погляди-тко ты въ восточную сторонушку:
Не красить ли красною солнышкѣ,
Ужъ не йдетъ ли наша родзима матушка?
Ужъ скажи-тко ты сиротѣ горькею:
И выйли-бы мы во цыстѣ полѣ,
Стали-бы мы при пуни при дорожнѣхъ,
Увидѣли-бы мы свою родзиму матушку,
Взяли-бы мы ее подъ бымы руки,
Ввели-бы мы ее въ домъ родзичельскѣй,
Посадили-бы за столы-це за дубовыѣ,
за скаперци-це за браныѣ,
Становили-бы мы явству сахарную,
пицья-то бы медзяново,
пива-то бы пьяново;
Спросили бы мы сироты горькѣю
Про ево жицѣю про вѣшною,
безковешною;
Росказали бы мы про свое жицѣю,
про сироткою,
Про своѣ жицѣю сироткою,
горемышнѣю:
Встае-ль мы съ утра-то ранѣмъ-ранѣ,
Не умываемся мы свѣждѣй водой,
Не уцираемся мы тонкіемъ полотномъ;
Умываемся мы горюцымъ слезамъ,
Уцираемся мы горемъ великіемъ.
Выцери-ли матушка твоему рецѣву сердцу?
Не стоять у цетъ скоры погѣ,
Не держидца твоя буйная головутка! —

Тутъ отецъ беретъ ее за руку, и сажаетъ на овчинку, разостланную на лавкѣ. Подруги, между-тѣмъ, ставятъ на столъ елку, утверждая ее въ горшкѣ, и на вершинкѣ ся

ставять подсвѣчникъ съ зажженною свѣчею. Послѣ того, всѣ садятся вокругъ стола, и поютъ разныя пѣсни всю ночь, почти до самаго разсвѣта. Невѣста отвѣчаетъ имъ:

Ужъ не пѣйко-цѣ вы пѣсни веселью!
Ужъ не круши-тко-цѣ мнѣ горюху горькою!
Што не знаю горюша горькая,
Какъ разстанися съ дѣвьею красотою
И съ своей-то волей вольною!
Што куды-то мнѣ дѣвьею красоту дѣваць будзѣть:
Во луга ли отпусциць — дакъ загуляецца;
Во лѣса-це отпусциць — дакъ заблудзицца;
Какъ въ рѣку-то бросиць — дакъ затоницца?—
Ужъ возмицѣ вы голубушки съ мнѣ дѣвьею красоту
И вѣлюшкю-ту вольною!
Отлущають ужъ мнѣ отъ стада-то лебедзинова,
Прилущають ужъ мнѣ ко стаду-то гусиному. . .

Кромѣ подругъ, на дѣвичникъ приглашаются и всѣ родственники невесты. При входѣ въ избу, родственныя женщины спрашиваютъ невесту, причитая:

Голубушки наша родзйма!
Што же ты насъ не встрѣтила, не привѣтила?
Знаць што не йдуть у ця скоры ногі,
Не поднимаюцца у ця бѣлы руки,
Не глядѣць у ця бѣлы ясныя.
Потунилася въ матушку сырѣ землі? . .
Спроси-тко ты насъ горькіець,
Какъ цѣць жиць во цужіець людзяхъ,
У пужова-то отца съ матерью:
Сукрѣпнн свое речыво серце,
Крѣпце камушка, крѣпце горюцова . . .
Ужъ такова пора, таково время!
Неудача твоя будзѣть великая,
Замужство твоё неудачно . . .
Выйдзи ты на цыстѣ полѣ,
Падзі-тко ты своей грудзью бѣлою
На маць-ту ли на сырѣ землі;
Возмоцн-ткѣ ты сырѣ землі,
Своемъ горюшымъ слезамъ,
И раскажи про сею жицью неудачно . . .

Невеста отвѣчаетъ, протяжнымъ, унылымъ распѣвомъ:

Не раскаіпица јона ужъ, не разговѣршица,
Во добры людзи не проноішица. . . .
Суцѣрпѣть јона на своемъ сердцѣ,
Продѣрпѣть јона на своей груди! . . .
Не выдерпѣ рециву сердцу,
Выйди на Дунай рѣку:
Ужъ плавають тутъ гуси-лебедзи,
Ужъ спрошу я горюша горькая,
Ужъ спрошу я гусей-лебедзей:
Каковѣ вамъ гуси-лебедзи,
Каково вамъ плаваць супроці воды?
Таково-то жиць въ цужѣмъ людзяхъ,
Таково-то у цужово у цужапина,
У цужово-то отца съ мѣцерыю! . . .
Ужъ цужой-отъ отецъ съ мѣцерыю
Родзілісь безъ жалѣньяца,
Безъ великію безъ мѣлосці:
Сушѣть-крушѣть, безъ вѣтру, безъ вѣхорю,
Пекутъ лицѣ безъ красова сѣмьшкѣ,
Знобѣть сердцѣ безъ морозу лютова. . .

Гости имѣють обыкновеніе дарить подругъ деньгами. При-
этомъ невѣста причитаєть отцу и матери:

Осударь ты мой родзимой бацюшко!
Осудароня родзима матушка!
Не прошу у васъ злата-сѣребра,
Што прошу у васъ благословленія великова:
Благослови-тко-цѣ миня—отъ цыста сердца —
у мѣста постѣдзѣци! —

ВЕЧЕРИНКА У ЖЕНИХА.

Когда, такимъ-образомъ, въ домъ невѣсты происходитъ дѣ-
вичникъ, въ домъ къ жениху, по приглашенію отца его, соби-
раются всѣ ближайшіе родственники на «вечеринку». Тутъ, на
лавкѣ, гдѣ долженъ сидѣть женихъ, тоже разстилается овчи-
на; отецъ и мать благословляютъ жениха иконою, и, помо-
лясь усердно Богу, сажаютъ его троекратно на овчину. По
совершеніи этой церемоніи, каждый изъ родственниковъ под-
ходитъ къ жениху съ хлѣбомъ, на который кладутся соль и
деньги, цѣлуется съ нимъ, и отдаетъ этотъ подарокъ.
Затѣмъ, отецъ и мать жениховы угощаютъ родственниковъ.

ПЕРЕДАРЬЕ.

Между-тѣмъ, отъ жениха къ невѣстѣ отправляются дружка и полудружье, съ коробкой, наполненной подарками. Подѣхавши къ двору невѣстину, дружка стучитъ кнутомъ въ окно, прося хозяевъ впустить дальнихъ забзжихъ людей на скотный дворъ. Спустя нѣсколько времени, отецъ и мать невѣсты выходятъ на дворъ, отворяютъ ворота, и впускаютъ гостей. Оставя лошадей на дворѣ, они входятъ въ избу, справляютъ низкіе поклоны невѣстивымъ отцу и матери отъ отца и матери жениховыхъ и самой невѣсты отъ жениха. Невѣста въ это время причитаетъ отцу и матери:

Осударь кормилецъ бацюшко!
Осудароня родзима матушка!
Стрѣцайце гощей нежданыець,
Нежданыець и незваныець;
Сажай-ко-цѣ нѣтъ за столы за дубовыѣ,
За скацери за бравыѣ;
Становице ястеу сахарную,
Подносице вы пиво пѣаноѣ,
Подносице вы вино зеленоѣ,
Цужіемъ-це людзямъ-цужаннемъ . . .

Дружка вручаетъ невѣстѣ подарокъ, присланный отъ жениха, обыкновенно состоящій изъ бѣлилъ, румянъ, серегъ и зеркала. Невѣста принимаетъ съ причетомъ:

Осударь ты мой любимой сватушко—
Незнаю я какъ ця пазваці,
По имени п отеству велицаці! —
Не гощинцы вы мне подносице,
Подносице горючы слезы:
Такъ у мепя льюцца горючы слезы
Изъ моець-це ли оцей ясныець;
Кацяцца горюцы слезы,
По моему-то лицу бллому,
На мой руки былыѣ,
На мое-то ли тѣтнѣ плацѣ,
На мое плацѣ на сироцкоѣ . . .

Отецъ и мать невѣсты угощаютъ дружку и полудружье хлѣбомъ-солью, виномъ и домашнею брагою. Невѣста между-тѣмъ причитаетъ отцу и матери:

Осударь ты мой бацюшко!
Осудароня родзима матушка!
Пошпуй-ко-це вы госцей нежданыець,
Нежданыець и незваныыець;
Пойце иць до пьянэшенька:
Жони бы у вась позапили,
А миня бы сироту позабыли
У цяя ли, мой корминець-бацюшко,
Во своей-то ли волѣ вольнею,
И во своей-то ли дзвѣей красоць! —
Осударь ты мой корминець бацюшко!
Ужь сидэла бы я у ця слишкомь двадцець-пяць,
И не принесла бы я безспэсэця не малова:
Не пала бы своемь лицомь бѣлыемь,
Не пала бы я о сыру землю,
Не покорила бы вашево роду племени . . .

Напослѣдокъ невѣста вручаетъ прибывшимъ посламъ отъ
себя подарокъ, который просить передать жениху.

УТРО ВЪ ДЕНЬ БРАКА.

Въ день, когда слѣдуетъ быть браку, невѣста, какъ-скоро
встанетъ поутру, причитаетъ отцу и матери:

Осударь ты мой родзимою бацюшко!
Осудароня родзима матушка!
Спалася ли вамь цѣмная нѣтъ, лежалася?
А мнѣ-то ли горюхъ горькую
Не спалася и не лежалася! . . .
На зарѣ-то ли на утренней,
На восходѣ-то ли краснова солнышка,
На закаци-то ли свѣтлова мѣсеца,
На малой цась ужь я и призадумалася,
Приснилася мнѣ сонъ не радошень:
Не въ лѣсаць-це ли я цѣмныыець блудзилася,
Не въ росахъ ли я замоцылася;
Заблудзилася я во цужіець людзятъ,
Замоцылася я въ горюцыць слезаць . . .
Осударь ты мой корминець бацюшко,
Не унимайце и не уговаривайце! —
Осудароня родзима матушка,
Дайце вы мнѣ наплакацца,
Моему-то ли сердцу нацѣшацца,
Оцямъ ясныемь надсадзѣнциса! —

Ужъ нагромлю я вашу свѣтлицу :
Ужъ во снѣ-то бы я вамъ спилася ,
Въ просонѣ-то бы я вамъ видѣлася ,
Въ просонѣ-то бы мой голосъ слышался ,
Ужъ вамъ ли, мой кормионецъ бацюшко,
Ужъ вамъ ли, кормилица матушка! —

Слѣдуетъ затѣмъ причетъ братьямъ :

Осудари мои, милы браця :
Ужъ такова пора, таково время ,
Замужство мое неудашное !
Не насижуса-то ли я по конецъ стола,
Не пагляжуса ли то я кусу поданово,
ожуреново ?
Звѣйцѣса вы яспиемъ соколамъ,
милыѣ браця!
Прилеца-тко-цѣ на цужую-то ли
дальнюю сторону ;
Сядзкѣ-цѣ вы на сербленинью
на пробоиню,
Проворкуй-ко-цѣ вы сизиемъ голубямъ :
И узнала бы я васъ сирота горькая . . .

Потомъ причетъ подругамъ :

Голубушки былыѣ, подруженьки,
Совѣтныѣ, ластушки косатыѣ !
Возмитко-цѣ мою дзввю красоту ;
Носицѣ не спускаюцы,
Гляцицѣ не мигаюцы ;
Берегицѣ ее отъ вѣтровъ и отъ вихорѣвъ,
Отъ бѣйныцѣ вѣтровъ
И отъ цастыцѣ дожбовъ :
Такова пора, таково время ! . .
Надоѣсть вамъ, надоскуцаеть :
Снесицѣ ее во цысто полѣ,
Положицѣ при пуці при дорѣжынкѣ ;
Ужъ пойду я съ цужіѣ дальніѣ сторопушки,
Возму я на бѣлы руки
Свою-то ли дзввю красоту.
Прижму я ее къ рециву сердцу,
Оболью я ее горюцымъ слезамъ :
Ужъ ты, свѣтъ, моя дзввя красота!
Ужъ ты не надолго мнѣ доставалася,
Ониѣмъ цасіко мѣ миновалася! —

Припесу я ее ко своему кормилицу бацюшку,
Положу я ее на косяшното окóпецко :
Ужъ не замеркнеть ли јона, не заванеть ли,
Не замеркнеть-ли бѣло лице .
Во цукиць-це людзѣ живуцы?..

Тутъ родная, или, если нѣтъ, то двоюродная сестра невѣсты, подходитъ къ ней и просить дать расплестъ у ней косу. Невѣста соглашается, но въ тоже время причитаетъ съ угрозою:

Голубушка бѣлая, сестра,
Ластушка ты моя косатая!
Не подступайко-са ты ко мнѣ смелѣшенькѣ,
Ко моей-то ли красѣ-костѣ;
Не расплетай-ко ты у миня русу́ косу:
Во моей-то ли русѣ костѣ,
Есть три ножница булатныя;
Не подрѣжь-ко ты своѣ руки бѣлыя...

а та, расплети благополучно, отвѣчаетъ причетомъ:

Ужъ подступила я смелѣшенькѣ,
Ужъ расплела я у нея русу́ косу,
Ужъ не видала я ножницовъ булатныя;
Ужъ не подрѣзала я своѣ руки бѣлыя...

поѣздъ отъ жениха къ невѣстѣ.

Когда приходитъ время ѣхать поѣзду съ женихомъ за невѣстой, отецъ и мать благословляютъ жениха иконою; причемъ обыкновенно затворяютъ все двери, сколько ихъ находится въ домѣ, и весьма строго наблюдаютъ, чтобы кто-нибудь, во время благословенія, не взошелъ въ избу. Потомъ женихъ, а за нимъ и все поѣзжане, обходятъ кругомъ стола, присаживаются на лавки, встаютъ и усердно молятъ Бога о счастливомъ окончаніи начатаго дѣла. Наконецъ, отецъ и мать, съ горькими слезами, выводятъ жениха на дворъ; за ними выходятъ поѣзжане, и отправляются въ путь.

Подѣхавъ къ деревнѣ, гдѣ живетъ невѣста, весь поѣздъ останавливается на какомъ-либо мѣстечкѣ, и объѣзжаетъ кругомъ подводу, на которой сидитъ женихъ. Послѣ того дружка и полудружье отправляются предварительно къ отцу невѣсты, а прочіе поѣзжане остаются за деревней, и стоятъ до-тѣхъ-поръ, доколѣ

поѣхавшіе не возвратятся. Тогда уже весь поѣздъ въѣзжаетъ въ деревню, прямо къ дому невестину.

Какъ только поѣздъ остановится у воротъ невестина дома, всѣ дѣвицы той деревни обступаютъ его кругомъ, и не выпускаютъ поѣзжанъ въ избу до-тѣхъ-поръ, доколѣ они не одѣлать ихъ пряниками. По этой причинѣ поѣздъ весьма долго принужденъ бываетъ медлить на дворѣ, пока вполнѣ не удовлетворитъ всѣмъ причудливымъ требованіямъ дѣвицъ, которыя во все это время поютъ разныя принаровленные ко времени пѣсни. Между-тѣмъ, невеста, зная что поѣздъ уже пріѣхалъ, неутѣшно рыдаетъ причитая:

Ужъ не рой-отъ вокругъ двора увивается,
Не мушкетѣр-ли призадумѣли,
Призадумѣли цужіи люди...

Вотъ входитъ манежною поступью тысяцкой, и за нимъ всѣ поѣзжане съ женихомъ, молятся Богу, отправляютъ едва неземные поклоны отцу и матери невесты отъ отца и матери жениха, и, получивъ дозволеніе отъ отца невестина, садятся на мѣста. Случилось-бы, что отецъ невестинъ не далъ этого дозволенія; тогда тысяцкій, взявъ просто невесту, отправляется со всѣмъ поѣздомъ къ вѣнцу, безъ всякихъ обрядовъ и угощеній. Но обыкновенный порядокъ таковъ, что поѣздъ усаживается: тогда невеста запѣваетъ:

Приставько-цѣ ко дверямъ-то придверница,
Къ костыламъ-цѣ пристольница;
Ужъ ко мнѣ-то ли горюшь горькѣй
Приставцѣ вы сторожацеля, сберегацеля,
Штобы сберечь мнѣ отъ цужіеи людей...

потомъ обращается къ своимъ братьямъ:

Ужъ поситко-цѣ вы пиво пьавоіо и вино зеленоіо,
Наливайко-цѣ вы стаканы-то полнѣіо;
Ужъ пойко-цѣ вы цужіеи госцей,
Штобы цужіе-цѣ люди познали,
Мини-бы горюшу позабыли,
Штобы осталаса я съ своею-то волей вольною,
Въ своей-то бы дзевей красоти...

Между - тѣмъ на столѣ собираютъ все, что требуется для обѣда; а невеста продолжаетъ:

Ужъ сцели тко-цѣ вы скацерци браныю ,
Поштуй-ко цѣ вы цужіеѣ людзей,
Госцей запрітзжіеѣ . . .

ПРОДАЖА НЕВѢСТЫ.

Продажа эта производится братомъ невесты, роднымъ или же и двоюроднымъ, до начатія обѣда. Продавщикъ подходитъ къ жениху и проситъ дать выкупъ за сестру: женихъ безпрекословно отдаетъ ему небольшое количество денегъ.

Во время этого дѣйствія, невеста сначала проситъ брата, чтобы онъ ни за какія деньги не продавалъ ее:

Осударь ты мой, ясенъ соколъ, милой братъ!
Ужъ не кидай-ко-са ты на злато - серебро,
Ужъ не продавай-ко ты мня во цужи людзи!

а когда женихъ станетъ отдавать брату невесты выкупъ, то укоряетъ брата, причитая:

Ужъ бросилса ты на злато - серебро,
Ужъ продалъ ты мня во цужи людзи! . .

По окончаніи обряда продажи, отецъ беретъ невесту за руку, и отдаетъ жениху, крѣпко сжавши руки будущихъ супруговъ; потомъ сажаетъ обоихъ рядомъ на овчину, разостланную предварительно на лавкѣ. Тутъ начинается угощеніе потѣжанъ различными яствами и напитками. Невеста, между-тѣмъ, продолжаетъ причеты:

Осударь ты мой бацюшко!
Осударона родзима матушка!
Отошла отъ миня дзѣвья красота,
Отошла воля вольная;
Ужъ прошла жопа, просциласа, и баяла:
Прошпай-ко ты, красна дзѣвица!
Благодарю я цѣя, красна дзѣвица,
Што изпосила ты миня въ цѣсци и радосци! . .

Когда кончится обѣдъ, отецъ благословляетъ невесту иконою, и всѣ присутствующіе возсылаютъ усердную молитву къ

Богу о благополучной жизни будущихъ супруговъ; невеста, между-тѣмъ, не перестаетъ вопить и повторять тѣже причитанья, какъ и на дѣвичникѣ во время благословенія. Послѣ-того, отецъ невестины обводитъ будущихъ супруговъ вокругъ стола; за ними слѣдуютъ и всѣ поѣзжане.

ОТЪѢЗДЪ КЪ ВѢНЦУ.

Остается ѣхать къ вѣнцу. Всѣ поѣзжане опять присаживаются на мѣста, и, нѣсколько времени помедля, встаютъ и снова молятся Богу. Невѣсту въ это время покрываютъ платкомъ, подъ которымъ она стоитъ и въ церкви, до начатія брачнаго таинства. Поѣзжане прощаются съ отцемъ и съ матерью невесты, прося ихъ, послѣ брака, пожаловать въ домъ будущаго зятя «попытать хлѣба - соли». Тысяцкой беретъ за руки жениха и невесту, и поѣздъ отправляется.

Невеста, прощаясь навсегда съ роднымъ домомъ, съ отцемъ и съ матерью, съ сосѣдами и съ сосѣдками, съ задушевыми подругами, въ кругу которыхъ она непрестанно находилась, словомъ — со всѣми любезными ей предметами, неутѣшно рыдаетъ, причитая:

Ужъ прощай-ко сѣтла свѣтлица,
Ужъ прощай-ко подворье широкое,
Ужъ прощай-ко-цѣ вы сусѣдзи и сусѣдушки,
Ужъ прощай-ко-цѣ вы милое подружьи,
Ужъ прощай-ко-цѣ вы поля цыстыѣ...

у! у! у! у! ухъ! . .

ВОЗВРАЩЕНІЕ ОТЪ ВѢНЦА.

По совершеніи брачнаго таинства, когда поѣздъ, возвращаясь изъ церкви, остановится подлѣ дому жениха, его отецъ и мать, а невестины свекоръ и свекровь, выходятъ на подворье, отворяютъ ворота, и встрѣчаютъ новобрачныхъ, держа въ рукахъ икону, хлѣбъ и соль, поздравляютъ ихъ съ законнымъ бракомъ, а они сначала цѣлуютъ икону, потомъ хлѣбъ, и, наконецъ, отца и мать. Послѣ-того, новобрачные вводятся тысяцкимъ въ избу, и — начинается пиръ, какъ говорится — на весь міръ.

ПРІЇЗДЪ КОРОБЕЙЩИКОВЪ.

Между-тѣмъ, почти вслѣдъ за тѣмъ какъ потѣздъ поѣдетъ въ церковь, отъ отца невестина отправляются коробейщики съ коробьями, наполненными дарами для жениховой родни. Они въѣзжаютъ прямо на дворъ женихова отца, и тутъ пивомъ, взятымъ у отца невестина, поятъ сосѣдей и сосѣдокъ жениховыхъ; въ это время, дѣвицы, усѣвшись на коробьяхъ, поютъ пѣсни, а коробейщики должны удовлетворять ихъ безчисленнымъ требованіямъ. Потомъ выходятъ на дворъ жениховы бояре, и, взявъ отъ коробейщиковъ коробы, съ страннымъ, ужаснымъ крикомъ, вносятъ ихъ на сѣни; тутъ, сѣвши на коробьяхъ, и они затягиваютъ пѣсни, а отецъ жениховъ выходитъ изъ избы и подкушетъ ихъ виномъ и брагой; выпивъ по нѣскольку чаръ, слезаютъ они съ сундуковъ, и отдаютъ ихъ другимъ боярамъ, которые, опять съ ужаснымъ же крикомъ, вносятъ ихъ наконецъ въ чуланъ.

Послѣ этой потѣшной работы, коробейщики входятъ въ избу, молятся Богу, и одинъ изъ нихъ, главный коробейщикъ, обращается къ женихову отцу, съ слѣдующею привѣтственной рѣчью:

— «Лецятъ гуськи, дубовы носки; кричатъ гуськи, шепеты-лпеты: госци и госцейки, изъ купи, по лавкѣ, вдоль по скамейкѣ, приказали намъ кланяцца вамъ! И робяцншки, востриньки носки, цѣриньки уски, и цѣ приказали вамъ кланяцца. Бхали мы лѣсамъ, стоять мужикъ съ масамъ; бхали мы мимо куста, стоять мужикъ съ сусломъ; и цѣ приказали вашей милосци кланяцца. Бхали мы нимо овина, стоять лѣв долгіе Орипы; и цѣ приказали вамъ кланяцца. Бхали мы нимо омѣта, стоять тутъ два Оедота; бхали мы нимо забора, стоять два Егора; и цѣ приказали вашей милосци кланяцца.»—

При каждомъ словѣ этой рѣчи, главный коробейщикъ, съ прочими коробейщиками, киваетъ головой; такимъ же киваньемъ головы отвѣчаетъ имъ и отецъ жениховъ, со всеми своими гостями. Потомъ отецъ жениховъ сажаетъ коробейщиковъ за столъ, и угощаетъ ихъ виномъ и пивомъ; а между тѣмъ дѣвицы припѣваютъ имъ всѣмъ, начиная съ главнаго коробейщика:

Ужъ послушай ты, коробейцыкъ молодой!
Мы цѣ пѣсню поемъ,
Мы цѣ цѣсць воздаемъ:
Ты отъ умного бацюшка,
Отъ разумнѣе матушки;
Ты охѣцъ по пирамъ тѣзицъ,
Ты охѣцъ по бѣсѣдушкѣмъ,
Ты охѣцъ пѣсенъ слушацѣ,
Ты охѣцъ пѣвицъ дарицѣ!
Ты дари не рублемъ, не полцепоу,
Ты дари-тко золотоу гривной:
А ты насъ станешъ дарицъ,
А мы цѣ станемъ хвалицъ,
И цѣя, и жену твою,
И твоихъ дѣтѣушекъ. . .

Въ случаѣ-же если коробейцыкъ холостой, то припѣвъ ему
бываетъ слѣдующій:

NN хорошенекъ, пригоженекъ:
Не бѣлѣцкѣмъ набѣлѣвъ,
Не румѣнамъ нарумѣнѣвъ;
Хорошо цѣ мацъ породзилѣ,
Умомъ-разумомъ надѣзлѣилѣ,
И таланецомъ благослоилѣ!
Ты охѣцъ по бѣсѣдушкѣмъ ходзицъ,
Ты охѣцъ пѣсенъ слушацѣ,
Ты охѣцъ пѣвицъ дарицѣ:
Ты дари не рублемъ, не полцепоу, и т. д.

Пока поется припѣвъ, коробейцыкъ, къ которому оу
относится, беретъ стаканъ еѣ пивомъ, опускаетъ въ него
нѣсколько денегъ, вызываетъ одну изъ дѣвицъ по имени, и
подаетъ ей стаканъ. Вызванная дѣвица выходитъ на средину
избы, принимаетъ стаканъ и выпиваетъ пиво, а деньги высы-
паетъ и беретъ, чтобы потомъ раздѣлить между всѣми подру-
гами. Затѣмъ слѣдуетъ благодарность:

Спаси-бо цѣ, умной сынъ,
Спаси-бо, разумной сынъ,
На твоёмъ на подароцкѣ —
На златѣ — на серебрѣ!..

КНЯЖЬ-ОБЪДЪ.

На другой день послѣ брака, когда слѣдуетъ быть «княжь-обѣду», всѣ гости по-утру обливаются холодною водою; а потомъ обливаютъ ею и новобрачныхъ. Тутъ свекоръ и свекровь приказываютъ молодой невѣсткѣ вымести всю избу начисто; гости въ это время бросаютъ тихимъ образомъ на полъ нѣсколько денегъ, которыя невѣста подбираетъ себѣ. Послѣ-того, черезъ нѣсколько времени, коробейщики вносятъ въ избу дары; новобрачные выходятъ и становятся посреди избы, а за ними коробейщики. Вотъ главный коробейщикъ вызываетъ тысяцкаго, и проситъ, чтобы онъ принялъ подарокъ отъ невѣсты, имъ высватанной: тысяцкой беретъ стаканъ съ пивомъ и выпиваетъ за здоровье новобрачныхъ, которые въ это время падаютъ ницъ и лежатъ на полу до-тѣхъ-поръ, пока тысяцкой не выпьетъ пиво; выпивши-же, онъ проситъ новобрачныхъ встать, беретъ дары и цѣлуетъ, въ знакъ благодарности, какъ ихъ, такъ и коробейщиковъ. Такимъже точно порядкомъ главный коробейщикъ вызываетъ потомъ всѣхъ прочихъ, кому назначены подарки.

За «княжь-обѣдомъ» ставятъ непременно на столъ свиную голову. Между-тѣмъ, предварительно выбирается человекъ, искусный визжать по-свиному, который забирается подъ столъ, и какъ только тысяцкой примется разрѣзывать эту голову, то спрятавшійся во всю глотку начинаетъ хрюкать и визжать, а тысяцкой, при разрѣзываніи, приговариваетъ: *«будзіотъ — поблудзила — всѣ огороды ты изрыла, всѣ луга ты ископала — пора ця приколоць, коли благо ты попала — «пора ця и зубамъ патолоць!»*... Гости хохочутъ приэтомъ отъ всей души, надрывая, какъ говорится, животы.

Въ продолженіе пира, новобрачные выходятъ изъ-за стола, и, подходя къ каждому изъ гостей, хотя-бы ихъ было до ста человекъ, называютъ всѣхъ по имени и отчеству, прося кушать всего, что поставлено на столѣ.

СПОЗНАТЬ.

Спустя недѣлю послѣ брака, новый зять, съ отцемъ и съ матерью, приходитъ къ тестю, запасшись разными сластями,

которыми одѣляетъ новую родню, а также и всѣхъ бывшихъ сосѣдей и сосѣдокъ своей молодой жены. Это называется позднѣшнему — «спознать».

ОПЫТКИ.

Есть, наконецъ, обычай, послѣ управки со всѣми сельскими работами, осенью, варить пиво изъ новаго рощенаго солода, на которое тестья сзываютъ къ себѣ въ гости зятьевъ. Эти угощенія называются — «опытками».

Б. ПРИ ПОГРЕБЕНІИ И ПОМИНКАХЪ.

Когда кто умираетъ, то, вслѣдъ за обмытіемъ тѣла умершаго, собираются къ нему въ домъ всѣ почти сосѣди той деревни. Входя въ избу, они жертвуютъ отъ себя небольшое количество денегъ на погребеніе покойника. Между-тѣмъ, бабы, сколько ихъ находится въ семействѣ, вопять по умершему разные заунывные причеты, въ родѣ, на-примѣръ, слѣдующаго :

Осударь ты нашъ, сердешной другъ !
Съ кѣмъ ты еву думушку одумалъ :
Одумалъ съ матушкой сырой землею :
Сорядился ты на жицью въковышнѣю ,
Оставляешь ты насъ сиротъ горькіеъ . . .
Ужъ на ково ты крѣпко спонадзѣялся ?
Обудзѣкоса ты надзѣжа, сердешной другъ ,
Отъ жицья-то въковышнова :
Ужъ воскинъ-кѣ восплесни рукамъ милымъ ,
Взгляни-кѣ ты оцѣмъ-це яспьемъ ,
Роспецѣтай-кѣ своѣ уста сахарные,
Взмолви-кѣ съ нами ты слово гладкѣю !
Спросили бы мы цѣя, сироты-це горькіе,
Распросили бы цѣя про жицью-то въковышное ;
Расказали бы мы про свое жицью ,
Про свое жицью, про сирокое
Про сирокое, прогоремышное :
Што встаетъ мы сироты горькію —
Безъ цѣя, надзѣжа крѣпкая —
Ужъ по-утру-то мы ранымъ-рано ;
Ужъ умываемся мы не свѣжой водой ,
Ужъ умываемся мы горящимъ слезамъ ;
Ужъ удираемся мы не тонкіемъ полотнамъ ,

А своѣмъ горемъ великіемъ.
Безъ цѣя-ли, нашъ надѣжа-другъ,
Ужъ куды мы не пойдѣмъ, не повдѣмъ,
Ужъ намъ-то-ли вездѣ горе кидаетца
На наши-це-ли бѣлы грузиньки,
Къ нашимъ-це-ли сердца́мъ прикля́етца
Со всѣмъ-то ли цотырефъ сторонупокъ! —

Тоже самое вопять и при выносѣ тѣла изъ дома въ церковь для погребенія.

Затѣмъ, въ продолженіе сорочинъ, то-есть сорока дней по кончинѣ умершаго, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ ходять на его могилу, и, бросая на нее, причитають:

Ужъ ты, свѣтъ матушка сыра-земля,
Розступиса ты на всѣ цотыре стороны;
Роскрѣй-ко-са гробовѣ доска,
Роспахнѣса вы тѣнки полѣтны;
Восплеснѣ-кѣ ты своѣмъ рукамъ бѣлымъ,
Воскнѣ-кѣ ты своѣмъ оцамъ яснымъ,
О сударь ты нашъ, надѣжа другъ,
Пришли-то мы на твое жицѣ въ ковѣшної,
Ужъ побуднѣ-то пришли отъ сна крѣпкова:
Промови-кѣ ты съ намъ слово сладкеѣ;
Скажи-кѣ ты, колда намъ ждаѣ въ дорогѣ госцѣ?
Ужъ не стали-бы мы спаѣ сироты горькѣ,
Стали-бы сидѣѣ всю ноцѣ подѣ окошкомъ косяшнѣмъ,
Стали-бы глядѣѣ мы въ окошко косяшнѣ
И во пущѣ-то-ли дорожинькѣ;
Ужъ гляѣли-бы цѣл, надѣжа другъ,
Ужъ стрѣчили-бы цѣл середнѣ поля,
Середнѣ-то дороги широкѣ,
Подхвацили-бы цѣл подѣ бѣлы-руки,
Привели-бы мы къ себѣ въ благодатной домъ,
Посадили-бы за дубовой столъ,
Роскинули бы скацерци брацѣ,
Ужъ наставили-бы мы про цѣл яства сахарнова,
Сами-бы встали насупрѣцѣ цѣл,
Ужъ не могли-бы на цѣл наглядѣнѣса,
Ужъ не могли-бы мы съ тобой набаянѣса...

в. при нѣкоторыхъ осовыхъ праздникахъ.

День Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы (25 марта) здѣшніе простолюдины почитаютъ такъ, что ни за какую работу

не принимаются, вѣря, что и птичка въ тотъ день не завиваетъ себѣ гнѣзда. Съ этогоже дня перестаютъ засвѣчать вечеромъ огонь, а потому и ужинаютъ гораздо раньше.

Въ Егорьевъ-День (23 апрѣля), крестьяне выгоняютъ скотъ съ подворьевъ своихъ въ поля, и при этомъ хлещутъ его вербою, освященною въ Вербное-Воскресенье, которую, нарочно для того, хранятъ въ своихъ домахъ. Вербу эту нѣкоторые бросаютъ потомъ, въ тотъже день, въ рѣку, а иные хранятъ во весь годъ и воду, настоянную почками ея, даютъ пить для здоровья родильницамъ и одержимымъ лихорадкою.

Въ день Вознесенія Христова, дѣти срубаютъ молодую березу, и принеши въ поле, гдѣ посѣяна рожь, утверждаютъ ее на полосѣ, а сами начинаютъ кататься по молодой озими, крича во всю мочь: «рожь къ овину, а метла (трава) къ лѣсу!» Накатавшись такимъ-образомъ и довольно намявши себѣ бока, бросаются опрометью на яичницу, которую непременно приносятъ съ собой, и убираютъ ее, какъ говорится, за все щеки. Въ этотъже самый день дѣвицы ходятъ въ лѣсъ завивать вѣнки, а въ Троицынъ-День ходятъ ихъ осматривать, и когда замѣтятъ вѣнокъ какой-либо подружки развитымъ, то заключаютъ, что или выдадутъ ее въ замужство, или она въ этотъ годъ помретъ.

Большую часть праздниковъ, даже и дванадесятыхъ (напримѣръ: Срѣтенье, Успенье, Введенье), крестьяне здѣшніе не празднуютъ; даже занимаются въ нихъ обыкновенною работою. Но когда празднуютъ, такъ ужъ празднуютъ. То селеніе, гдѣ празднуется праздникъ, наполняется толпами пожилаго люда и хороводами нарядныхъ парней и дѣвицъ сосѣднихъ селъ, оглушается шумнымъ говоромъ и громкими пѣснями. Всѣ посетители, старики и молодые, знакомые и незнакомые, гурьбами бродятъ изъ избы въ избу, гдѣ весьма радушно принимаются и угощаются отъ хозяевъ виномъ и домашнею брагою. Иной изъ нихъ часто цѣлый день бродитъ съ тощимъ желудкомъ, чтобы только попить вдоволь вина и бражки, позвать на веселые хороводы и самому повеселиться. Парни, въ это время, особенно стараются выказать свою ловкость и проворство: они борются, шутятъ другъ-надъ-другомъ разныя шутки, играютъ на ба-

лалайкахъ (а нынѣ — большей частью уже — на гармоніяхъ) и пляшутъ. Дѣвушки, въ хоровахъ, поютъ веселыя игровыя пѣсни. Прогулявши, такимъ-образомъ, цѣлый день въ одной деревнѣ, уходятъ въ другую, празднующую тотъ же праздникъ. Такимъ порядкомъ празднованіе продолжается иногда по недѣлѣ, и болѣе; на-примѣръ: въ зимній Николиинъ-День — съ 6 по 19 декабря. Ни одинъ крестьянинъ не пропуститъ ни одной ближней деревни, гдѣ-бы не побывалъ о праздникъ; все домашнія занятія бросить, а ужъ въ праздникъ непременно погуляетъ.

Г. ПРИ БОЛѢЗНЯХЪ.

Во время какихъ-бы то ни было заразныхъ болѣзней, появившихся въ какой-либо деревнѣ, жители другихъ соседственныхъ деревень, опасаясь, чтобы и самимъ не заразиться, не ходятъ въ ту деревню до-тѣхъ-поръ, доколѣ совѣтъ не прекратится зараза. Сверхъ-того, деревню свою «оборываютъ» косулею, на томъ, по ихъ мнѣнію, основаніи, что за черту, обведенную косулей, никакая болѣзнь перейти не можетъ. Самое такъ-называемое «оборываніе» производится слѣдующимъ образомъ: дѣвицы деревни собираются ночью въ одно мѣсто, берутъ косулю за оглобли, выносятъ за деревню, и тамъ волокутъ ее кругомъ всей деревни, причемъ одна изъ дѣвицъ идетъ напередъ, неся въ рукахъ икону; обошедши такимъ-образомъ деревню, несутъ косулю на прежнее мѣсто, и затѣмъ все опрометью разбѣгаются по своимъ домамъ. Также точно «оборываютъ» и домъ, въ которомъ появится зараза. Есть еще обычай при заразныхъ болѣзняхъ: добывать изъ дуба, посредствомъ тренія, огонь, который держать въ домахъ, какъ предохранительное отъ заразы средство.

Въ обыкновенныхъ случаяхъ, при началѣ болѣзни, старухи, извѣстныя околотку искусствомъ въ леченіи, приходятъ въ домъ, гдѣ находится больной, берутъ три равныя величиною камешка, и погружаютъ ихъ потихоньку, одинъ-за-другимъ, въ ковшъ, наполненный холодною водою, приговаривая: при первомъ — «отъ Бога!», при второмъ — «отъ лихихъ людей!», при третьемъ — «отъ призора!» Когда который-либо изъ

этихъ камешковъ, при погруженіи въ воду, произведетъ въ ней кипѣніе, то заключается, что болѣзнь непременно произошла отъ выговоренной при этомъ причины. Въ слѣдствіе того, старуха совѣтуетъ больному, чтобы онъ, если болѣзнь произошла отъ Бога, отслужилъ молебень, если — отъ лихихъ людей, посоветовался-бы съ знахарями; а если — отъ призора, тутъже сама спрыскиваетъ больного тою самою водою, въ которой камешекъ произвелъ кипѣніе.

При продолжающейся боли въ поясницѣ, что нередко случается съ здѣшними простолюдинами, избирается въ семействѣ больного человѣкъ, какъ называютъ они — «легкій на руку», который беретъ въ руки вѣникъ и косарь; между-тѣмъ, другой кто-нибудь, изъ тогоже семейства, выходитъ куда-нибудь изъ избы, какъ будто за надобностью. Домашніе отворяютъ потомъ дверь и кладутъ больного на порогъ избыной двери поперекъ, то - есть — головою въ сѣни, а ногами въ избу, и «легкій на руку» человѣкъ, положивъ вѣникъ на спину больного, начинаетъ рубить его косаремъ, а вышедшій передъ тѣмъ изъ избы идетъ къ двери и спрашиваетъ рубящаго, какъ будто ничего не зная: «Што ты дѣлаешь?» — Уцинь рублю, отвѣчаетъ тотъ. — «Руби, руби его горажже!» — Это повторяется троекратно. — Нѣкоторые же изъ такихъ больныхъ, въ лѣтнее и зимнее время, ходятъ въ подлазъ овина, и тамъ трутся спиною объ стѣну, произнося трижды: «Бацюшко, овинь! проси мой уцинъ!» —

Прочіе употребительнѣйшіе способы домашняго леченія суть слѣдующіе. Отъ головной боли — даютъ больному ѣсть кислое, какъ-то: сырую переквашенную бѣлую капусту, ягоды, соленые огурцы; также — обкладываютъ голову больного глиною и кислицею, примачиваютъ огуречнымъ рассоломъ. При боли зубной — составляютъ микстуру изъ нѣкоторой части квасцовъ и дубоваго листа, смѣшавъ объ части вмѣстѣ; кладутъ потомъ въ маленькій горшечекъ, наливаютъ воды, ставятъ въ печь на раскаленные уголья, и до-тѣхъ-поръ кипятятъ, доколѣ не сварится дубовый листъ и не разойдутся квасцы; наконецъ, простудивши воду, полощутъ ею во рту: иногда — на больной зубъ кладутъ росный ладонь. Больные глаза — мажутъ мазью, составленною изъ яичнаго бѣлка и самой малой части бѣлаго чистаго купороса; нѣкоторые-же — растираютъ въ мелкой порошокъ

крымзу, и ею мажутъ глаза. При боли въ горлѣ—обкладываютъ шею и горло теплымъ шерстянымъ чулкомъ и пьютъ кипяченый медъ. При боли въ животѣ—накладываютъ на брюхо больного мѣшечекъ съ теплымъ овсомъ; а иногда небольшой глиняный горшечекъ, съ зажженной внутри свѣчей, или же и лучиной, проверчивая на днѣ горшечка скважинку. Отъ кашля—пьютъ теплый чай изъ травы звѣробоя и солодкового корня. Отъ поноса — ѣдятъ сухари, и пьютъ сухарную воду, или же и золу. Въ чесоткѣ — больное мѣсто обкладываютъ квасною гущею; иногда — мажутъ мазью, составленною изъ небольшой части горючей сѣры, купороса и масла скоромнаго. При опухоляхъ — берутъ немного яровой соломы, которую кладутъ въ небольшую шаечку и обвариваютъ горячею водою; потомъ, простудивши немного солому, обкладываютъ ею больныя мѣста. При ломотѣ — ту часть тѣла, гдѣ появилась ломота, обкладываютъ травою бѣлокопытникомъ, обваренною кипяченою водою; большею же частію такихъ больныхъ трутъ, за неимѣніемъ бань, въ топленой печкѣ — рѣдкою, деревяннымъ масломъ и скипидаромъ. Для ранъ — берутъ немного свѣжаго воска, и двѣ столовыя ложки деревяннаго масла, которыя, смѣшавъ вмѣстѣ, кладутъ въ черепокъ, и ставятъ въ печь на раскаленные уголья; скинятивши этотъ составъ, дѣлаютъ изъ него пластырь или спускъ, которымъ обкладываютъ раны. Ушибенную часть тѣла—обкладываютъ паутиною; а обожженную—намазываютъ соплями, также пережженнымъ льнянымъ масломъ; иногда же — обкладываютъ квасною гущею, тертымъ сырымъ картофелемъ и морковью. Отъ угара — обкладываютъ голову больного глиною и кислицею, мочатъ огуречнымъ рассоломъ, обливаютъ теплою водою, и кладутъ въ уши, особенно зимою, мороженую клюкву. При ногтѣдѣ — больной палецъ трутъ объ сучекъ дерева. Въ лихорадкахъ — обкладываютъ голову больного кобыльею сорочкою, и даютъ пить треполъ.

Д. ПОВѢРЬЯ.

Нѣкоторые на шеяхъ, вмѣстѣ съ крестомъ, носятъ ладонки, то-есть маленькіе мѣшечки, наполненные ладономъ, въ увѣренности отогнать тѣмъ отъ себя всякое зло.

Извѣстенъ старинный предрасудокъ, при нѣкоторыхъ встрѣчахъ, сворачивать съ дороги, или же и вовсе возвращаться домой, почитая такую встрѣчу недоброю. Нынѣ это суевѣріе уничтожается.

Старинныя басни о «домовомъ» продолжаютъ еще держаться въ народѣ. Инымъ, говорятъ, и нынѣ случается видать его собственными глазами въ сѣнномъ амбарѣ, въ видѣ хозяина дома, накладывающаго сѣно скоту, а иногда — въ такомъ-же видѣ, на дворѣ, подлѣ скота. Изъ этой суевѣрной мечты извлекаются невѣжествомъ разныя примѣты. Если, на-примѣръ, скотъ не любимъ домовымъ, то какъ его ни корми, ничѣмъ не откормишь: все онъ бываетъ тощъ и худъ. Если домовому не по любви мѣсто, на которомъ поставленъ домъ, то хозяинъ, при всѣхъ усиленныхъ трудахъ, всегда остается бѣденъ. Лошадь, любимая домовымъ, всегда имѣетъ на гривѣ заплетенную косу, всегда бываетъ вычищена и выхолена, всегда стоитъ на дворѣ подлѣ корму, и, при каждодневной на ней работѣ, держать на себѣ тѣло, то-есть полна и гладка, какъ нельзя лучше; напротивъ, нелюбимая домовымъ лошадь, всегда бываетъ шерстью шершавая, тѣломъ худая, стоитъ на дворѣ повѣся голову. Говорятъ еще, что домовой, предъ несчастіемъ, имѣющимъ случиться въ домѣ, обыкновенно плачетъ и стонетъ на дворѣ. Многимъ, будто-бы, являлся онъ и въ избѣ по ночамъ, и сгонялъ ихъ неоднократно съ постели. Бабы, въ особенности, утверждаютъ, что во всякомъ дому есть свой особый домовой, котораго будто-бы и видають онѣ ночью сидящимъ на лавкѣ за прялкою.

Говорятъ также, что въ лѣсахъ живетъ лѣшій, а въ водѣ — водяной. Многіе увѣряютъ, что сами видали неоднократно лѣшаго, ростомъ выше лѣсу дремучаго, который, въ ночное время, кричитъ и поетъ какъ человѣкъ, пищитъ какъ ребенокъ, свищетъ, гаркаетъ, хлопаетъ въ ладоши, и тѣмъ заводитъ людей въ совершенно незнакомыя для нихъ мѣста, гдѣ они блуждаютъ по цѣлымъ суткамъ, никакъ не попадая на дорогу, а иныхъ будто-бы завозилъ, въ зимнее время, на рѣку, и тамъ въ проруби топилъ у нихъ лошадь; прибавляютъ также, что зимою, по ночамъ, лѣшій выгоняетъ всѣхъ зайцовъ стадами — изъ лѣсовъ, а изъ селеній — всѣхъ со-

бакъ. Водяного, говорятъ, видають на берегу рѣки, чешущимся: кто изъ купающихся, въ лѣтнее время, потонетъ, тотъ, по мнѣнію простаковъ, дѣлается добычею водянаго демона; въ-слѣдствіе того, крестьяне дѣтямъ своимъ весьма строго заказываютъ купаться въ рѣкѣ, въ жаркіе дни, не принявъ предохранительныхъ мѣръ. Еще всѣ утверждаютъ, что, безъ знакомства съ водянымъ, ни одинъ мельникъ не можетъ хозяйствовать успешно на мельницѣ.

Е. ПРИМѢТЫ.

По зимнему времени предугадываются ведренные дни и хлѣбородіе лѣта: такъ если зима ясна днями и сильна морозами, особенно въ декабрь и январь мѣсяцахъ, то ожидаютъ, что лѣто будетъ знойное, сѣнокосъ и жнитво кончатся благополучно и обильно.

По вѣтру, дующему, въ Великій-Четвергъ, поутру, предугадываютъ весеннее время: если вѣтеръ этотъ южный, или восточный, или западный, то весна будетъ теплая; всѣ же прочіе вѣтры, то-есть: сѣверный, сѣверо-восточный, сѣверо-западный, юго-восточный и юго-западный, предвѣщаютъ весну холодную.

По медленному ходу льда, весною, во время половодья рѣкъ, заключаютъ, что годъ будетъ очень тяжелый для здоровья людей.

По весеннему Егорьеву-Дню, замѣчаютъ объ управкѣ съ полевою яровою работою. Есть здѣсь поговорка: «какъ Егорьевъ-День въ исходѣ, пускай коня по волѣ; какъ Егорьевъ-День въ молодѣ, держи коня въ поводѣ!» Это значитъ: когда Егорьевъ-День случится въ исходѣ луннаго теченія, то весна будетъ холодная, а потому и управка съ яровою работою будетъ продолжительна; когдаже Егорьевъ-День случится въ началѣ луннаго теченія, весна будетъ теплая, а посему управка съ яровою работою будетъ непродолжительна.

По дню Св. Великомученика Димитрія (октября 26), заключаютъ о весеннемъ Егорьевѣ-Днѣ. Говорятъ: если Димитріевъ-День не въ снѣгу, то и Егорьевъ-День будетъ не въ снѣгу.

По теплой росѣ, на память Праведнаго Іова Многострадальнаго (мая 6), заключаютъ, что весна будетъ теплая. Нѣ-

которые изъ крестьянъ въ этотъ день, поутру, катаются нагѣ по росѣ, если роса бываетъ, съ тѣмъ, какъ говорятъ они, чтобъ запасти на цѣлый годъ здоровья.

По цвѣту такъ-называемому «студенцу», который растетъ вообще по низкимъ, топкимъ и болотистымъ мѣстамъ, заключаютъ объ урожаѣ огурцовъ.

По крику птицы перепелки, которая живетъ въ низкихъ мѣстахъ, въ густой травѣ и ржи, примѣчаютъ, что когда она кричитъ «кербъ-кербъ», это предвѣщаетъ обильный урожай хлѣба, а когда кричитъ «подъ-подомъ-подъ-подомъ», то предвѣщаетъ голодный годъ.

Изъ появленія большого количества мышей и крысъ въ поляхъ, копнахъ, избахъ и хлѣбныхъ анбарахъ, заключаютъ, что годъ будетъ самый плодородный.

Дымъ, если, во время топки печи, падаетъ на землю, предвѣщаетъ ненастье.

Если галки, вороны, ласточки и другія птицы, всѣ въ одно время, ошипываются, трепещутся, купаются въ водѣ, поднимаются въ вышину воздуха и опять быстро опускаются внизъ, то заключаютъ о скоромъ дождѣ, а зимой и весной ожидаютъ, что скоро выпадетъ довольно большое количество снѣга.

Изъ пузырьковъ, плавающихъ на поверхности воды во время дождя, выводятъ продолжительность ненастья. Тотъ же выводъ и изъ глухихъ раскатовъ грома.

По боли въ нѣкоторыхъ частяхъ тѣла, временемъ случающейся у человѣка, заключаютъ, что быть ненастью.

Зализываніе лапъ кошкою значитъ, что будетъ гость; а когда кошка скребетъ обо что-нибудь когтями, думаютъ, что непременно будетъ погода ненастная и бурливая.

Если день, въ который надлежитъ быть свадьбѣ, случится сумрачный и ненастный, замѣчаютъ, что новобрачные будутъ жить богато.

О человѣкѣ, который, во время сна какъ будто отдуваетъ что-нибудь отъ себя, или спитъ не закрывая глазъ, полагаютъ, что онъ скоро умретъ.

Изъ крика куръ на дворѣ или пѣнія какой-либо изъ нихъ пѣтухомъ, выводятъ о неперемѣнной ссорѣ въ семействѣ.

Изъ обильнаго урожая разнаго-рода грибовъ заключаютъ о близкомъ рекрутскомъ наборѣ.

УМСТВЕННЫЯ И ПРАВСТВЕННЫЯ СПОСОБНОСТИ.

Крестьяне, при всей мало-образованности, очень смѣтливы и разсудительны: это особенно выражается въ весьма скорой понятливости нѣкоторыхъ изъ нихъ относительно рукодѣлій и въ весьма удачной сноровкѣ въ планахъ домашней постройки. Добрыя нравственныя ихъ качества: гостепріимство и набожность.

Учиться грамотѣ немногіе имѣютъ ревность. Во-первыхъ — жаль платить деньги за ученіе; имъ-бы пожалуй, только чтобы дѣти были обучены грамотѣ за дешевую цѣну, а и того-бы лучше — вовсе безденежно. Главнѣйше — же — жаль времени, употребляемаго на обученіе дѣтей грамотѣ: время это годится лучше, говорить отцы, къ наученію ихъ какому-нибудь рукодѣлію; по общему сужденію, были-бъ дѣти рукодѣльны, знали-бы счетъ денежный — и довольно. Если-же кто желаетъ, чтобы дѣти его обучились грамотѣ, то отдаетъ ихъ къ такъ-называемымъ мастерамъ и мастерицамъ, которые, не обучивъ хорошо выговору буквъ, котораго и сами бѣльшей частью не знаютъ, даютъ мальчику тотчасъ читать по складамъ псалтирь. Въ настоящее время, всѣхъ грамотныхъ въ приходѣ: изъ 894 душъ мужеска пола насчитывается — до 175, а изъ 1,041 души женскаго пола — не болѣе 13; обоюго пола — 188 человекъ.

Вотъ, для образца, нѣкоторые примѣры домашняго ума и остроумія Станиловцевъ:

А. ПОСЛОВИЦЫ.

Береги денежку на черныи день. Всякое дѣло мастера боится. Въ сугонѣ гостя не уподчешь. Въ которой посудѣ деготь побываетъ, и огнемъ не выжжешь. Взялся за гужъ, не говори что не дюжъ. Велика Федора, да дура. Возми лычко, отдашь ремешекъ. Доброму вору все въ пору. Двѣ собаки грызутся, третья не приставай. Два медвѣдя въ одной берлогѣ не живутъ. Дорого да мило, дешево да гнило. Дѣвушка гулять гуляй, а дѣльца не забывай. Живучи поди крошечковъ, нельзя чтобъ не зацѣпиться. Заварилъ кашу, не жалѣй масла. Для глухаго двухъ обѣденъ не поютъ. Для дружка, выну и сережку изъ ушка. Знаютъ Оому и въ рогозинномъ ряду. За ученаго двухъ неученыхъ даютъ. И въ смирненькомъ чертятки водятся. Кошка скребетъ на свой хребетъ. Красно поле съ рожью, а слово съ ложью. Мягко стелетъ, да жестко спать. Ласковое телятъ

ко двухъ матокъ сосеть. Недосоль на столъ, пересоль на спинъ. Не красна изба углами, красна пирогами. На бѣднаго Макара и шишки валятся. Не лайся съ кобелями, съ борзыми знайся. По одежкѣ протягай ножки. Посиди у моря, пожди погодки. Посади свинью за столъ, она и ноги на столъ. Рано птапечка запѣла, чтобы кошечка не съѣла. Рано задумалень, сведень на поздо. Сухая ложка ротъ дереть. Куда иголка, туда и нитка. Съ именемъ Иванъ, безъ имени болванъ. Съ уговоромъ Иванъ, безъ уговору болванъ. Силой злымъ не быть. Сколоченая посуда два вѣка живетъ. Торовато да воровато. Хороша дочь Аппушка, когда хвалятъ мать да бѣбушка. Хлѣбъ береги, тышь пироги. Чтѣ попросишь, то и покрошишь. Чтѣ поѣшь, то и пожнешъ. Бѣшь пирогъ съ грибами, а языкъ держи за зубами.

Б. ЗАГАДКИ СЪ ОТГАДКАМИ.

Летѣлъ орелъ, сѣлъ на престолъ, разговаривалъ: Господи, Боже! дажь Ты мнѣ волю надъ всею землею. Только не дажь воли надъ ветромъ въ полѣ, да надъ рыбою въ морѣ.

Царь.

Бѣззу я на гой гой гой, приударю я въ бирюль люль люль; утышу я Царя — въ Москвѣ, Короля — въ Литвѣ, старца — въ кельѣ.

Колокольня и колоколь.

У батюшки жеребецъ — всему міру не сдержать; у матушки коробья — всему міру не поднять; у братца кушакъ — всему міру не сосчитать; у сестрицы ширинка — всему міру не скатать.

Жеребецъ — вѣтеръ; коробья — земля; кушакъ — звѣзды, ширинка — дорога.

Лежитъ брусъ во всю Русь: въ томъ брусѣ — 12 гнѣздъ въ каждомъ гнѣздѣ — по 12 яицъ, въ каждомъ яйцѣ — по 12 цыплятъ.

Матица въ избѣ, и на ней, въ потолкачинахъ, лица тараканы, въ которыхъ будто-бы всегда находится по 12 зародышей.

Свѣчка сечетъ, деревянка везетъ, Мартынь позорачиваетъ.

Свѣчка — зубы; деревянка — ложка; Мартынь — языкъ.

Разсыпался коверъ, всему міру не собрать.

Изщепанное полево лучины.

Бау-бау, следа нѣтъ; рублю-рублю, ценокъ нѣтъ.

Плавающее по водѣ судно и весла.

День корпять, ночь корпятъ, а утро спитъ.

Заслонъ.

Курица хохла, три года мокла, не пивши и не тыпи.

За стеной стеной, стоит коровашик костяной.

За стеной стеной, таракашик костяной.

Мокрый теленочек из-за перегородки глядитъ.

Панъ пановаль, въ воду упалъ, а воды не взмутилъ.

Ночью шьетъ; всталъ по утру, пьна у рту.

Поросята грызутся, такъ — что пьна идетъ.

Стоитъ дерево, съ одной стороны листья белые, а съ другой черные.

Есть мать, какъ выростутъ у ней большія дѣти, всѣхъ пожираетъ.

Маленькое, черненькое, хотъ кого поворотить.

Маленькое, синенькое, и кражъ поворотить.

Голубка куплю: стану горе горевать, голубка не куда дѣвать.

Маленька бабка, вся въ заплаткахъ; кто ни взглянетъ, всякъ заплачетъ.

Сытъ Еремка на рябинку, и погналъ скотинку.

Сивой жеребецъ по полю ходилъ, на дворъ взошелъ, по рукамъ пошелъ.

Что медвѣжій глазъ въ избѣ?

Криво, лукаво, куда ты блжало? Зелень кудрява, тебя стеречь.

Дубъ дырывать, въ дубу ядра гонорять.

Что въ полѣ: въ дуль — 12 пуль, у рога — 4, у ржи — 2.

Дваста — бодаста, четыреста — ходаста, одинъ — махтырь, два — ухтырька.

Два кума Обакума, дѣв кумы Овдоты, шесть Овдотеевъ, да десять Андреевъ.

Труба печная.

Беременная женщина.

Языкъ во рту.

Тоже.

Древесный листъ.

Жернова.

Тоже.

Годъ, день и ночь.

Гѣзка, принимающая воду изъ ручья, во время веспы.

Блоха.

Игла.

Дѣвица выдаваемая замужъ.

Луковица.

Гребень, конемъ чешутъ голову.

Сито.

Сучекъ въ бревнѣ.

Огородъ.

Домъ.

Свинья имѣетъ двѣнадцать сосковъ, корова — четыре, а кобыла — два.

У коровы два рога, четыре ноги, одинъ хвостъ и два уха.

У простыхъ саней два полоза, двѣ оглобли, шесть вѣзей и десять копылокъ.

Батюшко — коверъ, матушка — ладья,
братья — урывалы, сестры — обезьяны.

Что самъ нагишомъ, а рубашка въ па-
зухъ?

Что въ избѣ мерзнетъ, а на улицѣ
нагрѣвается?

Чего вокругъ избы не обнести?

Что самодѣлъ въ избѣ?

Въ Питѣрь рубятъ, а къ намъ щеп-
ки валятся.

Когда холодно, тепло; когда жар-
ко, холодеетъ.

По утру — на четверомъ, среди дня —
на двоѣмъ, а подъ вечеръ — на троемъ.

Утка въ морѣ, а хвостъ на заборѣ.

Четыре братца огня не боятся.

Въ годъ впушу, въ другой выпущу.

Два братца всегда глядятся, никогда
не сойдутся.

Маленькое, кругленькое, въ стѣну не
воткнешь.

Черводырой, пусти почевать! Намъ
не годъ годовать, а одну почъ почевать.
Погодушка захватить и недѣлку постою.

Сутуло-горбато, по полю гуляло, всѣ
загоны пересчитало.

Плеть плетена, въ верхъ ведена, сто
рублей дана.

Двое — стоя, двое — лежа, пятой —
ходить, шестой — водить.

Четыре братца подъ одной шляп-
кой стоятъ.

Что верхоглядъ въ избѣ?

Подъ печью, подъ ярусомъ, стоитъ
баба съ гарусомъ.

Мать толста, дочь красна, сынъ хи-
теръ подъ небеса ушелъ.

Прилетѣла тѣнь на Петровъ-День:
сѣла тѣнь на пенъ; стала тѣнь плакать, что

Овинъ, гумно, молотила и метлы.

Свѣча, и въ ней свѣтильня.

Стекло въ рамѣ.

Рышето съ водою.

Щели въ стѣнахъ.

Письма.

Погребъ.

Человѣкъ, который въ младенче-
ствѣ ползаетъ, а въ старости
ходить съ батогомъ.

Ковшъ.

Железные уши въ свѣтцѣ.

Поле ржаное.

Полъ съ потолкомъ.

Яйцо.

На овинъ сажать рожь или овесъ,
или другой хлѣбъ.

Серпъ.

Колокольня.

Двое стоя — два косяка у двери; двое
лежа — перекладъ и порогъ; пя-
той ходить — дверь; шестой во-
дить — петли и крюкъ.

Столъ о четырехъ ножкахъ.

Крюкъ.

Помело въ подпольѣ.

Мать — печь, дочь — огонь, а сынъ —
дымъ.

волосы вянуть; а другіе подростаютъ,
какъ дубровушка шумить.

Идетъ свинья отъ овина, съ обихъ
сторонъ по рылу.

Идетъ свинья изъ Питера, вся ис-
тыкана.

Шуба-то нова нова, да на подоль-
то дира.

Уловать Кузьма, развязать нельзя.

Стоитъ дерево, при немъ четыре
уголья: первое уголье—некопанный коло-
дезь; другое уголье — при темнѣ свѣтъ;
третье уголье—битому связъ; четвертое
уголье — усталому на здоровье.

По льду льду, заиграю во пикѹльду;
стоитъ на льду цѣла церковь людей.

Тяпъ тяпкомъ; погода маленько,
хлопъ замкомъ.

Сѣнокосъ.

Ночвы.

Наперстокъ.

Бочка.

Цѣпь.

Береза, отъ которой получаютъ: бе-
резовица (которую пьютъ), лу-
чина (которая свѣтитъ), бере-
ста (которой деревенскія бабы
обвиваютъ худые горшки), и
вѣпники (которыми парятся).

Сѣмена въ огурцѣ.

Гробъ для покойника дѣлается какъ
бы не-хотя, съ горемъ; а какъ
придетъ время зарывать въ зем-
лю, то обыкновенно захлопы-
вается очень скоро.

БЫТЬ КРЕСТЬЯНЪ

ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ

ТВЕРСКАГО УЪЗДА.

(Священника Н. ЛЕБЕДЕВА). *

НАРУЖНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ.

Наружность крестьянъ описываемаго округа большею-частью правильная; преобладающій цвѣтъ волосъ русый, но встрѣчаются крестьяне съ черными и рыжими волосами. Глаза большею-частью каріе, но есть также черные и сѣрые.

* Авторъ этой статьи—приходскій Священникъ села Кошелева, которое находится на границѣ Тверскаго и Корчевскаго уѣздовъ, на Волгѣ, на почтовой дорогѣ изъ Твери въ Корчеву. Обнимаетъ ли настоящее описаніе быть крестьянъ цѣлаго Тверскаго уѣзда, или одной-только его части, или даже околотка, сосѣдняго селу Кошелеву—рѣшить нельзя. Села и деревни, упоминаемыя авторомъ въ послѣдней статьѣ описанія, на картѣ Шуберта означены въ восточномъ углу Тверскаго уѣзда, образуемомъ линіею, прове-

Крестьяне, желающие казаться степенными и скромными, остригают вокруг верхнюю часть головы себя, и детям мужескаго пола. Тѣлосложеніе крестьянъ крѣпкое: мужики и бабы ходятъ изъ бань часто босыя, даже зимою; какъ скоро снѣгъ начнетъ таять, дѣти бѣгаютъ по улицѣ босикомъ. Болѣзни крестьянъ, при чрезвычайной ихъ невнимательности къ сохраненію здоровья, всего чаще происходятъ отъ простуды. Предостерегающимъ ихъ отъ простуды они обыкновенно говорятъ: развѣ мы господа, чтобы знать простуду? Такъ они и живутъ, рѣшительно безъ всякой осторожности, и оттого наживаютъ простудную, а иногда и нервную горячку.

Крестьяне этого округа трудолюбивы менѣе, чѣмъ бы следовало. Сверхъ домашнихъ и, такъ сказать, необходимыхъ работъ, только нѣкоторые изъ нихъ занимаются посторонними работами: большая-же часть проводятъ свободное отъ полевыхъ работъ время въ бездѣйствіи. Лѣнливые, подъ разными предлогами, находятъ всякую работу не выгодною; «изъ-за чего тутъ ломаться», говорятъ они; а кто ломается, тотъ и обогащается.

Особенное вниманіе, по наружности жителей, обращаетъ на себя деревня Лукина, находящаяся въ моемъ приходѣ. Во всемъ этомъ приходѣ, въ совокупности взятомъ и состоящемъ изъ 900 душъ мужескаго пола, нѣтъ столько увѣчныхъ и неизлечимо-больныхъ, сколько въ одномъ Лукинѣ, гдѣ всего 90 душъ; замѣчательно, что въ немъ увѣчныхъ много съ незапамятныхъ временъ. Нынѣ въ немъ: трое совершенно слѣпыхъ, трое хромыхъ, двое кривыхъ, одна совершенно глухонѣмая, одинъ страдаетъ падучею болѣзнію и малодушіемъ, одинъ грыжею и одинъ каменною болѣзнію. Нѣтъ въ моемъ приходѣ бѣднѣе этой деревни; чаще всѣхъ она подвергается пожарамъ; рѣдкое лѣто не умираетъ въ немъ скотъ, безъ всякихъ видимыхъ причинъ.

денною чрезъ с. Кузьминское и с. Острогонецъ, съ С. и В.—теченіемъ Волги, а съ Ю.—границею Тверскаго уѣзда; но это не даетъ права дѣлать какія-либо заключенія о границахъ мѣстности, къ которой относится описаніе; ибо авторъ говоритъ объ этихъ деревняхъ и селахъ только по поводу хранящейся въ церкви села Кошелева копіи съ дозорныхъ книгъ 1614 года, въ которыхъ эти деревни и села упоминаются. Въ заключеніе должно замѣтить, что по этнографической картѣ Академика Кёппена народонаселеніе всего Тверскаго уѣзда, въ настоящее время, чисто-русское; инородцевъ нѣтъ. *Прим. Ред.*

ЯЗЫКЪ.

А) ОСОБЕННЫЯ СЛОВА.

Гожѡ—вмѣсто годно. Это слово, вѣроятно, происходитъ отъ глагола *угождать*. Гожимъ называютъ то, что прилично, пристойно имъ и что, стало-быть, угождаетъ ихъ вкусу, или надобности. На-примѣръ: *дерево гождѡ!*

Ражо—хорошо, пріятно, красиво. Крестьяне *ражимъ* называютъ то, что ихъ радуешь. На-примѣръ: *погода ража; пиво ражо, платокъ ражѡ, двѣрка ража*, и т. д. Слово *ражо* происходитъ, кажется, отъ слова «радовать» — *ражо* вмѣсто *радующе*.

Голомѡ—довольно давно. На вопросъ: давно-ли Иванъ ушелъ къ Петру? Отвѣчаютъ: *ужѡ голомѡ*. Голомѡ, кажется, есть сокращеніе двухъ словъ: «голо время». Голо время, то-есть сгладилось время, или исчезло время, прошло время.

Полѡвня. Такъ называется небольшой сарай, въ который крестьяне убираютъ пелеву, или плеву, то-есть мякину. Въ Весьегонскомъ уѣздѣ это строеніе называется «пелевня»; названіе весьма правильное. Употребляемое въ Тверскомъ уѣздѣ слово *полѡвня* есть, можетъ быть, переименованное слово *пелевня*. Впрочемъ «половня» можно правильно произвести отъ слова *полѡ*. Сарай, въ который крестьяне убираютъ плеву, бываетъ всегда съ поломъ, тогда какъ сараи для сѣна у насъ бываютъ иногда и безъ пола, а сараи для соломы—всегда безъ пола. Въ Весьегонскомъ уѣздѣ словомъ «половня» означаетъ разливаемая ложка, именно та, которою черпаютъ что-нибудь изъ горшка, или котла. Въ этомъ смыслѣ слово «половня» происходитъ конечно отъ слова *половина*. Такою ложкою и скоро и удобно черпать только до половины горшка, или котла; а далѣе половины черпать ею менѣе удобно.

Притка—враждебная и притомъ невидимая сила, отъ которой, какъ думаютъ крестьяне, зависятъ всѣ непріятныя для нихъ происшествія. «Экъ ця притка принесла,» говорятъ въ себѣ крестьяне, когда идетъ къ нимъ человекъ, которому они не рады; «притка его вѣдать, откуда онъ!» говорятъ они о томъ, кого не знаютъ; «чтобъ ця разопритцило, дай Господи,» говорятъ во гнѣвѣ. *Притка* означаетъ еще духа, наставляющаго лю-

дей на что-нибудь отважное: «экъ ця притка догадала!» говорятъ крестьяне удивляясь. *Притка* означаетъ и большую величину и большое количество. На-примѣръ: «ты выросъ съ притку,» — ты очень высокъ. «У меня всего съ притку,» — у меня всего много. Дѣйствию этой *притки* крестьяне приписываютъ все нечаянно приключаящіяся болѣзни. «Мнѣ на такомъ-то мѣстѣ попритцилось,» говоритъ заболѣвшая крестьянка.

Огѡлцитъ — оговорить, то-есть какимъ-нибудь словомъ причинить другому болѣзнь. Крестьяне вѣрятъ, что есть такіе люди, которые могутъ словомъ оговорить, а взоромъ сглазить другихъ, и что, равнымъ образомъ, есть такіе благіе или лихіе часы, въ которые всякой можетъ оговорить и сглазить другаго. Слово *оголцитъ* происходитъ, кажется, отъ слова *голосъ*: *оголосить, оголцитъ*.

Чоботарь, въ Весьегонскомъ уѣздѣ значитъ *сапожникъ*; *чоботы* — женская обувь, которую прежде носили въ томъ уѣздѣ, — тоже самое, что нынѣшніе деревенскіе башмаки, или босовики, съ тѣмъ только различіемъ, что чоботы обшивались краснымъ сукномъ, запятошники обивались вокругъ, около каблука, мѣдною скобою, а подъ каблуки подбивались желѣзные скобки, наподобіе лошадиныхъ подковъ.

Квашенина. Въ Тверскомъ уѣздѣ такъ называется студень, не смотря на то, что его вовсе не заквашиваютъ, и что онъ вовсе не имѣетъ кислоты. Это слово, какъ я полагаю, происходитъ отъ словъ: квасъ и снѣдать. Крестьяне всегда почти ѣдятъ студень съ квасомъ; можно даже сказать, что у нихъ квасъ есть необходимая принадлежность студеня.

Прохоно — прохладно, а ипогда — значитъ: рѣдко. *Прохоно въ комнатѣ*, значитъ: въ комнатѣ прохладно; *прохоно спать*, значитъ: спать рѣдко. Слово это, кажется, должно происходить отъ слова «проходить». *Прохоно въ комнатѣ*, то-есть въ комнату проходить то, что холодно. *Прохоно спать*, то-есть спать проходя, спать не останавливаясь, то-есть рѣдко.

Порскъ. Такъ называютъ крестьяне то мѣсто въ печи, куда сгребаютъ уголья. Слово *порскъ*, думаю, происходитъ отъ глагола *прыскать*, а по крестьянски — *порскать*. «Порскъ», то-есть такое мѣсто, изъ котораго прыскаютъ, или порскаютъ искры огня. Кромѣ того, «порскъ» хорошо выражаетъ самый трескъ, съ ко-

торымъ отдѣляется искра отъ угля: если внимательно прислушаться къ треску искры, онъ будетъ созвученъ словамъ — «прыскъ» и «порскъ». Наковецъ слово «порскъ» выражаетъ быстроту, съ которой летитъ искра, отдѣлившаяся отъ угля; она въ тоже время, тотчасъ же вспорхиваетъ, или, порскаетъ отъ него на значительное разстояніе.

Голумный — смѣшливый, шутливый. «Нисъ какая ты голумная!» то-есть, какая ты шутливая! «Мнѣ поглумилось» значитъ: мнѣ послышалось, или привидѣлось что-нибудь; словомъ «поглумилось» выражается, что послышалось, или повидѣлось что-нибудь дѣйствіемъ нечистаго духа.

Усови порють — сильное колотье внутри.

Саянъ — сарафанъ.

Баеть, а иногда батъ — говорить.

Вѣду и не вѣду — знаю и не знаю.

Батракъ въ Весьегонскомъ уѣздѣ означаетъ работника.

Ря... ря... ря... ря... такъ скликаютъ у насъ овецъ.*

В. СЛОВА, УПОТРЕБЛЯЕМЫЯ ВЪ ОСОБЕННОМЪ ЗНАЧЕНІИ.

Слова, которыми означается ничтожество или худыя свойства предмета, когда они поставлены передъ словами, выражающими доброту его, выражаютъ въ устахъ здѣшнихъ крестьянъ высшую степень качества предмета. На-примѣръ: дрянно ражо — очень хорошо; дрянно много — очень много.

Праведникъ. Такъ называютъ крестьяне праѣда, вѣроятно потому, что праѣдомъ можно быть только въ лѣтахъ преклонныхъ, когда страсти уже затихли, когда человекъ отъ суеты

* Словопроизводство почтеннаго автора этой статьи конечно не всегда правильно; но оно напечатано здѣсь безъ всякихъ измѣненій, потому что мысль въ этнографическихъ описаніяхъ объяснять происхожденіе мѣстныхъ словъ, сама по себѣ весьма счастливая. Есть много областныхъ словъ и изреченій, которыя нуждаются въ такихъ объясненіяхъ. Составители мѣстныхъ описаній, коротко знакомые и съ мѣстнымъ нарѣчіемъ, весьма часто могутъ имѣть подъ руками драгоцѣнные матеріалы для объяснительныхъ замѣчаній на слова, но не воспользоваться ими только потому, что при составленіи описаній они объ этомъ не вспомнили. *Прим. Ред.*

мірскихъ сестественно отвлекается немощію плоти, и начинаетъ жить праведнѣе другихъ.

Недугъ на языкѣ крестьянъ означаетъ не простую болѣзнь, но такую, которая зараждается въ человѣкѣ съ самаго зачатія, скрывается въ тѣлѣ во всю жизнь, и не излечима до гроба. Какъ скоро кто нибудь заболѣлъ и болѣзнь его день-другой не проходитъ, крестьяне говорятъ: «въ немъ недугъ расходился». Чтобы не раздражить недуга еще пуще, крестьяне не осмѣливаются пользоваться больнаго. Сильную простуду крестьяне приписываютъ недугу; глазную болѣзнь тому же разгулявшемуся недугу; всѣ головныя боли, всѣ горячки — тоже недугъ, чѣмъ нибудь раздраженный.

Сердцемъ крестьяне называютъ желудокъ. Когда они говорятъ, что сердце болитъ, это значить, что у нихъ давитъ подъ ложечкой. На вопросъ: «гдѣ у тебя сердце болитъ?» крестьянинъ показываетъ на ложечку.

Князь и княгиня — женихъ и невѣста со времени рукобитья до конца свадьбы.

Обогнуться — надѣть на себя одежду; кто ложась спать говоритъ что онъ — обогнулся, это значить, что онъ покрылся одѣяломъ.

Сорока. Этимъ словомъ, кромѣ известнаго рода птицъ, называется еще женская повязка. Повязки эти большею частью вышиваются разноцвѣтными шерстяными или шелковыми нитками, и отъ того всегда бываютъ пестрыя. Пестрота повязки и послужила поводомъ назвать ее именемъ пестрой птицы сороки.

Пышать вмѣсто дышать.

Весь значить: умеръ.

Ученикомъ называютъ учителя, а учителемъ — ученика.

Жарить лозою — наказывать лозою.

В. СОКРАЩЕНІЕ СЛОВЪ.

Тупай, вмѣсто ступай; досы, вмѣсто досыта; ни въ жи не буду, вмѣсто «во всю жизнь не буду»; во мре, вмѣсто «въ случаѣ смерти»; кстить — вмѣсто крестить; дѣлать, дѣламъ, вмѣсто дѣлаешь, дѣлаемъ. Въ косвенныхъ падежахъ словъ: мой,

твой, свой буква *е* опускается; *мово, твово, свово*, вмѣсто *моего, твоего, своего*; *мому, твому, своему*, и т. д. Въ собственныхъ именахъ опускаются послѣднія буквы *а* и *я*; *Авдоть, Ульян, Степух, Анюх, Петрух, Ванюх*, и т. д.

Г. ПЕРЕМѢНА БУКВЫ ВЪ СЛОВАХЪ.

Въ началѣ словъ перемѣняютъ *т* на *ц*; на-примѣръ: *ч*а-жело вмѣсто *т*яжело; *к* на *х*: *х*рестъ, *х*рестникъ, *х*рестянинъ; *о* перемѣняютъ на *у*: *у*твори, *у*топри, *у*порѣзалъ, *у*порознилъ; *и* на *у*: *у*згорода вмѣсто *из*города; *я* перемѣняютъ на *е*: *е*ровой, *ей*цо.

Въ серединѣ словъ перемѣняютъ *а* на *у*: *пу*раха; *е* на *о* въ словахъ: *у* себя, *къ* собѣ; *т* предъ *е* и *и* перемѣняютъ на *ц*: *це*бя и *це*я вмѣсто *те*бя; *вѣ*рносцѣю, *крѣ*посцѣю; *ч* передъ гласными перемѣняютъ на *ц*: *ца*й, *це*ловѣкъ, *ци*сло, *ц*орно, *ц*угунъ; *д* передъ гласными мягкими произносятъ какъ *дз*, *дзѣ*ло, *дзѣ*вка, *дзѣ*дзя; вмѣсто *у* употребляютъ *ю* въ словѣ *студѣ*но вмѣсто *студе*но. Говорятъ *ко*котъ вмѣсто *но*зоть.

Въ концѣ словъ въ именахъ мужескаго рода *ъ* иногда перемѣняютъ на *ай*: *Пет*рай, *мил*ай вмѣсто *Пет*ръ, *мил*ъ; *ий* на *йй*: *Мит*рай вмѣсто *Димит*рій. Окончаніе творительнаго падежа *оу* или *ой* перемѣняютъ на *уй*: съ *пал*куй, съ *доса*дуй, съ *охот*уй.

Въ глаголахъ вмѣсто окончаній *аю* и *ою* въ будущемъ совершенномъ употребляютъ *у*; на-примѣръ: *вы*му, *вы*стиру, *сдѣ*лу, *сбѣ*гу. — Окончанія *сся* и *шся* перемѣняютъ на *стя*: *ошиб*аешся, *руга*ешся, *обманыва*ешся, и т. д. Прошедшее время изъявительнаго наклоненія употребляютъ вмѣсто повелительнаго наклоненія; *пош*елъ домой, вмѣсто: *иди* домой. Въ повелительномъ наклоненіи глаголовъ, происходящихъ отъ глагола *нести*, говорятъ *ай* вмѣсто *и*: *поне*сай, *прине*сай, *уне*сай.

Д. ПРИБАВЛЕНІЕ БУКВЫ ВЪ СЛОВАХЪ.

Въ словахъ, оканчивающихся на *у* и *ю*, прибавляютъ *и*: *ле*говькуй, *ти*хонькуй, съ *матер*ьей, съ *дочер*ьей, за *двер*ьей.

Прибавляют лишнія буквы въ словахъ: *моланія* вмѣсто *молнія*, *полымя* вмѣсто *пламя*, *устиа* вмѣсто *уста*.

ЖИЛИЩА.

Во всей нашей округѣ, даже во всемъ уѣздѣ, селенія весьма многочисленны и строятся обыкновенно въ двѣ прямыя линіи, окнами на улицу. Старинныя избы всѣ черныя или курныя; а вновь строятся избы большею-частью бѣлыя. При каждомъ домѣ есть надворное строеніе, соответствующее состоянію крестьянина. Кѣль строятся всегда позади дома, и отдѣляется отъ него одними сѣнями. Кѣль почти у всѣхъ бываетъ двухъ-этажная. Въ верху хранится платье и лучшее имущество крестьянина, а низъ служитъ ему погребомъ; здѣсь ставятъ лѣтомъ квасъ, молоко, творогъ, пиво и т. п. Кромѣ того, почти у каждого крестьянина устроенъ на дворѣ теплый хлѣвъ, называемый *мшаникомъ*, потому что всегда бываетъ *мшеный*, — или *овчаникомъ*, потому что въ зимнее время здѣсь стоятъ овцы и телята.

Внутренность крестьянскихъ жилищъ весьма неопрятна. На полу каждое утро кормятъ куръ; каждый вечеръ на полъ падаютъ уголья отъ горячей лучины; по немъ почти всю зиму ходятъ то овцы съ ягнятами, то малые телята, а между тѣмъ полъ никогда не моется болѣе одного или двухъ разъ во всю зиму: у всѣхъ ко дню Св. Пасхи, а у нѣкоторыхъ и къ Рождеству Христову. Кромѣ того, въ крестьянскомъ домѣ всѣ женщины каждый день чешутъ или, какъ онѣ сами говорятъ, *мыкаютъ* для себя ленъ, а мужчины въ тоже время плетутъ для домашнихъ изъ *поскони чуши*, или теплые лапти. Отъ этихъ работъ поднимается въ избѣ пыль, которая садится на стѣны, брусья, лавки и одежду. Удивительно ли, послѣ этого, что на крестьянахъ рѣдко когда увидишь чистую рубашку?

ОДЕЖДА.

Обыкновенное платье мужчинъ въ зимнее время коротенькой полушубокъ и сѣрый кафтанъ, на головѣ какая-нибудь шапка, а на рукахъ большія рукавицы изъ рыжей кожи, съ шерстяными вязанками. Въ лѣтнее время повседневное платье крестьянъ тоже самое, съ тою только разницею, что они лѣ-

томъ ходить босые, а на головѣ носятъ какія-нибудь шляпы. Женщины зимою по буднямъ ходятъ въ *поволошнихъ*, то-есть покрытыхъ толстою холстиною, шубахъ, а лѣтомъ въ *поволошнихъ* же кафтанахъ. Дома онѣ ходятъ во всякое время года въ крашенинныхъ сарафанахъ или, по-здѣшнему, *саянахъ*. Голову покрываютъ въ простые дни во всякое время года одинаково — сперва волосниками, сдѣланными изъ холстины, потомъ вышитыми изъ шерсти или шелку сороками и, наконецъ, фатами, то-есть набойчатыми холстинными платками. Обыкновенная зимняя обувь крестьянъ и крестьянокъ одинакова: двѣ суколки и чуни.

Нарядное платье мужчинъ, кромѣ красныхъ ситцевыхъ и *александрійскихъ* рубашекъ, въ лѣтнее время: синій суконный, или по крайней мѣрѣ *рѣшинскій* армякъ, красный кушакъ и черная поярковая шляпа. Въ зимнее время: бѣлый овчинный тулупъ или овчинный полушубокъ съ лѣтнимъ армякомъ, высокая съ шелковымъ околышемъ шапка и зеленныя замшевыя рукавицы. Праздничная обувь лѣтомъ кожаные, а зимой валяные изъ шерсти сапоги. Нарядная одежда женщинъ: въ лѣтнее время — нанковые, или суконные холодники, по два шерстяныхъ чулка на каждой ногѣ и кожаные русскіе башмаки. Голову покрываютъ онѣ, сверхъ названныхъ выше повязокъ, красными платками. Зимой онѣ одѣваются въ шубы овчинныя бѣлыя, или покрытыя голубою нанкою или синимъ сукномъ; а обуваются въ два русскихъ чулка на каждой ногѣ и въ валяныя изъ шерсти чуни.

На гулянье надѣваютъ женщины лѣтомъ бѣлыя изъ тонкаго холста или изъ краснаго ситцу рубашки; у бѣлыхъ рубашекъ рукава всегда бываютъ вышиты красною бумагою; сверхъ рубашки онѣ надѣваютъ красныя кумашницы и опоясываются шелковыми длинными и широкими поясами и ситцевыми или кисейными передниками; на шею надѣваютъ отъ двухъ до пяти нитокъ янтарей или бусъ; голову украшаютъ золотыми или мисурными повязками, вершка въ три вышины, и шелковыми платками. Дѣвичьи повязки называются лентами, а женскія — сороками. Различіе между повязками тѣхъ и другихъ состоитъ въ томъ, что дѣвичьи всегда бываютъ вышиты гладко, а на женскихъ вышиваются столбики, или крупные цвѣты.

пища.

Ежедневная пища крестьянъ, въ постные дни: хлѣбъ, рѣдка, если есть, щи изъ сѣрой капусты и картофель или бухма; въ праздники: вмѣсто хлѣба — пироги изъ ржаной муки, грибы съ масломъ, щи, у нѣкоторыхъ съ рыбой, горохъ, картофель и каша. Въ скоромные дни обыкновенная пища: щи забѣленные, картофель съ масломъ и молоко; по праздникамъ: щи съ говядиной, похлебка съ бараниной и яичница на молоко. Самымъ рѣдкимъ и самымъ лучшимъ угощеніемъ между крестьянами почитается яичница на одномъ маслѣ.

обычай при рожденіи дѣтей.

Крестьянки тщательно скрываютъ отъ всѣхъ время родовъ. Какъ скоро оно наступитъ, женщина тайно отъ всѣхъ, (развѣ сказавшись одной свекрови на ухо) уходитъ въ теплый хлѣвъ, гдѣ стоятъ овцы, и тамъ рождаетъ одна. Скрывается она отъ всѣхъ для того, чтобы никто ее не сглазилъ, не оголцилъ, то-есть не оговорилъ. По разрѣшеніи отъ бремени, родившая приходитъ съ младенцемъ въ домъ и ложится на печь. Тогда посылаютъ за повивальной бабкой; та приходитъ, повиваетъ младенца и, нажевавши хлѣба съ солью, завертываетъ въ какую нибудь тряпку и даетъ младенцу. Потомъ топить баню и въ ней три дня къ ряду парить и треть родильницу. Этимъ и оканчивается дѣло бабки; родильница съ этого времени перестаетъ хворать и принимается за работу; въ рабочее же время она идетъ на работу на другой день послѣ родовъ, а нерѣдко рождаетъ и на работѣ. Повивальныя бабки призываются къ родильницѣ до родовъ въ такомъ только случаѣ, когда послѣдняя мучится болѣе сутокъ, да и тогда онѣ только свидѣтельницы страданій раждающей, ибо изъ ста бабокъ едва-ли десятая знаетъ что-нибудь въ своемъ дѣлѣ. Тѣ изъ нихъ, которыя слывутъ знахарками, берутъ въ такомъ случаѣ по камешку изъ трехъ бань, приносятъ ихъ въ домъ, нѣсколько времени стучать ими, призывая на помощь бабушку Соломоницу, обливаютъ ихъ водою и сбрызгиваютъ ею раждающую. Если нѣкоторыя женщины и разрѣшаются благополучно послѣ это-

го обряда, то, конечно, по милости Божіей и съ помощію природы; а между тѣмъ бабки приписываютъ это своему знахарству и тѣмъ величаются.

Ближнія родственницы родившей, узнавъ объ ея разрѣшеніи, приходятъ поздравлять ее и приносятъ ей, какъ они говорятъ, на зубокъ, хлѣбъ-соль: пирогъ, капусту, ягодъ, огурцовъ, яицъ и т. д., смотря по дню и по своему состоянію. Приносятъ ей на зубокъ, то-есть для подкрѣпленія ея силъ, для возбужденія аппетита, съ желаніемъ, чтобы она, скушавши принесенное, сама стала и кушала все по прежнему.

ОБЫЧАИ ПРИ КРЕЩЕНІИ.

Въ воспріемники новорожденнаго родители избираютъ своихъ родственниковъ и друзей. У кого не живутъ дѣти, тѣ приглашаютъ въ воспріемники или того, у кого много дѣтей, или, уповаю на выборъ и волю Божию, въ день крещенія рано утромъ выходятъ на улицу и перваго встрѣчнаго неотступно просятъ быть воспріемникомъ, въ той увѣренности, что онъ посланъ отъ Бога и что, можетъ быть, его счастіемъ новорожденный будетъ живъ. Крещеніе совершается по церковному чиноположенію. По окончаніи Священнаго Таинства, воспріемникъ бросаетъ въ купель воскъ съ волосами младенца и смотритъ, потонетъ ли онъ; если воскъ потонетъ, значить, что крестникъ его умретъ; если не потонетъ, то крестникъ будетъ живъ. Этого предразсудка и до сихъ поръ не можетъ вывести опытъ, что воскъ никогда не тонетъ, а младенцы умираютъ очень часто. Потомъ устраивается обѣдъ или такъ-называемыя каши. Это названіе дано ему, думаю, потому, что на немъ всегда и вездѣ бываетъ каша и даже двѣ: въ скоромные дни каша жидкая съ молокомъ и каша густая съ масломъ, а въ постные дни просыная и гречневая. Замѣчательны начало и конецъ этого обѣда. Въ началѣ пьютъ вино за здоровье новорожденнаго, какъ говорятъ крестьяне, и всѣхъ хрещеныхъ, приговаривая: «дай Богъ здравствовать новорожденному и всѣмъ хрещенымъ на хлѣбъ, на соль, на добро здравье». Потомъ, когда дойдетъ очередь до второй каши — послѣдняго кушанья, родной или крестный отецъ младенца беретъ отъ всѣхъ обѣдающихъ ложки и втыкаетъ ихъ въ кашу; потомъ кладетъ на столъ подлѣ каши ломоть

чернаго хлѣба и говорить: «кто хочетъ кашу ѣсть, тотъ пусть выкупить себѣ ложку». Каждый вынимаетъ деньги, втыкаетъ ихъ въ ломоть и беретъ ложку, наконецъ этотъ ломоть подаютъ съ чашкой или стаканомъ вина родильницѣ. Въ это время повивальная бабка маслитъ кашу и проситъ себѣ за масло денегъ. Тогда кто-нибудь изъ гостей беретъ у отца ложку, кладетъ на нее немного каши и много соли и даетъ ему, а отецъ, скушавъ кашу, припрыгиваетъ, говоря: «дай Богъ, чтобы такъ новорожденный вспрыгивалъ». Всѣ кушаютъ кашу и тѣмъ обѣдъ оканчивается.

Нужнымъ считаю замѣтить, что крестьяне со дня крещенія младенца не моютъ его, цѣлыя шесть недѣль, пока придетъ матери время принять сороковую или очистительную молитву, — чтобы не раздражить цвѣта, т. е. молочницы. Трудно вообразить себѣ, въ какой страшной нечистотѣ находится въ это время младенецъ, и какой бываетъ тогда отъ него дурной запахъ.

ОБЫЧАИ ПРИ ВС. УПЛЕНИИ ИЪ ВОЗМУЖАЛОСТЬ.

Во все время младенчества и въ первые годы отрочества крестьянскихъ дѣтей называютъ уничижительными именами: Петрушка, Пашка, Дашка, Катъка, и т. д. — Съ перемѣною возраста это перемѣняется: когда они достигнутъ совершеннолѣтїя, лѣтъ шестнадцати, ихъ начинаютъ называть именами увеличительными: Петруха, Пураха, Дарюха, Катюха и т. д. Всѣ вообще крестьяне любятъ имѣть дѣтей высокихъ, толстыхъ и румяныхъ; и нельзя не замѣтить, что всѣ, особенно крестьянки, всячески стараются казаться такими, если онѣ и не таковы на самомъ дѣлѣ. Чтобы казаться высокою, или правильнѣе растущею и какъ будто могущею еще вырасти до надлежащей высоты, малорослая крестьянская дѣвка шьетъ себѣ всю одежду короче обыкновеннаго, желая показать, что она уже довольно выросла послѣ того, какъ ей была сшита одежда. Чтобы казаться толще, она и лѣтомъ ходитъ въ двухъ рубахахъ и въ двухъ шерстяныхъ русскихъ чулкахъ на каждой ногѣ; чтобы казаться красною, она всегда румянится до того, что кажется багровою. Чтобы дочь скорѣе и болѣе, по выраженію крестьянъ, раздобрѣла, мать нѣжитъ ее и ла-

комить. Возмужалые парни съ своей стороны стараются показать, особенно передъ хороводомъ дѣвокъ, чудеса храбрости и силы, ловкость, проворство, оборотливость, опрятность, щегольство и роскошь; въ разговорахъ они стараются превзойти другъ друга въ деревенскихъ остротахъ и выдумкахъ. Вообще, въ лѣтахъ мужества въ крестьянахъ сильно обнаруживается желаніе нравиться. Дѣти крестьянъ, носящія увеличительныя имена, имѣютъ право гулять въ хороводахъ.

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ.

Свадьбы у крестьянъ бываютъ большею частию осенью. Осенью крестьянинъ охотнѣе отдаетъ дочь замужъ, потому что ему не придется уже кормить ее зимою; — «съ хлѣба долой», говоритъ онъ, и отдаетъ. Весною же онъ отдаетъ неохотно; «зиму, говоритъ крестьянинъ, я ее прокормилъ, такъ пусть мнѣ это лѣтомъ заработаетъ». И не иначе согласится онъ весною отдать замужъ свою дочь, какъ если сватающій согласится нанять ему работницу.

Крестьянскія свадьбы, какъ и всѣ другія, начинаются сватовствомъ. Женихъ объявляетъ своимъ родителямъ, кого бы ему хотѣлось имѣть женою. Тогда родители приходятъ съ нимъ къ кому-нибудь изъ невестиныхъ сосѣдей, и дѣлаютъ невестѣ предложеніе; она одѣвается въ самый лучшій нарядъ и принимаетъ сватовъ; женихъ и невеста смотрятъ другъ друга. Потомъ родители жениха предлагаютъ невестинымъ родителямъ, — не хотятъ ли они видѣть житье-бытье жениха. Тѣ приходятъ въ деревню, спрашиваютъ жениховыхъ сосѣдей обо всемъ, что нужно знать о женихѣ, осматриваютъ его домъ, скотъ и хлѣвъ. Послѣ того приходятъ домой, что видѣли и слышали передаютъ невестѣ, и, узнавъ ея рѣшительное намѣреніе, извѣщаютъ о томъ жениха. Если невеста согласна идти замужъ, то ея и жениховы родители назначаютъ день рукобитья. До этого дня и женихъ и невеста еще могутъ передумать и отказаться.

Въ назначенный день вечеромъ отецъ жениха со штофомъ вина и пирогомъ приходитъ въ домъ невесты и отдаетъ свой гостинецъ ея отцу; оба садятся, и разговариваютъ; потомъ зажигаютъ свѣчу предъ иконами и молятся Богу; наконецъ даютъ другъ другу руки, непременно завернувши ихъ въ полу

шубы или армяка. Въ это время невеста начинает плакать въ голосъ, или, какъ говорятъ крестьяне, выть. Вотъ ея причеты: «родимый мой батюшка NN и родимая матушка NN, не засвѣчайте вы свѣчку воску бѣло-ярова, не машите пола объ полу, не бейте рука объ руку, не рушите мою красу дѣвичью, не дайте мое бѣлье-рукодѣльце въ чужи руки въ поруганье». Потомъ она обращается съ плачемъ къ каждой изъ своихъ подругъ и проситъ ихъ поплакать объ ея горѣ. Вмѣстѣ съ нею воютъ и подруги. Между тѣмъ отцы, ударивши рука объ руку и поцѣловавшись, садятся за столъ и угощаютъ другъ-друга принесеннымъ виномъ. Затѣмъ назначаютъ день свадьбы. При отъѣздѣ женихова отца, невеста посылаетъ жениху полотенце: давши полотенце, невеста не можетъ уже отказаться отъ брака. Съ этихъ поръ невеста до самаго брака воетъ въ отцовскомъ домѣ каждое утро и каждый вечеръ, и называется вездѣ и всегда и передъ всѣми—княгиней, а женихъ—княземъ. Съ этихъ же поръ та и другая сторона готовится къ свадьбѣ.

На канунъ брака княгиня, въ сопровожденіи подругъ, отправляется въ баню; тамъ онѣ моются и пьютъ пиво. Изъ бани княгиня, покрытая бѣлымъ покрываломъ, идетъ домой, а за нею подруги. Подходя къ деревнѣ, у перекрестка, княгиня начинаетъ выть во весь голосъ: «ужъ стану я сиротушка горькая на широкомъ перекресточкѣ, по-конецъ улицы широкой, о-край полюшка чистаго; помолюсь я тамъ Господу Богу на всѣ четыре стороны». Молится и идетъ домой. Подходить къ своему дому, стоитъ у воротъ и воетъ до тѣхъ поръ, пока отецъ или мать не выйдетъ встрѣтить ее. Причитаетъ она такъ: «родимый батюшко NN и родимая матушка NN, поглядите вы во красное окошечко, на широкую на улицу, на меня горюшу горькую. Иду я горюшинька со стадомъ своимъ лебединымъ—съ милыми подружками. На всѣхъ-то на нихъ платьеца алѣются, а на мнѣ горькой сиротушкѣ платьецо бѣлѣется. Встаньте вы, батюшки, буйны вѣтры, раскачайте верев дубовыя, отворите ворота широкіе». Входитъ въ домъ, молится Богу, садится на лавку и опять воетъ. Въ воплѣ своемъ она благодаритъ отца и мать: «спасибо вамъ родимые на банькѣ, на мыльнѣ, на вѣничкѣ шелковымъ, на пару малиновомъ». Потомъ обращается

къ любимой изъ подругъ, съ причитаньемъ: «расчеши ты голову буйную, заплети ты косу русую, какъ бы завтра она не расплеталася». Подруга исполняетъ ея просьбу. Навывшись, княгиня кланяется въ землю всѣмъ своимъ подругамъ и, простившись, разстается съ ними.

Въ тотъ же день вечеромъ жениховъ отецъ опять является къ невестѣ съ гостинцами отъ жениха; приносятъ ей гривну мѣди, башмаки, чулки, зеркало, пряниковъ, мыла, бѣлизъ, румянъ. Невѣста принимаетъ все это, а женихова отца сажаютъ и угощаютъ, и при отъѣздѣ его, невеста посылаетъ жениху вѣнчальное полотенце или косыню, а мать невесты будущему своему зятю—десять яицъ.

Нужно замѣтить, что на свадьбѣ половъ не моютъ, а стелютъ на полъ солому, которая и лежитъ до третьяго дня свадьбы. Солому стелютъ для того, чтобы молодые не ходили по голому полу, чтобы они не жили голо, а богато.

Въ самый день брака княгиня встаетъ рано, садится на лавкѣ у двери и опять воетъ: «родимый батюшко NN и родимая матушка NN, что спалась ли вамъ крѣпка ночушка? А мнѣ горькой сиротинушкѣ не спалась—то вся темна ночушка: всю ночку я продумала свою думу горькую». Если вѣнчанье приходится въ праздникъ, князь и княгиня привѣзжаютъ въ церковь къ заутрени; князь въ бѣломъ полушубкѣ и синемъ армякѣ на распахку; вѣнчальная косынка, повязанная на рукѣ, отличаетъ его отъ всѣхъ мужчинъ; она виситъ у него на рукѣ и во всю свадьбу; а княгиня въ бѣлой, или покрытой нанкою или сукномъ, шубѣ. Голова ея, сверхъ обыкновенной повязки, покрывается широкимъ и длиннымъ бѣлымъ покрываломъ изъ тонкаго холста или каленкора; невеста закрываетъ имъ свое лицо, во все время свадьбы, потому что стыдится. Въ церкви князь и княгиня слушаютъ молебенъ Спасителю и Божіей Матери. Замѣчательно, что у княгини во все время молебна и всей свадьбы правая рука бываетъ завернута въ длинный рукавъ ея рубахи, чтобы ей жить не голо, а богато. Князь уѣзжаетъ изъ церкви прямо домой, а княгиня, съ сильнымъ воплемъ, отправляется на могилы родныхъ: долго она воетъ, причитаетъ всѣхъ умершихъ родныхъ, зоветъ ихъ на свое пиршество, и отъ всѣхъ проситъ благословенія на

новую жизнь. Воетъ она такъ: «родимый NN не прошу я у тебя злата, серебра; прошу я у тебя благословленья подъ златъ вѣнецъ, подъ серебро, во чужи люди, незнамые.» Съ тѣми же причитаньями обращается она къ другому, третьему и т. д., до послѣдняго изъ умершихъ родныхъ. Ее слушаетъ всегда большая толпа женщинъ. Потомъ прѣзжаетъ она домой, гдѣ ее встрѣчаютъ подруги; княгиня, съ воплемъ, отказывается имъ свою красу дѣвичью. Наконецъ невѣста входитъ въ домъ и ожидаетъ прибытія князя и его поѣзда.

Князь прѣзжаетъ за невѣстою въ кибиткѣ, на тройкѣ, со множествомъ бубенцевъ и колокольчиковъ въ сопровожденіи цѣлаго поѣзда, и съ боченкомъ пива. Долго прѣзжіе гости обѣдаютъ, а пьющіе вино допьяна напиваются, кромѣ князя и княгини, которые ничего не вкушаютъ. По окончаніи обѣда, родители благословляютъ княгиню: отецъ беретъ ея образъ и держитъ его на хлѣбѣ съ солью; княгиня трижды кланяется иконѣ и наклоняетъ голову, а отецъ трижды дѣлаетъ образомъ съ хлѣбомъ - солью кругъ надъ ея головою; потомъ княгиня цѣлуетъ образъ, кладетъ земной поклонъ и три раза со слезами цѣлуетъ отца, который тоже плачетъ. Затѣмъ мѣсто отца заступаетъ мать, которая беретъ образъ изъ рукъ мужа и такимъ же порядкомъ благословляетъ невѣсту. Послѣ того благословляютъ ее отецъ и мать крестные, каждый своимъ образомъ. Всѣ эти образа поступаютъ въ домъ жениха. Въ то время какъ благословляютъ княгиню, жениховъ дружка угощаетъ жениховымъ пивомъ всѣхъ позорянъ, то-есть стоящихъ на дворѣ. Принявъ отъ всѣхъ благословленіе, княгиня, покрытая покрываломъ, выходитъ съ воплемъ изъ родительскаго дома; князь сажаетъ ее въ кибитку, а съ нею сходятся ближайшія ея подруги и воютъ по ней въ голосъ. Князь самъ править лошадьми. Прежде чѣмъ лошади тронуть, князь нѣсколько разъ бьетъ кнутомъ по веревкѣ воротъ для того, чтобъ его будущая жена не тосковала по своему дому. Во всю дорогу впереди князя ѣдутъ дружки, а передніе и задніе поѣзжане громко поютъ пѣсни, давая тѣмъ разумѣть, что ихъ хорошо угостили. По выѣздѣ за деревню, поѣздъ останавливается, жениховъ дружка возвращается въ невѣстинъ домъ, править отъ князя челобитье и зоветъ въ его домъ всѣхъ гостей «со всѣмъ дворомъ, кромѣ хо-

ромъ». Въ это время подруги прощаются съ невестою. Дорогою потѣздъ нерѣдко останавливается, и кто хочетъ, тотъ пьетъ взятое на дорогу вино и пиво. Наконецъ весь потѣздъ прѣзжаетъ къ церкви, исключая совершенно пьяныхъ, которые ѣдутъ прямо въ домъ жениха.

По прѣздѣ, князь и княгиня входятъ въ церковь. Бракъ совершается обыкновеннымъ порядкомъ. Когда надо становиться на подножье, брачующіеся стараются ступить на нее въ одно время, ибо есть примѣта, что кто первый станетъ на подножье, тотъ въ жизни и большину возьметъ. По совершеніи вѣнчанія, потѣжане спрашиваютъ новобрачныхъ: кто кому покорень? Въмѣсто отвѣта, княгиня кланяется въ ноги князю и потомъ цѣлуетъ его, держа руками за уши: это между крестьянами означаетъ самый искренній и, какъ говорится, самый жаркій поцѣлуй: не всѣ удостоиваются такого поцѣлуя отъ княгини, а одни ближайшіе родственники. Послѣ того, новобрачныхъ ведутъ въ трапезу или на паперть и княгиню окружаютъ, то-есть убираютъ ея голову по-женски, плетутъ въ двѣ косы ея волосы, въ косы вплетаютъ горсть льну и навязываютъ волосникъ и сороку. Послѣ того молодымъ даютъ зеркало, въ которое они глядятся оба вмѣстѣ и любятъ другъ другомъ. Наконецъ, молодую опять покрываютъ тѣмъ же покрываломъ, выходятъ изъ церкви, князь сажаетъ княгиню въ повозку и всѣ ѣдутъ въ домъ жениха, съ громкими пѣснями.

Когда молодые прѣдутъ изъ церкви домой, отецъ и мать встрѣчаютъ ихъ съ образомъ и хлѣбомъ-солью. Благословляютъ ихъ также, какъ при отправленіи къ вѣнцу. Благоразумные родители даютъ при этомъ наставленіе дѣтямъ любить Бога, повиноваться начальникамъ, почитать старшихъ и беречь ихъ, стариковъ. Послѣ благословеній, дружка жениховъ сажаетъ молодыхъ на шубу, поднимаетъ, опять сажаетъ, снова поднимаетъ и въ третій разъ сажаетъ. Сажаетъ на шубу, а не на голую лавку, чтобы имъ богато жить, а не бѣдно. Какъ скоро прѣзжіе гости раскланиются и поздравятъ батюшку «домовитаго» съ новобрачными, а новобрачныхъ съ законнымъ бракомъ, дружка уводитъ ихъ въ клѣтъ, гдѣ они обѣдаютъ одни. На другой день послѣ свадьбы отъ княгини раздаются дары княземъ родственникамъ; чѣмъ родственникъ ближе, тѣмъ лучше дары.

Они состоятъ изъ болѣе или менѣе длинныхъ полотенцевъ. Дарятъ начиная съ князевыхъ родителей, такимъ образомъ: въ клѣти, княгиня и ея сваха назначаютъ, кому дарить какіе дары; невѣстинъ дружка разноситъ ихъ на блюдо, порознь каждому. Держа въ рукахъ блюдо съ дарами, онъ становится передъ жениховымъ отцомъ и начинаетъ громко кричать: «есть ли въ сей бесѣдѣ такой человѣкъ, батюшко домовитой NN?» и, не получивъ отвѣта, продолжаетъ: «кланяется вамъ князь новображный NN и княгиня новображная NN бѣльцомъ-рукодѣльцемъ; малое примайте, большому сроку давайте; коли не годится въ ручки, такъ хоть на онучки.» Въ это же время подносятъ отцу стаканъ пива или вина, а молодые кланяются въ ноги и лежатъ на полу до тѣхъ поръ, пока онъ не выпьетъ и не велитъ встать. Выпивши, онъ беретъ дары съ блюда, отираетъ ими свои уста и хочетъ цѣловать князя и княгиню; но князь не прежде цѣлуетъ его, какъ отеревъ ему уста своей косыней, хотя бы они были совершенно чисты и сухи. Значенія этаго обряда не знаютъ и сами крестьяне. Такъ дарятъ и мать женихову, называя ее матушкою домовитою NN, и всѣхъ гостей, съ перваго до послѣдняго, съ большаго до малаго. Передъ каждымъ изъ гостей кричатъ такъ: «есть ли въ сей бесѣдѣ такой-то: кланяется вамъ батюшка домовитый NN, матушка домовитая NN, князь новображный NN, княгиня новображная NN, сроку давайте» и т. д. Каждый, принявъ съ блюда дары, отдариваетъ княгиню деньгами, кто по сколько хочетъ. Пока окончится раздача даровъ, наступаетъ время обѣда. Послѣ обѣда гости съ невѣстиной стороны утѣжаютъ изъ дома жениха, а невѣста, провожая ихъ, воетъ. Въ плачъ своемъ она посылаетъ низкій поклонъ-челобитище желанному батюшкѣ, желанной матушкѣ, родимымъ братцамъ и сестрицамъ и т. д.

На третій день послѣ свадьбы княгиня навсегда снимаетъ съ себя покрывало. По утру молодыхъ окачиваютъ, — въ лѣтнее время на рѣкѣ или прудѣ, а въ зимнее у колодца. Долго гости тѣшатся здѣсь и надъ молодыми и другъ надъ другомъ, пока всѣ не промокнутъ достаточно; потомъ приходятъ домой, переодѣваются и обѣдаютъ, а послѣ обѣда новобрачные и всѣ гости ѣдутъ кататься на двухъ или трехъ тройкахъ съ колокольчиками и пѣснями. Передъ ними ѣдутъ наряженные. Вечеромъ гости разъѣзжаются.

Черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы, молодые ходятъ къ невѣстину отцу въ гости на побывотки и гостятъ тамъ двое сутокъ, послѣ чего и молодой зять уводитъ тестя и тещу въ домъ къ своимъ родителямъ на спознатки. Они также гостятъ двое сутокъ. Въ это время жениховы и невѣстины родители спознаются, сдружаются.

ОБЫЧАИ ПРИ ПОХОРОНАХЪ.

Гробовъ здѣшніе крестьяне ни чѣмъ не обиваютъ. Гробы у нихъ обыкновенно выдолбленные изъ дерева, рѣдко досчатые. Умершаго мужчину одѣваютъ въ бѣлую рубаху и исподницы, опоясываютъ и обуваютъ въ липовые лапти, а сверху покрываютъ саваномъ. Женщину одѣваютъ въ рубаху, саянъ, волосникъ, сороку и бѣлый платокъ; а обувь и саванъ такіе же какъ у мужчинъ. Кто умретъ на Пасхѣ, тому даютъ въ руку яйцо, для того, говорятъ крестьяне, чтобы онъ на томъ свѣтѣ могъ похристосоваться съ своими родными. На похороны собираются всѣ ближніе родственники умершаго. Женщины и дѣвушки при этой церемоніи повязываются бѣлыми платками, въ знакъ печали. На выносъ покойника женщины идутъ сзади и громко воютъ, съ разными причитаньями. Въ церкви онъ окружаютъ гробъ, всѣ ложатся головами на бока гроба и также воютъ. Во время отпѣванія онѣ молчатъ, а послѣ отпѣванія опять поднимаютъ вой и продолжаютъ вѣть до зарытія могилы, потомъ приходятъ домой и опять сильно воютъ. Поминки по каждомъ умершемъ бываютъ два раза: въ день похоронъ и черезъ шесть недѣль и состоятъ изъ праздничнаго обѣда, который оканчивается овсянымъ киселемъ съ медомъ. Если поминаютъ умершаго, который пилъ вино, то за обѣдомъ бываетъ вино и пиво; а если умершій не пилъ вина, то за поминальнымъ обѣдомъ вино не подается. Послѣ обѣда родные умершаго опять долго по немъ воютъ.

ОБЫЧАИ ПРИ ПОЖАРАХЪ.

На пожарахъ крестьяне помогаютъ другъ другу сами собою и довольно дѣятельно. Къ несчастію, крестьянскіе пожарные снаряды вездѣ почти чрезвычайно худы и сохраняются

небрежно; навѣсъ, подъ которымъ они стоятъ, совсѣмъ не охраняетъ ихъ ни отъ дождя, ни отъ снѣга; дроги, на которыя ставится бочка, или вовсе безъ колесъ, или съ полуразвалившимися колесами, и притомъ всегда стоитъ безъ воды, отъ чего въ лѣтнее время высыхаетъ. И такъ нисколько не удивительно, что оказываемая на пожарахъ помощь мало приноситъ пользы и что отъ незначительной искры бываютъ большіе пожары.

ОБЫЧАИ ПРИ СКОТСКИХЪ ПАДЕЖАХЪ.

При скотскихъ падежахъ крестьяне не довольно осторожны. Крестьянинъ, у котораго заболѣетъ и падетъ одна или двѣ скотины, не объявляетъ о томъ своимъ сосѣдямъ и продолжаетъ по прежнему гонять въ стадо оставшійся скотъ, даже зараженный. Вотъ одна изъ главныхъ причинъ, почему у крестьянъ нерѣдко бываютъ сильныя скотскіе падежи. Не сказываютъ они сосѣдямъ о заболѣвшемъ у нихъ скотѣ, безъ сомнѣнія, изъ одного глупаго и ошибочнаго расчета, что если имъ запретятъ пускать скотъ въ стадо, то придется преждевременно кормить его на дворѣ и преждевременно изводить кормъ, заготовленный на зиму.

Кромѣ того, крестьяне зарываютъ умершую скотину у себя на дворѣ и не всегда глубоко: удивительно ли, послѣ этого, что во время скотскаго падежа весьма часто вымираетъ у нихъ весь скотъ, до послѣдней, какъ говорится, шерстины?

БОЛѢЗНИ И ИХЪ ЛЕЧЕНІЕ.

Обыкновенныя болѣзни между крестьянами большею частію происходятъ отъ простуды. Трудно убѣдить ихъ въ этомъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что они чаще всего заболѣваютъ отъ того, что рано утромъ и поздно вечеромъ ходятъ босикомъ, сильно вспотѣвши много пьютъ холоднаго и ложатся на голую землю; или, выпарившись въ банѣ, съ четверть версты идутъ босикомъ во всякое время года. Когда крестьянинъ почувствуетъ то жаръ, то ознобъ, головную боль съ насморкомъ, кашель, отсутствіе аппетита, сильную жажду, бредъ и т.

и., то обыкновенно говорить: «меня оговорили, или сглазили, или недугъ расхотился». Въ этихъ болѣзняхъ крестьяне натираются рѣдкою и деревяннымъ масломъ въ теплое мѣсто, и прикладываютъ хрѣнъ къ затылку. Такими средствами мнѣ удавалось вылечить простуду столь сильную, что тѣло больного уже не имѣло чувствительности. Потерявшіе чувствительность члены я приказывалъ тереть рѣдкою до тѣхъ поръ, пока она не начнетъ жечь, и потомъ натирать ихъ деревяннымъ масломъ; для внутренняго же употребленія предписывалъ теплое питье изъ травъ, возбуждающихъ потъ. Слѣдствіемъ такого леченія, повторяемаго три или четыре раза въ день, было то, что крестьянинъ, отъ простуды не ходившій и не владѣвшій руками, недѣли черезъ полторы уже начиналъ выздоравливать и наконецъ совершенно выздоравливалъ.

Въ желудочныхъ болѣзняхъ крестьяне прибѣгаютъ къ одному только средству, именно къ горшку новивальной бабки, но облегченія отъ того почти никогда не получаютъ. Въ несчастныхъ послѣдствіяхъ родовъ, по моему совѣту, съ большою пользою употребляютъ настой чернопольника, приготовленный въ видѣ чаю.

З А Н Я Т І Я .

Занятія, наиболее любимыя въ нашей мѣстности, суть: извозничество, ямщина, дворничество и хлѣбопашество. Какъ скоро крестьянинъ соберется силами купить три или четыре лошади, онъ обыкновенно или начинаетъ извозничать, т. е. возить товары изъ столицы въ столицу, или ямщичать, т. е. возить сѣдоковъ отъ одного мѣста до другаго. Живущіе на шоссе любятъ дворничать, т. е. кормить извозчиковъ; немногіе ходятъ на баркахъ. Хлѣбопашествомъ занимаются люди одинокіе и пожилые. Неудивительно, что первые три вида промышленности пріятны для крестьянъ: эти занятія и легче и выгоднѣе и даютъ возможность каждый день по нѣскольку разъ пить чай и кушать довольно сытно и лакомо. О хлѣбопашествѣ крестьяне имѣютъ пословицу: «отъ сохи да отъ косы не будешь богатъ, а будешь горбатъ». Земля обрабатывается сохами и лошадьми. Рукодельями и ремеслами крестьяне нашего округа не занимаются.

НАРОДНОЕ ВЕСЕЛЬЕ.

Главная принадлежность крестьянских праздниковъ есть пиво и вино. Безъ пива и вина и праздникъ не въ праздникъ. Главное удовольствіе пожилыхъ крестьянъ во время праздника — напиться допьяна и пѣть пѣсни. Чтобы больше пить пива, крестьяне въ это время нарочно ѣдятъ соленое. Зато, отъ излишняго употребленія пива, у нихъ толстѣютъ лица и распухаютъ руки. Съ перваго взгляда можно узнать «праздникаго» крестьянина: онъ весь отекаетъ! Крестьянскія дѣти въ праздники играютъ хороводами, пляшутъ, поютъ пѣсни и играютъ въ гармоники и балалайки. Когда они ходятъ, или пляшутъ въ кругу, то размахиваютъ красными платками. Дѣвки и парни, не ходящіе въ кругу, считаются въ крестьянствѣ или больными, или малоумными. На святкахъ и объ масленицѣ, парни и дѣвки, лишь только смеркнется, выходятъ на улицу, собираются, поютъ пѣсни, играютъ и пляшутъ всю ночь. Отцы и матери нимало объ нихъ не заботятся и не смотрятъ на то, что дѣлаютъ дѣти.

ЖИЗНЕННЫЯ СРЕДСТВА.

Деньги на оброкъ, на домашніе расходы, на праздничное угощеніе и наряды, крестьянина извлекаетъ изъ хлѣба. Дочери многосемейныхъ и бѣдныхъ крестьянъ наряжаются на деньги, которыя наживаютъ, нанимаясь въ работницы. — Очень рѣдко случается, чтобы два, или три брата жили не раздѣлившись, особенно между казенными крестьянами. А одинокому человѣку, не имѣющему никакого ремесла и не могущему отлучиться для заработковъ на чужбину, притомъ же человѣку довольно лѣнивому, какихъ весьма много между крестьянами, чѣмъ платить оброкъ, чѣмъ вести домашній расходъ и дѣлать праздничное угощеніе, чѣмъ исправлять наряды, какъ же деньгами, вырученными отъ продажи хлѣба? Въ оброкъ онъ продаетъ овесъ; крупу, соль, деготь и прочія необходимыя вещи забираетъ въ теченіе всего лѣта подъ осенній овесъ; на исправленіе праздниковъ и одежды продаетъ овесъ. Потому-то нисколько неудивительно, что у очень многихъ крестьянъ къ веснѣ не остаѣт-

ся овса и на сѣмена, и что очень многіе изъ нихъ сѣютъ чужимъ овсомъ, хотя и платятъ за то иногда большой ростъ, именно отъ двухъ до четырехъ, а иногда и до восьми мѣръ за каждую взятую четверть.

ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО БЫТА.

Крестьянскія сходки бываютъ, когда представится надобность, большею же частію въ праздничные дни, свободные отъ полевыхъ работъ. Всякое происшествіе, всякая надобность сперва касается *десятскаго*. Когда онъ найдетъ, что нужно сдѣлать сходку, то обходитъ всю деревню, стуча палкою подъ каждымъ окномъ, и кричитъ: «эй дядя N N, на улицу!» Народъ собирается на обыкновенное мѣсто и *десятскій* объявляетъ о причинѣ схода. Каждый крестьянинъ подаетъ свой голосъ; между ними есть партіи; иногда онѣ спорятъ между собою долго и жарко, и тутъ крестьяне поднимаютъ одинъ на другаго всю подноготную; со всѣхъ сторонъ сыплются укоры, упреки и брань. Перебѣсъ беретъ наконецъ тотъ, кто всѣхъ сильнѣе кричитъ, и кто всѣхъ упрямѣе настаиваетъ на своемъ, хотя бы онъ былъ и бѣднѣе и моложе. Если спорятъ между собою слишкомъ долго, то дѣло рѣшается или жеребьемъ, или большинствомъ голосовъ. Кромѣ *десятскаго* есть еще въ каждой деревнѣ *пятидесятскій*. *Десятскій* чередуется по числу душъ, а *пятидесятскій* избирается на одинъ годъ. *Десятскій* наряжаетъ подводы, отводитъ квартиры, собираетъ сходы, а *пятидесятскій* наблюдаетъ за исправностію изгородей и чистотою дорогъ. *Десятскій* и *пятидесятскій* имѣютъ право наказывать крестьянина, за полное непослушаніе, нѣсколькими ударами палки или наложеніемъ лишнихъ подводъ.

Пока дѣти въ дѣтскомъ или юношескомъ возрастѣ, отцы и матери, въ особенности послѣдніе, любя ихъ, безнаказанно прощаютъ имъ глупости, грубости и даже дерзости. До шестнадцати лѣтъ дѣтей почитаютъ глупыми и несмысленными; въ это время наказывать ихъ за какіе бы то ни было проступки, крестьяне почитаютъ жестокостію и грѣхомъ. Дѣлятся между собою тѣ братья, которые не имѣютъ родителей, и большею частію потому, что братъ брата не слу-

шаетъ; чаще же изъ-за женъ, которыя бранятся между собою, и изъ-за малолѣтнихъ дѣтей, которыя, играя, нерѣдко между собою дерутся. Приступая къ раздѣлу, сперва молятся Богу, потомъ разрѣзають ковригу хлѣба на столько частей, на сколько домовъ дѣлятся. Это знакъ, что дѣлятся однажды навсегда и что уже болѣе не намѣрены сходиться въ одно мѣсто, какъ отрѣзанный ломоть не пристаётъ болѣе къ хлѣбу. Затѣмъ дѣлятъ имѣніе на равныя части, равняютъ старые дома съ новыми и бросаютъ жеребій, кому гдѣ жить, и кому что получить. Мать беретъ изъ имѣнія что ей угодно, и живетъ съ тѣмъ изъ сыновей, съ которымъ хочетъ. Сестра получаетъ почти одинаковую часть съ братомъ. Крестьянское приданое составляетъ одинъ, два, много три русскихъ золотыхъ.

При покупкѣ лошадей, покупатель беретъ отъ продавца поводъ узды, а при покупкѣ коровы или овцы — веревку, привязанную за рога животнаго, и непременно изъ полы въ полу, чтобы купленный скотъ благополучно жилъ у купившаго. Еще беретъ и ломоть хлѣба съ солью, чтобы животное служило на хлѣбъ да на соль, на добро-здоровье. Наконецъ, купившій удерживаетъ изъ цѣны одну или двѣ гривны на поводъ. При покупкѣ и продажѣ вещей въ долгъ, крестьяне заключаютъ между собою письменныя условія, являютъ ихъ въ волостное правленіе, а на совѣсть не полагаются. Да и дѣйствительно, въ простодушіяхъ правды очень мало; интересъ выше совѣсти. — Повинности денежныя и натуральныя раскладываются самими крестьянами по количеству владѣемой земли и отправляются ими по тому же расчету.

ПРАВИДЕННОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ.

Здѣшніе крестьяне всегда охотно дѣлаютъ то, къ чему они издавна привыкли и всегда все дѣлаютъ такъ, какъ они прежде дѣлали. Все новое или по крайней мѣрѣ переименованное, даже самое полезное, для нихъ весьма тягостно и непріятно. Сами они не придумываютъ, да и не хотятъ придумать для себя новое и лучшее, подъ тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, чтобы не показаться хитрецами, которые своими выдумками какъ будто хотятъ перемѣнить Божію волю.

Грамотныхъ крестьянъ очень не много, да и тѣ плохо разумѣютъ грамоту, ибо учатся у крестьянъ же, или у отставныхъ солдатъ. Но грамотный крестьянинъ думаетъ о себѣ очень много; онъ готовъ толковать и такія книги, которыхъ самъ не понимаетъ, и часто даетъ словамъ толкованіе превратное или одностороннее.

Къ числу добрыхъ качествъ крестьянъ нашего округа должно отнести набожность: по воскресеньямъ они довольно охотно ходятъ въ церковь, но рѣдко въ праздничные дни, бывающіе на недѣлѣ, хотя бы случился и дванадесятый праздникъ. Въ дни Св. Пасхи, до принятія образовъ въ дома, не пьянствуютъ. Парни и дѣвки, вмѣсто пѣсенъ, поютъ въ эти дни Христосъ воскресъ. Жаль только, что такое благочестивое воздержаніе не соблюдается въ храмовые праздники.

Все недостатки и пороки здѣшнихъ крестьянъ, частое употребленіе неприличныхъ словъ, упорная привязанность къ предрассудкамъ и другіе, объясняются грубымъ невѣжествомъ.

ПАМЯТНИКИ.

Въ архивѣ нашей церкви найдены мною старинныя тетради, копіи съ межевыхъ дозорныхъ книгъ Тверскаго уѣзда, дозора Ѳедора Вельяминова, да подъячаго Алексѣя Михайлова 7122 года (1614). Этѣ копіи писаны въ 1739 году октября 15 дня, а октября 24 справлены Осѣемъ Бухваловымъ. Изъ нихъ видно, что по приправочнымъ книгамъ письма и мѣры «Ооонася Загрязсково да подъячева Ждана Степанова», въ 7102 году (1594) было много монастырей, селъ, сельцевъ и деревень, которыя теперь уже не существуютъ, а сохранились только названія тѣхъ мѣстъ и признаки прежнихъ селеній: пруды, колодези, ямы и т. п. Нѣкоторыя изъ этихъ селеній заустѣли отъ Литовскаго разоренія въ 1611, 1612 и 1613 годахъ, жители же ихъ побиты и пожжены и въ полонъ пойманы; а другія селенія заустѣли отъ мору и лихолѣтя.

Около нынѣ существующаго села Городни были монастыри: Александровъ. Объ немъ нѣтъ никакихъ подробностей.

Петровскій. При немъ было 56 четвертей земли; сошнаго письма полъ - полъ - трети сохи.

Троицкій. Ему принадлежало земли 57 четвертей; сошнаго письма полъ - полъ - трети сохи.

Противъ Городни, за Волгой, былъ монастырь Видогоцкій во имя Аѳанасія Александрійскаго. У него земли 24 четверть; сошнаго письма полъ - полъ - полъ - четверти сохи.

Въ Городнѣ, кромѣ нынѣ существующей церкви Рождества Пресвятыя-Богородицы, бывшей тогда соборною, была еще церковь Воскресенія Христова. При ней земли 22 четверти; сошнаго письма полъ-полъ-четверти сохи и четверикъ пашни.

Въ нашемъ же округѣ былъ монастырь Благовѣщенскій Большіе Перемѣры, на рѣкѣ на Волгѣ, на устьѣ рѣчки Перемѣрки. Въ немъ была церковь деревянная, шатромъ верхъ; въ 7136, т. е. 1628 году службы въ церкви уже не было. Другая церковь была во имя Николая Чудотворца. При монастырѣ было 417 четвертей земли; сошнаго письма полъ-сохи и полъ-четверти сохи.

Егорьевскому монастырю Меньшіе Перемѣры (о церкви извѣстія нѣтъ) принадлежало 34 четверти земли; сошнаго письма полъ-полъ-полъ-трети сохи.

Село Лукино, а нынѣ деревня Лукина, состоитъ въ моемъ приходѣ. Оно первоначально принадлежало роду Давыдовыхъ. Въ 1561 году Василій да Давыдъ Андреевы, дѣти Давыдовы, дали всю свою вотчину, а въ томъ числѣ и село Лукино, въ Троицкій Сергіевъ монастырь. Въ 1592 году оно было селомъ самостоятельнымъ. Церковь въ селѣ была деревянная, построена «кльцки»; въ ней были два престола: главный во имя Воскресенія Христова, а другой — во имя Николая Чудотворца. Престолы въ ней были разорены отъ Литовскихъ людей. Въ 1614 году церковь была уже безъ службы, безъ попа, дьячка, пономаря и просвирницы. Земли при церкви было 5 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ. Въ этомъ году было 5 дворовъ, изъ нихъ одинъ крестьянскій, одинъ бобыльскій, а три пустыхъ, потому что домохозяева «збредли кормиться по міру». Въ живущемъ полъ-полъ-четверти выти. Мѣсто, гдѣ былъ погостъ, можно отличить и теперь.

Село Ведерниково, нынѣ деревня Ведерня, въ моемъ же приходѣ. Оно издревле принадлежало Троицкому монастырю. Въ 1592 году оно было селомъ, и разорено отъ Литовскихъ

людей. Въ 1614 году Тверской дозоръ Федоръ Вельяминовъ называетъ его только сельцомъ. Въ 1631 году оно называется только деревнею, причисленною къ приходу нашего села. Въ Ведерниковъ было монастырской земли 33 четверти съ осминою въ полъ, а въ дву потомужъ. После Литовскаго разоренія въ ней было три двора, изъ нихъ одинъ крестьянскій, а два бобыльскіе. Нынѣ нѣтъ уже никакихъ остатковъ бывшаго села.

Село Федосово, нынѣ деревня Федосова, въ приходѣ села Косминскаго. Это село издревле принадлежало къ Троицкому Сергіеву монастырю. Храмъ былъ во имя Рождества Іоанна Предтечи; церковь деревянная, шатромъ верхъ. Въ церкви образа, и книги, и ризы, и всякое строеніе церковное были Троицкаго монастыря. Престолъ разоренъ отъ Литовскихъ людей. Въ 1614 году церковь была уже ветха и стояла безъ пѣнія. При ней былъ монастырскій дворъ, который сожженъ Литовцами. Три двора священно-церковно-служительскіе: попа Федора, пономаря и просвирицы, были пусты, потому что попъ и пономарь жили въ сельцѣ Косминскомъ. При селѣ Федосовѣ было монастырской земли 57 четвертей, церковной 8 четвертей въ полъ, а въ дву потомужъ. Нынѣ въ деревнѣ Федосовѣ стоитъ часовня, въ которой иногда бываетъ служба.

Въ городѣ Твери, за соборною церковію, за алтаремъ, былъ монастырь Аѳанасьевскій, у котораго земли было 40 четвертей; сошнаго письма полъ-полъ-четверти сохи.

Въ Твери же былъ монастырь Михайловскій, у котораго земли было 66 четвертей; сошнаго письма полъ-четверти сохи.

Въ Твери же былъ еще монастырь Тресвятскій за Тьмакою. Къ нему принадлежало село Всеславское, гдѣ была церковь во имя Пророка Іліи. Ему принадлежало земли 142 четверти; сошнаго письма полъ-четверти и полъ-полъ-четверти сохи.

Въ Твери же были церкви:

1. Преображеніе Спасово что въ Твери, соборная церковь; имѣла земли 266 четвертей; сошнаго письма треть и полъ-полъ-полъ-трети сохи.

2. Іоанна Предтечи, что въ Твери подъ колоколы; земли 14 четвертей.

3. Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы; земли у ней было 49 четвертей; сошнаго письма полъ-полъ-четверти сохи.

4. Аознася Александрійскаго, что въ Твери на песку; земли 8 четвертей.

5. Михаила Архангела, что во Твери на сънной; земли 25 четвертей; сошнаго письма полъ-полъ-полъ-четверти сохи.

6. Бориса и Глѣба, да Іакова брата Господня по плоти, земли 25 четвертей; сошнаго письма полъ-полъ-полъ-четверти сохи.

7. Іоанна - Богослова, что во Твери за Тьмакою; земли 33 четверти; сошнаго письма полъ - полъ - полъ - трети сохи.

8. Александра Свирскаго, что во Твери у Спаса въ придѣлѣ; земли 54 четверти; сошнаго письма полъ-полъ-трети сохи.

Монастыри, въ Тверскомъ уѣздѣ существовавшіе:

Вершинскій. За нимъ состояло 458 четвертей; сошнаго письма полъ сохи и полъ-трети сохи.

Яминскій монастырь на рѣкѣ Волгѣ, да на устьѣ рѣчки Белеутовки. Земли 298 четвертей, сошнаго письма треть и полъ-полъ-трети сохи.

Строганскій (нынѣ село Астраганецъ), на рѣкѣ Шошѣ; а въ немъ деревянный храмъ Успенія Пресвятыя Богородицы, а другой Воскресенія Христова; земли 348 четвертей, сошнаго письма треть и полъ-четверти сохи.

Михайловскій на рѣкѣ Шошѣ, имѣлъ земли 175 четвертей; сошнаго письма четверть сохи.

Дудинъ на Шошѣ, а въ немъ церковь Николая Чудотворца; земли 77 четвертей; сошнаго письма полъ-четверти сохи.

Савинъ имѣлъ 263 четверти земли.

Димитрія - Селунскаго монастырь на рѣкѣ Инюхѣ; сошнаго письма треть и полъ-полъ-полъ - трети сохи.

Въ Тверскомъ уѣздѣ существовали въ 1627 году церкви:

Архіепископа Тверскаго вотчина, село Старый-Погостъ; земли 252 четверти; сошнаго письма треть сохи.

Рождество Пресвятыя-Богородицы, что на Городнѣ, соборная церковь, да придѣлъ Іоанна-Предтечи, каменная, строенье Великаго Князя Бориса Александровича Тверскаго. А въ церквахъ образа и всякое строеніе церковное Великаго Князя Бориса Тверскаго. Земли 38 четвертей; сошнаго письма

поль - поль - четверти сохи. За Волгой противъ Городни былъ садъ Великихъ Князей.

Погость Городище на Шошѣ, а въ немъ храмъ Николая Чудотворца; земли имѣлъ 13 четвертей.

Сельцо Косминское, нынѣ село Косминское, на рѣкѣ Иноги. Царь Борисъ далъ его къ Пресвятой - Богородицѣ въ дѣвичій монастырь, что въ Московскомъ уѣздѣ подъ Троицкимъ монастыремъ, подъ Сосенками. Земли 319 четвертей; сошнаго письма треть и поль - поль - поль - трети сохи.

Изъ копій, между прочимъ, видно, что количество земли измѣнялось тогда посявомъ, число жителей — вытими. Подать платилась по количеству посява. Межеваніе производилось при постороннихъ же свидѣтеляхъ и производилось такъ: «отъ NN, деревни межею къ ямѣ, а отъ ямы къ дубу, а на немъ грань; а отъ дуба къ березѣ, а на ней грань, а отъ березы къ можжевельному кусту, а отъ куста къ двумъ камнямъ, а отъ двухъ камней къ одному большому камню» и т. д. Ямы были очень рѣдки.

БЫТЬ КРЕСТЬЯНЪ

ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНІИ

НИЖНЕДВѢЦКАГО УѢЗДА.

(Старшаго Учителя Воронежской Гимназіи П. Малыхина).

ВВЕДЕНІЕ.

Воронежская губернія населена выходцами изъ другихъ губерній, и потому здѣшніе жители мало имѣютъ единства въ языкѣ, одеждѣ, повѣрьяхъ и обычаяхъ. Даже сосѣднія между собою селенія представляютъ въ этомъ отношеніи много отличій другъ отъ друга. Здѣсь есть, особенно между помѣщичьими крестьянами, переселенцы изъ Великороссійскихъ губерній, рѣзко отличающіеся отъ общей массы населенія цѣлой губерніи своимъ нарѣчіемъ; есть выходцы изъ губерній Малороссійскихъ, сохранившіе свои отличительныя черты не только въ языкѣ, но и въ образѣ жизни и въ одеждѣ. Большая-же часть жителей Воронежской губерніи имѣетъ сходство между собою, по крайней мѣрѣ по наружному виду и языку; это какъ будто особенная отрасль русскаго племени, занимающая средину между Великороссіянами и Малороссіянами. Эта господствующая часть населенія цѣлой губерніи составлялась изъ разныхъ ма-

стеровыхъ и военныхъ людей, а также изъ дѣтей боярскихъ. Изъ выписей, дарованныхъ нашими Царями на владѣніе землею, видно, что здѣшнія мѣста заселены, большею частію, при Государѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Въ царствованіе Петра I переселено сюда много стрѣльцовъ, матросскихъ семействъ, разнаго рода рабочихъ людей и дѣтей боярскихъ, отказавшихся отъ правлять военную службу и указомъ Государя Петра I обращенныхъ въ податное состояніе. Изъ всей этой разнородной массы населенія образовалось одно цѣлое — *однодворцы*, которые сохраняли это названіе до учрежденія Министерства Государственныхъ Имуществъ; но съ этого времени ихъ стали называть *государственными крестьянами*. Они во многихъ отношеніяхъ имѣютъ свои типическія черты, на-примѣръ въ языкѣ, нравахъ и повѣряхъ. Ихъ движенія вялы, разговоры грубы, съ виду они, кажется, не обладаютъ большими умственными способностями; въ самомъ же дѣлѣ они не лишены ихъ. Малороссіяне называютъ эту отрасль русскихъ не Москотями, какъ они обыкновенно величаютъ Великороссіянъ, а занятымъ у Поляковъ именемъ — *цапами*, то-есть козлами или козлиными бородами.

Не имѣя возможности сдѣлать общій очеркъ всѣхъ жителей Воронежской губерніи, я, какъ уроженецъ Нижнедѣвицкаго уѣзда, ограничусь описаніемъ одного этого уѣзда, болѣе другихъ мнѣ известнаго.

Нижнедѣвицкій уѣздъ граничитъ съ Курскою губерніею; онъ прилежитъ на югѣ къ Новооскольскому и Коротоякскому уѣздамъ, на западѣ граничитъ съ Старооскольскимъ уѣздомъ, на сѣверѣ — съ уѣздомъ Землянскимъ, а на востокѣ — съ Воронежскимъ. Положеніе земли въ немъ довольно гористое и имѣетъ общій склонъ къ Азовскому Морю, что видно изъ теченія рѣчекъ, которыя получаютъ здѣсь свое начало и текутъ или прямо въ Донъ, или впадаютъ чрезъ посредство рѣки Оскола въ Донецъ. Рѣчки, орошающія земли Нижнедѣвицкаго уѣзда, суть: *Боровая - Потудань*, берущая свое начало изъ логовъ близъ деревни Потудани, принимаетъ въ себя слѣва *Скупую - Потудань* и *Скрупушку*, а справа *Грязную - Потудань*, которыя соединяются съ нею недалеко отъ села Ростошей и текутъ подъ общимъ названіемъ

Потудани до впаденія въ Донъ въ Коротоякскомъ уѣздѣ, принимая еще въ себя слѣва рѣчку *Дльвичку*. Рѣчка *Котелъ* начинается въ деревнѣ Терновой, но русло ея или логъ, носящій названіе Котла, идетъ гораздо выше, хотя находящіяся на этомъ логѣ села: Хорошилово, Архангельское, Дмитревское и деревня Чужикова не имѣютъ проточной воды, которая заволочена пескомъ. *Котелъ*, по принятіи въ себя рѣчки *Бровца* въ селѣ Городищѣ, течетъ въ Старооскольскій уѣздъ, гдѣ и впадаетъ въ Осколь. Рѣчка *Убли* беретъ свое начало выше села Подболотнаго, и протекая небольшое пространство, за селомъ Тереховымъ поворачиваетъ въ Старооскольскій уѣздъ, гдѣ и впадаетъ въ Осколь близъ деревни Незнамовой. Рѣчки: *Быстрикъ* и *Оломи*, орошая западную сторону уѣзда, впадаютъ въ рѣчку *Геросимъ*, текущую въ Осколь. Рѣчка *Дльница*, на которой стоитъ городъ Нижнедѣвицкѣ, и рѣчка *Хоколъ* текутъ на сѣверо-востокъ и впадаютъ въ Донъ верстахъ въ пятнадцать отъ города Воронежа.—Почва земли Нижнедѣвицкаго уѣзда болѣе черноземная, только въ мѣстахъ по рѣчкѣ Котлу песчаная и часто неудобная для земледѣлія. Лѣсовъ въ прежнее время было очень довольно, но теперь большая часть ихъ вырублена; впрочемъ въ селѣ Городищѣ есть довольно значительное пространство хорошаго лѣсу, принадлежащаго казенному вѣдомству.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Гидрографическое описаніе Нижнедѣвицкаго уѣзда, помѣщенное выше, не совсѣмъ согласно съ другими данными, и, сколько можно судить по послѣднимъ, не довольно полно. Автору кажется ближе были знакомы южная и западная части описываемаго уѣзда, чѣмъ восточная и сѣверная. По крайней мѣрѣ на картѣ Шуберта и по нѣкоторымъ другимъ свѣдѣніямъ, гидрографія Нижнедѣвицкаго уѣзда представляется въ такомъ видѣ:

Всѣ рѣчки, ручьи и овраги, находящіеся въ этомъ уѣздѣ, принадлежатъ къ системамъ рѣкъ: *Геросима*, *Убли*, *Котла*,

Потудани, двухъ *Дѣвицъ* (которыя въ книгѣ *Большомъ-Чертежѣ* называются *Смердячей* и *Красной*) и *Олыма*. Первые три вытекаютъ изъ *Нижнедѣвицкаго уѣзда* на западъ и впадаютъ въ *Осколь*; три слѣдующія текутъ на востокъ и вливаются въ *Донъ*; наконецъ *Олымъ* течетъ на сѣверъ и втекаетъ въ *Быструю-Сосну*. Самыя значительныя изъ исчисленныхъ рѣкъ по пространству, занимаемому ихъ притоками въ *Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ*, суть: *Убля*, *Потуданъ* и *Дѣвица* (на которой стоитъ уѣздный городъ); *Олымъ* въ С.-З. углу уѣзда, *Геросимъ* въ З., *Котель* въ Ю.-З. и наконецъ *Красная-Дѣвица* въ Ю.-В., занимаютъ, сравнительно, гораздо меньшее пространство. *Геросимъ* принимаетъ въ себя, съ правой стороны, на границѣ *Нижнедѣвицкаго уѣзда*, рѣчку *Боровку*, а съ лѣвой два притока, которые на картѣ *Шуберта* не названы. Можетъ быть это *Оломъ* и *Быстрикъ*, упоминаемые г. *Малыхинымъ*; ибо на одномъ изъ этихъ притоковъ находится деревня *Быстрикъ*. — О теченіи рѣки *Убли* свѣдѣнія несогласны между собою. Г. *Малыхинъ* говоритъ, что она беретъ начало выше села *Подболотнаго*, которое на картѣ *Шуберта* названо *Дмитріевкой*. Между тѣмъ на означенной картѣ, гораздо выше этого села на сѣверъ, на почтовой дорогѣ изъ *Нижнедѣвицка* въ *Старый-Осколь*, есть селцо *Убленскіе-Лѣски*, земли которой, а равно и сосѣдней съ ней деревни *Безовки*, и должно, кажется, считать мѣсто рожденіемъ *Убли*, тѣмъ болѣе, что истоки этой рѣчки по картѣ восходятъ до этихъ мѣстъ. Разныхъ рѣчекъ, впадающихъ въ *Ублю* въ *Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ*, на картѣ показано семь, не говоря о притокахъ къ симъ послѣднимъ. Изъ этихъ рѣчекъ должно назвать: *Ровенки*, *Милавку* или *Меловку* и *Гнилю*. — Рѣка *Котель*, кромѣ *Боровца*, который названъ на картѣ *Шуберта* *Котельной-Платой*, принимаетъ въ себя еще слѣва два притока и одинъ притокъ справа. — Рѣка *Потуданъ*, судя по картѣ *Шуберта*, описана у г. *Малыхина* тоже не совсѣмъ вѣрно. Она беретъ начало въ *Новооскольскомъ уѣздѣ*, близъ деревни *Волотово* и протекая по южной границѣ *Нижнедѣвицкаго уѣзда*, выходитъ въ *Коротоякскій уѣздъ* и впадаетъ въ *Донъ*. *Грязной* она не называется. Названіе это, на картѣ *Шуберта*, присвоено деревнѣ, стоящей на *Потудани*, близъ границы *Новооскольскаго* и *Коротояжскаго уѣздовъ*. Какъ бы

то ни было, Потудань принимаетъ въ себя съ лѣвой стороны *Скупую-Плату*, потомъ *Боровую-Потудань*, далѣе *Сухую-Потудань* и еще двѣ безымянныя рѣчки, которыя берутъ начало въ южной оконечности Нижнедѣвицкаго уѣзда, но вскорѣ вытекаютъ въ Коротоякскій уѣздъ и уже тамъ впадаютъ въ Потудань. Можетъ-быть одну изъ этихъ рѣчекъ называетъ г. Малахихинъ *Дѣвицкой*. *Скрупушка* также не значится на картѣ; хотя въ Боровую-Потудань слѣва и впадаютъ четыре рѣчки, но онѣ не названы. Наконецъ, должно еще замѣтить, что въ Боровую-Потудань справа впадаетъ *Мокрал-Плата* и что множество малыхъ рѣчекъ вливаются въ притоки Потудани, съ которыми она занимаетъ, безъ малаго, цѣлую половину Нижнедѣвицкаго уѣзда. — Красная-Дѣвица и четверо изъ ея притоковъ текутъ по Нижнедѣвицкому уѣзду, и въ этомъ же уѣздѣ вливаются въ нее, исключая одного, который соединяется съ нею въ Коротоякскомъ уѣздѣ. Имени этихъ притоковъ на картѣ не означено. Послѣдній, впадающій въ Красную-Дѣвицу, кажется, называется *Сухую-Россошью*. — Рѣка Дѣвица, на которой стоитъ уѣздный городъ, занимаетъ съ притоками почти четвертую часть всего уѣзда. Въ нее впадаютъ по картѣ Шуберта: съ правой стороны, въ Воронежскомъ уѣздѣ, *Еманца*, съ притокомъ своимъ *Сухую-Еманцею* и *Россошки*, а слѣва *Першинъ*, *Ольшанка*, *Туровка* и *Лохоль*; послѣдній не впадаетъ прямо въ Донъ (какъ можно было бы заключить изъ словъ г. Малахихина). Кроме того есть у Дѣвицы и другіе притоки. — Наконецъ, Олымъ беретъ начало въ Землянскомъ уѣздѣ, потомъ переходитъ въ Нижнедѣвицкій и течетъ по 3. границѣ его, до выхода снова въ Землянскій уѣздъ. Въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ онъ принимаетъ въ себя четыре притока: одинъ съ лѣвой стороны и три съ правой. Двое изъ послѣднихъ называются *Лебяжимъ* и *Ломскимъ*; названіе остальныхъ двухъ на картѣ не показано.

Не смотря на неполноту и, по-видимому, неточность приведеннаго выше гидрографическаго описанія Нижнедѣвицкаго уѣзда г. Малахихина, оно оставлено безъ всякихъ измѣненій; ибо только ближайшее изслѣдованіе на мѣстѣ можетъ разрѣшить окончательно, какія свѣдѣнія объ этомъ предметѣ заслуживаютъ большаго вѣроятія и въ какой мѣрѣ.

Картину домашнего быта поселнина Нижнедѣвицкаго уѣзда нельзя назвать разнообразною. Жилище его — деревянная, большею частію курная изба, которая рѣдко обмазывается глиною даже снаружи, а внутри почти никогда. Внутренность ея отъ всегдашняго дыма бываетъ закопчена чрезвычайно, такъ что сажа нарастаетъ толстымъ слоемъ, и ее по временамъ обметаютъ метлами. Въ этой дымной атмосферѣ люди живутъ часто большими семействами, очень счастливо, и до того свыкаются съ своею жизнью, что мало тяготеютъ ею и не заботятся объ улучшеніи своихъ жилищъ; но надобно имѣть большую привычку и весьма крѣпкую голову, чтобъ переносить духоту этихъ нечистыхъ и неопрятныхъ обиталищъ, особенно зимою, когда къ людямъ присоединяются на жительство разныя домашнія животныя, въ предохраненіе отъ холода. Правда, у болѣе зажиточныхъ поселнянъ, кромѣ черной избы, бываетъ черезъ стѣни такъ-называемый *обѣдникъ*, то-есть бѣлая изба, по большей части однакожь холодная; но бѣдняки довольствуются самымъ тѣснымъ помѣщеніемъ, которое они раздѣляютъ въ зимнее время съ молодыми четвероногими, а весною съ разнаго рода домашними птицами. Не должно впрочемъ думать, чтобъ здѣшніе мужики вовсе не понимали выгодъ удобнаго помѣщенія и лучшаго устройства жилищъ; многіе изъ нихъ ясно видятъ все неудобство своихъ курныхъ избъ и охотно бы замѣнили ихъ бѣлыми, но недостатокъ въ лѣсѣ и бѣдность заставляютъ ихъ терпѣть всякаго рода неудобства и лишения. Теперь однакожь у нѣкоторыхъ зажиточныхъ государственныхъ крестьянъ можно найти бѣлыя избы, содержащія съ большою опрятностію. Жилища помѣщичьихъ крестьянъ представляютъ также несравненно лучший видъ: избы почти вездѣ бѣлыя, обмазанныя глиною внутри и снаружи и построенныя въ порядкѣ, а не разбросанно, какъ у государственныхъ крестьянъ.

Прибавить должно, что непремѣнными и всегдашними обитателями крестьянскихъ избъ бываютъ еще прусаки и тараканы. Эти несносныя насекомыя до такой степени въ нихъ размножаются, что покрываютъ потолокъ и стѣны, особенно ночью. При всей осмотрительности, хозяйка рѣдко можетъ уберечь отъ прусаковъ горшокъ со щами, или

квашню съ хлѣбомъ. Случается, что прусаки залѣзаютъ соннымъ въ уши и причиняютъ чувствительную боль; но крестьяне такъ привыкаютъ жить съ прусаками и тараканами, что даже не обращаютъ большаго вниманія и на то, если они, во время ночи, объѣдаютъ носъ и щеки грудному ребенку, и даже взрослому, когда ему случится намазать лицо саломъ. Тараканами здѣшніе поселане даже не гнушаются и не истребляютъ ихъ, потому ли, что они не такъ докучливы, или по суевѣрному предразсудку, будто бываетъ счастье тому дому, гдѣ они живутъ.

Избы у государственныхъ крестьянъ по большой части строятся на дворъ и притомъ въ большомъ безпорядкѣ. Улицы и переулки необыкновенно тѣсны, такъ что въ иныхъ невозможно разѣхаться двумъ телѣгамъ; отъ такой тѣсноты воздухъ въ переулкахъ всегда бываетъ спертъ, а весною и осенью на улицахъ невылазная грязь, до того, что нѣтъ никакой возможности ни пройти, ни проѣхать. По неблагодарному своему, крестьяне валяютъ на улицу навозъ и всякую нечистоту, думая тѣмъ исправить дорогу, но чрезъ это дѣлается еще большая топь, въ которой вязнуть люди и скотъ. При всей очевидности, что тѣсное поселеніе мѣшаетъ удобству сообщеній, а въ случаѣ пожара не представляетъ никакой возможности къ спасенію, крестьяне при новыхъ постройкахъ точно также лѣпятся другъ около друга.

Дворъ у крестьянина огораживается плетнемъ, надъ которымъ дѣлаются соломенные крыши для сараевъ, ворковъ, овчаренъ и другихъ домашнихъ помѣщеній. Гумно и огороды обносятся валомъ изъ соломы, земли и хворосту. Внутри двора, нѣсколько поодаль отъ избы, ставятся *пунки* (чуланы), рубленные или плетенные изъ хворосту; ихъ можно назвать мужицкими кабинетами: тамъ спятъ лѣтомъ, а часто и зимою подъ суконными попонами и тулупами мужья съ женами, особенно молодые. Здѣсь хранится личная собственность супруговъ и прячется все, что можетъ возбудить зависть въ братьяхъ, невесткахъ, или досаду въ кропотливомъ свекрѣ и въ ворчунѣ-свекрови. Во многихъ дворахъ можно найти колодцы, но они содержатся въ большой неопрятности. Вообще крестьяне дурно смотрятъ за ключами и источ-

никами воды; они не только не расчищают ихъ, а напротивъ засоряютъ всякаго рода нечистотою и оттого пьютъ нездоровую воду.

Внутренность крестьянской избы имѣетъ слѣдующій видъ: вокругъ стѣнъ внизу устроены лавки для сидѣнья; вверху — полки для кухонной посуды; въ углу подъ образами столъ, въ которомъ кладутся хлѣбъ, солонка, ложки, ножъ и деревянная чашка; около печи, въ параллель съ нею, или еще нѣсколько повыше, придѣлываются полати, — наслажденіе русскаго мужичка; отсюда выглядываютъ головы ребятишекъ со всклокоченными волосами и съ глазами красными отъ тѣкаго дыма, выживающаго ихъ изъ мѣста ночнаго успокоенія; между полатами и поломъ устраивается еще для сна помость въ родѣ кровати. Печь дѣлается не изъ кирпича, а изъ глины, которую сбиваютъ въ плотную массу особенными колотушками, называемыми *чекмарями*. Это бѣдное жилище зимою освѣщается иногда ночникомъ, а чаще древесною лучиною, или вымоченнымъ чернобильникомъ и толстой коноплею. Вокругъ лучины горячей съ трескомъ, женщины садятся прѣсть или шить, а мужчины плестъ лапти, исправлять упряжь или шить кафтаны, полушубки, и т. п.

Домашняя утварь у здѣшняго поселенина состоитъ изъ скамеекъ и табуретовъ о трехъ ножкахъ, самой грубой работы; иногда же, вмѣсто стула, употребляется просто отрубокъ дерева. Столовая посуда по большей части деревянная, крашеная и покрытая лакомъ: миска или блюдо, тарелка, нѣсколько ложекъ, половникъ и солонка — составляютъ постоянную принадлежность крестьянскаго стола. Ножъ столовый почти всегда одинъ; въ ножахъ и вилкахъ крестьяне не имѣютъ нужды, потому что берутъ мясо руками. Кухонная посуда состоитъ изъ нѣсколькихъ горшковъ разной величины, одного или двухъ чугуновъ, одной или двухъ сковородъ съ принадлежащими къ нимъ ухватами, кочергою и *чапельникомъ*. Для ношенія воды употребляютъ ушаты, ведра и большіе глиняные кувшины, а для питья черпаютъ воду желѣзными или деревянными *корцами*, небольшими кувшинчиками или деревянными чашечками. Около печи обыкновенно стоитъ *дежа* для печенія хлѣбовъ, а подъ лавками кадочка съ квасомъ и плетушки для сажанія птицъ на яйца. Вотъ

всѣ принадлежности крестьянской избы, въ которой полъ рѣдко бываетъ мощеный, а обыкновенно земляной, впитывающій въ себя всякую сырость, и издающій не совсѣмъ пріятный запахъ.

Казалось бы, такое жилище должно вредно дѣйствовать на здоровье его обитателей? ни чуть не бывало. Въ этой дымной и сырой избѣ рождаются и вырастаютъ крѣпкіе и здоровые люди. Иные изъ нихъ живутъ часто до ста лѣтъ, а до восьмидесяти очень многіе. Должно думать, что дымъ, который густымъ облакомъ стелется по избѣ, когда ее топятъ, способствуетъ къ очищенію зараженнаго нечистотою воздуха и предохраняетъ крестьянъ отъ его вреднаго вліянія.

Пища крестьянъ въ здѣшнихъ мѣстахъ болѣе или менѣе различна, смотря по времени года. Въ зимній постъ она бываетъ самая грубая: кислая капуста съ квасомъ, лукомъ и солеными огурцами; рѣдька тертая съ квасомъ или наръзанная кусками, съ солью; картофель съ огурцами и съ квасомъ; горохъ разварной, или обвареный и толченый съ квасомъ, а иногда съ масломъ; каша съ квасомъ, а у болѣе достаточныхъ съ коноплянымъ масломъ. Щи по большей части приготовляются изъ кислой капусты или квашеныхъ буряковъ: не приправленные масломъ, они весьма невкусны; иногда дѣлаютъ сырое сложеное тѣсто и пареное, называемое кулагою, которое ѣдятъ съ большимъ аппетитомъ; или готовятъ изъ овсяной муки *толокно*; также варятъ соломатъ, которую ѣдятъ съ коноплянымъ сокомъ или съ квасомъ. Въ лѣтніе посты, на-примѣръ въ Петровки, варятъ щи изъ *снытки* и свеклы; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ сюда прибавляютъ разныхъ грибовъ, которыми здѣшнія мѣста изобилуютъ. Грибы, употребляемые въ пищу, здѣсь очень различны; важнѣйшіе изъ нихъ слѣдующіе: сморчки, грузди, полугрузди, черные и красные грибы, волвенки, бѣлянки, сыроѣжки, свинухи, говорушки, печерицы, пестрецы, масляники, опенки и нѣкоторые другіе. Изъ пшена или крупъ приготовляютъ жидкую кашу съ грибами, пекутъ пироги изъ ржаной муки съ грибною начинкою; а когда поспѣваютъ земляника (по здѣшнему «пазубникъ») и клубника, то варятъ гречишные вареники съ начинкою изъ этихъ ягодъ. Зеленый лукъ, чеснокъ и молодая рѣдька въ это

время употребляются въ пищу весьма часто. Въ Успенскій постъ обыкновенно ѣдятъ свѣжіе огурцы, дыни, щи изъ свѣжей капусты или свеклы, иногда молодой картофель и кашу. Во время сѣнокоса и уборки хлѣба, въ постные дни, ѣдятъ кашу, иногда *тюрю*, — хлѣбъ, накрошенный въ круто разсоленную воду или квасъ. Само-собою разумѣется, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть рѣки, постная пища разнообразится рыбою и раками, роскошь, которую позволяютъ себѣ не многіе; мужикъ скорѣе повезетъ пойманную рыбу на продажу въ городъ, чѣмъ станетъ употреблять ее въ пищу.

Въ скоромные дни, по буднямъ, крестьяне ѣдятъ щи съ саломъ или съ свѣжиною (свинина), молоко, въ которое крошатъ хлѣбъ, кашу съ саломъ или съ молокомъ, солomату съ молокомъ; въ праздничные дни, лѣтомъ, нѣкоторые рѣжутъ баранчиковъ, поросятъ, куръ, а бѣдняки довольствуются тѣми же щами съ саломъ, яйцами и молокомъ. Есть впрочемъ много такихъ, которые большую часть года ѣдятъ постныя щи и сухой хлѣбъ. Къ годовымъ праздникамъ, особенно къ Рождеству Христову, Свѣтлому Воскресенію, а также къ храмовому празднику выкармливаютъ свиней, бычковъ и разную птицу; большая же часть покупаетъ въ городахъ солонину и говядину только для розговѣнья, а въ прочіе дни остаются при своей обыкновенной ежедневной пищѣ. Нѣкоторые крестьяне лѣтомъ ловятъ перепелокъ, стрѣляютъ дичь, а зимою ловятъ зайцевъ, куропатокъ, бьютъ тетеревовъ, но все это больше для продажи, чѣмъ для собственнаго употребленія. Любимымъ блюдомъ, составляющимъ предметъ угощенія, служатъ яичница съ саломъ или на молокѣ, а на масляницѣ блины и блинцы съ масломъ, сыромъ и сметаною. Изъ овощей на зиму заготавливаютъ особенно капусту, буряки, картофель, рѣдьку, хрѣнъ, огурцы, тыквы, морковь, иногда арбузы; мочатъ груши и яблоки, или сушатъ груши, а яблоки кладутъ въ хлѣбные скирды, откуда достаютъ ихъ уже зимою, когда станутъ молотить хлѣбъ. Лѣтомъ солятъ и сушатъ разные грибы, запасаютъ калину, которую зимою употребляютъ въ пищу, приготовляя изъ нея и изъ муки жидкое тѣсто *кулагу*. Но конечно не многіе поселяне дѣлаютъ такіе обильные запасы; большая часть довольствуется самыми ограниченными заготовленіями.

Въ большихъ семьяхъ между женщинами наблюдается очередь въ приготовленіи пищи, печеніи хлѣбовъ и дѣланіи кваса, который, замѣтимъ кстати, не уваривается и потому называется *сыроецъ*. Во время обѣда и ужина мужики сидятъ за столомъ, а бабы ѣдятъ стоя, очередная же приспѣшница или, какъ здѣсь называютъ, *денищица* обыкновенно вмѣстѣ съ другими не обѣдаетъ, а особо и одна.

Наружность здѣшнихъ поселянъ слѣдующая: ростъ обыкновенно высокій, части тѣла пропорціональныя между собою; лицо по большей части продолговатое, съ нѣсколько выдавшимися скулами; бороды у мужчинъ не очень окладистыя, а клинообразныя, ноги длинныя, плечи широкія, — признакъ крѣпкаго сложенія; волосы обыкновенно темнорусые, а иногда черные и свѣлорусые, глаза обыкновенно сѣрые, и вообще черты лица довольно пріятныя.

Одежда мужчинъ и женщинъ большею частью домашняго приготовленія. Мужики и бабы носятъ по буднямъ толстое посковное бѣлье, обыкновенно очень грязное. По праздникамъ же мужики надѣваютъ льняныя рубашки съ цвѣтными ластовицами, съ строченными *поликами* (оплечьями) и воротниками, или рубашки изъ александрійки, а порты набойчатые или китайчатые. Бабы носятъ рубашки съ миткалевыми или каленкоровыми станками, а тѣ, которыя побѣднѣе — съ льняными станками и съ цвѣтными ситцевыми рукавами, или же съ цѣлымъ пестрымъ ситцевымъ станкомъ и шитымъ подоломъ. Верхняя одежда льтомъ у мужиковъ: по буднямъ — бѣлые изъ овечьей шерсти зипуны, часто всѣ изорванные, а въ праздники — новые сѣрые и черные кафтаны. Женщины въ будни носятъ въ нѣкоторыхъ селахъ юбки изъ *волосени*, крашенныя мареною или червецомъ, а въ другихъ — клѣтчатыя *паневы*, тоже изъ волосени; въ праздники бабы надѣваютъ лучшія суконныя юбки, или паневы, вышитыя гарусомъ или шелкомъ и обшитыя бахромою, а въ нѣкоторыхъ деревняхъ ситцевыя юбки. Женскіе кафтаны въ разныхъ селахъ бываютъ разнаго покроя: въ иныхъ мѣстахъ шьются обыкновенные длинные халаты изъ сѣраго или бѣлаго сукна, окрашеннаго синею краскою; въ другихъ они имѣютъ особенный покрой, похожій на нынѣшнее мужское пальто и называются *шугаями* и *шуппана-*

ми; края воротника, полъ и подола обшиваются бумажною или шерстяною тесьмою. Зимою мужики и бабы носятъ овечьи тулупы и полушубки. На головахъ въ лѣтнее время мужики по буднямъ носятъ кой-какія оборванные шляпенки и шапки; иногда дѣлаютъ себѣ шляпы и картузы изъ ржаной соломы или изъ бѣлаго войлока съ чернымъ околышемъ. Въ праздники, лѣтомъ, они надѣваютъ поярчатые шляпы, которыя убираютъ павлинными перьями, бархатками съ стальными пряжками и мишурнымъ золотомъ, а зимою — высокія шапки, называемыя *кабардинками*. Женщины нѣкоторыхъ селъ въ будни повязываютъ головы льняными косынками, а по праздникамъ — пестрыми кашемировыми, или пунсовыми драдедамовыми платками; въ другихъ же селахъ онѣ носятъ по буднямъ простенькія кички, а по праздникамъ кички, шитыя спереди золотомъ и унизанныя разноцвѣтнымъ бисеромъ съ висячими нитками стекляруса на затылкѣ, а на самой макушкѣ родъ шапочки, которая называется *сорокою*; поверхъ кички набрасывается на голову покрывало изъ кисеи или серпанки. Эти кички стоятъ иногда отъ тридцати до сорока рублей и переходятъ въ наследство отъ матери къ дочери. Дѣвки носятъ синіе или клѣтчатые сарафаны, а на головахъ вѣночки изъ позумента, или шитые золотомъ, съ лентами назади и съ гарусными кисточками на затылкѣ, а въ нѣкоторыхъ деревняхъ дѣвки повязываютъ головы цвѣтными бумажными платками, а въ косу заплетаютъ нѣсколько лентъ; юбки же носятъ цвѣтныя, ситцевыя. Обувь у мужиковъ въ будни — лапти съ онучами, въ праздники — сапоги или коты съ толстыми чулками; у женщинъ въ обыкновенные дни — лапти, а въ праздничные у иныхъ черевики, а у другихъ коты и суконные чулки или онучи. Нѣкоторыя за щегольство считаютъ надѣть пары четыре чулокъ, изъ которыхъ самыя верхніе не подвязываются, а опускаются небрежно по ногамъ; это дѣлается для того, чтобы полнѣе казались икры, что почитается непременною принадлежностію женской красоты. Женщины въ нѣкоторыхъ селахъ подпоясываются очень низко, такъ что весь животъ выставляется впередъ и рубашка на животѣ нарочно выдергивается изъ-подъ паневы и напускается широкими складками; это называется *пазухою*. На шею бабы и дѣвки надѣваютъ монисты изъ разноцвѣтныхъ бисеровъ, также мѣдный

крестъ или образокъ, на шелковомъ или шерстяномъ снуркѣ, называемомъ *гайтаномъ*; крестъ онъ перекидываютъ черезъ плечо на правую сторону.

Повѣрья здѣшняго простаго народа представляютъ много замѣчательныхъ особенностей. Въ праздничные и воскресные дни, какъ мужчины, такъ и женщины, обыкновенно ходятъ въ церковь, одѣвшись въ лучшія свои платья. Но нѣкоторымъ праздникамъ простой народъ оказываетъ здѣсь особенное уваженіе и приписываетъ имъ особенное значеніе; таковы, на-примѣръ: день Св. Власія—апрѣля 18-го и день Флора и Лавра—18-го августа. Въ первый пригоняютъ коровъ, а во второй лошадей къ церкви, во время ранней обѣдни, служатъ молебень и кропятъ ихъ святою водою. Въ день Благовѣщенія пекутъ изъ теста *катушки*, или какъ иные называютъ *копытцы* и даютъ ихъ тѣсть овцамъ, чтобъ предохранить ихъ отъ болѣзней. Въ день Космы и Даміана—1-го ноября, а въ иныхъ мѣстахъ въ праздникъ Женъ Мурносицъ, каждый хозяинъ считаетъ непременною обязанностію рѣзать куръ и готовить изъ нихъ различныя блюда. Іюня 24-го, въ праздникъ Рождества Іоанна Крестителя, между утреннею и обѣднею, ходятъ въ поле и въ лѣсъ собирать травы, которымъ приписываютъ цѣлебную силу. Въ день Кирика и Улиты—іюля 15-го, считается грѣхомъ жать хлѣбъ, и потому въ этотъ день въ поле не ходятъ, боясь видѣній или призраковъ, называемыхъ *маньяками*. На Троицкой недѣлѣ, въ четвергъ, здѣшняя чернь празднуетъ цѣлый день въ честь Кассьяна, котораго особенно чтитъ изъ боязни, чтобъ не случилось какого-либо несчастія. Св. Изосимъ и Савватій почитаются покровителями пчелъ; ихъ изображенія всегда находятся на пчельникахъ, и пчеловоды въ церкви ставятъ предъ ихъ иконою восковыя свѣчи домашняго приготовленія. Большимъ грѣхомъ почитается *мыкать мышки* и прять пряжу въ пятницу, чтобы не оскорбить усопшихъ родителей, которымъ будто бы кострика или *шелуха* конопляная можетъ засорить глаза.

Начало и конецъ полевыхъ работъ сопровождаются также своими обычаями: въ среду на четвертой недѣлѣ Великаго Поста пекутъ изъ теста кресты, съ которыми ѣздятъ засѣвать хлѣбъ. Мужики, пріѣхавши въ поле, сначала обращаются къ востоку, потомъ молятся Богу, и съѣдаютъ сдѣланный изъ теста крестъ,

и уже послѣ того начинаютъ сѣять. Женщины, когда оканчиваютъ уборку хлѣба въ полѣ, оставляютъ на нивѣ нѣсколько колосовъ ржи, которые связываютъ узломъ, чтобъ и на слѣдующій годъ былъ урожай хлѣба. Илья Пророкъ почитается блюстителемъ за уборкою хлѣба; онъ, по мнѣнію простолюдиновъ, катается въ колесницѣ по небу; отъ того-то и бываетъ громъ.

Изъ всего этого видно, какъ еще невѣжественна здѣшняя чернь. Въ обыкновенномъ домашнемъ быту, на каждомъ шагѣ можно встрѣтить суевѣрія и предрассудки; такъ, на-примѣръ, неистребилось вѣрованіе, что въ каждомъ домѣ есть невидимый духъ—домовой, который если полюбитъ хозяина, то все въ домѣ пойдетъ хорошо; не влюбитъ домовой какой скотины, хозяинъ хоть не держи ее: домовой ее замучитъ непременно. Вы ни за что не увѣрите мужика, что онъ самъ сбился съ знакомой дороги; нѣтъ, онъ убѣжденъ, что лѣшій подшутилъ надъ нимъ и что стоило бы только вывернуть на себѣ рубашку на изнанку, нечистая сила тотчасъ бы исчезла. Этотъ лѣшій въ лѣсу кричитъ человѣческимъ, птичьимъ и звѣринымъ голосомъ; онъ аукается и заманиваетъ людей въ непроходимую чащу лѣса, чтобъ посмѣяться надъ ними. Русалки на Троицкой недѣлѣ, по мнѣнію простолюдина, купаются въ рѣкахъ, качаются на деревьяхъ, бѣгаютъ по полю, ловятъ людей и щекочутъ, если поймаютъ, до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не умретъ отъ принужденнаго смѣха. Существованіе вѣдьмъ для него также кажется несомнѣннымъ: онъ охотно вѣритъ, когда ему рассказываютъ, что вѣдьма ночью доить коровъ, превращается въ сороку, въ свинью, въ собаку и пугаетъ человѣка; что ее можно убить только на отмахъ кулакомъ или осиновымъ коломъ. Здѣшній мужикъ расскажетъ вамъ исторію происхожденія медвѣдя, который былъ когда-то человѣкомъ, да вздумавъ подшутить надъ однимъ пустынноикомъ, сталъ за кустомъ и, когда тотъ проходилъ мимо, то онъ внезапнымъ крикомъ испугалъ его, за что и былъ проклятъ и обращенъ въ звѣря. Птица снигирь потому имѣетъ красный zobъ, что однажды въ единоборствѣ снигирь убилъ самца кукушки и обагрилъ себя его кровію. Съ тѣхъ поръ кукушка сдѣлалась горемычною пташечкою, которая всегда печально кукуетъ, а разбойникъ снигирь сохранилъ на перьяхъ своихъ слѣды своего преступленія.

Въ обыкновенныхъ житейскихъ дѣлахъ здѣшніе крестьяне подчиняются многимъ предразсудкамъ. Такъ, когда сажаютъ птицу на яйца, то непременно нужно принести яйца въ шляпѣ или въ шапкѣ, и чтобы выводъ цыплятъ былъ хорошъ, надобно, чтобы никто не видалъ, когда сажаютъ птицу. Если недавно отелившася теленка погладить по спинѣ, то онъ заболѣетъ поносомъ и околѣетъ. Если пересчитать чужую птицу, то она начнетъ дохнуть; если полюбоваться какимъ нибудь животнымъ, или похвалить его, то его можно *съ глазъ съпсть*. Если постороннему посмотреть, какъ баба доить корову, то у коровы пропадетъ молоко и сама корова испортится. Если на ночь вынести соръ изъ избы и выкинуть за порогъ, то скотина во дворѣ начнетъ дохнуть; а потому, если и подметають избу на ночь, то сора изъ избы не выбрасываютъ. Въ праздничный день сосѣдъ сосѣду огня не дастъ, чтобы предохранить свой скотъ отъ падежа. Также, когда въ домѣ родится какое либо домашнее животное, то въ этотъ день не даютъ въ займы ничего, не берутъ чего либо въ замѣнъ. Бываетъ, что курица вздумаетъ закричать по-пѣтушиному; такое обстоятельство предвѣщаетъ бѣду; чтобы отвратить ее, берутъ эту курицу и мѣряютъ ею пространство отъ воротъ до порога избы, оборачивая то хвостомъ, то головою и чѣмъ придется ей лечь на порогъ, то ей и отрубаютъ, но во всякомъ случаѣ въ пищу ее употреблять нельзя. У кого умирали дѣти, тотъ не долженъ ѣсть яблоковъ прежде Преображенія Господня; иначе умершимъ дѣтямъ на томъ свѣтѣ не дадутъ поиграть ни одного яблочка. Если воробей нечаянно влетитъ въ избу, или дятель долбитъ стѣны жилища, или собака воетъ и роетъ яму на дворѣ, или воронъ кричитъ, сидя гдѣ либо на строеніи, — все это принимается за признакъ чьей либо скорой смерти, и только умерщвленіемъ ея предвѣстника можно избѣгнуть неминуемой кончины. Въ нѣкоторыхъ селахъ невѣжественная чернь, въ случаѣ эпидеміи, прибѣгаетъ къ суевѣрному обыкновению *опахивать смерть*. Съ вечера собираются дѣвки, вдовы и замужнія женщины въ однихъ рубашкахъ, съ распущенными волосами, держа въ рукахъ что либо, могущее издавать звукъ; берутъ соху, впрягаютъ въ нее беременную женщину, а управлять сохою даютъ дѣвкѣ, рѣшившейся нейти замужъ; прочія дѣв-

ки помогаютъ тащить соху, вдовы набираютъ песку и разсывають его по проведенной бороздѣ. Эта процессія обходитъ ночью вокругъ села со звономъ въ косы, чугуны и другія звучащія вещи. Вотъ слова, которыми заклиняютъ смерть:

Вотъ диво, вотъ чудо:

Дѣвки пашутъ,

Бабы песокъ разсывають.

Когда песокъ взойдетъ,

Тогда къ намъ смерть придетъ.

Всего хуже въ этомъ суевѣрномъ обычаѣ то, что неистовая и безмысленная толпа съ остервенѣніемъ бросается на все, что попадется ей на пути, и старается уничтожить; если встрѣтится человѣкъ, то его избьютъ до полусмерти, а животныхъ убиваютъ и разрываютъ на части.

Предразсудки встрѣчаютъ простолюдина со дня его рожденія. Когда роженица долго мучится родами, то, чтобы помочь ей, считаютъ нужнымъ обвести ее три раза вокругъ стола. Когда окрестятъ младенца, бабка-повитуха беретъ его и кладетъ на тулупъ или шубу, чтобъ новорожденный былъ богатъ. За обѣденнымъ столомъ на крестинахъ бабка приноситъ кашу и, поднявъ ее три раза, произноситъ при этомъ: «какъ въ полѣ ложится туманъ, такъ пусть будетъ младенцу счастье и таланъ»; кума между тѣмъ поднимаетъ младенца къ иконамъ и онѣ другъ передъ другомъ кричатъ: *мое выше, мое выше*. Отцу новорожденного бабка подноситъ въ ложкѣ каши, круто посоленной, и рюмку водки, съ желаніемъ, чтобъ младенецъ великъ росъ, да былъ счастливъ. Если младенецъ по чему-либо много кричитъ, то мать, положивши его себѣ въ подолъ, несетъ на зарѣ въ курятникъ лечить отъ *криксы*, и тамъ, купая дитя подъ на-сѣстью, говоритъ: «заря, зарница, красная дѣвица! возьми свою криксу, отдай намъ сонъ.» Чтобы дитя скорѣе начало ходить, на Свѣтлый праздникъ, во время заутрени и обѣдни его проводятъ по току. Въ способѣ леченія простолюдины не затрудняются; у нихъ *нашептываніе* и *отдуваніе* считаются за главные цѣлебныя средства. И потому въ болѣзняхъ они прежде всего обращаются къ знахарямъ и лекаркамъ, и только въ крайней необходимости приходятъ за совѣтомъ къ помѣщику, если есть въ селѣ, или къ священнику. Впрочемъ, къ

чеети крестьянъ надобно сказать, что какъ скоро ребенокъ заболѣтъ, то его приносятъ въ воскресный день въ церковь и приобщаютъ Св. Таинъ, вѣруя, что чрезъ причащеніе всякая болѣзнь пройдетъ сама собою. Всѣ недуги и ломота, и геморoidalные припадки, и ревматизмъ, и даже наружныя болѣзни, слывутъ у здѣшнихъ простолюдиновъ подъ общимъ названіемъ *младенца* или *родимца*. Деревенскіе знахари пользуются отъ этой болѣзни всякій по своему, — то наговоромъ воды, то травами. Отъ жабы, по мнѣнію крестьянъ, можетъ излечить только тотъ, кто задавилъ пальцами кро-та. Такой лекарь беретъ больного и давитъ ему жабу двумя пальцами, съ полною увѣренностію, что этимъ вылечитъ болѣзнь. Кто хочетъ узнать, кому предстоитъ близкая смерть, тотъ во время заговѣнья на Филипповъ постъ садится верхомъ, раздѣтый до-нага, на кочергу, объѣзжаетъ, когда всѣ ужинаютъ, вокругъ дома, и смотритъ въ окно, такъ чтобъ никто этого не замѣтилъ: тотъ, кому скоро умереть, представится ему непременно безъ головы.

При заключеніи брачныхъ союзовъ простолюдины соблюдаютъ много любопытныхъ обыкновений, которыя всѣми строго исполняются.

Отецъ, задумавъ женить сына, сначала развѣдываетъ стороною о невѣстѣ и, получивъ нужныя свѣдѣнія о ея досужествѣ, нравственности и состояніи ея родителей, является дѣлать предложеніе. Если родители невѣсты согласны отдать дочь замужъ, то сажаютъ свата передъ печкою на загнетку и потчуютъ его водкою. Побесѣдовавъ между собою не очень долго, расстаются. Черезъ недѣлю или болѣе, родители жениха приходятъ въ домъ невѣсты, приносятъ съ собою водку и дѣлаютъ такъ-называемый *пропой*. Потомъ съ общаго согласія назначаютъ время для сговора. Невѣста собираетъ къ этому дню своихъ подругъ; передъ вечеромъ, въ домъ невѣсты приходитъ женихъ съ своею роднею. Всѣ останавливаются у дверей и говорятъ, что пріѣхали люди чужестранные, сбились съ дороги и просятъ переночевать. Ихъ сначала не пускаютъ, а послѣ отецъ невѣсты, съ словами: «Сватъ не сватъ, а добрый человекъ», отворяетъ дверь и вводитъ гостей въ избу. Поздоровавшись, родители жениха сажаютъ невѣстину родню за

столъ, и подносятъ по три рюмки водки. Потомъ входитъ не-
вѣста съ дарами и начинаетъ дарить жениха и всю его родню
полотенцами своей работы.

Послѣ раздачи невѣстою подарковъ, жениха заставляютъ ее
поцѣловать; при этомъ подруги поютъ:

Далече, далече, въ темномъ лѣсѣ,
Высоко, высоко на дубѣ,
Голубь голубку цѣлуетъ,
Правымъ крылышкомъ обнимаетъ.
«Ты же, голубушка, не сдавайся,
«Правымъ крылышкомъ отбивайся».
— Я бы рада отбивалась,
Да не въ тѣ когти попалась.—
Высоко, высоко въ теремѣ
Иванъ Марью цѣлуетъ,
Правою рукою обнимаетъ.
«А ты, Марьюшка, не сдавайся,
«Правою рукою отбивайся».
— Рада бы я отбивалась,
Да не въ тѣ руки попалась. —

Послѣ того всѣ снова садятся за столъ; невѣста угощаетъ
жениха орѣхами, которые будто бы сама нарвала въ лѣсу. По-
други между тѣмъ поютъ:

Тужить, горюетъ перепелушка:
«Гдѣ-то мнѣ зимовать будетъ.»
Откуда ни взялся младъ ясенъ соколъ:
«Не тужи, не горюй, перепелушка,
Я тебя беру къ себѣ на крыло,
Къ себѣ на крыло, на сизо перо;
Зимовать будемъ во темномъ лѣсу,
Во темномъ лѣсу, во тепломъ гнѣзду.»
Тужить, горюетъ свѣтъ Марьюшка:
«Гдѣ мнѣ красной дѣвушкѣ вѣковать будетъ.»
Откуда ни взялся свѣтъ Иванушка:
«Не тужи, не горюй, моя Марьюшка,
Я тебя беру къ себѣ на руки,
Къ себѣ на руки, совсѣмъ на вѣки;
Я тебя буду кормить, поить и печалиться.»

Потѣвши кушанья, приготовленные жениховыми родителя-
ми, и часто привезенныя за нѣсколько верстъ, принимаются за
кушанья, приспѣтыя родителями невѣсты. Въ продолженіе ужи-

на подруги не перестаютъ пѣть; вотъ величальная пѣсня жениху и невестѣ:

Виноградна ягодка расцвѣтала,
Расцвѣтѣвши, ягодка опадала.
Марья батюшкѣ своему говорила:
«Не давай меня, батюшка, молоду замужъ,
Не уповай, мой родимый, на богатство.
Выбирай мнѣ, батюшка, человѣка,
Съ ростомъ, дородствомъ, красотою,
Съ своей молодецкой чистотою,
Чтобъ не стыдно красной дѣвкѣ на улицу выйти,
Чтобъ не стыдно молодущкѣ похвалиться:
Сестрицы, подруженьки! То-то ровня!»

Послѣ ужина пѣсни и пляска продолжаютъ довольно долго; потомъ жениховъ отецъ подносить всѣмъ по три стакана водки, а женихъ начинаетъ прощаться съ невестою. Подруги невесты въ это время поютъ:

Вечоръ поздно къ намъ соколъ прилеталъ,
А утромъ рано опять отлеталъ.
Встужилася соколка его,
Всплакалася сизокрыленькая.
Вечоръ поздно къ намъ Иванъ прѣзжалъ,
А утромъ рано опять отъѣзжалъ.
Стужилася его Марьюшка,
Всплакала свѣтъ Васильевна.

Затѣмъ всѣ расходятся. На другой день жениховъ отецъ является въ домъ невесты съ водкою опохмѣлить невестину родню. Возвратившись домой, родители жениха съ своими гостями, называемыми поѣзжанами, садятся обѣдать, а послѣ обѣда отправляются къ невестѣ, и снова садятся обѣдать. Передъ обѣдомъ невесту становятъ съ ея подругами въ рядъ; всѣ дѣвушки покрываютъ себѣ лица, и женихъ долженъ выбирать изъ нихъ ту, которая съ нимъ помолвлена; если онъ ошибется и укажетъ не на свою невесту, то платитъ деньги за ошибку той, которую принялъ за невесту. Когда женихъ найдетъ свою невесту, ее ведутъ за столъ, а около нея сажаютъ мальчика, меньшаго брата или посторонняго, съ веселкою въ рукахъ, которою мѣсятъ кашу или соломату. Этотъ мальчикъ *продаетъ* дѣвицью косу, и до тѣхъ поръ не пускаетъ жениха сѣсть около невесты, пока дружка, товарищъ жениха, не заплатитъ ему денегъ и не попотчуетъ водкою.

Послѣ обѣда дружка выводитъ невѣсту изъ-за стола, отецъ и мать ея разстилаютъ на полу шубу, шерстью вверхъ, становятъ на нее скамью, берутъ въ руки образъ и благословляютъ невѣсту къ вѣнцу. При этомъ подружки невѣсты поютъ:

Съ вечера бѣль-заюшка по приволью скачетъ,
Съ полуночи бѣль-сѣренькой на столѣ на блюдѣ.
Съ вечера Марьюшка скакала, плясала,
Съ полуночи Васильевна плакала, рыдала:
«Сестрицы мои, подруженьки! какъ же мнѣ быть,
Какъ же мнѣ быть, чѣмъ свекра дарити?
Подарю я свекра шитою рубашкой,
Шитою, бѣлою, тонкою льняною».

То же поется и для свекрови и для жениха, только ему невѣста обѣщаетъ подарить «аленькій платочекъ, новенькій». Когда отецъ и мать благословятъ невѣсту, дружка и сваха выводятъ ее изъ избы и сажаютъ на подводу; въ это время дѣвушки, находящіяся въ поѣздѣ, поютъ:

Вскрикнули гуси, лебеди,
Дунай рѣку переплывши,
Сине море перелетѣвши.
Всплакнула Марьюшка,
Съ двора батюшки съѣзжаемчи,
Съ отцомъ матерью прощаемчись.

Дядька (не дружка ли?) съ женихомъ садится на другую подводу и вмѣстѣ съ поѣзжанами отправляется въ церковь. Въ продолженіе пути отъ дому до церкви поютъ разныя пѣсни, на-примѣръ:

Изъ лога, лога, ѣхали бояре стрѣляемчи,
Луками, стрѣлами все мѣняемчи;
Одинъ только Ванюшка не мѣняется.

«Что же ты, Ванюшка, не мѣняешься?»

— Мѣняйтесь, братцы, не ждите меня:

Мнѣ нынѣ быть во Божьемъ суду,

Во Божьемъ суду, въ святомъ вѣнчаньѣ.—

Съ терема на теремъ красны дѣвки шли,

Красны дѣвки шли, все играемчи,

Вѣнками, цвѣтками все мѣняемчи;

Одна только Марьюшка не мѣняется.

«Что же ты, свѣтъ Марьюшка, не мѣняешься?»

— Мѣняйтесь, подруженьки, не ждите меня:

Мнѣ нынѣ быть во Божьемъ суду,

Во Божьемъ суду, въ святомъ вѣнчаньѣ.—

Отецъ и мать жениха, надѣвъ на себя навыворотъ тулупы и разложивъ у воротъ огонь, чтобы разрушить всякую порчу, встрѣчаютъ молодыхъ отъ вѣнца съ хлѣбомъ-солью, поставленными на опрокинутой дежѣ, и осыпаютъ ихъ хмѣлемъ и зерновымъ хлѣбомъ въ знакъ будущаго богатства. Если невеста живетъ въ томъ же селѣ, гдѣ женихъ, то она отъ вѣнца прежде ѣдетъ въ свой домъ, и взлѣзаетъ на печь, а подружки ея садятся за столъ и поютъ:

На морѣ галка купалася,
На бережечку отряхалася,
Во сыромъ бору обсушалася:
Марьюшка въ теремъ убиралася.
Приходить къ ней, что ни большій братъ:
«Ужоль ты, сестра, снарядилася?»

Потомъ поютъ, что приходитъ средній братъ, а новобрачная все сидитъ на печи; когда же пропоютъ:

Приходить къ ней, что ни меньшій братъ:
«Ужоль ты, сестра, снарядилася?»

молодая слѣзаетъ съ печи, идетъ къ столу, бросается на него головою и плачетъ во весь голосъ, или, какъ простолюдины выражаются, *голоситъ*. Ее сажаютъ за столъ, а сваха расплетаетъ ей косу; косу раздѣляютъ на двое, обвертываютъ вокругъ головы и потомъ повязываютъ платкомъ, или надѣваютъ на невесту кичку. Когда расплетаютъ косу, подружки молодой поютъ:

Не трубушки трубятъ рано по зарѣ,
То Марьюшка плачетъ по русой косѣ:
«Свѣтъ ты моя косушка русая,
Свѣтъ ты моя ленточка алая!
Вечоръ тоѣ косушку подружки плели,
По утру ту косушку свашенька плела;
Подруженьки плели на одинъ часокъ,
А свашенька заплела навѣки».

Въ нѣкоторыхъ селахъ расплетаютъ или, какъ здѣсь говорятъ, *повиваютъ* косу въ церкви, и молодая ѣдетъ уже повязанная или въ кичкѣ.

Когда молодой пріѣзжаетъ отъ вѣнца, то всѣ садятся за столъ. Новобрачная даритъ свекра и свекровь рубашками, ко-

торыя тутъ же надѣваются поверхъ всего платья. Свекоръ и свекровь сидятъ въ этихъ рубашкахъ въ продолженіе всего стола; новобрачнымъ даютъ ѣсть, а между тѣмъ избирается чета супруговъ, живущихъ согласно и въ любви другъ съ другомъ, и отправляется въ спальню новобрачныхъ *обогрѣть постель*. Когда молодые закусятъ, дружка и сваха выводятъ ихъ изъ избы въ *попытку* спать; уложивъ ихъ, они возвращаются къ потѣжанамъ и садятся ужинать. Во время стола гости поютъ веселыя пѣсни. Вотъ одна изъ нихъ:

Соловей мой, соловеюшко,
Соловей молоденькій!
Какъ тебѣ соловеюшко не стошнится
Во темномъ лѣсу сидѣмчи,
На зеленый боръ глядѣмчи?
Молодка, молодушка молоденькая!
Какъ тебѣ молодушка не стошнится,
Во горенкѣ все сидѣмчи,
На старого мужа глядѣмчи,
На сѣду его бородушку?
— Пойду млада въ темный лѣсъ,
Нарву хмѣлю яраго,
Наварю пива пьянаго,
Напою мужа старого,
Положу спать на погребѣ,
Накрою соломой,
Соломой гречишною,
Сверху пшеничною.
Пойду я во горенку,
Вздую я лучинушку,
Подожгу соломушку.
Выйду я на улицу,
Крикну громкимъ голосомъ:
Братцы вы, товарищи!
Маво мужа громъ убилъ,
Меня Богъ помиловалъ:
Съ кровати свалилася,
Рукой защитилася,
Доской заслонилася.

На другой день все гости собираются къ обѣду, пьютъ, гуляютъ и поютъ пѣсни, въ такомъ родѣ:

Молодая теща по новымъ снѣжамъ ходила,
Молодаго зятюшку за рученьку водила.

«Тещенка, моя матушка, тошно мнѣ».

— Съ чегожъ тебѣ, мое дитятко, стошнилось? —

«Да горазда ли твоя Марьюшка тонко прѣсть?»

— Горазда, горазда, мое дитятко, научена,

Наученая въ чужи люди отдана. —

«Да умѣеть ли твоя Марьюшка часто ткать,

И умѣеть ли Васильевна домоу жить?»

— Горазда, горазда, мое дитятко, научена,

Наученая въ чужи люди отдана. —

Или:

Какъ у нашего соседа

Весела была бѣда:

Гуси въ гусли,

Утки въ дудки,

Овцы въ донцы,

Бараны въ барабаны, и пр.

Или:

Блюшка банюшку топила,

Вошка парилася,

Съ полка ударилася.

Она бокомъ непарокомъ,

Ребро переломила, и пр.

Послѣ обѣда молодые остаются дома, принимаются за обыкновенныя домашнія дѣла, а гости продолжаютъ пировать, переходя изъ дому въ домъ. Если на свадьбѣ въ гостяхъ былъ только мужъ или жена, а не оба супруга, то онъ можетъ не приглашать свадебныхъ гостей къ себѣ въ домъ, а принести штофъ водки туда, гдѣ они пируютъ, и сказать: «вотъ и моя харчъ, господа честные;» а если на свадьбѣ присутствовали оба супруга, то они уже обязаны непременно пригласить къ себѣ въ домъ всѣхъ потѣжанъ или «бояръ.»

Обряды при погребеніи усопшихъ не представляютъ замѣчательныхъ особенностей. Человѣка близкаго къ смерти обыкновенно стараются, еще при жизни его, обмыть, одѣть и положить подъ образа, или, какъ здѣсь говорятъ, *подъ святыя*. Обмывать тѣло послѣ смерти считается большимъ грѣхомъ; крестьяне думаютъ, что въ какомъ видѣ человѣкъ умретъ, въ томъ и долженъ явиться на Страшномъ Судѣ. Нерѣдко случается, что изъ-подъ святыхъ люди встаютъ, выздоравливаютъ

и живутъ еще по нѣскольку лѣтъ. Есть у простолюдиновъ обычай голосить надъ умершимъ, хотя бы то былъ человекъ посторонній; нѣкоторыя женщины оплакиваютъ всякаго умершаго, и если спросите, о чемъ онъ плачутъ, навѣрно услышите отвѣтъ: «по своему горю». Когда усопшаго принесутъ хоронить, то бросаютъ въ могилу грошъ или другую монету, чтобы откупить покойнику мѣсто на томъ свѣтѣ. По истеченіи шести недѣль послѣ смерти, пока душа умершаго, по мнѣнію крестьянъ, еще находится на землѣ между людьми, дѣлаютъ изъ теста лѣстницу, съ тѣмъ, чтобы по ней душа усопшаго взшла на небо. Въ Свѣтлое Воскресенье родные ходятъ на кладбище катать на могилѣ яйца, чтобы обрадовать и усопшаго такимъ торжественнымъ праздникомъ. Крестьяне думаютъ также, что душа, по разлученіи съ тѣломъ, нуждается въ пищѣ, и потому печь пироги и блины для поминовенія усопшихъ родственниковъ значить, по ихъ мнѣнію, пещись о насыщеніи ихъ душъ. Для этого они бросаютъ пироги и блины на могилы, даже льютъ на нихъ водку. Впрочемъ съ поминаньями, разумѣется, соединено также желаніе, чтобы накормленные люди сохраняли въ памяти доброе воспоминаніе объ умершемъ.

Увеселенія и забавы здѣшной черни состоятъ зимою и лѣтомъ преимущественно изъ игрищъ на улицахъ. На Святой Недѣлѣ, на Троицкой Недѣлѣ, на Петровъ День они устраиваютъ веревочныя качели, называемыя *вислыми*, и *круглыя*, съ лавочками для сидѣнья; подъ качели выходитъ вся молодежь, разодѣтая въ лучшіе наряды. Зимою, особенно на Рождественныхъ святкахъ, собираются дѣвки и молодые парни къ кому-нибудь въ избу, играютъ тамъ въ карты, въ жгуты, въ сосѣди и пляшутъ подъ звуки балалайки, дудки или камышовыхъ дудочекъ, называемыхъ *желтѣйками*. Впрочемъ, теперь стали входить въ большое употребленіе *гармонійки*, которыя замѣняютъ прежніе музыкальные инструменты. Игрища обыкновенно собираются около кабака. Прѣзжая черезъ деревню въ день праздничный, навѣрно встрѣтишь толпу мужиковъ около питейнаго дома, да и въ будни онъ рѣдко бываетъ пустъ. На улицу собираются дѣвки, холостые парни, а также молодыя бабы и женатые молодые мужики; сходиться начинаютъ не задолго до сумерекъ. Когда соберется порядочное число пѣвицъ и плясунговъ, со-

ставляется хороводъ. Дѣвки и парни становятся въ кружокъ, взявшись за руки ходятъ вокругъ, пристукивая ногами въ ладъ и крича во все горло пѣсни, въ которыхъ часто нѣтъ смысла; по крайней-мѣрѣ во многихъ изъ нихъ большая смѣсь разнородныхъ предметовъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго. Почти во всехъ уличныхъ или хороводныхъ пѣсняхъ говорится о красныхъ дѣвкахъ и холостыхъ ребятахъ и о ихъ взаимной сердечной склонности. Вотъ, напримѣръ, одна изъ хороводныхъ пѣсень:

Уродился мальчикъ бравый,

Онъ собою былъ, хорошъ:

Русы кудри завивныя,

Принапудренные.

Его дѣвка полюбила,

Въ Кострому городъ вступила,

Плису, бархату купила,

Короватушку обила,

Теговую сукрасила.

Вотъ по старымъ по примѣтамъ

Черезъ улицу

Сврой утицею,

Черезъ садъ, виноградъ

Перепелицею,

Черезъ широкій дворъ,

Краснымъ кочетомъ,

А въ высокъ теремъ,

Добрымъ молодцемъ,

Пришелъ милый другъ

Къ красной дѣвицѣ.

Или:

Леталъ голубь, леталъ сизый

Со голубушкою.

У голубя, у сизаго

Золотая голова,

У голубушки его

Позолоченая.

«У кого жъ у насъ, братцы,

Да хорошая жена,

Хорошая, пригожая,

Молоденькая?»

— У Иванушки, братцы,

Да хорошая жена. —
Братья ему позавистовали:
«Если бь братова жена
Да намъ въ руки отдана,
То-то бь ее снарядилъ,
Да на улицу пустилъ.»

Эти уличныя сборища часто продолжаются всю ночь, отъ вечерней зари до утренней, такъ что послѣ уличнаго веселья пѣвицы и плясуны отправляются прямо въ поле на работу.

Важнѣйшее занятіе поселянъ здѣшняго края есть земледѣліе. Почва земли въ большей части селеній Нижнедѣвицкаго уѣзда черноземная и весьма удобная для хлѣбопашества. Въ здѣшнихъ мѣстахъ съется всякаго рода хлѣбъ: рожь, пшеница, овесъ, ячмень, греча, просо, горохъ и отчасти чечевица; кромѣ того макъ, конопля и ленъ. Первое мѣсто между хлѣбами занимаетъ рожь; она составляетъ основу богатства здѣшняго земледѣльца; для нея существуютъ и нѣкоторыя поговорки, заимствованныя изъ опыта, напримѣръ: *будетъ въ май дождь будетъ и рожь*, или: *осень говоритъ уклочу, а весна скажетъ: какъ хочу*. Пшеницы мужики сѣютъ очень мало и то больше на продажу, а не для собственнаго употребленія. Греча, просо и овесъ сѣются въ болѣемъ количествѣ, ибо солома ихъ служить кормомъ для скота. Горохъ и чечевица въ небольшомъ употребленіи. Коноплю преимущественно сѣютъ на огородахъ, а иногда и въ полѣ, на низкихъ мѣстахъ и на стойлахъ; она годами родится хорошо, ленъ же почти всегда бываетъ малъ ростомъ и не волокнистъ, и потому въ здѣшнихъ мѣстахъ покупаютъ ленъ привозной изъ другихъ губерній. О плодородіи земли ничего нельзя сказать опредѣлительнаго: гдѣ земледѣльцы старательно обрабатываютъ и удобряютъ землю, тамъ и хлѣбъ родится лучше. Вообще помѣщичьи имѣнія въ этомъ отношеніи представляются въ несравненно лучшемъ видѣ, чѣмъ земли государственныхъ крестьянъ. У послѣднихъ земледѣліе хотя и составляетъ главнѣйшее занятіе, но оно идетъ и теперь такимъ же порядкомъ, какъ за сто лѣтъ предъ симъ; очень немногіе стараются удобрять землю посредствомъ унавоживанія, да въ иныхъ мѣстахъ этого и сдѣлать невозможно: отдаленность полей есть важнѣйшая причина, препятствующая развитію

хлѣбопашества. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ поле отъ жилищъ бываетъ верстахъ въ пятнадцати и болѣе; случается, что крестьянинъ, пріѣхавъ на работу и будучи застигнутъ непогодою, принужденъ возвратиться домой, не сдѣлавъ ничего и потерявъ весь день на одну проѣздку изъ дома въ поле и обратно. Отдаленность полей мѣшаетъ успѣшности работъ, лишаетъ крестьянина всякой возможности хорошо воздѣлать свою ниву и удобрять землю навозомъ. Земледѣльческія орудія у государственнаго крестьянина худо приспособлены къ дѣлу; онъ пашетъ одноконною легкою сохою, которая, отъ нерадѣнія пахущаго, часто не прорѣзываетъ глубокой борозды, а почти скользитъ по поверхности земли. При перевозкѣ хлѣба въ гумно, отдаленность поля изнуряетъ лошадей и требуетъ большихъ издержекъ на смазку колесъ; кромѣ того, дороги въ нашихъ селеніяхъ вездѣ почти дурны, въ особенности по горамъ и при переправахъ черезъ ручьи и ровки; отъ этого въ телѣгахъ часто ломаются оси и колеса. Все это стѣсняетъ скорое и удобное производство земледѣльческихъ работъ. Наконецъ трудность воздѣлыванія собственныхъ полей, а отчасти и лѣность, заставляютъ многихъ изъ здѣшнихъ поселянъ еще съ весны покидать дома и отправляться на заработки въ Донскія мѣста и въ Малороссійскія губерніи, гдѣ и проживаютъ они почти до осени.

Помѣщичьи имѣнія представляютъ совсѣмъ другую картину. У большей части здѣшнихъ помѣщиковъ хорошо устроены земледѣльческія заведенія, какъ - то постройки для молотбы, сушенія и сбереженія хлѣбнаго зерна; есть разныя машины для молотбы и вѣянія хлѣба. Поля у помѣщиковъ, какъ барскія, такъ и крестьянскія, обрабатываются очень хорошо; удобрѣніе земли считается необходимою принадлежностію земледѣлія, отъ чего и хлѣбъ рождается у нихъ всегда хорошо. И потому можно утвердительно сказать, что наше земледѣліе поддерживается помѣщиками, которые стараются усвоить себѣ всякое полезное изобрѣтеніе или открытіе по части земледѣлія и научить тому же своихъ крестьянъ. Къ успѣшному ходу земледѣлія въ помѣщичьихъ имѣніяхъ должно отнести и то, что когда какой - либо крестьянинъ за болѣзнію, или потому что у него пала лошадь, не можетъ обработать самъ своего поля, — помѣщикъ дѣлаетъ это барщиною.

Объ урожаяхъ должно замѣтить слѣдующее: въ хорошіе урожайные годы рожь и овесъ бываютъ самъ-восемь, и тогда этотъ хлѣбъ бываетъ очень дешево: рожь — въ девяносто копѣекъ серебромъ четверть и дешевле, овесъ — въ сорокъ и пятьдесятъ копѣекъ серебромъ, не дороже. Греча по большей части родится самъ-восемь и даже самъ-десять, а потому цѣна и на этотъ хлѣбъ бываетъ не болѣе пятидесяти копѣекъ серебромъ. Просо родится иногда самъ-пятнадцать и бываетъ въ рубль серебромъ и болѣе четверть. Всѣ эти хлѣба въ урожайные годы мало вознаграждаютъ труды земледѣльца и едва выкупаютъ ему собственныя издержки; одна только пшеница приноситъ значительный доходъ: она иногда родится самъ-десять и дешевле трехъ рублей серебромъ рѣдко бываетъ. Но государственные крестьяне сѣютъ ея очень мало въ сравненіи съ прочими хлѣбами.

Къ занятіямъ здѣшнихъ поселянъ принадлежитъ и пчеловодство. Правда, здѣсь нѣтъ большихъ заведеній, какъ въ губерніяхъ малороссійскихъ, однакожъ есть мужички, которые становятъ на зиму во мшеники ульевъ по двѣсти и болѣе; а такихъ, которые имѣютъ по сту, или по пятидесяти ульевъ, найдется много.

Скотоводство въ здѣшнихъ мѣстахъ довольно скудно, по недостатку хорошихъ пастбищъ; рогатый скотъ мелокъ и немолоченъ; лошади въ иныхъ селеніяхъ довольно хороши, а въ другихъ малорослы и слабосильны. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ есть лошади улучшенной породы, а у самихъ помѣщиковъ — конскіе заводы, хотя и небольшіе, но хорошаго качества; лошади съ этихъ заводовъ бываютъ хороши въ ѣздѣ и даже годны для артиллеріи. Овцы въ здѣшнихъ мѣстахъ простыя, бѣлыя и черныя, и водятся въ значительномъ числѣ. Въ имѣніи князя Меншикова есть и порода мягкорунныхъ овецъ, но не въ большомъ количествѣ. Здѣшнія свиньи мелки.

Въ некоторыхъ лѣсныхъ селахъ къ числу промысловъ принадлежитъ приготовленіе березовыхъ метель, которыя вяжутся осенью, а зимою и весною развозятся по другимъ селеніямъ, гдѣ продаются за деньги, или промѣниваются на хлѣбъ. Въ некоторыхъ селеніяхъ дѣлаютъ колеса, гнутъ ободья и по-

лозья и продаютъ ихъ на деревенскихъ и городскихъ ярмаркахъ. Крестьяне другихъ селеній, напримѣръ села Хорошилова, занимаются выдѣлкой глиняной посуды изъ красножелтой и сѣрой глины; они обмѣниваютъ ее на хлѣбъ, яйца и продаютъ за деньги. Нѣкоторые изъ государственныхъ крестьянъ занимаются плотничествомъ, но между ними нѣтъ хорошихъ мастеровъ; и въ этомъ отношеніи отличаются помѣщичьи крестьяне, особенно князя Меншикова изъ села Знаменскаго. Они составляютъ между собою артели и идутъ плотничать въ города и села съ весны и до поздней осени. Вообще, между государственными крестьянами мастеровыхъ очень мало: столяры, кузнецы, портные, сапожники, ткачи, токари и другіе ремесленники все больше господскіе люди.

Число грамотныхъ людей между государственными крестьянами весьма ограничено въ настоящее время; но нѣтъ сомнѣній, что заведенныя въ селеніяхъ школы скоро дадутъ возможность приготовить грамотныхъ людей въ большемъ количествѣ.

Женщины въ здѣшнихъ мѣстахъ занимаются пряденіемъ шерсти, льна и поскони. Въ нѣкоторыхъ селахъ, напримѣръ: въ Роговатомъ, Истобномъ, Семидесятомъ, Синихъ-Лемехахъ *, Матренкахъ и другихъ, женщины готовятъ изъ волосени на паневы очень красивую на видъ и прочную въ носкъ ткань; она весьма похожа на шелкъ и составляетъ предметъ щегольства. Въ другихъ селахъ, напримѣръ: въ Чужиковой, Дмитревскомъ, Шаталовкѣ, женщины ткутъ довольно тонкія льняныя полотна, которыя выбѣливаютъ набѣло, и любятъ щеголять хорошими рубашками. Сукна для кафтановъ у всѣхъ домашняго приготовленія и бываютъ иногда довольно тонки и плотны; особенно хорошо готовятъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ ткани изъ сѣрой волосени; изъ нея мужики шьютъ себѣ лѣтніе халаты, въ родѣ нынѣшнихъ пальто-сюртуковъ: они нарядны и для лѣта очень легки. Подъ конецъ зимы и съ начала весны женщины ткутъ полотна разной доброты, *рядна*, *попоны*, *ону-чи* и *сукно*. Полотна бѣлятъ весною и лѣтомъ, а сукна валяютъ осенью и зимою дома, или на водяныхъ мельницахъ, гдѣ есть сукновальни.

* На картѣ Шуберта: Синія-Липаги.

Казалось бы, что мужику, при его средствах въ домашнемъ быту, не нужно много денегъ на расходы; а между тѣмъ, если расчесть всѣ его потребности, то выдетъ, что онъ издерживаетъ свыше пятидесяти рублей ассигн. въ годъ и что этимъ потребностямъ едва удовлетворяетъ его доходъ, а въ иные годы приходъ не покрываетъ расхода.

Вотъ балансъ прихода и расхода здѣшняго помѣщичьяго крестьянина:

Каждое тягло почти всегда состоитъ изъ двухъ ревизскихъ душъ, и одного или двухъ подростковъ, такъ что на тягло приходится четыре потребителя, не считая грудныхъ и малолѣтнихъ. Хлѣба на эти четыре души потребно не менѣе 12-ти четвертей озимаго и 2-хъ яроваго на кашу; приварокъ, огородныя овощи и сборы со скота нейдутъ въ счетъ. Трехъ четвертей на душу не много, если изъ нихъ отдать еще за помоль, потому что въ работѣ, особенно полевой, человекъ всегда съѣдаетъ съ хорошимъ приваркомъ около четырехъ фунтовъ и даже болѣе хорошаго ржаного хлѣба, а пшеничнаго гораздо болѣе; подростки и неисправляющіе тяжелыхъ работъ ѣдятъ менѣе трехъ фунтовъ. Земли на тягло дается по двѣ казенныхъ десятины въ каждомъ клину трехпольнаго хозяйства и по одной десятинѣ покосу; одна десятина приходится подъ поселеніе, огородъ, конопляникъ и выгонъ; льсъ въ особомъ счетѣ. Въ благоприятныя для урожая годы собирается: ржи съ двухъ десятинъ 16 четвертей; яроваго, гречи или проса—съ полдесятины 5 четвертей; полторы десятины засѣвается овсомъ, который идетъ весь на кормъ скоту и птицѣ. Изъ 16-ти четвертей ржи отчисляется: 2 на посѣвъ, 12 на продовольствіе, а въ продажу остается 2. Если продать четверть по $4\frac{1}{2}$ рубля серебромъ, то рожъ принесетъ 3 р. сер. Яроваго двѣ четверти истрачивается на кашу, двѣ съ половиною идетъ въ продажу по рублю серебромъ, что приноситъ $2\frac{1}{2}$ р., полчетверти остается на посѣвъ. Итого отъ хлѣба помѣщичій крестьянинъ получаетъ прибыли 5 р. 50 к. серебромъ. На свой участокъ исправное тягло имѣетъ въ зиму барана, двухъ молодыхъ и четырехъ старыхъ овецъ на племя; отъ нихъ, въ общей сложности, въ благополучныя годы и при хорошемъ присмотрѣ, получается 6 штукъ приплоду, а потому въ продажу поступаетъ двѣ старыхъ, по 1 р. 15 к. каж-

дая, всего 2 р. 30 к., молодых четыре, по 75 к. сер., всего 5 р. 30 к. Корову каждое тягло имѣетъ одну съ двумя подтелками и, когда нѣтъ падежей, черезъ 5 лѣтъ одна продается за 9 р. сер.; слѣдовательно въ годъ прибыли приходится 1 р. 80 к. сер. Лошадей у одного тягла одна матка и двѣ для работы, да черезъ годъ или два жеребенокъ, такъ что на корму почти всегда четыре лошади. Въ продажу поступаетъ одна, и то развѣ лѣтъ черезъ восемь, когда дѣлается старою, за 12 р. сер., т. е. на годъ 1 р. 50 к. сер.; лошади часто пропадаютъ отъ падежей и воровства, которое въ здѣшнихъ мѣстахъ случается весьма часто. Свиней тягло имѣетъ въ зиму двѣ старыхъ и двѣ молодыхъ; отъ нихъ приплоду въ годъ 30 штукъ, изъ которыхъ большая часть поѣдается, а въ продажу идетъ одна, года черезъ три, за 4 р. сер., а на годъ приходится 1 р. 33 $\frac{1}{3}$ к. сер. Итого отъ скота крестьянинъ получаетъ ежегодной прибыли 9 р. 93 к. сер. Отъ домашней птицы дохода полагать нельзя, потому что вся птица истрачивается на собственное потребление. Итого весь годово́й доходъ помѣщичьяго крестьянина, съ хлѣба и скота, простирается до 15 р. 43 к. сер. Его необходимый расходъ въ теченіе года, по здѣшнимъ цѣнамъ, слѣдующій: податей въ годъ съ повинностями съ двухъ душъ 3 р. 14 к. сер. Рекрутскихъ, на награду рекруту, ежегодно 3 р. сер.; гдѣ вносятся въ казну рекрутскія за рекрута, тамъ онѣ платятся самимъ помѣщикомъ. Соли на четыре души два пуда въ годъ—1 р. 30 к. Дегтю, считая каждую помазку телѣги въ 3 к. сер., въ годъ на 3 р. сер. Коса, молотокъ съ брусомъ и серпъ становятся на три года и стоятъ 1 р. 30 к. сер., въ годъ—43 $\frac{1}{3}$ к. сер. Поддосокъ одна пара въ годъ 16 к. сер. Сошники стоятъ 96 к. сер. и становятся на 6 лѣтъ, при ежегодной поправкѣ, а въ годъ стоятъ 16 к. сер. Подковать во время зимы двѣ лошади, для перевозки на рынки хлѣба, стоитъ 95 к. сер. Расходу за квартиру въ зимнее время, при отвозѣ хлѣба на рынки, 28 к. сер. Станъ колесъ и сани изъѣживаются въ два года и вмѣстѣ съ поддержкою упряжи стоятъ 3 р. сер., а въ годъ 1 р. 50 к. сер. Въ три года двумъ тягловымъ людямъ требуется по полушубку, каждый стоитъ 2 р. 55 к. сер., за оба 5 р. 40 к. сер., въ годъ на каждое лицо 85 к. сер., а на двухъ 1 р. 70 к. сер. Рукавицы, однѣ въ

годъ, стоятъ 35 к. сер. Обуви на всѣхъ въ годъ на 1 р. 60 к. сер. Итого, всѣ необходимые расходы помѣщичьяго крестьянина простираются въ годъ на 17 р. 57 к. сер. Изъ этого видно, что приходъ менѣе расхода на 2 р. 14 к. сер. * Этотъ дефицитъ, равно какъ и расходы на разныя церковныя требы, крестины, похороны, свадьбу, говѣнье и проч., пополняются изъ продажи какой-либо скотины, не взятой здѣсь въ расчетъ, или вырабатывается рукодѣльемъ и ремесломъ. Приведенный расчетъ прихода и расхода помѣщичьяго крестьянина можетъ быть примененъ и къ государственному крестьянину, съ тою только разницею, что послѣдній, имѣя иногда большую пропорцію земли, получаетъ болѣе прибыли отъ хлѣбопашества, но зато онъ имѣетъ расходы на разныя земскія повинности, которыхъ помѣщичій крестьянинъ не отбываетъ.

* У г. Малахина въ расчетъ дохода и расхода вкрались слѣдующія ошибки: сумма дохода отъ хлѣба и скота показана въ 14 р. 73 к., сумма расхода въ 14 р. 90 к., а разность ихъ въ 17 к. сер. Эти нестыковки въ итогахъ и въ разности здѣсь исправлены.

СЕЛО БОБРОВКИ

И

ОКРУЖНЫЙ ЕГО ОКОЛОТОКЪ.

ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ

РЖЕВСКАГО УЪЗДА.

(Священника С. Разумихина).

НАРУЖНОСТЬ.

Наружность крестьянъ этого округа * неимѣетъ особенно рѣзкаго отличія отъ наружности остальнаго Русскаго народа. Жители роста вообще средняго, большею частію 2-хъ аршинъ и 4-хъ вершковъ. Слишкомъ дородныхъ здѣсь нѣтъ. Цвѣтъ лица и вообще кожи, по большей части, бѣлый. Всѣ части тѣла, голова, руки и ноги, соразмѣрны между собою. Черты лица большею частію правильныя. Волоса вообще цвѣта русаго; глаза средней

* Околотокъ, къ которому относятся наблюденія автора, сколько можно судить по названіямъ селъ и деревень, встречающимся въ сообщаемомъ здѣсь этнографическомъ описаніи, обнимаетъ, приблизительно, юго-западную четверть Ржевскаго уѣзда. Самое село Бобровки (на картѣ Шуберта: Шичковъ-Бобровка) расположено въ юго-западной части уѣзда. Примѣч. Ред.

величины и большею частью голубые. Хотя людей очень крепкаго тѣлосложенія нѣтъ, однакоже ихъ тѣлесный организмъ вообще довольно крѣпкій. Описываемые жители преимущественно подвергаются болѣзнямъ отъ простуды, такъ называемымъ простуднымъ горячкамъ. Ни особенной тѣлесной силы, ни большой ловкости и проворства жители не имѣютъ; однако они вообще сильны, дѣятельны и трудолюбивы; последнее доказывается умѣньемъ ихъ выдѣлывать разные необходимыя въ хозяйствѣ вещи, какъ-то: дрань, колеса, рѣшета, гнать деготь и т. под.

ЯЗЫКЪ.

Языкъ означенной мѣстности имѣетъ два оттенка: одинъ господствуетъ между дворянами и духовнымъ сословіемъ, другой — между простолюдинами. Первый близокъ къ московскому нарѣчію, согласенъ съ общеизвѣстными грамматическими правилами и особенностей никакихъ не представляетъ; послѣдній же имѣетъ ихъ весьма много. Между простолюдинами трудно найти человѣка, который бы говорилъ языкомъ грамматически-правильнымъ.

1. Особенности простонароднаго произношенія состоятъ въ любви или нелюбви къ нѣкоторымъ звукамъ, какъ гласнымъ, такъ и согласнымъ, вообще или въ извѣстныхъ только случаяхъ. Всего лучше можно изобразить ихъ посредствомъ азбуки, показывая, противъ каждой буквы, какъ она произносится при разныхъ условіяхъ.

А большею частью такъ и произносится, только грубо. Но когда именительный или винительный падежи множественнаго числа оканчиваются буквою *а* съ удареніемъ, то она замѣняется буквою *ы*, и удареніе въ такомъ случаѣ переносится съ послѣдняго слога на предпослѣдній, напримѣръ: *вм. дрова, права*, говорятъ: *дрѡвы, прѡвы*. То же замѣтно почти во всѣхъ нарѣчіяхъ, состоящихъ изъ двухъ, а нерѣдко и изъ трехъ слоговъ и имѣющихъ удареніе на послѣднемъ слогѣ, съ тою только разницею, что въ нихъ удареніе не переносится, но остается на своемъ мѣстѣ, напримѣръ: *вм. куда*, говорятъ: *куды*, *вм. когда* — *кагды*, *вм. всегда* — *всегды*, *вм. никогда* — *никогды* и т. п.

В когда стоитъ въ началѣ слова передъ согласною, всегда почти выговаривается какъ *у*, на примѣръ: *вм. все*, говорятъ — *усѣ*, *вм. вчера* — *уцѣра*, *вм. второй* — *утарѣй*, *вм. всталъ* — *усталъ*, и т. п. Также, большею частию, произносится буква *в*, когда она стоитъ въ срединѣ, послѣ какой-либо гласной, на примѣръ: *вм. двѣка*, произносятъ какъ-бы *дзѣука*, *вм. повторилъ* — *паутаривѣ*, и т. п.

Г такъ и произносится, но только всегда грубо, какъ *г* нѣмецкое, или *h* латинское, и притомъ какъ будто съ удвоеніемъ.

Д, когда за нимъ стоитъ согласная, всегда такъ и выговаривается, на примѣръ: *другой*, *другъ* и т. под.; а когда за нимъ стоитъ гласная, то выговаривается большею частию какъ *дз*, только скоро, на примѣръ: *Димитрій* выговаривается какъ *Дзимитрій*, *дѣвка* какъ *дзѣвка*, *сзади* — *сзадзи*, *спереди* — *спередзи*, *сидѣть* — *сидзѣть*, *идетъ* — *идзетъ*, и т. п.

Е въ срединѣ слова почти всегда такъ и произносится, иногда же превращается въ *о*, а въ началѣ перѣдко въ *ѣ* (*jo*) и *я*; въ концѣ же, когда удареніе бываетъ на послѣднемъ слогѣ, въ *о*, на примѣръ: *ѣсь* (*josъ*) *вм. есть*, *пришовѣ* *вм. пришелъ*, *уцѣра* *вм. вчера*, *яго* *вм. его*, *яму* *вм. ему*, *Яхимъ* *вм. Егѣимъ*, *ящо* *вм. еще*. Перѣдко *е* превращается также и въ *а*, какъ: *цаго* *вм. чего*, *цалавѣкъ* *вм. человѣкъ*, *табѣ*, *сабѣ* *вм. тебѣ*, *себѣ*. Наконецъ, когда *е* стоитъ въ концѣ глагола, имѣющаго окончаніе *ѣшь*, то оно превращается въ *и*, и удареніе съ послѣдняго слога переносится на предпослѣдній, на примѣръ: *не пойдѣишь ли* *вм. не пойдѣишь ли*, *не найдѣишь* *вм. не найдѣишь*, *не украдѣишь* *вм. не украдѣишь*, и т. п. Тоже когда глаголь оканчивается на *етѣ*, *ется*, только въ этихъ случаяхъ удареніе остается на своемъ мѣстѣ, на примѣръ: *дѣлаишь* *вм. дѣлаетъ*; *хочѣица* *вм. хочется* и т. п.

Ж такъ и выговаривается, только грубо, какъ-бы съ прибавленіемъ напередъ буквы *з*. Иногда *ж* въ произношеніи замѣняется буквою *з*, на примѣръ: *бѣгѣишь* *вм. бѣзѣишь*.

И. Когда слово оканчивается на *ніе* или *тіе* или *піе*, то *і* въ произношеніи замѣняется удвоеніемъ той согласной, послѣ которой оно стоитъ, на примѣръ: *почтеніе* *вм. почтеніе*, *сма-трѣніе* *вм. смотрѣніе*, *пѣніе* *вм. пѣніе*, *питіе* *вм. питіе*, *капѣ* *вм. копѣ* и т. под.

К частію такъ и произносится, иногда же какъ *х*, напр. *это* вм. *кто*, *никто* вм. *нѣкто*, и т. под.

Л такъ и произносится; но когда глаголь оканчивается на *лъ*, то *л* превращается въ *в*, напримѣръ: *искалъ* * вм. *искалъ*, *зматрѣлъ* вм. *смотрѣлъ*, *заваривѣлъ* вм. *говорилѣлъ*, *платсерявѣлъ* вм. *потерявѣлъ*, и под.

Н большею частію такъ и произносится; иногда же какъ *м*, напримѣръ: *Миккулай* вм. *Николай*, а не рѣдко съ примѣсю *д*, напримѣръ: *ндравѣ* вм. *правѣ*.

О большею частію произносится какъ *а*, напримѣръ: *харашо* вм. *хорошо*; а иногда какъ *у*, напримѣръ: *Миккулай* вм. *Николай*; иногда какъ *ё* или *ю* латинское, напримѣръ: *ёнѣ* (*юн* по-лат.) вм. *онѣ*. Когда же прилагательное оканчивается на *ой*, тогда *о* произносится какъ *э*, напримѣръ говорятъ: *рябѣй*, *кривѣй*, *худѣй* вм. *рябой*, *кривой*, *худой*. Иногда *о* превращается въ *і*, напримѣръ: *пѣтъсь* вм. *поетъ*. Наконецъ иногда, именно въ настоящемъ времени глаголовъ, *о* послѣ какой-либо согласной буквы превращается въ *ы*, напримѣръ: *рытъсь* вм. *роетъ*, *мытъсь* вм. *моетъ*, *нытъсь* вм. *ноетъ*, *вытъсь* вм. *воетъ*, и т. под.

С, когда стоитъ въ конечномъ слогѣ глагола, именно когда глаголь оканчивается на *тѣя* или *тѣся*, выговаривается какъ *ц*, напримѣръ: говорятъ: *боитца* вм. *боится*, *хочитца* вм. *хочется*, *дратца* вм. *драться*, *ругатца* вм. *ругаться*, и т. под. Когда же послѣ *с* стоитъ *в*, то *с* всегда почти произносится какъ *з*, напримѣръ: *звиданне*, вм. *свиданіе*, *звиння* вм. *свиння*, и т. п.

Т. Часто произносится какъ *тс*, напр. *тсебѣ* вм. *тебѣ*, *пѣтъсь* вм. *поетъ*, *дѣлаитсь* вм. *дѣлаетъ*. А когда *т* стоитъ послѣ *ч*, то замѣняется удвоеніемъ *ч*, напр. *ачченне* вм. *поптенне*, *чченне* вм. *чтеніе* и т. под.

У большею частію такъ и произносится. Но когда эта буква стоитъ въ началѣ слова, то она выговаривается съ прибавленіемъ впереди *в*, напр. *вумный* вм. *умный*, *вучоный* вм. *ученый*, *вуголь* вм. *уголь*, *вутка* вм. *утка* и т. под.; иногда же *ч* въ началѣ замѣ-

* Надобно замѣтить, что *въ* всегда въ такомъ случаѣ произносится грубо, какъ-бы *у*, напримѣръ, когда говорятъ *искавъ*, то выходитъ какъ-бы *искау* и т. под.

няется удвоениемъ *в*, съ прибавленіемъ *о*, напр. говорятъ: *ввойдишь* вм. *уйдешь*. Предлогъ *у* не рѣдко произносится какъ *ю* и *въ*, напр. *ю* меня, *ю* тсебя, *въ* мяне, *въ* тсебѣ вм. *у* меня, *у* тебя.

Ф и *Ө* часто произносятся какъ *х* и *в*, или просто какъ *х*, напр. *хвилинь* вм. *филинъ*, *хвამилія* вм. *фамилія*, *Хвѣдаръ* вм. *Өедоръ*, *Хавронія* вм. *Өевронія* и т. под.

Ц большею частію произносится какъ *ч*, напр. *черькавъ* вм. *церковъ* и т. под.

Ч, наоборотъ, всегда почти произносится какъ *ц*, напр. *цасы* вм. *часы*, *цалавѣкъ* вм. *человѣкъ*, *цаго* вм. *чего*, *ноць* вм. *ночь*, *проць* вм. *прочь*, *доць* вм. *дочь*, *яблацко* вм. *яблочко* и т. п. Иногда *ч* произносится какъ *ш*, напр. *што* вм. *что*. *Чт* произносятся какъ *ш*, напр. *що* вм. *что* и т. под.

Ш почти всегда такъ и произносится; иногда же какъ *х*, напр. *слухай* вм. *слушай*.

Щ большею частію такъ и произносится; иногда же какъ *ш*, напр., *вешъ* вм. *вещъ*; нерѣдко *щ* представляетъ въ произношеніи что-то среднее между *ш* и *ш*, похожее на *с* и *ш*, напр. *щелкать*, произносится какъ бы *сшалкаться*, вм. *шипать* — *сшипаться* и под. Иногда же *щ* произносится какъ *ш* и *т*, напр. *лшто* вм. *еще*.

Ъ такъ и произносится; только въ концѣ всѣхъ глаголовъ въ третьихъ лицахъ единственнаго и множественнаго чиселъ эта буква замѣняется буквою *ь*, напр. *пѣзится* вм. *пѣдетъ*, *идзѣтсь* вм. *идетъ*, *сидзится* вм. *сидитъ*, *глядзится* вм. *глядитъ*, *скацутсь* вм. *скачутъ* и т. под.

Ы такъ и произносится; иногда же какъ *а*, напр. *добрай* вм. *добрый* и т. под.

Ь большею частію такъ и произносится. Послѣ же нѣкоторыхъ согласныхъ, какъ-то: *л*, *н* и *т*, эта буква замѣняется удвоениемъ той согласной, передъ которой она стоитъ, напр. *у* *Василля* вм. *у* *Василья*, *Илля* вм. *Илля*, *Ахрасиння* вм. *Евфросинья*, *Маланья* вм. *Маланья*, *Авдоття* вм. *Авдотья*. Въ неокончательномъ наклоненіи глаголовъ, оканчивающихся на *тсья*, *ь* выпускается, и вмѣстѣ съ буквою *с* замѣняется одною буквою *ц*, напр. *жаницца* вм. *женитъся*, *ссоритца* вм. *ссоритсья*.

Ь по большей части такъ и произносится; иногда же какъ *а*, напр. *цалаватсь* вм. *цѣловать*; иногда какъ *я*, напр. *нямой*

вм. нѣмой, пѣняпсь вм. пѣнять, у лѣсу вм. въ лѣсу, пѣтухъ вм. пѣтухъ и т. под.

Э всегда произносится какъ латинское *je*, напр., всегда говорятъ *жетотъ* вм. *этотъ* и т. под.

Я нерѣдко такъ и произносится; въ глаголахъ же, оканчивающихся на *тѣся* или *тѣся*, буква *я* превращается иногда въ *а*, а иногда въ *ы*, напр. говорятъ: *свататѣя* и *свататѣы* вм. *свататѣся*, *напитѣя* и *напитѣы* вм. *напитѣся*, *жѣнитѣя* и *жѣнитѣы* вм. *жѣнитѣся*. Въ 3-мъ лицѣ множественнаго числа съ окончаніемъ *ятѣ*, когда глаголъ состоитъ изъ трехъ слоговъ, *я* произносится какъ *ю*, и въ такомъ случаѣ удареніе съ послѣдняго слога переносится уже на предпослѣдній, напр. *гаво-рютъ* вм. *говорятъ*. Хотя рѣдко, но это бываетъ также, когда глаголъ состоитъ изъ двухъ слоговъ, напр. вм. *бранятѣ* говорятъ *брѣнютѣ*.

Всѣ прочія буквы (Б, З, И, М, П, Р, Х и Ю) не представляютъ никакого отличія въ выговорѣ. —

Таково здѣшнее произношеніе; но и оно тоже не всегда строго соблюдается; однѣ и тѣже буквы, въ совершенно подобныхъ и сходныхъ словахъ, то выговариваются правильно, то неправильно; обычай и привычка усвоили имъ извѣстное произношеніе.

Мягкія гласныя нерѣдко превращаются въ твердыя, напр. *церква* и *черква* вм. *церковь*.

2. Особенности въ словообразованіи, преимущественно въ окончаніи словъ при склоненіи и спряженіи ихъ, состоятъ въ слѣдующемъ:

а) Въ творительномъ падежѣ единственнаго числа окончаніе *ь* нерѣдко превращается въ *у*, напр. *а дворѹ* вм. *о дворѣ*, *о столбѹ* вм. *о столбѣ*; иногда же въ *и*, напр. *а камни* вм. *о камнѣ*, *а хлѣби* вм. *о хлѣбѣ*, *о птици* вм. *о птицѣ* и т. под.

б) Окончаніе родительнаго падежа множественнаго числа на *ъ* нерѣдко перемѣняется въ *овѣ*, напр. *лицѣвъ* вм. *лицъ*, *глазѣвъ* вм. *глазъ*, *спіщѣвъ* вм. *спищъ*, *яйцѣвъ* вм. *яицъ*, *птищѣвъ* вм. *птицъ* (слово *птица* большею частію замѣняется словомъ *пташка*).

в) Окончаніе родительнаго падежа множественнаго числа на *ей* всегда измѣняется въ *евъ*, напр. *полѣвъ* в.м. *полей*, *звѣрѣвъ* в.м. *звѣрей*, *плѣтнѣвъ* в.м. *плѣтней*, *огнѣвъ* в.м. *огней* и т. под.

г) Творительнаго падежа множественнаго числа окончаніе на *ми* всегда измѣняется въ *мъ*, напр. *дравамъ* в.м. *дровами*, *полямъ* в.м. *полями*, *деревамъ* в.м. *деревами* и т. под. Слова *яство* и *питіе* нерѣдко передѣлываются въ *питеньѣ*, *яденьѣ*; слово *картофель* — въ *картоля* и *каркота*.

д) Въ произношеніи слова *этотъ*, во всѣхъ падежахъ и родахъ единственнаго и множественнаго чиселъ, передъ *т* вставляется буква *в*, напр. *јевтотъ*, *јевтаго*, *јевтаму* и проч. в.м. *этотъ*, *этаго*, *этому*.

е) Въ предлогѣ *изъ* въ произношеніи опускается буква *и*, напр. *зъ лѣсу* в.м. *изъ лѣсу*, *зъ города* в.м. *изъ города* и т. под.

Въ спряженіяхъ особенности словообразованія слѣдующія:

а) Въ третьемъ лицѣ единственнаго и множественнаго чиселъ настоящаго и будущаго времени, конечная буква *ѣ* всегда измѣняется въ *ь*, напр. *идѣтъ*, *идутъ* в.м. *идетъ*, *идутъ*; *пѣзѣтъ*, *пѣдутъ* в.м. *пѣдетъ*, *пѣдутъ*; *будѣтъ*, *пріѣдутъ* в.м. *будетъ*, *пріѣдутъ* и т. под.

б) Окончаніе *лѣ*, какъ выше показано, всегда измѣняется въ *ѣ*, напр. *пріѣхавъ* (у) в.м. *пріѣхалъ* и т. под.

в) Дѣйствительное дѣепричастіе на *вши* измѣняется въ произношеніи или на *дчи*, или на *мши*, напр., в.м. *пріѣхавши* говорятъ *пріѣхамши* и *пріѣхадчи*, в.м. *напивши* — *напидчи* и *напимши*, в.м. *поѣвши* — *попдчи* и *поемши* и т. под.

Вмѣсто *пѣтъ* говорятъ *попдѣтъ*, в.м. *жатъ* — *пожѣнатъ*, в.м. *идти* — *идѣтъ*, в.м. *можетъ* — *можи*.

Вмѣсто *нужно*, *надобно*, говорятъ *нада*, или *надабѣтъ*, в.м. *домой* — *домовъ* (у), в.м. *едва* — *лидва*, в.м. *разомъ* — *заразомъ*.

3) Здѣшніе крестьяне имѣютъ особенные обороты рѣчи, составляемые, вопреки общепринятымъ правиламъ, изъ обыкновенныхъ, употребительныхъ словъ. Обороты эти суть слѣдующіе:

а) Нерѣдко прошедшее время глаголовъ замѣняется дѣйствительнымъ дѣепричастіемъ прошедшаго времени, на *ши* или *чи*, съ прибавленіемъ глагола *былъ*, напр. в.м. *пріѣхалъ* нерѣдко говорятъ: *былъ пріѣхавши*, или *пріѣхамши*, *пріѣхадчи*; в.м. *пришелъ* — *былъ пришовши*, *пришѣмши* и *пришодчи* и т. под.; а иногда

говорятъ просто, безъ прибавленія связки: *пришедчи, пріѣхадчи, уѣхадчи* вм. *пришелъ, пріѣхалъ, уѣхалъ* и т. под.

б) Такіе обороты, противные общепринятымъ правиламъ, особенно замѣчательны въ употребленіи предлоговъ. Такъ, вмѣсто предлога *въ*, требующаго творительнаго падежа на вопросъ: *гдѣ*, всегда употребляется *у*, напр. на вопросъ: *гдѣ ты былъ?* никогда не отвѣтятъ: *въ полѣ*, или *въ саду*, *въ лѣсу*, или *въ церкви*; но вмѣсто этого говорятъ *у поли*, *у саду* или *у сади*, *у лѣсу* или *у лѣси*, *у церкви* или *у черкви* и т. под. * Иногда между *у* и словомъ вставляется *въ*; въ такомъ случаѣ предлогъ *въ* удваивается; напр. говорятъ: *у въ варѣжѣ* вм. *во рѣси*, *у въ вавсѣ* вм. *въ овсѣ*. Предлогъ *въ* и при вопросѣ *куда* тоже всегда замѣняется предлогомъ *у*. Такъ, напр., на вопросъ: *куда ты ходилъ?* не отвѣтятъ: *въ лѣсѣ*, или *въ садѣ*, или *въ домѣ* и т. под., но скажутъ: *у лѣсѣ*, или *у садѣ*, или *у домѣ* и т. под. *

Предлогъ *за*, когда стоитъ при вопросѣ *куда*, верѣдко замѣняется предлогомъ *у*, напр. говорятъ: *я иду у грибы*, *у ягоды*, *у дрова*, *у малины*, *у лыки* и т. под., вм. *за грибами*, *за ягодами*, *за дровами*, *за малиной*, *за лыками* и т. под.

4) Кромѣ особенныхъ оборотовъ рѣчи, составляемыхъ вопреки общепринятымъ правиламъ, встрѣчается еще употребленіе общеизвѣстныхъ словъ въ особенномъ смыслѣ. Таковы слова: *мататься* вм. *терять*, напр., говорятъ: *силу выматалъ* (т. е. *потерялъ*); *поддѣть* вм. *украсть*, напр., говорятъ: *ѣнѣ (ѣон) ю меня сто рублѣвъ поддѣвъ* (*у*); *казакъ*, *казацка* (*казачка*) вм. *работникъ*, *работница*; *казавъ* или *казалъ* вм. *говорилъ*; *подогнать* вм. *выспѣть*, *прибить*; *дивно* вм. *мило*; *стѣнка* вм. *кладовая*; *благей* вм. *худо*; *больно* вм. *очень*, напр. *больно хорошо* вм. *очень хорошо*; *залупить* вм. *шибко побѣжать*; *Уланъ* вм. *Евламій*. Частица *ти* употребляется вмѣсто вопросительной частицы *ли*, напр., говорятъ: *ти пойдешь ты у лѣсѣ?* вм. *пойдешь ли ты въ лѣсѣ?* Иногда же послѣ *ти*, употребляемаго въ такомъ значеніи, и послѣ глагола, прибавляется вопросительная частица *ли*, напр. *ти пѣлъ ли*, или *ти пойдѣвъ ли ты сегодня?* вм. *пѣлъ ли ты сегодня?* При этомъ надобно замѣтить, что *ти* всегда прибавляется въ началѣ вопроса, а не въ концѣ.

* Почтенный авторъ ошибочно принимаетъ здѣсь особенность словоупотребленія за особенность синтаксическую. Прим. Ред.

Наконецъ 5) есть слова, которыя мало извѣстны или вовсе не-
извѣстны въ общеупотребительномъ языкѣ. Слова эти слѣдующія:

Абтяпкаль.	иногда вм. ограбилъ, иногда же вм. прибилъ, вы- сыкъ, смотря со смыслу рѣчи.
Аказія.	бѣда.
Анда.	такъ что, на пр. <i>ѣнъ яго вдаривъ (у), анда голова</i> <i>запирячала</i> вм. онъ его ударилъ такъ, что го- лова затрещала.
Аневѣжъ.	вм. неужели.
Апричь.	громъ.
Аттуля *.	оттуда.
Атчихвостить.	отзвонить.
Балахѣнь.	верхняя лѣтняя одежда мужчинъ, сшитая изъ бѣлаго холста.
Батракъ.	работникъ.
Батрачка.	работница.
Бацнуть.	ударить.
Блазъ.	хорошо, напр. <i>блазъ јонъ пошовъ (у)</i> вм. хорошо, что онъ пошелъ.
Бранитца.	ругаться, ссориться.
Валазѣнь.	зять, который входитъ въ домъ.
Вдруги.	въ другой разъ.
Вѣчинна. *.	очень, весьма.
Вѣкази.	странность.
Вѣма.	мимо.
Гарцовать.	кататься на лошадяхъ.
Гащить.	готовить.
Гарька.	вино простое.
Гѣрши.	болѣе.
Гутѣрить.	говорить.
Дежъ.	квашня.
Дѣсать.	довольно.
Дрянно.	очень, весьма.
Дужа.	очень, весьма.
Зааминить.	закончить.
Забубѣнить.	прокиснуть.
Загнѣтка.	припечникъ.
Застябать.	застегнуть.
Змѣтна.	сладко.
Зробилъ.	сдѣлалъ; напр. говорятъ: <i>шкоду зробилъ</i> — сдѣ- лалъ убытокъ.
Зудѣть.	чесаться, скоблиться.
Звѣтильку.	нечаянно.

* Эти слова отличаются только мѣстнымъ произношеніемъ. Прим. Ред.

Зъянь.	убытокъ.
Зъвать.	кричать громко.
Зяпѣть.	кричать громко.
Игрѣня.	игрище.
И жна.	даже, такъ что.
Искастѣть.	вм. сдѣлать порчу, повредить.
Кабы.	если бы; напр. <i>кабы ты јевта здѣлавъ (у)</i> , вм. если бы ты это сдѣлалъ.
Казулька.	скамья.
Кали.	когда, если, напр. <i>кали хѣшь, такъ придзи</i> , вм. если хочешь приди.
Капкомъ.	погою, напр. <i>ѣнъ ударивъ (у) јго капкомъ</i> , вм. онъ ударилъ его погою.
Картить.	хочется.
Кашѣлки.	плечи, напр. <i>несть на кошолкахъ</i> , вм. несть на плечахъ.
Каштавать.	угощать.
Кѣльки.	сколько.
Крѣше.	лучше.
Крупѣня.	супъ.
Кстить.	крестить.
Кститься.	креститься.
Кутъ.	передній уголъ въ избѣ, въ которомъ ставятся образа.
Лидва.	едва, напр. <i>лидва лидва я вѣшовъ (у)</i> , вм. едва едва я ушелъ.
Лѣтки.	голеи, икры.
Ляхцѣтца.	раздѣваться.
Магутнѣй.	сильный.
Мазгатѣть.	пустое говорить, а иногда шибко бѣгать, смотря по связи рѣчи, иногда—бить; напр. <i>ѣнъ дуракъ такей! камъ хто що јо няго спросить, ѣнъ усѣ мозгоцѣтъ</i> , вм. онъ дуракъ такой! когда кто объ чемъ у него спросить, онъ все пустое говорить. <i>Мнѣ батсѣка вѣлевъ јго паймѣтъ</i> , я за нимъ и побѣгъ, а јонъ какъ замозгоцѣтъ, да и вѣшовъ, вм. мнѣ батсѣка велѣлъ его поймать, и я за нимъ побѣжалъ, а онъ шибко побѣжалъ, да отъ меня и ушелъ. <i>Я јму плѣвъ у глѣзы, а јонъ мяня и понѣсъ за јевта мазгатѣтъ на галѣвъ</i> , вм. я ему плюнулъ въ глаза, а онъ за это и началъ бить меня по головѣ, и т. под.
Набуцѣтъ.	нагрузить.
Навѣстрѣлся.	поумѣлъ.
Напѣтирѣлся.	поумѣлъ.

Не въ цивиляхъ.	не значай, безъ намѣренія, безъ памяти.
Нѣшта.	тоже что нѣчто, а иногда—развѣ (при вопросахъ, напр. <i>ты нѣшта гулялъ?</i> вм. ты развѣ гулялъ?)
Нябось.	можетъ быть.
Ня плошь.	не хуже, напр. <i>ня плошь того</i> , вм. не хуже того.
Обстрипаль.	см. абтѣпкаль.
Паварѣшка.	большая ложка, которою наливаютъ жидкую пищу.
Пали́чка.	полка изъ доски.
Палѣшня.	звѣриная ловля.
Панѣсь.	началь, напр. <i>ѣнѣ и панѣсь мазгатаѣ</i> , вм. онѣ и началь пустое говорить.
Панать.	взять.
Папѣстца.	поправиться, напр. <i>ѣнѣ яго бивѣ (у)</i> , да и папѣстца ня даѣѣ (у), вм. онѣ его билѣ и поправиться не даѣѣ.
Передѣкъ.	скамья.
Перупѣмъ.	вм. недугомъ, припадкомъ, напр. <i>схватси тѣбѣ пирѣномъ</i> , вм. схвати тебя недугомъ.
Подженить.	высѣчь, прибить.
Подогнать.	высѣчь, прибить.
Пѣливка.	супъ.
Полудновать.	обѣдать.
Пѣпилъ *.	пепель.
Поретѣйте.	окажите помощь.
Прашкѣдить.	сдѣлать убытокъ; болѣе относится къ жидкости и означаетъ пролить; напр. <i>кѣльки я масла прошкѣдивѣ (у)</i> , вм. сколько я пролилъ масла.
Прихалимакъ.	мѣшечекъ.
Пяхтѣрь.	кошель, въ который набиваютъ въ дорогу сѣно.
Растурбавать.	разбудить, напр. <i>рано растурбавѣмъ рѣбѣтъ</i> , вм. рано разбудили ребятъ.
Рѣзвины.	кошель сшитый изъ веревокъ, которымъ носятъ сѣно.
Сабѣ **.	пусть, напр. <i>ѣонѣ сабѣ дѣлай</i> , вм. пусть дѣлаетъ.
Свербѣть.	чесаться, скоблиться.
Слѣвна.	точно какъ, напр. <i>ты обрядивѣся слѣвна бѣринѣ</i> , вм. ты нарядился точно какъ баринъ.

* Это слово отличается только мѣстнымъ произношеніемъ. Прим. Ред.

** Кажется смыслъ этого слова переданъ не совсѣмъ правильно. Сабѣ очевидно значить *себѣ*; только въ приведенной въ примѣръ фразѣ это слово, повидимому, имѣетъ значеніе, которое придаетъ ему авторъ; но и она можетъ быть передана буквально, сохраняя весь свой смыслъ: *онѣ себѣ дѣлай*. Примѣч. Ред.

Сопсовать.	разбить, повредить, напр. говорить: <i>я табь губы сапсую</i> , в. <i>я тебь губы разобью</i> .
Сотвѣдать.	сдѣлать пробу, покушать.
Спадабать.	понравиться.
Стѣпка.	кладовая.
Судница.	кухня.
Сакъ.	даромъ.
Тилиснуть.	ударить.
Торба.	мѣшокъ.
Троху.	} немного.
Трохи.	
Указейникъ.	плутъ, напр. <i>аѣ какѣй ты указейникъ!</i> в. <i>ахъ, какой ты плутъ!</i>
У перщи.	въ первый разъ.
Упудиться.	испугаться.
Урадзимай *.	злой, напр. говорить: <i>змѣй ты урадзимай</i> , т. е. злой.
Хата.	избѣ.
Хвать.	молодецъ.
Хуваться.	прятаться.
Цапъльникъ.	сковородникъ.
Цапѣла.	сковорода.
Цапнуть.	схватить, напр. <i>Хедзька ** шовъ (у), а Ванька лго и цапъ, да и ведаривъ (у)</i> , в. <i>Федоръ шель, а Иванъ схватилъ его, да и ударилъ</i> .
Пубуля.	лукъ (огородная овощь).
Ную.	слышу, напр. <i>ти цуѣшь ты, що я кажу</i> , в. <i>слышинъ ли что я говорю?</i>
Чванити.	гордиться.
Чумичка.	см. поварешка.
Шинавать.	угощать.
Шкода.	изъянъ, убытокъ.
Шостикъ.	припечникъ.
Шулуга.	небольшой шаръ, свитый изъ лыкъ (липовой ко- журы).
Щымпанить.	сѣчь, больно наказывать, напр. говорить: <i>ѣнъ мя ащымпанивъ</i> , в. того, чтобы сказать: <i>онъ меня больно наказалъ, или выпѣкъ</i> .
Ярмякъ.	такъ называется суконная верхняя одежда мужчинъ.

* *Урадзимай* не значить злой, а *урожденный*, въ переносномъ смыслѣ *настоящій, сущій*. Почтеннаго автора ввела въ заблужденіе транскрипція, приведенная имъ въ примѣръ, и въ которой это слово можетъ быть всего чаще встрѣчается. *Примѣръ. Ред.*

** Простолудинъ простолудина никогда почти не назоветъ полнымъ именемъ, напр. *Иванъ* или *Федоръ*, но почти всегда *Ванька, Хедзька, и т. д.*

Показавъ всѣ мѣстныя уклоненія народнаго языка отъ общепотребительнаго, я, для большей ясности, считаю нужнымъ помѣстить здѣсь образецъ народной рѣчи. Вотъ сказка, какъ она скazyвается здѣшними крестьянами.

НАДЗЕЙ ПАПОВЪ УНУКЪ.

«Какъ не въ какомъ чарствѣ, не въ какомъ гасударствѣ, какъ живъ (у) попъ, попъ удовъ (вдовый); и какъ была у іевтаго папа доць яго радная. Эта, братицъ ты, такъ енъ барегъ ле, и какъ енъ ни ѣдзитъ куды у приходъ, енъ завсѣгды вьзетъ ей гастинцыки, що ѣвта прихожани знаютъ, що ѣсь у нашего папа доць и надабитъ ей какъ нибутъ гастинцыкавъ паслатъ; и паѣхавъ (у) енъ у приходъ, — вѣреть за двинадцать дзирення. Ну ета енъ зъ причасттямъ паѣхавъ, и тамъ енъ причастивъ цалавѣка; ну ладна, и прибярѣгли яго воцинна харашо. Ну енъ и забывъ (у) щобы гастинца доцки дали, ну, енъ и свѣвъ зъ евтсимъ и паѣхавъ дамовъ (у). И ѣдзитъ енъ па дароги, и гаритъ цалавѣцкая галава на дароги, и усь згарѣла, тольки попилъ (пепель) ядинъ астаѣтцы. Енъ было праѣхавъ (у), патомъ и уздумавъ: щошъ я праѣхавъ, видъ цалавѣцкая галава гаритъ, дай я вазьму у карманъ етатъ папалокъ и пагрѣбу. Ну, дай я ѣвтакъ попилъ у карманъ улажу, и звязу дамовъ и пагрѣбу. Ну узалъ енъ у карманъ яго и усынавъ (у), свѣвъ на лашадъ, апятъ и паѣхавъ дамовъ. Ну, прѣяжжаитъ къ двару и сувѣтрикаитъ яго доцка, зъ лошади знимаитъ яго; у яго забалѣла галава, видна зъ вѣтру, и яна спатъ яго палажила на пярину. Ну потомъ яна уздумала ета: ахъ, батѣюшкажъ мой нябось гастинца привѣзъ. Яна и цапъ у карманъ, ѣвтатъ жи папалокъ абаратсѣвся ларцыкамъ. Ну ета яна выхватѣла етатъ ларцыкъ, и кажитцы, ну, ларцыкъ; харашо, а нязнаю какъ яго атлажитъ. Ну, вотъ яна выхватѣла и лизнула яго и забярѣминила. Кто носитъ па нядзѣлямъ, а яна па цасамъ; дайшло да таго урѣмя, що радзитъ и радзила; ну, сѣйчасъ патомъ яго и ахристѣли, наркли имя Надзей, паповъ унукъ. Патомъ сталъ росъ етатъ маладзеницъ; хто растѣтъ па гадамъ, а енъ па цасамъ; шѣсь нядзѣль концыласъ — на вуличу къ рѣбятѣмъ шулугу ганятъ пайшовъ. Вдѣаритъ енъ па шалугъ, шулуга лятсѣтъ, тольки звижитъ; каму вдѣаритъ

у нагу, нага проць, каму вдарить у руку, такъ рука проць, каму у галаву, галава проць. Эта атцы евтихъ дзятей и приходзятъ къ священнику етаму, и приходзятъ къ священнику съ прозьбай: батсюшка! ни пусшайте свайго унука на улицу гулять къ рябятамъ, больна многа ёнь шкоды (убытка) дзѣлантъ; каторый гаворить — майму галаву атарвавъ, другей гаворить — майму руку атарвавъ, — ни пусшайтсе, гаворютъ, батсюшка, какъ можна. Ну, харашо, могъ ёнь вудержать яго да самого лѣта, ёнь вырасть нарядашнай и гаварить ёнь: ну, дзѣдушка любезнай, щожъ мы будзимъ дзѣлатъ—рабататъ. Дрянно (очень, весьма) дѣдъ яго узрадовався и гаворить: доць мая любезная! Слава Табъ Госпадзи, гаворить; и далъ Богъ наслѣдника какога, гаворить; Богъ пайславъ; и какей хлапатнѣй: що я буду зъ нимъ дзѣлатъ? Ну, станимъ рабататъ. Пойдзимъ, гаворить, унуцыкъ мой, ляда вывалимъ. Пойдзимъ, дѣдушка! и зайшли яны у балота, и выбрали яны мѣста такоя припадобная (хорошее). Дѣдъ ставъ пацынатъ ель валить, ёнь (внукъ) гаворить: дѣдушка, ты няпоцнѣй, мяне благослави. Ну, гаворить дѣдушка, унуцыкъ, Богъ тсябя благославить. Ёнь сѣйчасъ, какъ нацавъ, какъ поцавъ, да какъ сталъ валить, анда лѣсъ трящитъ, такъ какъ сяканѣтъ зъ яднаго бока тапаромъ, съ другога—дзерива палятсѣла. Да двинадцатага цасу ёнь вываливъ палтары дзясцины ляда. Дѣдъ кѣжитъ (говорить): нужна сѣць мельця да жечъ, а ёнь гаворить: дѣдушка, мы и такъ у груддѣ (въ кучу) складзѣмъ. У три дни ета ляда пасѣла сѣятъ. Узяли яны зъ дѣдамъ и пасѣяли, да врадзивсяжъ авесъ, такъ етакай авесъ висказаннай. Ну, павадзився въ евтатъ овесъ мядзвѣдъ. Пазматрѣвъ попъ, схадимши, ляда — многа зѣдзина ав (у) са; приходзить ёнь дамовъ, спрашивають унукъ: що дѣдушка, ти какаво наша ляда? Дрянно, унуцыкъ, харашо, толькижъ повадилася какая-то дзикая лошадзъ, дрянно (очень) ись (ѣсть) и многа зѣяну здѣлала. Какъ такъ, дзѣдушка, сколько трудився я, а яна, евтакая шельма, сколько зѣяну надѣлала, — пайду пакаравулю; пайщитка мнѣ кольки ни на ёсь пяночки. Сѣвъ ёнь, звивъ абротъ (пеньковая узда), паабѣдавъ (у), въ лѣсъ пайшовъ. Приходзить ёнь въ ляда и вдивився ёнь удалъ добрай моладзиць: ахъ, Богъ мой, кольки шкоды здѣлала, тсирпѣтъся ни вазможна; и сѣвъ ёнь сирѣдъ ляда на цни. Ну, и сид-

ся бялѣшинька. Узявъ ёнъ ешту хатамацку, надзѣвъ ея на плечи, благославится: матушка мая любезная и дзѣдушка мой радзимай! благославитее на путъ, на дарогу. Памалився ёнъ Богу и паповъ, и вышавъ ёнъ у циста поля, и наставивъ ёнъ ни путсѣмъ, ни дарогай, и наставивъ ёнъ лясамъ дрямуцымъ, грязямъ тапуцымъ, и ишовъ ёнъ семь дѣнь безъ полдѣнь, ротъ на апашку, и языкъ на атмапку; вышевъ ёнъ у тридесатую землю, у тридесатая чарства, и выходзится ёнъ у цистая поля, у крутыхъ горы, и гуляйтъ Гарыня багатырь, и горы каккомъ капанитъ. Приходзить Надзей, паповъ унукъ къ нѣму, и гаворитъ: Богъ помаць Гарыня багатырь! куды такая въ тебѣ сила нязмѣтная; какъ ты, гаворитъ, гарамъ капаншь, какъ шулугу. А ёнъ гаворитъ яму: эхъ, гаворитъ, удалъ моладичъ! ни вдивляйся, гаворитъ, ты маея сѣли. Въ тридзевятай зямли у тридзясатамъ чарстви, гаворитъ, какъ ёсь, гаворитъ, Надзей паповъ унукъ, такъ у тога нѣ евкакая сила! какъ привевъ ёнъ мядзвѣдзя зъ лѣсу, да на мядзвѣдзи усѣ циста сѣло загрузивъ. Яго, гаворитъ, воранъ кастѣвъ нѣ заноситъ, добрай моладѣй конь нѣ завозитъ. А ёнъ гаворитъ: ахъ, братъ Гарыня багатырь! нѣ воранъ кости заноситъ, а самъ добрай моладзицъ заходзить. А ёнъ гаворитъ: ахъ, братъ, тѣкъ евка ты Надзей, паповъ унукъ! вазьми, братъ, мяна у мяньшѣи братѣя. Енъ яго и узавѣ, и лѣны многа хадзѣли, и многа багатырѣвъ пабѣдзили, и многа гародовъ захватѣли, патомъ лѣны пажанились и багата жили.»

Эту сказку престолюдинъ знаетъ всего тверже, и поэтому ея скорѣе здѣсь услышишь, чѣмъ другую.

ДОМАШНІЙ БЫТЪ.

Здѣшнія крестьянскія жилища называются *избами*. Онѣ строятся изъ лѣса средней толщины, и довольно низки: высота ихъ, ввнутри, по большей части, бываетъ въ два аршина и 45 вершковъ, а снаружи около 6-ти аршинъ и 12-ти вершковъ. Кроютъ избы дранью, перѣдко и соломой. Изба имѣетъ одно или два красныхъ окна и нѣсколько волоковыхъ: такъ называются небольшія окошки, прорубленныя въ стѣнѣ. Когда бываетъ нуженъ свѣтъ, то въ нихъ вставляется нарочно для того приго-

товленное стекло, а когда не нуженъ, то они закрываются деревянными задвижками. Комнатъ въ избѣ не болѣе двухъ: одна большая, въ которой обыкновенно живетъ и работаетъ семейство, и въ которой справляются праздничныя пирушки; другая небольшая, отдѣленная отъ первой деревянными досками, — перегородкою, — и называемая *чуланомъ*; здѣсь готовится пища. Въ большой, жилой комнатѣ, въ переднемъ углу, ставится ображница съ образами. Мебель въ избахъ состоитъ въ слѣдующемъ: изъ угла въ уголъ, около стѣнъ, кладутся доски, съ укрѣпляющими ихъ подставками; эти доски служатъ для сидѣнья и называются лавками; около передняго угла становится столъ, еловый или другаго дерева, обыкновенной формы, съ ящикомъ, въ которомъ хранятся самими крестьянами, изготовляемыя ложки и деревянные простыя чашки; здѣсь же нерѣдко хранится и хлѣбъ, необходимый для стола въ продолженіе дня.

Противъ избы ставятъ обыкновенно такъ-называемыя свѣтелки, съ однимъ или двумя волоковыми окошками. Эти свѣтелки одинаковой вышины съ избой, и суть нечто иное, какъ кладовыя, въ которыхъ хранится платье, стеклянная, глиняная и деревянная посуда и т. п. Въ свѣтелкахъ нерѣдко становятся и ручные жернова, чтобъ молоть хлѣбъ. Около избы и свѣтелки ставится скотный дворъ съ нѣсколькими хлѣвами, а на дворѣ или въ огородѣ — анбары для храненія всякаго хлѣба. Далѣе, за дворомъ, слѣдуютъ огороды. Они раздѣляются на двѣ части: въ одной растутъ овощи, а въ другой — одна лишь трава; эта часть огорода назначается для сушки сѣна и для уборки съ поля сноповъ. Въ ней строятся пуня и сарай для уборки сѣна, соломы и мякны. Здѣсь же ставится и овинъ для молотбы хлѣба.

Обыкновенная зимняя одежда, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, состоитъ въ полушубкахъ, собранныхъ изъ овчинокъ и телячьихъ шкурокъ; изъ суконныхъ сърыхъ кафтановъ, у мужчинъ широкихъ, называемыхъ ярмяками, а у женщинъ — узкихъ, сшитыхъ на подобіе полушубка и называемыхъ зипунами, а нерѣдко сарожью. Эту же самую одежду носятъ крестьяне и крестьянки и въ праздники, съ тѣмъ только различіемъ, что праздничная одежда бываетъ почище обыкновенной. На

праздничные ярмяки нашивается по воротнику плисовая обкладка, черного или зеленого цвѣта; полушубки и зипуны шьются съ многими борами назади и съ ясными небольшими пуговками наперед. — Обувь мужскую и женскую, обыкновенную и нарядную, составляют лапти съ плетеными пеньковыми или ремennыми оборами (ременные оборы носятъ болѣе по праздникамъ); впрочемъ нѣкоторые въ праздники нерѣдко надѣваютъ и сапоги. — На головѣ мужчины носятъ по буднямъ и праздникамъ шапки съ чернымъ бараньимъ околышемъ; только обыкновенныя шапки бываютъ низкія, а праздничныя высокія, и болѣею частию плисовыя; женщины на головѣ носятъ повойцы, а по повойцамъ, сверху, повязываютъ платки, въ обыкновенные дни набойчатые, или простые бѣлые холстяные, а въ праздники коленкоровые и ситцевые; также носятъ онѣ и кокошники.

Лѣтомъ, въ будни, мужчины ходятъ болѣею частию въ однѣхъ рубашкахъ, а по праздникамъ въ ярмякахъ; когда же бываетъ жарко, то надѣваютъ бѣлые полотняные балахоны, сшитые наподобіе зипуновъ; на головѣ въ простые дни носятъ колпаки, сшитые изъ холста, или худыя низенькія шляпенки, а въ праздники обыкновенно высокія шерстяныя шляпы. Ежедневная одежда женщинъ суть сарафаны, называемые у нихъ касталанами, которые шьются изъ бѣлаго или изъ окрашеннаго холста, а по праздникамъ набойчатые сарафаны или ферязи, крашенные или китайчатые, съ ясными наперед маленькими пуговками и съ ситцевою или ленточною обкладкою около пуговокъ и по подолу. На головѣ женщины носятъ тоже, что и зимою. На ферязи или сарафаны онѣ нерѣдко тоже надѣваютъ зипуны, или бѣлые балахоны. Лѣтняя обувь мужчинъ и женщинъ таже, что и зимняя.

Обыкновенная пища жителей — ржаной хлѣбъ. Рожь мельять и на мельницахъ, но болѣе руками въ жерновахъ, которые имѣетъ у себя почти каждый хозяинъ; поэтому хлѣбъ бываетъ не совсѣмъ хорошъ. Къ веснѣ бѣдные перемѣшиваютъ рожь съ овсомъ и даже мякиною, и ѣдятъ такъ-называемый пушной хлѣбъ. Изъ огородныхъ овощей здѣшніе жители ѣдятъ капусту, картофель, а въ лѣтнее время свеклу. Обыкновенная пища здѣшнихъ крестьянъ въ простые дни ограничивается хлѣбомъ, щами изъ сѣрой капусты и такъ-называемою поливкою, то-есть

водою, приправленною ржаною мукою. Бѣдные нерѣдко и этого не имѣютъ, а употребляютъ въ пищу одинъ хлѣбъ съ водою. У нихъ и въ постные и въ скоромные дни пища почти ничѣмъ не разнится; изрѣдка только приправляютъ они ее солонихою; богатые же иногда употребляютъ и мясо. Но въ праздничные дни столъ бываетъ достаточный. Въ постные праздничные дни, кромѣ щей съ грибами, или со снятками и съ ржаною приправою, варятъ еще кашу съ грибами изъ овсяныхъ, житныхъ или ржаныхъ крупъ, и такъ - называемые клечки — родъ лапши, только изъ ржаной или овсяной муки; кромѣ того готовятъ ржаные, нерѣдко ячменные, а богатые даже и пшеничные пироги, начиненные кашею, ячменною или ржаною, часто и гречневою, съ грибами, или безъ грибовъ; наконецъ ѣдятъ овсяный кисель и кашу ржаную, житную или гречневую. Въ скоромные праздничные дни крестьяне ѣдятъ щи изъ сѣрой капусты и кашу со свининою, или другимъ мясомъ, пироги съ творожною кашею, нерѣдко жаркое изъ какого-нибудь мяса, молоко, большею частію кислое, рѣдко прѣсное, и какую-нибудь кашу. Пьютъ обыкновенно квасъ, только всегда почти плохой; въ большіе же праздники, какъ-то въ Рождество Христово, въ Св. Пасху и въ храмовые праздники, пьютъ пиво, которое, въ такое время, есть почти въ каждомъ крестьянскомъ домѣ.

ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ.

При рожденіи дѣтей никакихъ особенныхъ обрядовъ не соблюдается.

При крещеніи обряды бываютъ слѣдующіе: по совершеніи Таинства Крещенія обыкновенно бываетъ обѣдъ, на который приглашаются кумъ и кума, а также родственники и сосѣди. Обѣдъ бываетъ праздничный и идетъ обыкновеннымъ порядкомъ. Во все продолженіе обѣда, кумъ и кума должны говорить какъ можно больше, для того, чтобъ новорожденный младенецъ былъ краснорѣчивъ. Потомъ, когда подается каша, одна изъ необходимѣйшихъ принадлежностей этаго обѣда, — маленькія дѣти * бѣгутъ съ нею какъ можно скорѣе вонъ

* Маленькія дѣти всегда собираются къ этому обѣду. Если родится мальчикъ, то собираются мальчики, а если дѣвочка — дѣвочки.

изъ избы и тамъ ее ѣдятъ; ловятъ, смотря по полу новорожденного, пѣтуха, или курицу, кладутъ ихъ въ чашку, гдѣ была каша, ногами къ верху, приносятъ въ избу, гдѣ идетъ обѣдъ, и ставятъ на столъ. Это для того, чтобы новорожденное дитя скорѣе начало бѣгать, чтобы оно было проворно и скорѣе начинало пѣть. Послѣ обѣда, кумъ и кума прямо изъ-за стола также должны непременно бѣжать вонъ изъ избы, для того, чтобы дитя скорѣе начало бѣгать. Въ заключеніе, куму и кумѣ непременно даютъ въ подарокъ по пирогу.

При вступленіи въ возмужалость никакихъ обрядовъ не бываетъ.

ОБРЯДЫ ПРИ СВАДЬБАХЪ.

Къ одному и тому же крестьянину ходятъ свататься раза два, или три. Отецъ невесты, по обычаю, никогда при первомъ сватовствѣ не соглашается выдать свою дочь въ замужество, хотя бы онъ этого и желалъ. Такъ водится, чтобъ показать, что отецъ выдаетъ свою дочь не охотно.

Сначала бываетъ рукобитье. Оно происходитъ такъ: отецъ жениха приходитъ къ отцу невесты, приноситъ штофъ вина и пирогъ, и послѣ привѣтствія начинаетъ такую рѣчь: «ну, звать, «тсѣни столъ на куть, я ву минѣ гарѣлка и пирогъ тутъ; давай «мы сваю свадьбу скряпимъ.» Послѣ этихъ словъ подается кушанье (столъ) и отецъ жениха угощаетъ отца невесты, съ слѣдующею приговоркою: «нутка зватушка любезнай! прашу водки маей кушатъ, да маихъ ряцовъ добрыхъ злушатъ». За тѣмъ, такимъ же образомъ и съ такою же приговоркою, онъ угощаетъ сватью и все семейство. Наконецъ является невеста, которой даютъ стаканчикъ вина, положивъ въ него денежный подарокъ — четвертакъ, или полтинникъ, смотря по состоянію. Она выпиваетъ вино и вынимаетъ подарокъ, а въ замѣнъ его даритъ отцу жениха три ширинки, то-есть три небольшихъ холстинныхъ платка. Этимъ рукобитье и кончается.

Въ день самой свадьбы, утромъ, бываетъ такой обрядъ:

Собираются всѣ родные и знакомые, и изъ нихъ избирается дружка отцемъ жениха. Какъ скоро онъ избранъ, его сажаютъ въ передній уголъ, и отецъ жениха обращается къ

нему съ такою рѣчью: «я табѣ даю ядвяго, а ты привадзи мнѣ пару». Дружко отвѣчаетъ: «ни яднаго ни пару, а я привяду табѣ траихъ и цатвѣрыхъ». — Не надабитесь мнѣ — говорить на это отецъ жениха — ни трѣхъ ни цатвѣрыхъ, а надабитесь мнѣ пару: траихъ и цатсвѣрыхъ яны сами наживутся. — «Ну, ладна — говорить дружкѣ — дядзюшка старай! привядзёмъ табѣ пару».

Послѣ этого, отецъ жениха замолкаетъ, а дружко начинаетъ говорить такъ: «ёсь ли у нашего князя маладога батсёшка раднѣй, матушка раднѣя? блаславится нашего князя маладога прибутсь, придѣтсь, прирядзितсь, абрядъ палажитсь, бѣль цулокъ, сахъянъ сапогъ, кунню шубу, саболю шапку, гѣрцавай (гарусный) поясъ падпаясатсь, шалковую петлю застыбатсь (застегнутъ)». За тѣмъ отводятъ жениха въ другую избу, гдѣ его и наряжаютъ. Когда его нарядаютъ, приносятъ сковороду, и на нее ставятъ его обѣими ногами, а тѣ, которымъ назначено ѣхать вмѣстѣ съ нимъ за невѣстою — не менѣе 6-ти или 8-ми человекъ вмѣстѣ съ женихомъ — становятся вокругъ его на сковороду, только правыми ногами. Послѣ этого, всѣ стоящіе на сковородѣ цѣлуютъ образъ, при чемъ дружко говоритъ: «ну, цалуйте Божіе милосердіе, щобъ (чтобы) стаятсь другъ за друга, братъ за брата, за единую кровь капли (т. е. каплю крови)». Все это, какъ видно, составляетъ у нихъ родъ присяги. По совершеіи этого обряда, всѣ опять идутъ въ избу, гдѣ собраніе, и идутъ въ такомъ порядкѣ: впереди идетъ съ образомъ тысяцкій — крестный отецъ жениха или невѣсты, за нимъ женихъ, потомъ дружко, а за симъ поѣзжане, которые ѣздятъ съ женихомъ за невѣстою. Войдя въ избу, они останавливаются посреди ея, и дружко начинаетъ такую рѣчь: «Ти ёсь у нашего князя маладога батюшка радзимаі, матушка радзима? Блаславитее насъ за столы дубовыи, за скатирьтси браныи, за напѣтки пьяныи, за ѣствы сахарныи». Послѣ этого всѣ садятся за столъ и дружко продолжаетъ: «Агапъ Кузмицъ, Агапъ Кузмицъ! (имя женихова отца) подзь сюды къ намъ, скажи намъ, що у насъ будзѣтсь: хлѣбъ съ соллю, аль блаславленне, аль кликанне?» Отецъ жениха отвѣчаетъ: «кликанне». «Ну, каіи такъ, — говоритъ дружко, — такъ пажалуйтси намъ златѣя блюда, шалковай платъ, залатую казну збиратсь».

Ставятъ на столъ блюдо и дружка начинаетъ кликанье. Сначала кличетъ отца женихова такъ: «ну, батсюшка радзимай, вскармивъ ты цада милая, дитя своё радзимая. Теперь проситъ нашъ князь маладэй, а твой сынъ раднэй сладкимъ мёдамъ, низкимъ паклонамъ, щобъ зелена вина выпивъ, да весель ты бывъ, я (а) нашего князя сярябромъ надзяливъ, да радзятельскимъ блаславленнемъ». Отецъ выпиваетъ поднесенный ему стаканчикъ вина и даритъ жениха деньгами, которыя кладетъ въ блюдо. Потомъ дружка такимъ же порядкомъ вызываетъ всѣхъ родныхъ и сосѣдей, и наконецъ спрашиваетъ: «усѣль»? Отецъ отвѣчаетъ: «усѣль». По окончаніи кликанья, дружка обращается къ присутствующимъ и говоритъ: «тсихая бясѣда, веселая игриня, гостсики званьи, браньи (избранные)! ти нѣтъ такихъ охотничковъ изъ маладыхъ рябятъ (молодыхъ холостыхъ мужчинъ) пѣсню сыгратъ, свадзьбу нацать, былобъ пацемъ пиръ спазнатъ (узнать)». Молодые холостые парни отвѣчаютъ: «гостсики званьи, браньи! знаимъ мы пѣсни и голосныи и плясовыи: какую вамъ пѣсню сыгратъ»? Дружка говоритъ: «нѣтъ, плясовыхъ намъ ни нада, а сыграйтси намъ пѣсню голосную: «басла Божа (благослови Боже) Божунька». «Знаимъ мы ету пѣсню — отвѣчаютъ холостые, — да дараго яна стоитъ: сто рублёвъ дзенигъ, три скирды сѣна, двадцать кавригъ хлѣба, да двадцать цатсвертей авса; насъ двадцать пятъ цалавѣкъ играцовъ, мы люди заѣжжѣе, ётсимъ корьмимся мы и поимся». «Нѣтъ, много такъ, — говоритъ дружка, — вы и тутъ пѣтсь ни станитсе, и у другомъ мѣсти пражѣвантси; а вотъ вамъ штохъ гарѣлки, пива много, да какъ сумы два пирога». Пѣвцы на это соглашаются, становятся на скамью и говорятъ: «нужъ давайтси пива много, да какъ сумы два пирога»; и имъ даютъ два пирога. За симъ они начинаютъ такую рѣчь: «ти ёсь въ нашего князя малодога батсюшка раднэй, матушка раднал, сестрицы радзimy, брайцыки радзimy и гостики званьи, браньи? Блаславитсе нашему князю малодому пѣсинку сыгратъ, свадзьбу нацать, былобъ пацѣмъ пиръ спазнатъ, а намъ низкій поклонъ атдатъ». На это всѣ кричатъ: «Богъ блаславитсе, Богъ блаславитсе, Богъ блаславитсе». Тогда пѣвцы поютъ слѣдующую пѣсню:

Гасла Божа Божунька

Свадзбу игратсь, заигрыватсь!

Свадзбу игратсь такого-то (имя жениха),

Пива пить такого-то (имя отца женихова),

Пираги ись такой-то (имя матери жениховой).

Ну, дай же намь, Божунька!

Устмь людзёмь на завись,

Батьски зь маткай на радась,

А двумь маладымь на любовь на савѣть,

На любовь, на савѣть, и на долгій вѣкъ.

Когда поють эту пѣсню, одинъ изъ пѣвцовъ держитъ въ рукахъ два небольшихъ пирога и бьетъ ихъ одинъ объ другой, а по окончаніи пѣсни бросаетъ ихъ къ порогу, гдѣ ихъ и подхватываютъ ребяташки.

У жениха женщины поють затѣмъ слѣдующее: *

Затапись банюшка!

Разгарись каминка!

И распацсь, моладіць!

И по волѣ батскиной

И по нѣгь маткинай,

Па сваимь русымь кудрямь.

У невѣсты тоже самое поють такъ:

Затапись банюшка!

Разгарись каминка!

И распацсь, дзѣвица!

И по волѣ батскиной

И по нѣгь маткинай,

Па свай русой касѣ.

Послѣ того наступаетъ обѣдъ, который начинается слѣдующими словами дружка: «ну, батьски май радзимаи, маладога дали мнѣ; таперь дайси водки, пива сколько нада, сорокъ сараковъ (у) бальшихъ пираговъ, а малинькихъ змѣту нѣту (безъ числа), да тысяцу ложикъ». Когда дружка это скажетъ, собираютъ на столъ, и всѣ становятся вокругъ него, а дружка снова говорить: «людзи добраи, разумнай, распривкрасныи, прывумныи,

* Надобно замѣтить, что всѣ эти обряды во время свадьбы совершаются въ одно и тоже время и у жениха и у невѣсты, безъ измѣненій, только съ примѣненіемъ къ полу.

и батсюшка родзимай (такой-то) зъ матушкой радзимай (такой-то)! *, блаславится насъ за столы дубовыи, за скатсирьтси браныи, за напитки пьяныи, за ѣствы сахарныи, хлѣба соли кушатъ, да добрыхъ ряцовъ слухатъ.» Всѣ кричатъ: «Богъ блаславится», и усаживаются за столъ.

По окончаніи обѣда, благословляютъ жениха. Благословеніе начинается такими словами дружка: «ти ёсь ли въ нашего князя навабражнаго (такого-то) раднѣй батсюшка? Подъ сюды, выступи! бласлави насъ на добра каня сѣсь, у цисто поле выѣжжатъ, сѣ буйнымъ вятромъ ваеватъ, въ зелѣныи дубровы къ сабарнай черькви статъ, златъ вѣнецъ палуютъ, сваю сужану панятъ (взять), Божій Законъ принятъ». На эти слова выходитъ отецъ и благословляетъ жениха. Такимъ же образомъ дружка вызываетъ и всѣхъ родныхъ. Потомъ обращается онъ къ гостямъ и говоритъ: «гости званыи, браныи, веселая игрѣня (игрище), тихая бѣсѣда, уштивай жѣны, пацотныи мужья, малаи рябяты! усъ блаславится нашего князя маладога! а хто ни блаславится, таму сваихъ дзятѣй ни блаславятъ, сваихъ сыновъ ни жанитъ, дацовъ замужъ нитдаватъ.» На это всѣ кричатъ: «Богъ блаславится, Богъ блаславится, Богъ блаславится!»

Послѣ благословенія жениха, всѣ потѣзжане выходятъ на дворъ; имъ предшествуетъ дружка съ образомъ. Вышедши, они становятся вокругъ, среди двора, а дружка, обращаясь къ отцу и матери жениха, говоритъ: «Пажалуйтсе намъ куль хмѣлю, да цатсварикъ ячменю.» Мать выноситъ нѣсколько хмѣлю и ячменю; тогда дружка съ образомъ, а мать съ хмѣлемъ и житомъ обходятъ кругомъ всѣхъ потѣзжанъ, и мать всякому изъ нихъ бросаетъ въ шапку по нѣсколько хмѣлю и ячменю, для того, чтобы молодымъ богато и весело жить. Затѣмъ отецъ и мать жениховы даютъ дружкѣ вина, пива, пироги, кусокъ мяса и потѣзжане отправляются за невестою.

Пріѣхавъ къ воротамъ невесты, потѣзжане останавливаются. Дружка сходитъ съ саней, или съ телеги, подходит къ воротамъ, у которыхъ уже стоитъ свать (отецъ невесты), и обращается къ нему съ такою рѣчью: «Зватушка

* Если у жениха, или у невесты нѣтъ отца, или матери, или того и другой, то мѣсто ихъ заступаютъ ближайшіе родственники, хозяинъ и хозяйка того семейства, въ которомъ они живутъ.

любезнай! мы савѣтъ савѣтали, и слава клаи, и Бога цалавали; у насъ ёсь князь маладѣй, а у тсебя княгиня маладая; а любви гостси примитсе, а не любви—назадъ пашлитсе.» Сватъ отвѣчаетъ: «милости просимъ», и при этихъ словахъ отворяетъ ворота, въ которыя всѣ вѣзжаютъ въ саняхъ, или на телѣгахъ, не слезая, и остаются, не слезая же съ нихъ, и на дворъ, кромѣ дружка и крестнаго отца женихова, которые, вмѣстѣ со сватомъ, идутъ въ избу. Входя въ нее, дружокъ говоритъ: «здравствуй сватушка любезнай, сватыюшка любезна! ти ждали вы гостей къ сабѣ, и какъ мы таперь схадитца изволимъ на хлѣбъ-соли?» Сватъ говоритъ: «милости просимъ, а пожалуйста хлѣбъ соль сваю, съ цѣмъ вы къ намъ пріѣхали?» «У насъ хлѣбъ соль свая ёсь,—отвѣчаетъ дружокъ,—сѣйчасъ принясёмъ,» и, выходя изъ избы, говоритъ: «прасшайтси, упярѣдъ дайтси!» Дружокъ беретъ изъ саней, или телѣги, ведро пива, а тысяцкій кавригу (хлѣбъ), и съ этимъ опять входятъ въ избу. Въ то же время и дружокъ съ невѣстиной стороны беретъ ведро пива, а тысяцкій хлѣбъ. Тѣ и другіе обходятъ три раза кругомъ другъ около друга, и за тѣмъ крестные отцы мѣняются хлѣбами, а дружки, попивъ одинъ у другаго пива, сливаютъ оное въ одно мѣсто. Послѣ этого обряда, дружокъ съ жениховой стороны говоритъ дружку съ невѣстиной стороны: «нутка сватушка любезнай, пакажитка намъ сваю невѣсту.» «А вы — говоритъ невѣстинъ дружокъ — пакажьте намъ свайго маладога.» «Маладога свайго — говоритъ первый, — мы сѣйчасъ привядзёмъ, а отъ васъ що будзитсе милаетси, мы трохи (немного) падаждёмъ.» «Милости просимъ — говоритъ второй: привадзитсе.» Первый дружокъ, вводя въ избу жениха, говоритъ: «вотъ мой князь маладѣй, атецкій сынъ раднѣй, бизъ храмоты, бизъ худоты, бизъ усякія боли. Ну, пакажьтежъ вы навѣсту?» Второй дружокъ, указывая на четырехъ дѣвицъ, которыя съ невѣстою сидятъ за столомъ съ закрытыми лицами *, говоритъ: «вотъ вамъ три и цатыри, выбирайтси сами любую, тае или другую.» «Нѣтъ, сватушка (такъ обыкновенно называютъ дружки другъ друга) — возражаетъ первый дру-

* Нужно замѣтить, что лицо невѣсты съ этого времени, и до пріѣзда домой послѣ вѣнца, постоянно бываетъ закрыто большимъ платкомъ и раскрывается только на время совершенія брака.

жко: — вы насъ въ абманъ ни ввадзится, а нашу княгиню маладую привадзится.» Послѣ этихъ словъ выводятъ изъ-за стола невесту, и въ то время, когда она сходится съ женихомъ, оба (женихъ и невеста) всячески стараются прежде наступить другъ другу на правую ногу правою же ногою. Какъ скоро они сойдутся, женщины поютъ:

Ягада зъ ягадай сакатсилася,
Ягада ягаду за руку узяла.

Послѣ этого стиха, дружка жениховъ, обращаясь къ отцу и къ матери невесты, говоритъ: «сватушка любезнай и сватыюшка любезна! пажалуйтси намъ стола, у насъ хлѣбъ соль свая». «Миласти просимъ — отвѣчаетъ свать: — извольтси садитца». Дружка продолжаетъ: «сватушка любезнай, сватыюшка любезна! пажалуйтси намъ шубу, которую старай дѣдъ насивъ сто сораць лѣтъ, и износу нѣтъ». Ему даютъ шубу; онъ разстигаетъ ее за столомъ на лавкѣ, шерстью вверхъ, сажаетъ на нее жениха съ невестою, и посадивъ, говоритъ: «сватушка любезнай! отъ свата любезнаго (то-есть женихова отца) дано намъ многа хлѣба и соли, гарѣлки ведро и пива много, сораць сараковъ большихъ пироговъ, а малинькихъ змѣту нѣту. Зватушка любезнай и зватыюшка любезна! проситесь нашъ князь навабражнѣй съ княгинѣй винабражнѣй ка бѣламу сыру и цыстаму серебру, вина, пива купатся; кали будзите скажитси, а ня будзити — откажитси». Послѣ этаго бываетъ угощеніе сыромъ, виномъ и пивомъ, а за тѣмъ и обѣдъ невестинъ. Между тѣмъ женщины поютъ:

Нияжи бобрѣ у крутсѣй берегѣ,
Ни сидзи такой-то (женихъ) у пужомъ пиру,
Саряжайка ты свадзибку.

(bis) — У мяня давно свадзѣба знаряжина,
Девятъ варобѣ пива зварина,
А десятый варъ зелѣпа вина. *

* Еще передъ отъѣздомъ къ вѣнцу, невестинъ дружка даритъ жениховыхъ повъжанъ, отъ имени невесты, бѣлыми утиральниками, приговаривая: «Вотъ, наша маладая не спала, но прями, да ткала, дары гашила, да вашу миласть дарила». Нужно замѣтить, что дружка не отдаетъ утиральники повъжанамъ въ руки, но повязываетъ имъ черезъ правое плечо и подъ лѣвую пазуху; съ этой перевязкой они и ѣдутъ къ вѣнцу.

Послѣ этой пѣсни отправляются къ вѣнцу.

Бдучи отъ вѣнца, потѣзжане поютъ:

Охъ, вы сокамы, сокамы, 2

Даляко ли вы лѣтали? 2

— А мы лѣтали, лѣтали, 2

Да и съ моря на маря. 2

А кага жа вы видзили? 2

— А мы видзили, видзили, 2

Сѣру вутину въ завади. 2

Атъ цагѣ же ня поймали? 2

— А мы поймаѣсь ня поймали, 2

Сиза перья рѣщили, 2

Гарюцую кровь пролили. 2

Ахъ, вы бояры, бояры! 2

А куда жа вы ѣздзили? 2

— А мы ѣздзили, ѣздзили, 2

Да и зъ горада на гарадь. 2

А каго жа вы цули, видзили? 2

— А мы видзили, видзили, 2

Красну дѣвицу въ тсерими. 2

Атъ цаго ее не взяли? 2

— А мы узятъ её не взяли, 2

Русу косу рѣспляли, 2

Гарюцїи слезы пролили. 2

Послѣ вѣнца всѣ ѣдутъ въ домъ жениха. Отецъ и мать его, одѣвшись въ шубы, вывороченныя шерстью вверхъ, выходятъ съ хлѣбомъ и солью за ворота, и здѣсь встрѣчаютъ молодыхъ. Новобрачные при этомъ обыкновенно кланяются имъ въ ноги, а они благословляютъ ихъ и даютъ имъ хлѣбъ съ солью, который молодые должны нести въ избу вмѣстѣ, правыми руками. Когда они входятъ въ избу, дружка невѣстинъ, послѣ обыкновеннаго привѣтствїя, говорить: «Сватушка любезнай, сватьюшка любезна! пожалуйте намъ стола, у насъ хлѣбъ соль свая.» «Милаѣси просимъ, — отвѣчаетъ свать, — извольте садитца.» За тѣмъ токъ въ токъ повторяется описанное выше, но угощенїе бываетъ уже невѣстино. Молодые здѣсь хотя и садятся за столъ, но почти не сидятъ на мѣстѣ, ибо должны постоянно вставать и кланяться тому, кого дружка вызываетъ и угощаетъ отъ ихъ имени. Послѣ угощенїя, дружки берутъ молодыхъ подъ руки, выводятъ ихъ изъ-за стола и раскрываютъ голову и лице невѣсты двумя пирогами, съ слѣдующею приговоркою:

Хараши новы избы падъ кровомъ,
А лучши за того наша княгиня безъ покова.

За тѣмъ всѣ гости садятся за столъ и объдаютъ, а молодые объдаютъ въ особой избѣ.

Во время объда, послѣ свадьбы, женщины, собравшись у порога, поютъ слѣдующія пѣсни:

МОЛОДЫМЪ:

Изъ-за лѣсу, лѣсу тѣмнаго,
Изъ садзика зеленаго, 2
Вымѣтала тамъ стада гусиная, 2
А другоя лебедзиная; 2
Атставала лебедушка,
Отставала лебедь бѣлая,
Проць атъ стада лебядзинага; 2
Приставала лебедушка,
Приставала лебидзь бѣлая, 2
Що ка стаду, ка сяримъ гусямъ. 2
Национали ее сяры гуси, 2
Нацали ее щипатъ, кляватъ. 2
— Ни щиплятся гуси страи! 2
Ни сама я къ вамъ залѣтсила, 2
Ни сваєю ахотаю: 2
Занясло мяня пагодаю, 2
Що пагодаю, буйнымъ вятромъ, 2
Какъ буйнымъ вятрымъ, частымъ даждёмъ. 2
Атставала красна дзѣвица 2
Проць отъ харавода красныхъ дзѣвушкѣ; 2
Приставала красная дзѣвица
Къ хараводу маладымъ малодушкамъ. 2
Нацали ее малодушки,
Нацали ее журить, бранить. 2
— Ни бранится людзи добраи! 2
Ни сама я къ вамъ пріѣхала, 2
Ни зваєю ахотаю; 2
Занясло мяня пагодаю,
Завязли мяне дабры кони,
Що дабры кони такого-то (имѣ жениха).

Если у одного изъ молодыхъ нѣтъ отца, или матери, или нѣтъ вовсе родителей, то имъ поютъ слѣдующую пѣсню:

Ахъ ты ёлка лѣушица! 2
Залатая макушица! 2
Ти усѣль тваё вѣтвица 2

Ти усѣль пасобрана, 2
Да у куцу паложина? 2
— Вотъ усѣ маѣ вѣтвица; 2
Только нѣту макушицки, 2
Залатѣй вархушицки. 2
Ахъ! звѣтъ Сидаръ Иванавиць! (имя жениха) 2

Или

Марря Иванавна! (имя невесты) 2
Ти усиль твай родъ плямя, 2
Ти усиль пасобрались? 2
— Вотъ усѣ маи гостики 2
Да усѣ пособрались; 2
Только жъ нѣтъ кармилица батсюшки 2

Или:

кармилицы матушки

Или, если нѣтъ ни того ни другой:

И раднѣй маей матушки. 2
Знарядить мяня ёсь каму, 2
Блаславится мяня некому 2
Бизъ радзимага батсюшки, 2

Или:

матушки

Или: —

Безъ раднѣй маей матушки.

Подкняжему (шаферу) поють:

На падкняжимъ плаття
И зелена синя; 2
И зелена синя,
Усѣ златамъ пита; 2
Усе златамъ пита,
Камкою покрыта; 2
Камкою покрыта,
Тавтою падбита; 2
Тавтою падбита,
Габромъ апушона. 2
Только аму звѣту
При въ горадзи жити; 2
При въ горадзи житси,
Ваяводай слытси; 2
Ваяводай слытси,
Суды разсужатси; 2

Суды разсужатся,
 Дѣла разбираются; 2
 Дѣла разбираются,
 Баярь разряжались: 2
 Которай пахуцци —
 Паѣцъ на уѣзду; 2
 Которай палуцци,
 Таго на приказу. 2.
 Стахванушка (имя подкняжаго) догадався
 Въ прикази остався; 2
 Въ прикази астався,
 Казной разщитався. 2

Изъ поѣзжанъ, женатому поють:

Гарнастай Сергѣюшка (или иначе)
 Гарнастай Лякѣвицъ!
 Горда ягѣ баяраня, 2
 Да и Анна Андрѣвна! 2 (или иначе)
 Ницаго ня взлюбила: 2
 Що ни пива пьянаго, 2
 Ни вина зялёнаго; 2
 Тольки взлюбила яна 2
 У Сиргѣя на руцки спатсь, 2
 На рукъ на правилькой, 2
 У сярдеца у здравинька. 2
 А ляжись, какъ конацка, 2
 А дышитсь, какъ душацка. 2
 Вотъ душокъ малинавай 2
 Рукавомъ накинумши, 2
 Тонкимъ бѣлымъ палатнянымъ.

Такимъ же образомъ пѣвицы поють пѣсню всякому изъ сидящихъ за столомъ, и отъ всякаго получаютъ за нее денежный подарокъ. Гости обыкновенно кладутъ подарокъ въ стаканъ съ пивомъ и изъ него заставляютъ пѣвицъ, по очереди, выпивать пиво и вынимать подарокъ.

Получивъ подарокъ, онѣ поють подарившему:

Падари тсебе Богъ, 2
 Богъ милостю, 2
 А царь властью! 2
 А сздай тсибѣ Богъ 2
 Палтараста быковъ, 2
 Да сто нятселей. 2

Иному поютъ:

Ахъ, спасибо, Иванушка! (или иначе)

Ахъ, спасибо Хведарацъ! 2

Ни успѣли пѣсню спѣть, 2

Напередъ дары зайшли, 2

Усѣ дары богатыи: 2

Сто рублей съ палатинаю 2

Зъ залатою гривною.

Кто долго послѣ пѣсни не дарить пѣвицъ, тому онѣ поютъ:

Слышашъ ли, 2

Да Иванъ Государь? 2

Слышашъ ли, 2

Пра каго гаварятъ? 2

Пра тваю галаву. 2

Мы тзибе усѣ хвалили, 2 последнее слово повторяется.

Да усе па имени называли, 2 последнее слово повторяется.

Да па отциству вилицами. 2

Послѣ того всѣ отходятъ ко сну. Большая часть гостей ложатся спать въ той самой избѣ, гдѣ была свадебная пирушка, на солому, настланной на полу.

На другой день утромъ, когда всѣ встанутъ, входитъ въ избу молодая, и, поклонившись гостямъ, начинаетъ убирать съ полу солому. Тогда всѣ почти гости по немногу выходятъ изъ избы, берутъ на дворъ еще по пучку соломы, приносятъ ихъ въ избу и бросаютъ, приговаривая съ насмѣшкою: «маладая долга спала, да тсялѣнка пражывала: ёнъ на дваръ и замѣрзъ; вотъ я пайшовъ, да яго и знайшовъ; на, вотъ, палядзи на няго» и тому под. Такимъ образомъ гости заваливаютъ соломою почти всю избу. Молодая, выбившись изъ силъ отъ уборки ея, идетъ къ отцу, кланяется ему въ ноги, и говоритъ: «памилуй батюшка, заступись за миня! — гости усю хату (избу) саломой нагрузили». Отецъ успокоиваетъ ее, беретъ штофъ вина, идетъ въ избу и потчуетъ гостей, послѣ чего они уже сами выносятъ принесенную ими солому, а молодая только выметаетъ изъ избы соръ.

ОБЫЧАИ ПРИ ПОХОРОНАХЪ.

При похоронахъ особенно замѣчательныхъ обычаевъ и обрядовъ не бываетъ. Во время обѣда, когда подаютъ на столъ

кисель съ молокомъ, сытою, или сусломъ, и когда священно и церковно-служители начинаютъ пѣть: «вѣчная память», — всѣ ближайшіе родственники умершаго, собравшись въ одинъ уголь, поднимаютъ рыданіе и плачь, съ различными приговорками, выражающими сожалѣніе о умершемъ и несчастное состояніе осиротѣвшихъ. Подобный же плачь бываетъ и передъ обѣдомъ, тотчасъ послѣ панихиды.

Кромѣ того есть обыкновеніе, по кончинѣ умершаго вывѣшивать на стѣнѣ дома, на улицу, небольшое холстинное полотенце, которое и остается здѣсь до истеченія шести недѣль. Это дѣлается вслѣдствіе повѣрія, будто душа усопшаго до шести недѣль прилетаетъ къ дому и утирается этимъ полотенцемъ. По истеченіи означеннаго срока, полотенце отдають нищимъ.

ОБЫЧАИ ПРИ ПОЖАРАХЪ.

При сильныхъ пожарахъ всегда обходятъ съ какою либо иконою вокругъ пылающаго зданія, для того, чтобы пожаръ скорѣе прекратился. Также обходятъ съ иконою и не загорѣвшіеся еще дома, для предохраненія ихъ отъ огня.

ОБЫЧАИ ПРИ НЕУРОЖАЯХЪ.

Во время неурожая здѣшніе жители первымъ долгомъ своимъ считаютъ служить молебны и святить воду на ржи; при этомъ священникъ, или діаконъ, обходятъ все поле и окропляютъ оное святою водою. Послѣ молитвы, крестьяне прибѣгаютъ къ разнымъ средствамъ противъ неурожая, а именно: если онъ произошелъ отъ червя, то, при сушкѣ хлѣба на сѣмяна, вмѣстѣ съ дровами, которыми они сушатся, кладутъ нѣсколько сучьевъ черемухи, чтобы дымомъ ея напитать хлѣбныя зерна; есть повѣрье, что червь не касается зеренъ, пропитанныхъ такимъ дымомъ. Съ тою же цѣлью, а также и для того, чтобы рожь была чище, пускаютъ въ сѣвалку, при самомъ посѣвѣ, нѣсколько капель ртути и перемѣшиваютъ ее съ зернами. Кромѣ того, въ предостереженіе отъ червя, натирають края сѣвалки чеснокомъ.

ОБЫЧАИ ПРИ ОБЫКНОВЕННЫХЪ И ПОВАЛЬНЫХЪ БОЛЕЗНЯХЪ.

Моровыхъ язвъ въ нашемъ краю не бываетъ; при поваль-ныхъ же болезняхъ полезнѣйшимъ средствомъ считаютъ какъ можно чаще накуривать избы можжевельникомъ, держать въ избахъ деготь, а также ѣсть и носить при себѣ лукъ и чеснокъ *.

При обыкновенныхъ болезняхъ, происходящихъ отъ просту-ды, прежде всего стараются выпотѣть въ жарко-натопленныхъ баняхъ. Если болѣзнь отъ этого не уменьшится, то прикладываютъ къ затылку и икрамъ, на ногахъ и рукахъ, сельдей, или, все-го чаще, такъ-называемую квасную драбу (т. е. окисшій въ квасу солодъ), а также тертый хрѣнь и рѣдку. Хрѣномъ и рѣдкою натираются въ баняхъ; а рѣдечный сокъ нерѣдко и пьютъ, особенно при боляхъ въ груди.

ЛЮБИМЫЯ ЗАНЯТІЯ.

Занятія, наиболѣе любимыя въ здѣшней мѣстности, суть: хлѣбопашество и рукодѣлья, а именно: приготовленіе колесъ, рѣшетъ, телѣгъ, дровней, драни, точеніе веретенъ, пригото-вленіе холста, отчасти выгонка дегтя и выжимка масла на хозяй-ственные домашніе расходы.

Обыкновенными орудіями при этихъ занятіяхъ служатъ: то-поръ, тесла, долото, ножикъ, скобель, напарье, пила, особые станки для приготовленія рѣшетъ, колесъ, веретенъ и для вы-жимки масла, и небольшіе заводцы для выгонки дегтя.

НАРОДНОЕ ВЕСЕЛЬЕ.

Народное веселье особенно бываетъ характеристично во время святокъ.

Святки отправляются довольно забавно. Начиная со втораго дня этихъ праздниковъ по день Крещенія, простолюдины (боль-

* Во время холеры, бывшей въ минувшемъ 1848 году, заболѣвшихъ ею прежде всего водили въ горячо-натопленныя бани, и терли ихъ тамъ ви-номъ, настоящимъ перцомъ, или крапивою. Если же нельзя было скоро на-топить баню, то натирали больныхъ въ печкахъ. Послѣ того давали имъ пить немного вина съ перцомъ, парное молоко и чистый деготь. Средства эти иныхъ спасали, а для другихъ были не только бесполезны, но и вредны.

шею частию молодые) устраиваютъ такъ-называемыя вечера. Вечерины эти открываются обыкновенными простонародными пѣснями. Вотъ, для примѣра, двѣ, наиболее любимыя народныя пѣсни:

Вылѣтайтсѣ мой саколикъ
Изъ зеленого сада;
Увѣзжайтсѣ мой любезнай
Изъ дзиревни въ гарадокъ.
Яжъ нимаю злѣзъ ранила
Па любезнаму свайму.
Ба слезахъ дружку казала:
«Хать нямножка паживи».
— Мнѣ пельзя съ тобой, милая,
Нельзя цасу здѣсь пражитсѣ;
Привближенныи сасѣди
Ни савѣтуютсѣ любятсѣ;
Вляятсѣ душицку милую,
Вляятсѣ броситсѣ, позабытсѣ.—
«Забывай ты мой любезнай,
А я вѣвѣкъ никагды.
Я тагда тсябя забуду,
Когда скроютца глаза,
Да закрюутсѣ тѣло бѣю,
Тонкимъ бѣлымъ палатномъ;
Привзасыплотсѣ маи глазки
Зъ горъ жалтымъ, мелкимъ пяскомъ;
На магилушки паложутсѣ
Бальшей каминь дарагей.
На камашки я зрясую,
На картсинку падпишу;
Я списавши, зрисавамши,
Ка падружкамъ разашлю:
«Вы падружаньки, сястрицы,
Вы жъ ня здѣлайтсѣ таго,
Ни любитсѣ ни каго.
Я са евтай са любоввю
Приклоцмасы бальзъ;
Вотъ а съ евтай са бальзти
Пристигала люта змерть,
А са етай лютай змерттю
Въ сыру землю житсѣ пашовъ.» *

* Въ концѣ этой пѣсни есть пропускъ или ошибка, ибо смыслъ неясенъ. Примѣч. Ред.

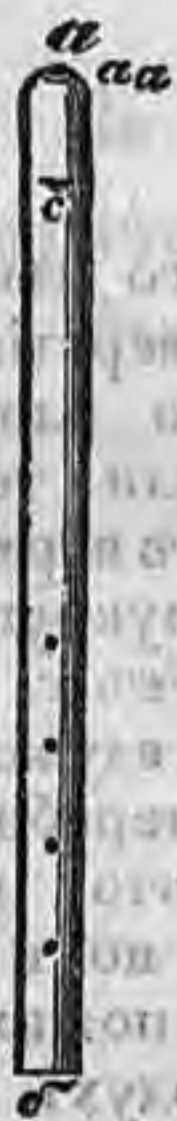
Ты прасшай, прасшай, весь бѣлай звѣтъ!
 Ты прасшай, прасшай, мой милай другъ!
 Я пайду, малада, ва тсемнай мѣсь;
 Ва тсемномъ ва лѣсу, тамъ мой милай другъ,
 Тамъ мой милай другъ — саловьюшка.
 Салавейка паѣтъ жаласнѣшунька;
 Ужъ и мнѣ маладэй, жить тащнѣшунька,
 Тащнѣшунька, груснѣшунька.
 Я пайду зъ горя у цистѣ поля,
 У цистѣя поля, у зелѣный лугъ.
 У зелѣнамъ лугу трава растетъ,
 А на той травы твѣты твѣтутъ.
 Я сарву твѣтокъ, савью вѣнокъ
 Сваяму дружку, на галавошуньку,
 На русыи яго на кудзѣрушки:
 «Ты насѣ, милэй, ня скидывай,
 Ты люби мѣня, ня пакидывай!»

Послѣ пѣсень начинаются обыкновенныя русскія пляски. Пляшутъ барыньку, такъ-называемаго голубца и русскаго казачка, подъ гармонію, скрипку, балалайку, свирѣли, а нерѣдко и подъ дуду; если же нѣтъ ни одного изъ этихъ инструментовъ, то пляшутъ и подъ пѣсни.*

Пляшутъ чаще всего подъ слѣдующую пѣсню:

* Гармонія, скрипка и балалайка—музыкальныя орудія всѣмъ извѣстныя, а потому и описаніе ихъ излишне; только свирѣли и дуду мы здѣсь опишемъ.

Свирѣль есть небольшой свистокъ, имѣющій видъ цилиндра, въ длину около 2-хъ четвертей, а въ толщину около полутора вершка. Онъ просверливается насквозь, верхнее отверстіе *a* задѣлывается небольшимъ кусочкомъ дерева, и оставляется только маленькое отверстіе *aa*, для вдуванія въ цилиндръ воздуха; нижнее же отверстіе *б* совсѣмъ задѣлывается. Потомъ, на той сторонѣ, гдѣ оставляется маленькое отверстіе *aa*, въ разстояніи отъ него около вершка, прорѣзывается небольшая дырочка *с*, въ видѣ полукруга; а далѣе, нѣсколько ниже половины цилиндра, провертывается въ немъ около четырехъ небольшихъ круглыхъ дырочекъ. Такихъ цилиндровъ соединяютъ два вмѣстѣ: они составляютъ *свирѣли*. Чтобы играть на нихъ, верхніе концы обоихъ цилиндровъ приставляютъ ко рту и дуютъ въ сдѣланныя въ нихъ отверстія. Отъ этаго вдуванія происходитъ монотонный свистъ; чтобъ сдѣлать его разнотоннымъ, перебираютъ пальцами маленькія дырочки, повернутыя пониже половины цилиндра.

Какъ сказали добры людзи,
 Какъ зляжили гаспада! 3 раза, слѣдующимъ образомъ:
 А ай ли, ай люли, какъ зляжили гаспада!
 Какъ зляжили гаспада! такъ повторяются и слѣдующіе стихи:
 Що я мужу ни жана, 3
 Гаспадину ни слуга. 2
 Какъ и мой мужъ рыбаловъ
 Свежу рыбушку лавивъ, 3
 Звѣтлу водушку мутсивъ. 2
 Ни паймавъ ёнъ свежей рыбки,
 Паймавъ сизага лунька. 3
 Мнѣ ни уздуматъ, ни възгadatъ,
 Изъ лунька падзѣвать.
 Пасажу я лунька,
 Пасажу живатка,
 У гародзи, у саду,
 На шалковаю траву.
 Какъ пристѣвъ мой лунѣкъ,
 Какъ пристѣвъ живатокъ,
 Нижи лѣсу, нижи лѣсу,
 Нижа пѣпаратси;
 Какъ нацавъ мой лунѣкъ
 Абшарашиватцы.
 Енъ яднымъ крыломъ махнется,
 Енъ другимъ трапнянется:
 Подъ яднымъ крыломъ свярѣбитъ,
 Падъ другимъ крыломъ знудзитъ.
 Какъ пайшовъ мой лунѣкъ,
 Какъ пайшовъ живатокъ,
 Усѣ скакатъ и плясатъ
 И пасвистыватси;

Дуда дѣлается изъ кожаного круглаго мѣшка А, который, исключая одного малаго отверстія а, весь кругомъ зашивается. Къ отверстию плотно прикрѣпляется свистокъ, подобный свирѣли, только въ меньшемъ размѣрѣ; притомъ въ свисткѣ верхнее отверстіе b не закрывается, а вмѣсто полукруглой дырочки прорѣзывается небольшой язычекъ с. На дудѣ играютъ также, какъ и на свирѣли, вдвывая въ верхнее отверстіе свистка воздухъ и перебирая пальцами дырочки. Нужно замѣтить, что дуда играетъ не только когда въ нее дуютъ, но и когда перестаютъ дуть; для этого нужно пожимать мѣшокъ, чтобъ скопившійся въ немъ воздухъ выходилъ въ отверстіе а, а чрезъ него въ свистокъ. Играя на дудѣ, одною рукою перебираютъ дырочки свистка а, а когдажимаютъ мѣшокъ подъ мышкою, то перебираютъ и сбѣими.

Все жъ пасвистыватси,
Да выгавариватси.

Послѣ пляски начинается игра въ свои сосѣди, происходящая такимъ образомъ: всѣ присутствующіе на вечеринѣ садятся попарно, а одинъ подходитъ къ каждой парѣ и спрашиваетъ: *ти доволинъ ты зваимъ сусьдамы, или сусьдкай?* Одни отвѣчаютъ: *даволинъ* (льна), другіе: *нѣтъ*. Если сидящіе въ парѣ довольны другъ другомъ, то подошедшій къ нимъ говоритъ: *дыкажытси вдовальства* (т. е. докажите, что довольны); свидетельствомъ служить обыкновенно поцѣлуй. А кто отвѣтитъ: *нѣтъ*, того спрашиваетъ: *а кого табы нада?* Тотъ, кого назовутъ, идетъ къ недовольному и садится съ нимъ, а тотъ къ недовольнымъ, если успѣетъ, переходитъ на мѣсто приглашеннаго; если же не успѣетъ, то долженъ подходить къ слѣдующимъ парамъ и дѣлать тѣже вопросы; тотъ же, кто спрашивалъ, садится на мѣсто приглашеннаго. Бываетъ, что приглашаютъ спрашивающаго; тогда онъ садится, и его должность принимаетъ на себя тотъ, къ недовольнымъ.

Послѣ игры «въ свои сосѣди» *спютъ просо*.

Всѣ раздѣляются на двѣ равныя стороны и одна партія становится противъ другой, въ противоположныхъ концахъ избы. Первая сторона идетъ къ другой и поетъ:

А мы лада вѣили, вѣили,
А мы просо сѣили, сѣили.

За тѣмъ кланяется второй сторонѣ и идетъ назадъ, не оборачиваясь.

Вторая сторона, въ свою очередь, идетъ къ первой и поетъ:

А мы просо выталькимъ, выталькимъ
Будзить ладу, выталькимъ, выталькимъ.

ПЕРВАЯ СТОРОНА.

А цѣмъ же вы выталькитси, выталькитси,
Будзитесь ладу, выталькитси, выталькитси?

ВТОРАЯ СТОРОНА.

А мы каней выпустсимъ, выпустсимъ,
Будзить ладу, выпустсимъ, выпустсимъ.

ПЕРВАЯ.

А мы канёвъ поймаимъ, поймаимъ,
Будзись ладу, поймаимъ, поймаимъ.

ВТОРАЯ.

А какъ жа вы поймаитси, поймаитси,
Будзись ладу, поймаитси, поймаитси?

ПЕРВАЯ.

А мы сабакъ выпустсимъ, выпустсимъ,
Будзись ладу, выпустсимъ, выпустсимъ.

ВТОРАЯ.

А мы канёвъ выкупимъ, выкупимъ,
Будзись ладу, выкупимъ, выкупимъ.

ПЕРВАЯ.

А цѣмъ жа вы выкупитси, да выкупитси,
Будзись ладу, выкупитси да выкупитси?

ВТОРАЯ.

А мы дадимъ сто рублёвъ, сто рублёвъ,
Будзись ладу, сто рублёвъ, сто рублёвъ.

ПЕРВАЯ.

Не нада намъ сто рублёвъ, сто рублёвъ,
Будзись ладу, сто рублёвъ, сто рублёвъ.

ВТОРАЯ.

А мы дадимъ тысяцу, тысяцу,
Будзись ладу, тысяцу, тысяцу.

ПЕРВАЯ.

Не нада намъ тысяци, тысяци,
Будзись ладу, тысяци, тысяци.

ВТОРАЯ.

А мы дадимъ дѣвицу, дѣвицу,
Будзись ладу, дѣвицу, дѣвицу.

ПЕРВАЯ.

Не нада намъ дѣвицы, дѣвицы,
А намъ нада моладзиць, моладзиць. } или наоборотъ.

Послѣ этого, дѣвица или молодецъ переходятъ отъ второй стороны къ первой.

ВТОРАЯ СТОРОНА.

Зъ нашего полка выбыла, выбыла,
Будзись ладу, выбыла, выбыла.

ПЕРВАЯ.

Я (а) къ нашему прибыла, прибыла,
Будзись ладу, прибыла, прибыла.

Послѣ того игра начинается снова. при чемъ вторая сторона заступаетъ мѣсто первой, а первая мѣсто второй.

Затѣмъ нерѣдко играютъ въ короли, такимъ образомъ: въ одно мѣсто сходятся нѣсколько лицъ и кладутъ, одну на другую, правыя руки. Когда первый кладетъ руку, говорятъ: первѣй, когда другой—другѣй, когда третій—говорятъ три, когда четвертый—четыре, когда пятый—пять, когда шестой—холопъ, или хлапъ, когда седьмой—краля, когда осьмой—король. Такимъ образомъ дѣлаютъ до трехъ разъ, и при чьей рукѣ сказано будетъ въ послѣдній разъ: король, тотъ и дѣлается королемъ. Король каждому изъ играющихъ назначаетъ особенное дѣло: одному—плакать, другому—плясать, третьему—пѣсни пѣть, четвертому—лобъ сажею вымазать, пятому—цѣловать всѣхъ присутствующихъ на вечеринѣ, шестому—три воза сѣна на лбу привести (т. е. три раза потереть лбомъ по столу), или три раза громко въ окно прокричать: жениться хочу, седьмому—въ одномъ углу поплясать, въ другомъ поплакать, а въ третьемъ пѣсни спѣть и т. п. Эти приказанія исполняются безпрекословно, впрочемъ не болѣе одного раза; когда всякій изъ играющихъ выполнитъ назначенное ему дѣло, приступаютъ къ выбору новаго короля.

За этимъ играютъ въ плетень. Въ этой игрѣ всѣ берутъ другъ друга за руки и заплетаются такъ, что лѣвая рука каждого лежитъ на правомъ плечѣ того, который стоитъ впереди его; при этомъ поютъ:

Сизай селезинь, патапивъ своихъ малыхъ дѣтушекъ

У мѣдзи, у патоки, у сладкѣй сахарнасти.

Заплятися плетсень, заплятися плетсень!

Ты завейся камкай дарагай, дарагай!
Завярнися труба зылатая, зылатая!

Послѣ этаго опять расплетаются и поютъ:

Съра вутца, вынимай малыхъ дѣтушакъ
Изъ мѣду, изъ патыки, изъ сладкей сахарнасти.
Расплатися плетсень, расплатися, расплатися!
Развярнися труба залатая, залатая!
Ты развейся камка дарагай, дарагай!

Потомъ играютъ въ хороводы, такимъ образомъ: всѣ становятся въ кругъ, исключая одного мужчины и одной женщины, или дѣвицы; первый ходитъ въ кругу, а послѣдняя за кругомъ. При этомъ поютъ пѣсню, которая показываетъ дѣйствіа обоихъ. Пѣсня поется такъ:

Ухъ, вы людзи, людзи добраи маи!
Вы сусѣдзи приближеннай маи!
Малада жава нялюбитсь миня,
Що нялюбитсь (миня), ни глядзитсь на миня;
Идзъ сойдитца, ни клапятца,
А разыйдитца—няпроститца.

Послѣ этаго та, которая ходила за кругомъ, входитъ въ кругъ и кланяется играющему роль мужа, причемъ поютъ:

Вы спасиба людзи добраи маи!
Самирили зъ маладой жапой миня:
Идзъ сойдитца паклонитца,
Разыйдѣтца — пацалунтца.

За тѣмъ два другихъ представляютъ мужа и жену, и поется таже пѣсня.

Нерѣдко бываетъ также на вечеринкахъ и игра въ карты. Играютъ только въ дураки и въ любовный листочикъ. Послѣдняя игра состоитъ въ слѣдующемъ: всѣ садятся за столъ въ кружокъ; посреди стола кладется колода картъ и каждый по очереди снимаетъ съ нея одну карту. Кто сниметъ пиковую карту, тотъ ударяетъ разъ, по плечу или по спинѣ, сидящаго съ нимъ рядомъ по лѣвую руку; кто сниметъ трефовую, тотъ кланяется сосѣду съ лѣвой стороны; кто червовую — тотъ жметъ руку, а кто бубновую — цѣлуется, все съ тѣмъ же сосѣдомъ.

Наконецъ опять пляшутъ, поютъ пѣсни и съ пѣснями расходятся по домамъ.

Въ вечеръ подъ Новый Годъ не бываетъ ни пѣсенъ, ни пляски, но всѣ, даже пожилые, собравшись, только гадаютъ о своей участи на слѣдующій годъ. Для этого берутъ шапку и каждый кладетъ въ нее кольцо, серьгу, или что-либо такое, кто что имѣетъ; послѣ шапку встряхиваютъ и поютъ слѣдующіе стихи:

Звалъ котъ кашурку въ пѣурку спатъ:

Тамъ тепло и мягко и спатъ хорошо.

Святъ вяцоръ!

Каму паёмъ, да таму добромъ.

Святъ вяцоръ!

Каму выйдитца, тому сбудитца.

Святъ вяцоръ!

Ходила карова по рѣпищу,

Набила пузица тиницею.

Святъ вяцоръ!

Каму паёмъ, тому добромъ.

Святъ вяцоръ! и проч.

Ишли смарди багатаи,

Грябли золото лапатами.

Святъ вяцоръ!

Каму паёмъ, таму добромъ и проч.

Ходивъ Микола па закраматъ,

Идзѣ ня полно дапалнивавъ,

Идзѣ ня ровна даравнивавъ.

Святъ вяцоръ!

Каму паёмъ и проч.

Санацки, малеванацки!

Тольки съсъ на нихъ да паѣхатси.

Святъ вяцоръ!

Каму паёмъ и проч.

Сидзятъ пѣтухъ на тычининки,

Голось да виби, косы да зими.

Святъ вяцоръ!

Каму паёмъ и проч.

Пярякинъ дугу на цужу старану,
А ты хамуть аставайся на сваей старанъ!

Святъ вяцоръ!

Каму паёмъ и проч.

Плыветъ царка папывушница;
Пириплыла царка на сваю старану.

Святъ вяцоръ!

Каму паёмъ и проч.

Быгла кабыла изъ Навагорода
Грива залатая, а хвостъ серебрянай.

Святъ вяцоръ!

Каму паёмъ и проч.

Плывъ мядзвѣдъ церезъ рѣцуньку;
Перяплымши папахававъ.

Святъ вяцоръ!

Каму паёмъ и проч.

Затварю квашонку на доньшки,
Паставлю ее на столбышки;
Ана стала полнымъ пална, съ краямъ равна.

Святъ вяцоръ!

Каму паёмъ и проч.

На боцки сяжу, за гвоздь дяржусь;
Яшто пасижу, яшто падзяржусь.

Святъ вяцоръ!

Каму паёмъ, таму дабромъ.

Святъ вяцоръ! и проч.

Сияинькій клубоцикъ и красинькай
По горкѣ катютца ни раскатютца.

Святъ вяцоръ!

Каму паёмъ и проч.

На гаръ сижу, корысти гляжу,
Яшто пасижу, яшто пагляжу.

Святъ вяцоръ!

Каму паёмъ и проч.

Кузнецъ, кузнецъ! скуй мнѣ вѣнецъ!

Щобъ етымъ вянцомъ вѣнцаться.

Святъ вяцоръ!

Каму паёмъ и под.

Пташацка да касатацка!

Невѣй гнѣзда протси горницы:

Тебѣ лѣта здѣсь не лѣтавуть,

Тсибѣ зиму здѣсь не зѣмивать;

Тсибѣ бытъ, пташицка, на цужой сторонѣ.

Святъ вяцоръ!

Каму паёмъ, таму дабромъ.

Святъ вяцоръ!

Каму вынитца, таму збудитца.

Святъ вяцоръ!

Сидзять варабей на тыщынѣ,

Глядзять варабей на цужу старану.

Святъ вяцоръ!

Каму паёмъ и проч.

По окончаніи каждаго куплета вынимаютъ изъ шапки какуюнибудь вещь, и тотъ, кому вещь принадлежитъ, смотря по пѣсни, заключаетъ о своей участи на слѣдующій годъ. Первый куплетъ, по объясненію крестьянъ, предвѣщаетъ женитьбу, или вообще доброе, второй—богатство, третій—смерть, четвертый—богатство, пятый женитьбу, шестой—почести, седьмой—разлуку съ родными, осьмой—возвращеніе откуданибудь родственника, или освобожденіе отъ несчастія, девятый—неожиданное богатство и вообще доброе, десятый—избавленіе отъ какойлибо напасти, возвращеніе родственника изъ дальней стороны и вообще доброе, одиннадцатый—богатство, двѣнадцатый—солдатчину, тринадцатый—мирное житіе и женитьбу, четырнадцатый—умноженіе богатства, или вообще счастья, пятнадцатый—женитьбу, или вообще счастье, шестнадцатый и семнадцатый—разлуку съ родными, какъ-то: женитьбу, солдатчину и тому под.

Такъ гадаютъ только въ вечеръ на Новый годъ.

Кромѣ того есть еще гаданія, которыя производятся въ каждый Святочный день, когда кто захочетъ. Гаданія эти суть слѣдующія:

Молодые холостые парни и дѣвицы нерѣдко ходятъ ночью на рѣку, достаютъ изъ прорубовъ камень, и по нимъ стараются узнать свою судьбу: если имъ попадетъ камень шероховатый, то заключаютъ, что слѣдующій годъ будетъ для нихъ счастливъ, а если гладкій, то несчастливъ. Дѣвицы ходятъ также на перекрестки, падаютъ на землю, слушаютъ въ какой сторонѣ лай собакъ, и по этому заключаютъ, въ какую сторону выйдутъ замужъ. Ходятъ также къ церквамъ, и слушаютъ: если послышится что либо подобное пѣнію, то думаютъ, что на будущій годъ выйдутъ замужъ; а если послышится плачь, то ожидаютъ смерти.

Нерѣдко дѣвицы гадаютъ еще и такъ: желающая узнать своего суженаго идетъ одна въ черную (безъ трубы) избу, въ которой нѣтъ никого; ставитъ на припечкѣ, передъ челомъ (отверстіемъ въ печи, чрезъ которые кладутъ въ печь дрова и проч.), чашку съ водою, сама влѣзаетъ на печь, и, спустивъ оттуда свою голову, смотритъ въ воду, иногда болѣе часа, въ той надеждѣ, что смотря долго въ чашку съ водою, увидятъ на поверхности воды образъ своего суженаго, или, если имъ суждено умереть—гробъ. Впрочемъ подобныя гаданія въ настоящее время весьма, весьма рѣдки, и совсѣмъ уже истребляются.

Дѣвицы, желающія узнать своего суженаго, чаще всего гадаютъ такимъ образомъ: отходя ко сну, онѣ ставятъ у своего изголовья чашку съ водою, или кладутъ прутья, и приговариваютъ: въ первомъ случаѣ: «суженый, ряженый! приведи своего коня поить на мой колодезь»; а во второмъ: «суженый, ряженый! приходи гулять въ мою рощу». Многія увѣряютъ, что дѣйствительно видятъ во снѣ своихъ суженыхъ.

У здѣшнихъ крестьянъ Святки оканчиваются вечеромъ въ день Крещенія Господня. Въ этотъ вечеръ, въ который у здѣшнихъ крестьянъ бываетъ солоткое игрище, неоднократно повторяются всѣ игры и забавы, описанныя выше; съ этаго игрища расходятся уже часу въ третьемъ ночи.

Играми, плясками и гаданіями забавляются люди молодые и среднихъ лѣтъ; старые только перегащаются другъ у друга: сосѣди ходятъ въ гости къ сосѣдямъ, друзья къ друзьямъ, родные къ роднымъ, знакомые къ знакомымъ; вечеромъ же они собираются въ одно мѣсто и толкуютъ объ

жителей, рассказываютъ разные приключенія, повѣсти, сказки и т. под.

П Р А З Д Н И К И.

Народные праздники суть Святки, Сырная Недѣля (Масляница), Свѣтлая Недѣля, или Пасха и Троицынъ день.

Какъ празднуются Святки показано выше.

Въ Пасху народное веселье состоитъ только въ катаніи лицъ и въ хожденіи изъ одной деревни въ другую за святыми иконами. Плясокъ и пѣсень въ эту недѣлю вовсе не бываетъ.

Въ Сырную недѣлю, начиная съ четверга, качаются на рѣляхъ, катаются съ горъ на большихъ саяхъ, или на саночкахъ, на маленькихъ обмороженныхъ лодочкахъ, или катаются на лошадяхъ; ввечеру же нерѣдко повторяется тоже, что бываетъ и на Святкахъ. Въ эти дни молодые (новобрачные) ѣздятъ также съ дарами къ своимъ родителямъ и родственникамъ.

Троицынъ день есть по преимуществу день веселья для молодыхъ дѣвушекъ. Въ каждой деревнѣ онѣ въ этотъ день собираются и вмѣстѣ ходятъ въ рощи, или лѣса, завивать на деревьяхъ вѣнки; тамъ же готовятъ себѣ какую нибудь закуску, при чемъ каждая дѣвица угощаетъ своею закускою всѣхъ своихъ подругъ.

ЖИЗНЕННЫЯ СРЕДСТВА.

Крестьянинъ добываетъ себѣ жизненныя средства своими трудами — рукодѣльемъ, ремесломъ, а преимущественно хлѣбопашествомъ. Многіе нанимаются въ городахъ, селахъ, или деревняхъ въ работники, на годъ, или на полгода; многіе зимою возятъ изъ города въ городъ разную кладь, весною же ходятъ на баркахъ въ Тверь, а всего болѣе въ Ригу.

Расходъ здѣшняго крестьянина состоитъ въ слѣдующемъ:

На уплату податей и подушныхъ поступаетъ столько, сколько назначается Уѣзднымъ Казначействомъ; сюда же относятся и земскіе сборы.

Насущное пропитаніе у каждого почти крестьянина свое, а потому оно какъ бы и не считается.

На необходимые по дому прожитки, какъ-то на соль, деготь, соху и т. п., въ семействѣ, состоящемъ изъ 18-ти душъ (включая женскій полъ и малолѣтнихъ), въ годъ выходитъ около 70-ти р. асс. Затѣмъ на прихоти, какъ-то: на щегольство и праздничное угощеніе — около 12-ти р. сер.

УМСТВЕННЫЯ И ПРАВСТВЕННЫЯ СПОСОБНОСТИ И ОБРАЗОВАНИЕ.

О простолюдинахъ описываемой мѣстности нѣтъ поговорокъ и насмѣшекъ. Грубость и необразованность слыветъ здѣсь подъ названіемъ тудавщины, по жителямъ около рѣки Туда и села Молодаго-Туда, въ 50-ти верстахъ отъ Ржева. Дѣйствительно, не смотря на то, что къ настоящее время жители тѣхъ мѣстъ мало по малу образуются, они все еще непонятливы, несмѣтливы и мало разсудительны. Они боятся всякаго человѣка, хотя нѣсколько облагороженнаго и занимающаго какую либо, даже незначительную должность. Особенный порокъ здѣшняго населенія есть склонность къ мелкому воровству; но при этомъ дурномъ свойствѣ нашъ крестьянинъ имѣетъ и хорошія: онъ очень почтителенъ къ высшимъ себя; передъ всякимъ почти снимаетъ шапку; не смотря на бѣдность, гостепріименъ: ночлегъ у него почти для всякаго даровой; почти каждый изъ здѣшнихъ крестьянъ безмездно и накормить и напоить бѣднаго странника, пришедшаго въ его домъ; онъ набоженъ: всякій передъ храмами Божиими, передъ крестами, часовнями и даже на перекресткахъ, непременно, всегда, снимаетъ шапку и крестится.

Грамотныхъ, какъ мужчинъ такъ и женщинъ, здѣсь совсѣмъ нѣтъ. Недавно только (въ 1845 году) заведено вблизи, въ селѣ Холмецѣ, сельское училище; но въ это училище поступаютъ дѣти крестьянъ вѣдомства Государственныхъ Имуществъ. Съ 1845 года обучены читать, писать, правиламъ Ариметики и Закону Божию 15 мальчиковъ; въ настоящее время ихъ обучается до 25-ти. Иные все еще учатся у престарѣлыхъ причетниковъ.

НАРОДНЫЯ ПРЕДАНІЯ И ПАМЯТНИКИ.

Въ народѣ сохранилось преданіе о временахъ татарскаго порабощенія и о 1812 годѣ; первое сохранилось въ пословицѣ: *«незванный гость хуже Татарина»*, а о Французахъ въ словахъ:

«Храньцюзъ тсибе вазми». Вообще названіе Французъ обратилось здѣсь въ брань; напр. вм. того, чтобы сказать: «ахъ ты дуракъ, или мошенникъ, или негодяй, безбожникъ, наглый, дерзкій, жестокий человекъ», говорятъ: «ахъ ты Храньцюзъ!».

Есть также въ народѣ преданія о кладахъ, именно:

Рассказываютъ, что въ четверти версты отъ села Завидова, отстоящаго отъ Ржева на 45 верстъ, къ востоку, по дорогѣ во Ржевъ, около моста, былъ сундукъ съ деньгами, изъ котораго всякій могъ брать деньги въ долгъ на известное время. По истеченіи срока, взявшій деньги непременно долженъ былъ возратить ихъ въ сундукъ; иначе онъ заболѣвалъ, и болѣлъ до тѣхъ поръ, пока не возвращалъ денегъ. Въ настоящее время мѣсто, гдѣ былъ сундукъ, запыло грязью и стало болотистымъ.

Есть также преданіе, что въ старину была большая дорога между деревнею Жуковымъ, принадлежащею къ Бобровскому приходу и деревнею Двойными, того же прихода; на этой дорогѣ, между двумя означенными деревнями, былъ надъ оврагомъ мостъ, подъ которымъ находился будто бы въ землѣ большой кладъ. Теперь на этомъ мѣстѣ большой дороги нѣтъ, нѣтъ и моста, но оврагъ есть.

Въ заключеніе, представимъ рассказъ крестьянина о томъ, какъ онъ искалъ кладъ.

«Живъ я у батракахъ у Липовкѣ, * и у ввадзинѣ дзень выпрягъ палудनावатъ; папалудनावатъ и лёгъ атдыхатъ на лауку, и вснувъ; и у въ васняхъ ввидзивъ, и приходзится ка мнѣ старикъ такей рыжій: и що ты, гаворитсь, моладіць, думаишь? А що, я кажу, ницогъ (ничего). Какъ, гаворитсь, хоцышь ты дзенигъ? Какъ, я гаворю; а ты мнѣ нѣшта (развѣ) дзенигъ дашъ? Да, я табѣ, гаворитсь ёнъ, дамъ. А какіимъ родамъ, я гаворю, даси ты мнѣ дзенигъ? Я, онъ гаворитсь, табѣ кладъ укажу. А идзѣ, я кажу (говорю), кладъ? А вотъ, ёнъ гаворитсь, у вашамъ сяленни кладъ, и столько, такей кладъ, гаворитсь, боцка саракавица; и ня столько, гаворитсь, твайму роду даволи будзитсь,—вашему усяму сяленню досытсь будситсь; боцка, гаворитсь, саракавица; палавину злата, да палавину сэрибра, и твая цась вынитсь ётси дзеньги;

* Липовка—деревня, отстоящая отъ с. Бобровки около полутора версты.

и ступай ты протси Ивана*, каравуль: яны табѣ проста сдадутца. А я гаворю: я адзинь баюсь. Эхъ, гаворится ёнь, цаго, гаворится, табѣ баятца? Яны проста табѣ и здадутца. Ну, кали такъ, гаворится, вазмижь ты млада юнаша сабѣ для змѣластси. Я и пайзлавъ малага разбору цалавѣка, и зайшовъ къ таму цалавѣку пройтси Ивана. Ступай, братъ, я гаворю, пайдзёмъ; а вотъ братъ, ёнь гаворится, вужинаю; падзи, гаворится, садзись, я апаслѣ прійду. Я пайшовъ, перяктсився и сѣвъ. Вдругъ я сяжу, ни рабю ни цаго, дажидаюся тавариша; удругъ выходзится зъ бани женщины, эдакая абрядная: платтсѣ въ ней бѣлая, надпаяска въ ней жолтая, и на галавы надзѣта жолтая. Ну, тоя мѣста идзѣ кладъ, и вароцайтца ета женщина, и паварациваитца. Вотъ, патомъ я на ее зматрю: паваратсилася яна разѣ три кругомъ, апятсѣ у баню пайшла и баню запёрла. Я ей ницогъ нисказавъ. Вотъ, я гладзѣ у стóрану, пагляжу: бягитсѣ песь, етакій глазатый, привстрашеннай; я и упудзився лса таго, я и полна сидзѣтсѣ; товариша майго вѣту, вотъ я и пайшовъ на входъ (на уходъ). Вотъ, я бѣжатсѣ, а ёнь мяня сзаду хвататсѣ, такъ и ловитсѣ. Лидва, лидва дамовъ прибѣгъ, цутсѣ живѣй прибѣгъ. Прибѣгъ дамовъ, на пецку какъ легъ, такъ и ня вставъ, — дзвѣ надзѣли и выляжавъ (у).»

* Въ ночь на Рождество Іоанна Предтечи (т. е. на 24-е Іюня) есть обыкновеніе искать кладъ.

ОСТРИНСКІЙ ПРИХОДЪ

ВИЛЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ

ЛИДСКАГО УѢЗДА.

(ПРОФЕССОРА ЛИТОВСКОЙ СЕМИНАРИИ И. ЮРКЕВИЧА).

Главное мѣсто Остринскаго прихода есть мѣстечко Острина*, лежащее отъ Вильно въ 20-ти, а отъ Гродно въ 7-ми миляхъ. Это мѣстечко, принадлежавшее нѣкогда къ такъ-называемымъ *столовымъ* имѣніямъ Польскихъ Королей, а нынѣ казенное, подобно другимъ мѣстечкамъ нашихъ Западныхъ Губерній имѣетъ привилегіи, дарованныя ему Польскими Королями. 16-го іюня 1792 года Король Польскій Станиславъ Августъ подтвердилъ права мѣстечка Острины, дипломомъ подъ названіемъ *Renovationis*, писаннымъ

* На картѣ Шуберта мѣстечко Острина показано на Ю. З. З. отъ уѣзднаго города Лиды, въ З. части Лидскаго уѣзда. Оно окружено слѣдующими мѣстечками и селами: на С. Новый-Дворъ, на В. Василишки и Ищольно, на Ю. В. Щучино. По этнографической картѣ Академика Кёппена нельзя съ точностію опредѣлить, населенъ ли весь Остринскій приходъ Русскими, или въ немъ находятся и Литовцы; по картѣ Шафарика Остринскій приходъ, какъ и весь Лидскій уѣздъ — русскій, но въ сосѣдствѣ ихъ живетъ Литва. Что Остринскій приходъ русскій видно впрочемъ и изъ самой статьи.
Прим. Ред.

на пергаментъ, золотыми буквами, въ Варшавѣ. Церковь Остринскую, во имя Спасителя, первоначально надѣлили фундушемъ цивунъ Шимко Манковичъ и помѣщики Зиневичи; а въ 1556 году 4-го августа, этотъ фундушъ увеличилъ и подтвердилъ въ Вильнѣ Король Сигизмундъ Августъ. Замѣчательно, что эти документы писаны на славянскомъ языкѣ и древнимъ славянскимъ почеркомъ. Въ нихъ говорится, что подтвержденіе фундуша Остринской церкви исходатайствовано стараніемъ поповъ Ивана Яновича, Оедора Антроповича и діакона Логвина Апанасовича; 30-го января 1690 года это подтвержденіе заявлено въ Гродскомъ Лидскомъ Судѣ.

По новѣйшему раздѣленію приходовъ, Остринскій приходъ принадлежитъ къ третьему классу и состоитъ изъ 4,157 душъ обоего пола крестьянъ, казенныхъ и помѣщичьихъ.

Б Ы Т Ь.

Народъ, живущій въ Лидскомъ уездѣ Виленской губерніи и принадлежащій къ Остринскому приходу, бѣденъ. Главное занятіе его составляетъ земледѣліе; но по малому пространству земли, отдѣляемой для каждаго земледѣльца, и по причинѣ гористой и песчаной, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и болотистой почвы, урожай хлѣба вообще бываетъ скуденъ, такъ что многимъ крестьянамъ къ веснѣ не достаетъ хлѣба, и они питаются большею частью картофелемъ. Торговли и промышленности здѣшніе поселяне не знаютъ; поэтому, за недостаткомъ хлѣба, многіе, особенно весною, терпятъ крайній недостатокъ. По той же причинѣ, самое тѣлосложеніе ихъ и здоровье слабы, а ростъ малъ. Кромѣ того, неопрятность и нечистота въ крестьянскихъ домахъ навлекаютъ на здѣшнихъ жителей многія эпидемическія болѣзни, которыя, преимущественно весною, свирѣпствуютъ по деревнямъ. Такъ, здѣсь бываютъ горячки, различныя сыпи и катарральныя болѣзни. Многіе страдаютъ такъ-называемымъ *коштуномъ*.

О Д Е Ж Д А.

Одежду здѣшнихъ крестьянъ составляетъ *сермяга* изъ стараго толстаго сукна, и *кожухъ*. Больше достаточные опоясыва-

ются черными поясами, шерстяными или ремянными, которые спереди застегиваются пряжкой изъ желтой мѣди, или поясами другого цвѣту, изготовляемыми самими крестьянами. Пожилые мужчины носятъ круглыя или четырехугольныя суконныя шапки, обложенныя овечьей или телячьей шкурою. Молодые парни, подражая людямъ высшаго сословія, носятъ шапки изъ тонкаго сукна, съ козырьками. Обувь, какъ мужчинъ такъ и женщинъ, составляютъ по большей части лапти, подшитыя кожею (сабаками); сапоги и башмаки они надѣваютъ только въ воскресные и праздничные дни, когда идутъ въ церковь, или въ городъ. Замужнія женщины обвертываютъ голову длиннымъ кускомъ тонкаго бѣлаго полотна (наметки), а дѣвицы носятъ на головѣ бѣлыя или цвѣтныя платки, завязывая ихъ спереди въ кокарды.

ЯЗЫКЪ.

Языкъ здѣшняго простаго народа представляетъ смѣсь русскаго съ польскимъ, но вообще онъ ближе къ русскому. Какъ всякая губернія, уѣздъ, даже деревня, имѣетъ нѣкоторую особенность въ языкѣ, такъ и здѣшніе крестьяне нѣсколько отличаются нарѣчіемъ отъ смежныхъ съ ними крестьянъ Новогрудскаго уѣзда Минской губерніи. Различіе болѣе всего замѣчается въ глаголахъ, окончивающихся на *ся*, которое они перемѣняютъ на *са* и произносятъ твердо; напр. *што ты повалиу-са, умарауса, умурзауса, упиуса* и проч. Кромѣ того, въ языкѣ здѣшняго народа встрѣчаются особенныя слова; напр. *каубакі* — сосновыя полѣна, расколотыя въ лучину; *дразги* — лучина; частица *галаня* употребляется для означенія прошедшаго времени; напр., когда кто спрашиваетъ: *чи давно приходзивъ*, или *чи давно похавъ*, то отвѣчаютъ: *да уже галаня*. Впрочемъ, болѣе ясное понятіе о языкѣ поселянъ Лидскаго уѣзда можно составить по нижеприведеннымъ простонароднымъ пѣснямъ.

ХАРАКТЕРЪ И ПРАВЫ.

Трудно опредѣлить степень образованности, нравственности и характеръ здѣшнихъ жителей, потому что всякая деревня имѣетъ свои обычаи, предразсудки и суевѣрія, которые можно видѣть въ домашней и общественной жизни крестьянъ.

Въ религіозномъ отношеніи они вообще мало образованы. Теперь многіе выучились молиться Богу на славянскомъ языкѣ; но прежде обыкновенно молились на польскомъ. Въ обращеніи съ людьми высшаго званія здѣшніе жители ласковы и кротки. Привѣтствіе мужика или бабы высшему лицу всегда начинается словами: *нѣхъ бендзе похваліоны Іезусъ*; за тѣмъ, послѣ обыкновеннаго приступа: *да Бога и да Пана пришоу въ такомъ дѣлѣ*, они рассказываютъ самое дѣло. Когда одинъ встрѣтится съ другимъ на дорогѣ, или придетъ въ чужой домъ, то низко кланяется и привѣтствуетъ такъ: *похваліоны Іезусъ!* потомъ оба пожимаютъ другъ у друга правыя руки, а лѣвыми обнимаютъ шею, цѣлуются, и одинъ спрашиваетъ у другаго: *чи живы вси домашніе, чи здаровы дѣтки ваши, чи вѣселы*; а тотъ съ благодарностію отвѣчаетъ: *дзякуй за запытанне*, и дѣлаетъ тотъ же вопросъ; на это ему отвѣчаютъ: *еще капѣшкаются, дзякуй Богу*. Если такое взаимное привѣтствіе происходитъ въ домѣ, то просятъ садиться; если же на рынкѣ, или въ корчмѣ, то встрѣтившіеся потчуютъ другъ друга водкою, и каждый, поочередно, предлагаетъ свою водку. Подвыпивъ, разсуждаютъ о домашнихъ дѣлахъ, мужчины отдѣльно отъ женщинъ; послѣднія, разговаривая между собою, также пьютъ, смѣются, а иногда и плачутъ. Когда же одинъ сдѣлаетъ другому какую либо обиду, то бранятся: *злѣдзый ты, валацуга, вѣспльникъ, прахвѣстъ, паганинъ* и проч. Ссоры доходятъ и до драки. Между женщинами также очень часто бываютъ ссоры и брань. Молодежь въ обращеніи своемъ подражаетъ старикамъ. Вообще здѣшніе крестьяне склонны къ ссорамъ, къ пьянству и къ воровству, которому научились у Цыганъ, живущихъ въ мѣстечкѣ Остринѣ. Въ сношеніяхъ съ посторонними и незнакомыми здѣшніе крестьяне хитры, подозрительны и обманчивы, но помогаютъ въ нуждѣ скоро, если это можетъ доставить имъ выгоду. Въ исполненіи своихъ намѣреній непостоянны.

ОБЫЧАИ ПРИ КРЕСТИНАХЪ.

Послѣ счастливыхъ родовъ, мужикъ, приглашенный быть кумомъ, приходитъ въ домъ родильницы съ хлѣбомъ, обверну-

тымъ въ бѣлый платокъ, и кладетъ на столъ. Кума приноситъ родильницѣ (параженицы) бутылку водки, приправленной медомъ или перцомъ. Послѣ непродолжительнаго угощенія кумовъ, повивальная бабка, благословляя новорожденного знаменіемъ креста (въ это время всѣ находящіеся въ домѣ также крестятся), отдаетъ его кумамъ, которые отправляются къ священнику, для совершенія Св. Крещенія. Кумы приносятъ священнику, вмѣстѣ съ младенцемъ, хлѣбъ. Замѣчательно, что ребенка несутъ или везутъ къ крещенію большею частию вечеромъ. Послѣ крещенія, кума приноситъ ребенка домой и отдаетъ повивальной бабкѣ, а бабка матери, и снова начинается угощеніе, послѣ котораго подають ужинъ, а за тѣмъ подносятъ подарки кумамъ и повивальной бабкѣ. Подарки состоятъ обыкновенно въ кускѣ полотна и хлѣбъ. На другой день кумы приходятъ навѣстить родильницу и приносятъ ей гречневую кашу и нѣсколько ржаныхъ пироговъ. Кумъ, отвѣдывая свою кашу, говоритъ: «нѣхайте Богъ нашего хрещовника (называя его по имени) гадѣть, да долю ему гадѣть», кладетъ въ кашу, смотря по состоянію, 20 или 30 копѣекъ, и чрезъ повивальную бабку отдаетъ кашу родильницѣ. Также поступаетъ и кума. Послѣ того бабка ставитъ на столъ миску воды, съ хмѣлемъ и овсомъ, и проситъ у всѣхъ гостей денегъ на мыло. Всѣ находящіеся въ домѣ бросаютъ въ поставленную миску по нѣскольکو копѣекъ. За этимъ слѣдуетъ пиръ, который начинается обращеніемъ матери новорожденного къ куму: *Кумъ, зачинайце пироги, кабы дзиця прендзей гаварило*. Послѣ этихъ словъ подають обѣдъ, а послѣ обѣда собирають деньги на водку, и распивъ ее, расходятся по домамъ.

ОБЫЧАИ ПРИ СГОВОРАХЪ.

Сваты, прїѣзжая или приходя въ домъ невесты, приносятъ съ собою водку. Если невеста согласна итти замужъ, то накрываетъ скатертью столъ и ставитъ на немъ рюмку; свать наливаетъ водки и предлагаетъ ее невестѣ, а она беретъ ее и отдаетъ отцу. Отецъ пьетъ обратившись къ жениху, если женихъ тутъ же находится, или къ своей женѣ. Послѣ того невеста отправляется въ деревню и приглашаетъ всѣхъ своихъ родныхъ. Когда они соберутся (принося съ собой хлѣбъ), со-

вершаются сговоры (заповины). Сваты остаются у невесты до слѣдующаго дня. По окончаніи сговоровъ, мать невесты приноситъ на тарелкѣ въ даръ жениху платокъ, а свату нѣсколько локтей полотна, и покрываетъ этимъ полотномъ правое плечо свата, который въ такомъ видѣ долженъ присутствовать при бракосочетаніи. Женихъ, принимая платокъ, кладетъ на тарелку 30 к. сер. или и больше. Послѣ этаго обряда, свать опять достаетъ водку, наливаетъ и предлагаетъ всѣмъ. Замѣчательно, что отецъ и мать невесты наполняютъ рожью первую бутылку, изъ которой пили водку, и перевязавъ ее поясомъ, отдаютъ свату и жениху, передъ ихъ отъѣздомъ домой.

ОБЫЧАИ ПЕРЕДЪ БРАКОМЪ И ПОСЛѢ БРАКА.

Когда женихъ пріѣдетъ въ домъ невесты, ея отецъ или мать встрѣчаютъ его съ хлѣбомъ и пивомъ на порогѣ, а онъ имъ низко кланяется; вводятъ его въ домъ, и сажаютъ за столъ, вмѣстѣ со всею его дружиною. Послѣ того отецъ или мать выводятъ невесту и сажаютъ ее, также съ дружками и женщинами, за другимъ столомъ. Тогда настаетъ пиршество: даютъ обѣдъ и всѣ ѣдятъ и пьютъ, кромѣ жениха и невесты, которые постятся до самаго брака. Во время обѣда родители невесты опять предлагаютъ подарки—жениху платокъ, а свату, дружкамъ и музыканту по свитку полотна; женихъ съ своей стороны привозитъ невестѣ башмаки, набитыя шерстью, и сверхъ того даритъ ее деньгами, бросая ей ихъ за «воротникъ». Послѣ обѣда, женихъ и невеста всѣмъ кланяются, а отецъ, отправляя ихъ въ церковь, провожаетъ изъ дому съ пивомъ и хлѣбомъ. На пути въ церковь, женщины поютъ пѣсни, а одинъ изъ мужчинъ играетъ на скрипкѣ.

Послѣ бракосочетанія отецъ или мать встрѣчаютъ новобрачныхъ также съ хлѣбомъ и пивомъ. Свадьба (ееселье) собственно начинается послѣ этой встрѣчи; тогда поютъ различныя пѣсни, играютъ и пляшутъ, во второмъ или третьемъ часу ночи ужинаютъ и продолжаютъ веселиться всю ночь.

На слѣдующій день новобрачной подстригаютъ на головѣ волосы съ четырехъ сторонъ, надѣваютъ ей на голову холстинный платокъ (наметку) и сожигаютъ подстриженные во-

лосы. Женщины дарят новобрачную полотномъ, а мужчины деньгами.

На второй или на третій день послѣ того пекутъ *коровай*, то-есть пшеничный пирогъ, который раздѣляютъ между всѣми.

Наконецъ отвозятъ новобрачную въ домъ ея мужа; пріѣхавъ туда, она даритъ всѣхъ домашнихъ или кускомъ полотна, или утиральникомъ, а находящихся при этомъ постороннихъ — небольшими поясами.

Послѣ свадьбы первое дѣло новобрачной, какъ новой хозяйки дома — идти къ колодезю за водою и принести ведро воды; въ этомъ помогаетъ ей малый ребенокъ, которому она даритъ поясъ. Затѣмъ она прядетъ шерсть или волну, привезенную ей въ башмакахъ и раздѣляетъ между домашними *коровай*. Этимъ свадьба и оканчивается.

СВАДЕБНЫЯ ПѢСНИ.

Летѣли гусенки черезъ садъ,

Кликали Анюлька на посадъ.

«Чи я такъ пайдѣ якъ стаю?

Засцелѣе каберецъ, я ступлю.»

Чаму не кукавала сивая зязюлька

Якъ сады зацвѣтали?

Чаму не плакала красная Анюлька

Якъ цебѣ запивали?

Ой! кукавала зязюлька на дубѣ,

Плакала Анюлька при шлюбѣ;

Кукавала зязюлька на берозѣ,

Плакала дзѣвачка въ дарозѣ;

Кукавала зязюлька на тынку,

Плакала дзѣвачка по вѣнку.

ПѢСНЯ, КОТОРУЮ ПОЮТЪ, ДѢЛАЯ КОРОВАЙ.

Попытайцесе добрыя людзи,

Што въ гѣтомъ короваѣ будзе?

Ой, три бѣчки пшаничнае мукі,

Да дзвѣ бѣчки криничнае воды,

Да три фаски древичаго масла (отъ молодыхъ коровъ),

Да три капли яницъ отъ молодыхъ курицъ.

Поютъ приплясывая:

Караѣйницы пѣнницы,
Да все цѣсто покрали,
Да у кешѣнки паклали.
Стало цѣсто бушаваци,
Стало кешѣнки распираци

И проч.

ОБЫЧАИ ПРИ ПОХОРОНАХЪ.

Тотчасъ послѣ выноса покойника изъ дому выметають весь домъ, моють столъ и скамьи, топятъ печку, пекуть хлѣбъ и готовятъ ужинъ, на которомъ первое блюдо непременно постное, — жидкій кисель съ грибами (*журъ*). Послѣ перваго блюда молятся за покойника, съ громкими рыданіями, призывая его по имени къ столу, и выливаютъ на столъ ложку всякаго кушанья. Тоже самое дѣлають въ дни поминовенія Церковію усопшихъ (на *поминки* или иначе на *дзяды*), съ тѣмъ различіемъ, что тогда выходятъ изъ хижины на дворъ къ воротамъ и съ плачемъ призывають умершихъ родныхъ, слѣдующими словами: «Татачко, матачка, просимъ васъ на вечеру.» Въ это время всѣ домашніе скромно и тихо ѣдятъ и пьютъ. Осенью ставятъ на могилахъ деревянные кресты, кладутъ деревянные доски или каменные плиты (*приклады*) и устрояють столы за умершихъ.

ЧЕРТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО БЫТА.

Въ дѣлахъ, касающихся хозяйства, всякая деревня руководствуется общимъ мнѣніемъ и согласіемъ опытныхъ въ хозяйствѣ людей, которые, приступая къ какой либо полевой работѣ, напр. къ пахатѣ въ весною земли, къ посѣву, или къ косѣбѣ, собираются на улицѣ, или идутъ въ корчму; тутъ старики подають свое мнѣніе, когда именно начинать ту или другую работу. Тоже бываетъ и осенью: что дѣлаетъ въ это время одинъ хозяинъ, то дѣлаетъ и другой; если одинъ учреждаетъ пиръ, или совершаетъ поминовеніе по умершимъ, то и прочіе дѣлають тоже самое.

ЗАЖИНКИ.

Въ началѣ жатвы хозяинъ дома выходитъ въ поле одна или съ другими женщинами, беретъ съ собою хлѣбъ, соль и вод-

ку, и нажавъ снопъ ржи, садится на него и поетъ протяжно слѣдующую пѣсню:

Дзякуй Богу, за ласку святую,
Што я новаго хлѣба дождала,
И снапокъ жита пажала.
Буду жаци, не лежаци,
Кабъ капѹ жита пажаци;
Нажавши змолоціци,
Каши наваріци
И дзвцей покорміци.

Другія женщины помогаютъ ей пѣть. Послѣ того, пьютъ водку, закусываютъ и охотно продолжаютъ работу.

дожинки.

Кончивъ жатву ржи, жнецы плетутъ вѣнокъ изъ ржанныхъ колосьевъ, украшаютъ его цвѣтами и приносятъ въ домъ хозяина, который встрѣчаетъ ихъ съ хлѣбомъ - солью. Возвращаясь съ поля, жнецы поютъ разныя пѣсни, а приближаясь къ дому — слѣдующую:

Засцелайце столы, лавы.
Бдзѣ къ вамъ гостѣ небывалы;
Юпѣ не много пабывае
Знову у поле адзжае,

и проч.

Принесенный вѣнокъ кладутъ на хлѣбъ и поздравляютъ хозяина съ окончаніемъ жатвы. Обрадованный хозяинъ угощаетъ работниковъ, которые, подкрѣпивъ свои силы водкою, поютъ разныя пѣсни, веселятся, иногда даже пляшутъ, и такъ празднуютъ дожинки. Между прочими пѣснями всегда поютъ слѣдующую:

У насъ сегодня дожипачки;
Дасцѣ панѣ намъ горелачки
Съ повнаѣ барелачки.
Нашѣ пане Каролику!
Пускай насъ до доменьку!
Не пускаешъ до доменьку,
То гатуй намъ вечереньку,
Да сцели намъ пасцеленьку,
Вечереньку смачненькую,
Пасцеленьку мякенькую.

ЗАВАВЫ.

Въ Рождество Христово, въ Новый годъ, на заговѣнья и по другимъ праздничнымъ днямъ, въ деревняхъ бываютъ такъ-называемыя *игрища*. Игрища не что иное какъ собранія молодежи по вечерамъ въ корчмахъ, гдѣ одинъ играетъ на скрипкѣ, а другіе пляшутъ. Въ Рождество Христово и въ Новый годъ вечеромъ ходятъ отъ одного дома къ другому и поютъ пѣсни подъ окнами; это называютъ *валаноннымъ*. На заговѣнья какъ молодежь, такъ и старики возятъ другъ друга на саяхъ и опрокидываютъ, а молодые парни привязываютъ дѣвушкамъ небольшія деревянныя колодки, въ наказаніе будто бы за то, что онѣ не вышли замужъ въ продолженіе мясоеда, но собственно съ тою цѣлю, чтобы дѣвушки, желая освободиться отъ колодокъ, купили имъ водки. На Пасху красятъ яйца, которыми послѣ бьются. Весною и лѣтомъ мальчики играютъ на улицѣ въ *кацѣлку* и въ *свиню*, а дѣвушки въ *крутивію* и *мечеліцу*.

ПРЕДРАЗСУДКИ И СУЕВѢРІЯ.

Здѣсь, какъ и вездѣ, простой народъ имѣетъ много предразсудковъ и суевѣрій. Въ этомъ отношеніи женщины кажутся превосходить мужчинъ. И тѣ и другія имѣютъ свои праздничные дни, въ которые не занимаются извѣстными работами. Такъ, въ Рождественскіе праздники женщины не прядутъ; преполовенная середина празднуется, и мужчины въ этотъ день не пашутъ, потому что въ противномъ случаѣ ожидаютъ дождливаго и сыраго лѣта; не работаютъ также ничего въ день Св. Олимпія; 24-го іюня, въ день Рождества Св. Іоанна Крестителя, встаютъ до восхода солнца, чтобы посмотреть, какъ оно будетъ играть; въ этотъ же день утромъ собираютъ траву (*минушки*) и кладутъ на окна крапиву, для отогнанія волшебницъ или вѣдьмъ и проч. Подъ волшебницами здѣсь разумѣютъ женщинъ, которыя будто бы имѣютъ связи съ злыми духами, и съ ихъ помощью помогаютъ, или вредятъ людямъ; мужчинъ, имѣющихъ связи съ нечистою силою, называютъ *знахарями*, и какъ волшебницамъ, такъ и знахарямъ приписываютъ искусство *заговаривать* раз-

личныя болѣзни, отгадывать причину несчастій, постигающихъ людей и т. под.

ЗАГАДКИ И ОТГАДКИ.

Четыре дяды назадъ бородами.	Конскія копыта.
Кривеньки дядокъ все поле абѣгау.	Серпъ.
Хто науперадъ въ церкау вхѣдзиць.	Ключъ.
Бѣгали чирічки на липовомъ мѣ- стѣ, шусць въ мѣшокъ.	Горохъ.
Чатыре чатыраначки побѣгли въ паліначки, принесли утку, пасадзили въ закутку: «сядзи утка тутъ, бо табѣ данъ кутъ».	Телѣга, на которой возять съ по- ля хлѣбъ въ гумно.
Бывъ у насъ баранъ, на іомъ не столько волны, сколько ранъ.	Колода, на которой дрова ру- бятъ.
Чатыре панички падъ аднымъ ка- пелюшомъ сѣдзяць.	Ноги у стола.
За лѣсамъ палінскимъ, за полямъ лѣсанскимъ, кричиць Кацерица гола- самъ шатанскимъ.	Труба.
Чорненькая, маленькая у Караля на абѣдзѣ.	Перецъ.
Черезъ акно, цѣгне воукъ сукно.	Дымъ.
Сухая пятница косци грызе.	Чесалка.
Воукъ жалѣзны, а хвостъ канапляны.	Игла.

ПОГОВОРКИ.

Пакармиуши скацінку, то заробиць и нивку.
У дбалаго гаспадара на пручмѣни расце трава, а у гультѣ крапива.
Кинь передъ сабою—знайдзешъ за сабою.
Прикуси языкъ, кали іонъ табѣ свербиць.

СЕЛО КОБЫЛЬЯ. *

ВОЛЫНСКОЙ ГУБЕРНІИ

НОВГРАДВОЛЫНСКАГО УѢЗДА.

(Протоіерея І. Морачевича).

НАРУЖНОСТЬ.

Не только по губерніямъ и уѣздамъ, но и по городамъ, мѣстечкамъ и селеніямъ, наружность и нѣкоторые обычаи жителей бываютъ болѣе или менѣе различны между собою.

Всѣ города, мѣстечки и села здѣшняго края, населены старожилами — Поляками, Малороссіянами ** и Евреями.

Поляки раздѣляются на три класса: 1) помѣщики, 2) управители, экононы и служащіе въ разныхъ должностяхъ, нако-

* На картѣ Шуберта село Кобылья показано деревней. Въ немъ, на той же картѣ, 84 двора. Находится оно на С. З. З. отъ уѣзднаго города Новградъ-Волынска, въ С. части уѣзда, и стоитъ на рѣчкѣ, впадающей въ рѣку Случь. На той же рѣчкѣ расположены: мѣстечко Корець (на Ю. З. отъ с. Кобыльи), Шитинъ, Сторожевъ и с. Устье. Вокругъ села Кобыльи находятся: на Ю. Голычевка и Морозовка; на В. Сухая-Воля, на С. Сторожевъ. Упоминаемое въ этомъ описаніи село Городница находится тоже въ С. части Новградъ-Волынскаго уѣзда, а с. Губково въ Ровенскомъ уѣздѣ, не далеко отъ мѣстечка Людвиполь. *Прим. Ред.*

** Авторъ вездѣ называетъ ихъ *крестьянами*, потому что сельское населеніе того края почти исключительно состоитъ изъ Малороссіянянъ.

нець 3) фабричные, ремесленники, земледельцы и домашняя прислуга. Наружность у Поляковъ первыхъ двухъ разрядовъ вообще пріятная и красивая, но выражаетъ смѣсь. Женскій полъ наружною красотою и пріятностію превосходитъ почти всѣхъ европейскихъ женщинъ; мужчины большею частию дородны и имѣютъ гордую осанку; лица ихъ пріятны, расположеніе частей тѣла соразмѣрное; волосы у мужчинъ большею частию темнорусые, у женщинъ свѣтлорусые, а у нѣкоторыхъ черные; голова и глаза большею частию малы, руки и ноги длинноваты; въ тѣлодвиженіяхъ Поляки проворны, живы и ловки. Низшій классъ отъ природы имѣетъ тоже отличительныя черты, но онъ грубѣе.

Малороссіане. Наружность ихъ почти въ каждомъ сельбичѣ представляетъ нѣкоторыя особенности, такъ что, гдѣ бываетъ собраніе простаго народа, тамъ по наружности, фizioноміи, языку, костюму, можно признать жителей почти каждаго села. Малороссіане, кои съ младенчества не были обременены тяжелыми, изнурительными работами, отличаются дородствомъ, здоровьемъ и плотностью, но роста они рѣдко высокаго, а обыкновенно средняго; ноги у нихъ коротки; мужчины бываютъ широкоплечи; женщины вообще пріятной наружности, но по тѣлосложенію тощи и блѣдноваты; голова у нихъ мала, лицо немного продолговато, волосы темнорусые; росту онъ большею частию средняго и малаго, рѣдко высокаго. Въ нѣкоторыхъ селахъ мужчины смуглы, большею частию черноволосы, и выше ростомъ, чѣмъ здѣшніе жители; вообще замѣчено, что на югъ отсюда, къ Украинѣ *, жители дороднѣе и черноватѣе, а на сѣверъ, къ Полѣсью и въ самомъ Полѣсьѣ, коротконоги и блѣлокуртѣ, съ глазами большею частию сѣрыми и голубыми, изрѣдка черными.

Господствующія здѣсь болѣзни суть: весною — лихорадки, лѣтомъ — кровавые поносы, осенью и зимою — горячки гнилыя и нервныя. Въ 1849 году, отъ недостатка огородныхъ овощей, какъ-то: свекловицы, капусты, моркови и дру-

* Издревле Волинь раздѣляютъ на три части: отъ Кіевской и Подольской губерній до мѣстечка Любара она зовется *Украиной*; отъ Любара по рѣку Случь, протекающую въ селѣ Городищѣ — *Волинью*, а отсюда до Минской губерніи — *Полѣсьемъ*.

гихъ, истребленныхъ засухою, множество страдало скорбутомъ недѣль по 12-ти и болѣе, а многіе отъ него даже умирали. Свойствомъ климата объясняется, почему здѣсь почти все мужчины курятъ трубки. Вообще здѣшніе жители по большей части слабосильны, не столько отъ климата, сколько вслѣдствіе изнуренія отъ дѣтства физическими трудами и недостатка хорошей пищи. Ловкости и проворства здѣшніе жители не имѣютъ; хлѣбопашествомъ занимаются очень охотно.

Евреи ведутъ болѣе сидячую жизнь, и по возможности избегаютъ физическихъ трудовъ. Они, большею частію, пахлы и блѣдноваты; лица имѣютъ продолговатыя, глаза большіе, лобъ маленькій, носъ продолговатый; многіе изъ нихъ очень пріятной наружности, но по большей части сгорблены, блѣдны и неуклюжи. Женскій полъ нѣженъ, красивъ и здоровѣе чѣмъ мужчины. Почти все Евреи занимаются купечествомъ, ремеслами и всякаго рода промышленностью, отъ чего многіе изъ нихъ ловки и до неимовѣрности проворны, но слабосильны, и неспособны къ физической работѣ.

ЯЗЫКЪ.

Поляки говорятъ на своемъ природномъ языкѣ. Языкъ высшаго класса чистъ и правиленъ, средняго хуже, а низшаго имѣетъ примѣсь малороссійскаго.

Все вообще крестьяне говорятъ по малороссійски, примѣшивая иногда польскія слова; впрочемъ они понимаютъ и по русски.

Вотъ образчикъ здѣшняго нарѣчія:

1. «Де ты ходывъ Грицько? Бувъ у попа, щобъ похоронивъ дытыну, у мене умерла. А щожъ казавъ? Казавъ щобъ готовыты домовину и грибъ, то завтра поховае.

2. «А що, Степане, найшовъ воли или же кони? А де въ «лыха! Кузка * или же поганецъ, загнавъ ажъ въ суховильщину «и тамъ подеръ, или же издрапавъ лошадь.

3. «Ходимъ, Пархоме (Пароеній), до миста, тамъ купимъ «мини шапку и чоботы; ты знаєся на тому, а то мене жидова «ошукае.

* Волкъ. Хозяева боятся даже произнести имя хищнаго волка, чтобъ онъ имъ не мстилъ.

4. «Ходы, будь ласкавъ, Демяне, зобачь, у мене кунь захо-
«ривъ или же заслабъ».

ДОМАШНІЙ БЫТЪ.

Дома крестьянскіе (мужицкія хаты) почти всегда состоятъ изъ одной комнаты, рѣдко гдѣ съ чуланомъ, о трехъ окнахъ, а у нѣкоторыхъ и о четырехъ; изъ этихъ оконъ два большихъ находится у главнаго угла, а одно противъ печки, у нѣкоторыхъ же у пола. Полонъ называется у крестьянъ то мѣсто, гдѣ они спятъ; онъ составляется изъ трехъ досокъ, положенныхъ на лавкахъ или широкихъ доскахъ, идущихъ вокругъ жилища, вышиною не болѣе аршина; постель стелется только на ночь, а на день складывается въ уголъ; на полу спитъ только мать или же хозяйка съ дѣтьми, а хозяинъ и всѣ мужчины ложатся на лавкамъ. Подлоги (половъ) въ хатахъ не настилаютъ; одни зажиточные кладутъ подлогъ въ сѣнахъ. У главнаго угла избы ставятъ Св. иконы подъ самымъ потолкомъ, а подъ ними въ бутылкѣ освященную Богоявленскую воду. Столы у всѣхъ о четырехъ ножкахъ; передъ ними ставятъ скамейку (осланъ). Внутри и снаружи дома бѣлятся несколько разъ въ годъ бѣлой глиной, особенно передъ великими праздниками и передъ новымъ хлѣбомъ. На другой сторонѣ, черезъ сѣни, противъ избы, устраиваются амбары (коморы), гдѣ крестьяне содержатъ все свое имущество, какъ-то бѣлье и лучшую праздничную одежду, въ большихъ дежкахъ (бодняхъ или забійницяхъ) съ крышами и ушами, чрезъ которыя продвѣаютъ задвижку и запираютъ ее замкомъ. Амбаръ устраивается съ подлогою и не бѣлится. Вся вообще постройка покрывается одною соломенною крышею. Въ домахъ ставятъ двѣ печки: одну для печенія хлѣба, а другую для тепла. Полатей здѣсь нѣтъ; но въ холодное время всѣ согреваются на хлѣбopечной печи. Дома строятся изъ тесаннаго сосноваго, ольховаго или осиноваго дерева; нѣкоторые дома строятся върубъ, а другіе въ столбы. Въ одинъ рядъ съ домомъ строятся обыкновенно дровяной сарай, а наискосокъ отъ него — сарай для свиней и птицъ. Ограда около двора и огородовъ вездѣ дѣлается изъ дубоваго частокола, очень рѣдко жердевая. Гуменники строятся вездѣ поодаль отъ домовъ. Клуна для складки и молотбы хлѣба устраивается на двухъ большихъ столбахъ (сохахъ).

съ перекладиной; вокругъ этихъ столбовъ вкапываются меньшіе столбы, которые кругомъ окладываются платвями (?); затѣмъ въ верхней перекладинѣ (крокви) укрѣпляютъ стропила, такъ, чтобъ концы ихъ лежали на платвѣ; наконецъ приколачиваютъ латы и пришиваютъ соломенные снопки. Въ клуню насыпаютъ потомъ глинистую землю, которую выминаютъ скотомъ, убиваютъ долбнями и смазываютъ чисто и гладко; когда она засохнетъ, то дѣлается крѣпка, какъ камень: это токъ, на которомъ молотятъ хлѣбъ; по обѣ стороны тока (засторонки) складываютъ хлѣбъ; по обѣимъ же сторонамъ клуни строятъ сараи для соломы, а впереди — сарай для скота, такъ что клуня съ этими сараями составляетъ квадратъ. Сарай для скота нѣкоторые обставляютъ тростникомъ, другіе же дѣлаютъ загаты, т. е. близъ стѣны заплетаютъ плетень изъ лозы, а промежутокъ между плетнемъ и стѣной плотно набиваютъ соломой. Господскіе сараи обмазываются глиною и выбѣливаются.

Садоводство здѣсь незначительно, по причинѣ песчаного грунта земли; но въ мѣстечкѣ Корцѣ и другихъ мѣстахъ на югъ, фруктовые деревья разводятся удобно, въ особенности вишни, сливы и груши; растутъ и яблони, но отъ рака скоро засыхаютъ.

Здѣшніе крестьяне носятъ бѣлье холстяное, грубое, а въ праздники льняное и тоньше. Рубахи у нихъ съ пазухами на груди, простирающимися до середины живота, съ выкладаными воротниками; у мужчинъ рубахи длиною по колѣни и выпускаются сверхъ исподняго платья. Подпоясываются здѣсь полоскою изъ ремня (попружками); исподнее платье (штаны) сбирается на веревкѣ (на очкурѣ). Женщины носятъ рубахи длинныя, до пятъ, спереди холстяные фартуки, а сзади запаски, родъ фартуковъ, только уже, протканная цвѣтною волною въ поперечныя паски. На голову мужчины по буднямъ надѣваютъ суконныя шапочки (магерки), четырехугольныя, съ околышемъ въ 4 вершка; а въ праздники шапки изъ черныхъ или сѣрыхъ крымскихъ мерлушекъ — смущъ — вышиною въ четверть аршина, съ суконнымъ или чернымъ плисовымъ верхомъ и съ разрѣзомъ сзади*. Жен-

* Мужчины бреютъ головы, и только на макушкахъ оставляютъ волосы, которыми покрываютъ бритую часть головы, спереди по лобъ, а сзади по затылокъ.

щины носятъ бѣлыя свиты (симряги), мужчины же сѣрыя, длиною до пятъ и подпоясываются красными (черчатыми) поясами, обходящими два раза вокругъ стана; кисти этихъ поясовъ спереди затыкаются. Новыя свиты надѣваются въ праздники, а *прихожаныя* въ будни. Кожухи всѣ вообще шьются *набѣло*, съ поясницею, а не тулупами, какъ у Великороссiянъ; около кармановъ и вокругъ поясницы на кожахъ вышиваются, для украшенiя, цвѣточки разноцвѣтными шелками. Лѣтомъ здѣшнiе крестьяне носятъ свиты, а зимою подъ свиты надѣваютъ кожухи. Обыкновенная ихъ обувь по буднямъ — лапти изъ липовыхъ или лозовыхъ лыкъ, а въ праздники — сапоги, смазанные дегтемъ. Женщины по праздникамъ носятъ ситцевыя разноцвѣтныя сподницы и ситцевыя же бѣлыя фартуки, съ цвѣтами; у себя дома онѣ покрываютъ головы бѣлыми платками, а выходя куда-либо непременно надѣваютъ на цвѣточный чепецъ бѣлую намѣтку, съ опущеннымъ сзади хвостомъ; этотъ головной уборъ, принятый здѣсь и въ окрестности, не красивъ; въ мѣстечкѣ Корцѣ подъ намѣтку повязываютъ красный платокъ такъ, чтобъ его длинныя концы падали съ головы на оба плеча; далѣе на югъ, верстъ за 20, головной уборъ женщинъ гораздо красивѣе. Дѣвушки плетутъ волосы въ двѣ косы весьма тѣсно и въ шесть концовъ, а въ самый конецъ косы вплетаютъ снурки изъ красной шерсти (косники), длиною въ аршинъ, и на верху головы складываютъ косы въ видѣ вѣяка; косники же завязываютъ сзади; ниже косъ дѣвушки повязываютъ голову 10-ю и болѣе разноцвѣтными лентами, сколько могутъ, и прикалываютъ ихъ сзади булавкою, а концы опускаютъ до поясницы. Сзади головы, выше лентъ, онѣ накладываютъ цвѣты, лѣтомъ натуральныя, а зимою искусственныя, которые сами дѣлаютъ изъ кусочковъ сукна разнаго цвѣта и бѣлой губки на щетинкѣ, а сверху прилѣпливаютъ воскомъ тончайшія блесочки изъ слюды. Самыя зажиточныя дѣвушки и женщины носятъ кожухи покрытыя сукномъ (бекеши) и обновки изъ крымскихъ смушекъ; на шеяхъ носятъ какъ можно больше коралловъ и монистъ и къ нимъ прицѣпляютъ крестики и маленькіе образки. Женщины надѣваютъ на голову сперва разноцвѣтный чепецъ, потомъ рѣдкотканную, чрезвычайно бѣлую намѣтку, выглаженную камнемъ; эту намѣтку надѣваютъ онѣ

однимъ краемъ очень плотно, а другой опускаютъ назадъ; затѣмъ складываютъ этотъ опущенный край вдвое и самый конецъ его затыкаютъ опять на головѣ, такъ, чтобы сзади наметка висѣла въ двѣ половины, не менѣе какъ на аршинъ.

Ежедневная пища крестьянъ, за обѣдомъ, — борщъ, въ скромные дни съ свинымъ саломъ, иногда *затолченный*, а въ праздники съ говядиной, какая случится; въ постные же дни съ сушеными бѣтками (разными грибами), или съ коноплянымъ молокомъ; потомъ какая-нибудь каша съ саломъ, или съ коровьимъ молокомъ, или съ олеемъ (деревяннымъ масломъ); за полдникомъ ѣдятъ хлѣбъ съ саломъ, а въ постные дни съ лукомъ и солеными огурцами; за ужиномъ чаще всего ѣдятъ картофель, жареный или вареный, съ огурцами, приготовленными съ капустой слѣдующимъ образомъ: огурцы въ свое время крѣпко солятся; осенью, въ послѣднихъ числахъ октября, разрѣзываютъ капустныя головки на двѣ части и варятъ ихъ такъ, чтобы онѣ только вскипѣли; по охлажденіи капусты, перекладываютъ ее солеными огурцами, посыпаютъ толченою горчицей и ставятъ въ неслишкомъ тепломъ мѣстѣ; капуста высасываетъ всю соль въ себя, а огурцы дѣлаются похожи вкусомъ на свѣжепросольные. — Въ праздники, къ борщу варятъ лапшу съ молокомъ или съ говядиной, готовятъ жаркое, блины (млынцы и вареники съ чѣмъ нибудь) и пироги — ихъ лакомство и лучшая часть ихъ стола. Къ дню Пасхи каждый непременно печетъ двѣ, три или четыре большихъ пасхи, съ крестомъ на верху, съ пряными кореньями и помазанныхъ яйцомъ; жаритъ также поросенка и колбасу; приготовляетъ сыръ, масло, яйца и медъ, и все это приносить въ церковь для освященія. Хлѣбъ всегда пекутъ изъ чистой, ржаной, просѣянной муки, а къ праздникамъ лепешки (палѣнки). На поминовеніе приносятъ три книша, обыкновенно пшеничные, и кусокъ говядины.

Послѣ рожденія младенца, повивальная бабка, спрятавши ребенка и родильницу, снаряжается и тотчасъ отправляется къ священнику для молитвы, а отецъ идетъ за водкой. По возвращеніи бабки, отецъ приглашаетъ кумовьевъ, которые, взявъ дитя, отправляются для совершенія надъ нимъ таинства Св. крещенія; при этомъ новорожденному груди не даютъ, пока онъ

не будетъ окрещенъ. По совершеніи таинства посылають по всему селу просить на крестъбыны, на которыя сходятся большею частию женщины, и каждая приносить что нибудь роженицъ, какъ-то пироги или хлѣбецъ, а многія и кусокъ хлѣба; собравшіеся поздравляютъ родителей, а они ихъ за то потчуютъ водкою, которая налита въ мискѣ и ложками разливается изъ миски въ рюмки; затѣмъ подають кушанья. По окончаніи ужина, бабка подноситъ присутствующимъ по пучку зелени или цвѣтовъ, а они платятъ ей за то по 1, 2 или 3 к. сер. За тѣмъ бабку сажаютъ на телѣжку и везутъ въ кабакъ, а она за это должна потчивать водкою или пивомъ. Послѣ того всѣ расходятся по домамъ.

При вступленіи въ возмужалость нѣтъ никакихъ обрядовъ.

ОБЫЧАИ ПРИ СВАДЬБАХЪ.

У Евреевъ. Родители жениха сами, чрезъ другихъ, прискиваютъ жениху невѣсту; прискавъ, родители обоихъ сѣзжаются, уговариваются о приданомъ, срокъ содержанія дѣтей послѣ брака и времени бракосочетанія. Когда оно наступитъ, собираются дѣвицы и танцуютъ подъ музыку; а женихъ пріѣзжаетъ съ своими родными и сватами, и останавливается въ отдаленной квартирѣ. Узнавъ о его пріѣздѣ, всѣ родственницы невѣсты собираются, выводятъ ее на средину избы, ставятъ стулъ, кладутъ подушку и сажаютъ на нее невѣсту; послѣ того мать, а за нею и всѣ ближайшія родственницы, расплетаютъ, каждая по немногу, косу невѣсты и горько плачутъ; музыка въ это время жалобно играетъ мануетъ, а одинъ изъ музыкантовъ высказываетъ невѣстѣ судьбу, которая ей предстоитъ: что она должна оставить отца и мать, забыть родныхъ, прилѣпиться къ мужу; какою она должна быть супругою, матерью и проч. Когда расплетутъ косу, посылають музыку за женихомъ, и съ нею вводятъ его въ домъ, гдѣ находится невѣста; женихъ, вошедши въ домъ, схватываетъ покрывало (покрывку), нарочно для того приготовленное, которое держать схвахи, и накрываетъ имъ голову невѣсты: тутъ-то онъ въ первый разъ ее видитъ. Затѣмъ вдругъ поднимается радостный крикъ и хлопанье въ ладоши; музыка тоже измѣняетъ плачевный тонъ на радостный, а женихъ уходитъ въ двери и на него сыплютъ хмѣлемъ. Тотчасъ послѣ того невѣстѣ тѣмъ же

покрываломъ обвязываютъ голову по самый ротъ, и она должна потанцевать съ каждой гостьей; за тѣмъ ведутъ жениха съ музыкою, и съ его собраніемъ, къ вѣнцу *; прибывъ къ синагогѣ, раскидываютъ на четырехъ шестахъ балдахинъ, нарочно для того устроенный, и поддерживаемый четырьмя Евреями; потомъ идутъ за невѣстой, тоже съ музыкой; приводятъ ее подъ тотъ балдахинъ и ставятъ вмѣстѣ съ женихомъ. Тогда выходитъ раввинъ или духовный, читаетъ надъ ними молитвы, обмѣниваетъ ихъ перстни, и кладетъ подъ ногу жениху стеклянную рюмку, которую онъ долженъ разбить ногою; если женихъ попадетъ съ разу и разобьетъ рюмку, то всѣ радуются и хохочутъ; если же ему это не удастся, тогда уныло говорятъ: «ахъ вей миръ!» но женихъ долженъ дотолъ бить ногою, пока не разобьетъ рюмки.

По возвращеніи отъ вѣнца, молодыхъ отводятъ въ особенный чуланъ и даютъ имъ съѣсть жареное яйцо, разрыванное по поламъ; послѣ того угощаютъ ихъ чаемъ или кофе, а тамъ чѣмъ придется.

Женихъ и невѣста непременно должны поститься передъ бракомъ до самой ночи. Бракъ совершается всегда ночью, и то подлѣ синагоги (школы), а не въ ней; ибо невѣстѣ, по сврейскому закону, возбраненъ входъ въ синагогу до выхода въ замужество. На свадьбахъ и всѣхъ пиршествахъ, мужчины угощаются особо отъ женщинъ.

На другой день послѣ брака свахи приходятъ къ молодой и сперва остригаютъ, а потомъ бръютъ у ней на головѣ волосы, и убираютъ такъ, чтобъ ни одинъ мужчина не могъ видѣть волосъ на ея головѣ; съ этаго времени она не смѣетъ никуда явиться безъ этаго убора.

Передъ бракомъ, родители обоихъ брачующихся складываютъ условленное приданое и отдаютъ его въ вѣрныя руки на проценты; молодыхъ же содержать ихъ родители, по очередно, въ продолженіи трехъ лѣтъ; по истеченіи же трехъ лѣтъ, увидя

* Женихъ надѣваетъ къ вѣнцу сверхъ всей одежды длинную бѣлую рубашу (которая простирается до земли) съ стоячимъ воротникомъ въ 4 вершка, вышитымъ золотомъ, серебромъ или мишурой; жениха ведутъ къ вѣнцу мужчины, а невѣсту женщины, держа восковыя свѣчи зеленого цвѣта. Дѣвушки викагда въ свадьбѣ неучаствуютъ.

какъ они живутъ, вручаютъ имъ приданый капиталъ съ процентами, для торговыхъ оборотовъ; до того же времени приучаютъ ихъ у себя къ хозяйству и къ веденію торговли.

У *крестьянъ*. При заключеніи крестьянскихъ браковъ мало обращается вниманія на взаимную склонность жениха и невесты; большею частію смотрятъ при этомъ на обстоятельства, могущія служить къ улучшенію домашняго быта и имѣютъ въ виду освободить жениха отъ отдачи въ военную службу, потому что женатыхъ обыкновенно увольняютъ отъ отдачи въ рекруты, а ставятъ преимущественно холостыхъ, кого назначать.

Родители жениха, намѣреваясь женить сына, избираютъ двухъ сватовъ, и непременно поздно вечеромъ, или даже ночью, посылаютъ ихъ къ невестѣ, которую имѣютъ на примѣть, съ хлѣбомъ и бутылкою водки. Пришедши къ невестѣ, сваты начинаютъ обыкновенное привѣтствіе: «Нашъ князь, идучи мимо сего двора, назрѣвъ слѣдъ куницы, на которой вздумавъ жиница; чи буда ласка ваша такую куницу, красную дивицу, выдаты за нашего князя молодца?» Родители невесты отвѣчаютъ имъ: «чому, колы Богу угодно буде и люде добріи нецураются: просымо садица»; тогда, посидѣвши, сваты приступаютъ къ невестѣ и спрашиваютъ ея согласія; невеста, какъ бы отъ души ни желала вытти замужъ за парня, котораго ей сватаютъ, вѣкогда вдругъ не изъяснитъ согласія, а отказывается скромно и увертливо, подъ конецъ же ссылается на согласіе родителей; если и они согласны, то невеста говоритъ: «якъ батько та маты скажутъ, такъ и буде». Тогда сваты наливаютъ въ рюмку водку и подносятъ невестѣ: если она приметъ и прихлебнетъ, — явный знакъ ея согласія, — то потчуютъ и родителей и всѣхъ домашнихъ, и условливаются о срокѣ сватовства.

Когда назначенный срокъ наступитъ, невеста созываетъ всѣхъ родныхъ и сосѣдей, а вечеромъ опять приходятъ тѣже сваты съ хлѣбомъ и водкою и требуютъ отъ невесты значковъ; невеста приноситъ изъ коморы два бѣлыхъ платка, и даетъ каждому изъ сватовъ; женихъ въ это время стоитъ за воротами или подъ окошкомъ; послѣ раздачи платковъ, вводятъ и его, и сажаютъ за столъ, вмѣстѣ съ невестою. Женихъ, какъ князь, не снимаетъ шапки и сидитъ въ ней все время; сваты же потчуютъ своею водкою всѣхъ домашнихъ и гостей допьяна: водки въ этихъ

случаяхъ не щадятъ и выпиваютъ иногда больше чѣмъ на свадьбѣ; кушанье идетъ отъ невесты. Послѣ сватанья расходятся по домамъ, съ пѣснями, а сваты условливаются о времени свадьбы, и тоже съ пѣснями, возвращаются домой. За тѣмъ идутъ къ священнику, съ хлѣбомъ, бутылкой водки и курицей, просить, чтобъ онъ огласилъ бракъ въ церкви.

Наканунъ свадьбы, женихъ приноситъ невестѣ сапоги и въ нихъ нѣсколько копѣекъ денегъ, за что она даетъ ему красный платокъ, который женихъ затыкаетъ за поясъ, такъ, чтобъ оба конца висѣли по обѣ его стороны, и идетъ по всему селу звать на свадьбу; въ это время въ домъ жениха и невесты коровайницы начинаютъ лепить корвай (большой пшеничный хлѣбъ, съ разными на немъ прилѣпками), съ пѣснями и танцами подъ музыку; тогда же пекутъ множество подарковъ—калачей.

Въ день свадьбы, сваты и женихъ рано приходятъ къ молодой (такъ называютъ тогда невесту) съ хлѣбомъ и водкою; дружки ея, которыхъ бываетъ до пяти, сажаютъ ее за столъ; мать, пришедши, начинаетъ расплетать косы, а дружки оканчиваютъ; послѣ того мать, окропивъ вѣнецъ (вѣнокъ) св. водою, возлагаетъ на ея голову, какъ символъ сохраненія чистоты, а дружки привязываютъ вѣнокъ сверху головы и повязываютъ ленты на голову, какъ всѣ дѣвушки носятъ; цвѣтовъ же и монистъ не надѣваютъ. Въ такомъ уборѣ ведутъ невесту въ церковь, къ вѣнцу. Передъ совершеніемъ таинства, посреди церкви стелютъ утиральникъ, подъ который кладутъ по полкопѣйкѣ.

Послѣ бракосочетанія, всѣ присутствующіе идутъ къ молодой на обѣдъ и поютъ:

Да булыжъ мы у церкви
Молился Богу, Духу Святому,
И книги читали,
И двое дитокъ звнчали.

Пришедши къ дому невесты, дружки поютъ:

Выйды маты съ хаты, познавати дитяты;
Вчера было наречено, а теперь повинчано.

Мать съ хлѣбомъ - солью выходитъ на встрѣчу и вводитъ молодыхъ въ домъ; женихъ и невеста садятся за столъ, а возлѣ нея дружки. Тогда-то начинается потчиваніе водкой и обѣдъ, во время котораго дружки неумолкаемо поютъ припѣвы. Обѣдаютъ только сваты и свахи, а молодые и дружки

смотреть и поютъ. По окончаніи обѣда всѣ, начиная со старшаго свата, берутся за платки, идутъ на дворъ съ музыкою, и начинаются танцы, а свахи въ коморѣ накрываютъ для молодыхъ и дружекъ съ боярами столъ, и когда подадутъ кушанье, всѣ они входятъ, и тутъ уже обѣдаютъ. Послѣ обѣда женихъ съ своими отправляется домой съ пѣснями, а невеста съ дружками идетъ по всему селу звать на свадьбу, при чемъ всякому старшему кланяется въ ноги и цѣлуетъ у него руки, а съ младшими, муштинами и женщинами, цѣлуются въ уста. Вечеромъ сваты, свахи—свѣтилки—приходятъ пышкомъ если близко, или прѣзжаютъ на телегахъ (возахъ), съ музыкою и громкими пѣснями, чтобъ было слышно на все село; прибывъ на дворъ невесты, онѣ выносятъ на дворъ столъ накрытый скатырнею и бутылку воды, а мать невесты, выворотивъ кожихъ, выходитъ на встрѣчу. Свахи тогда поютъ:

«Вывернула тещенька овчину!

«Да на якую причину!

«Щобъ зятеньки злякаты

«И свен дочки не даты. —

Послѣ вводятъ всѣхъ въ домъ и сажаютъ за столъ. Передъ невестою (молодою) ставятъ хлѣбъ-соль, и на него наклоняютъ ее голову, которую покрываютъ бѣлымъ платкомъ. На томъ мѣстѣ гдѣ долженъ сѣсть женихъ, садится мальчикъ, котораго сваты просятъ уступить мѣсто молодому; если мальчикъ, несмотря на просьбы, не захочетъ уступить жениху мѣсто, то ему даютъ нѣсколько копѣекъ; тогда онъ, вставая, беретъ одною рукою молодую за волосы, въ другую руку ножъ и дѣлаетъ видъ, будто хочетъ отрѣзать у ней волосы; съ нимъ опять торгуются и даютъ нѣсколько копѣекъ, называя ихъ дукатами; какъ только онъ приметъ деньги, всѣ грозятъ побить его палицами, и онъ уходитъ, послѣ чего молодой идетъ за столъ къ невестѣ, снимаетъ накиннутый на нее платокъ, цѣлуетъ ее, и за это платитъ тоже нѣсколько копѣекъ. За тѣмъ начинаютъ пить водку и раздавать подарки, начиная съ священника, пана, отца, матери и всѣхъ вообще родственниковъ и почетнѣйшихъ гостей. Подарокъ состоитъ изъ куска корова, печенаго въ субботу, у жениха. Послѣ того сваты и свахи ужинаютъ, а молодые, послѣ ужина, перѣзжаютъ къ жениху, и тутъ, послѣ плясокъ,

отводятся въ комнату, гдѣ и ужинаютъ. Свахи, пришедши, готовятъ молодую къ брачному ложу, а сами гуляютъ.

На другой день свахи опять приходятъ въ комнату, и если бракъ счастливъ, то убираютъ молодую въ бѣлую наметку, повязываютъ ей голову сверху красною лентою и выводятъ ее въ толпу веселящихся, разрѣзываютъ ея красныя ленты, раздаютъ обрѣзки ихъ, длиною вершка въ два или три, всѣмъ присутствующимъ и привязываютъ эти обрѣзки къ наметкамъ и шапкамъ; а сваты и дружки повязываютъ черезъ плечо красныя поясы; отцу же и матери молодой пекутъ пирожки съ маковымъ съменемъ; свахи отвозятъ къ нимъ эти пирожки съ музыкою и пѣснями и привозятъ ихъ самихъ къ новобрачному. Послѣ того сваты и свахи съ молодыми идутъ въ церковь получить вводъ и во время пути поютъ:

А у насъ овесъ расепъ, а у насъ увесъ ридъ красепъ.
Яка маты, така дочка, якъ красна калыпочка.

Съ этой пѣсню ходятъ по домамъ всѣхъ родственниковъ и участвовавшихъ въ свадьбѣ, чѣмъ она и оканчивается.

Соблюдаются при свадьбахъ и другіе обычаи, но они маловажны. Свадебныя пѣсни незанимательны.

ПОХОРОНЫ.

Обычаи при похоронахъ не представляютъ ничего особеннаго. По смерти кого-либо изъ домашнихъ, тотчасъ извѣщаютъ о томъ священника, просятъ дозволенія позвонить во все колокола и приискиваютъ мастера которой бы могъ сдѣлать гробъ и вырыть могилу. Когда все изготовлено, приглашаютъ священника и приносятъ изъ церкви крестъ и хоругви. Священникъ отпѣваетъ въ домѣ малую панихиду, окропляетъ св. водою тѣло и гробъ, послѣ чего тѣло полагается въ гробъ и выносится на дворъ. При выносѣ изъ дому обсыпаютъ гробъ ржаными съменами и на порогахъ ударяютъ имъ три раза; потомъ, по прочтеніи Евангелія, несутъ покойника на кладбище, а причетъ, дорогою, отпѣваетъ погребеніе. Послѣ похоронъ все присутствовавшее на нихъ идетъ въ домъ покойника; тутъ ставятъ на столъ вареную пшеницу съ

медомъ для благословенія, послѣ котораго всѣ съ благоговѣніемъ вкушаютъ пшеницы, а за тѣмъ пьютъ водку, ѣдятъ закуску и садятся за обѣдъ. Хозяинъ, ходя около гостей, проситъ ихъ ѣсть, словами: «поминайте», а они отвѣчаютъ «нехай Господь помяне душечку покойника». По окончаніи обѣда, всѣ расходятся по домамъ. Такъ же точно совершаются и поминки.

ОБЫЧАИ ПРИ МОРОВЫХЪ ЯЗВАХЪ И ПРИ ПАДЕЖѢ СКОТА.

Во время повальныхъ и заразительныхъ болѣзней многіе обращаются къ утѣшенію религіи и просятъ совершить крестный ходъ и освятить дома. Въ болѣзняхъ крестьяне обыкновенно исповѣдаются, пріобщаются Св. Тайнъ, и просятъ объ освященіи воды надъ ихъ головами, а своихъ лекарствъ неупотребляютъ, потому что есть устроенный владѣльцемъ лазаретъ, гдѣ лечитъ докторъ. Впрочемъ, многіе, заболѣвающіе воспаленіемъ внутреннихъ органовъ, прибѣгаютъ къ помощи знахорей.

ЗАНЯТІЯ И ПРОМЫСЛЫ.

По селамъ крестьяне занимаются, съ величайшимъ усердіемъ, хлѣбопашествомъ и огородничествомъ; въ мѣстечкѣ же Корцѣ немногіе занимаются хлѣбопашествомъ; большая часть мужчинъ чинятъ овчины, шьютъ кожухи и свиты, и для сбыта ихъ ѣздятъ на ярмарки за 50 и 80 верстъ. Крестьяне продаютъ скотъ, овецъ и не многіе хлѣбъ.

НАРОДНОЕ ВЕСЕЛІЕ.

Оно бываетъ по праздникамъ, въ корчмахъ, куда собирается молодежь и приводитъ музыку; тутъ пляшутъ до сумерекъ, платя музыкѣ за каждый танецъ по 1 к. сер. Свахины и свадьбы тоже празднуются съ плясками и музыкою; другихъ занимательныхъ игръ нѣтъ никакихъ. Музыкальные инструменты, употребляемые въ здѣшней мѣстности, суть скрипка и цымбалы*, а за недостаткомъ ихъ свирѣль услаждаетъ молодежь. Забавы крестьянъ вообще состоятъ въ томъ, что во время праздни-

* Цымбалы похожи на гусли; струны ихъ приготовляются изъ тонкаго дрота; по нимъ играющій ударяетъ двумя палочками, подъ тонъ и тактъ скрипки.

ковъ многіе отправляются въ мѣстечки къ обѣдни, и кончивши торги, заходятъ въ корчмы и тамъ пьютъ могоричи за сдѣланныя покупки; оставшіеся дома, послѣ обѣдни, тоже идутъ въ корчмы, гдѣ иные просиживаютъ до вечера, потчуя другъ друга; это у нихъ и называется забавою. Если у кого случатся гости, то сколько бы не потчивали ихъ, все таки нужно пригласить ихъ въ корчмы, и все гостепріимство ни во что, если посторонніе люди не видѣли радушія хозяевъ.

ЖИЗНЕННЫЯ СРЕДСТВА.

На гостепріимство, на уплату податей и на другіе домашніе расходы крестьяне пріобрѣтаютъ деньги заработками, а въ лѣснстыхъ мѣстахъ, каково описываемое село, обыкновенно продажею дровъ въ м. Корцѣ по нѣскольку разъ въ недѣлю; лѣтомъ многіе зарабатываютъ деньги также и рыбною ловлею. Всего же болѣе жители здѣшняго околodka зарабатываютъ вывозкою лѣсныхъ матеріаловъ къ сплавной рѣкѣ Случь, находящейся въ 6-ти верстахъ, связкою ихъ и спускомъ на рѣку. Отъ этого промысла многіе получаютъ значительныя выгоды, а бѣдные этимъ только и про довольствуются; однодворцы, мастера лѣсовые, баляри, которые выдѣлываютъ въ лѣсахъ бельки и клепку, однимъ топоромъ могутъ въ день заработать отъ 50-ти до 75-ти к., иногда же и по рублю; наконецъ держатъ скоть. Всѣмъ этимъ здѣшніе жители живутъ и платятъ подати.

Главнѣйшія денежныя издержки крестьянъ, кромѣ поземельныхъ податей и денежныхъ повинностей, идутъ во 1-хъ на соль, количества которой на семью нельзя опредѣлить, потому что одна семья больше, другая меньше; притомъ же крестьяне никогда не покупаютъ соль въ большемъ количествѣ, а всегда гарнцами, по 11-ти и 15-ти к. сер. за каждый, которыхъ выходитъ примѣрно до 20-ти и до 25-ти; во 2-хъ на смазку телегъ (возовъ) покупаютъ деготь (смола), тоже гарнцами, по 12-ти к. сер. за каждый, и расходуютъ дегтю отъ 10-ти до 15-ти гарнцевъ; въ 3-хъ, деньги на прихоти и на домашній мелкій расходъ здѣсь обыкновенно добываютъ сами хозяйки, и выручаютъ нужное продажею домашней птицы, яицъ, холста, узловъ.

муки и огородныхъ овощей; въ м. Корцѣ женщина за огородныя овощи ежедневно получаетъ по 10-ти и по 15-ти к.; а та, у которой есть сады, по 40-ка и по 50-ти к. Впрочемъ половина этихъ денегъ, весьма часто, по выручкѣ ихъ, пропивается.

ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО БЫТА.

Мірскія сходки, по случаю отправленія какой-либо общественной повинности или нужды, собираются обыкновенно въ корчмѣ. Старшіе хозяева разсуждаютъ, а прочіе отвергаютъ или соглашаются. Послѣ сходки непременно бываетъ попойка. Въ помѣщичьихъ селахъ старшими называются установленные помѣщиками гурменныя, сотскіе, войты, осаулы. Младшіе называютъ старшихъ: дядьку; церковнаго старосту тоже почитаютъ старшимъ. Старшіе всегда занимаютъ почетныя, высшія мѣста, какъ въ церкви, такъ и въ собраніяхъ.

Благодаря Бога, въ нашемъ краѣ великихъ преступленій, какъ-то смертоубійствъ, поджигательствъ и грабежей почти никогда не бываетъ, и если случится здѣшнимъ жителямъ о томъ услышать, они ужасаются и крестятся, для огражденія себя отъ такихъ страшныхъ преступленій какъ отъ лукаваго; отъ меньшихъ преступленій воздерживаются также страха ради Божія.

При раздѣлѣ имѣній и выдѣлѣ приданаго, родители распоряжаются по своему усмотрѣнію; если же нѣтъ родителей, то ихъ мѣсто обыкновенно заступаетъ компромисный судъ, или власть владѣльца.

Продажи и покупки производятся въ здѣшнемъ краю всегда въ мѣстечкахъ или городахъ, всего чаще на ярмаркахъ, и то непременно при посредничествѣ Евреевъ. Если ярмарка приходится въ жидовскій праздникъ, то ея не бываетъ и никакой продажи не производится. Чуть свѣтъ, Евреи выходятъ въ мѣстечкахъ за заставу и спрашиваютъ пріѣзжающихъ, что они везутъ на продажу, задерживаютъ ихъ, торгуются и уже всегда, чѣмъ кто ранѣе пріѣдетъ, тѣмъ дороже продастъ свой товаръ. Послѣ продажи покупатель непременно долженъ купить могоричь, т. е. пригласить продавца на попойку. Обыкновенія собирать на общественный сборъ деньги, здѣсь нѣтъ; если же есть какая либо надобность для церкви, или другая общественная ну-

жда, то старшіе сходятся и дѣлають раскладку на всѣхъ, а десятскіе идутъ по селу и собирають то, что опредѣлено старшими.

УМСТВЕННЫЯ И НРАВСТВЕННЫЯ СПОСОБНОСТИ И ОБРАЗОВАНИЕ.

Богобоязненность и честность составляютъ отличительную черту здѣшнихъ крестьянъ. Религіозность ихъ обнаруживается въ приношеніяхъ въ пользу церкви, въ вспомоствованіи бѣднымъ, въ отправленіи религіозныхъ обязанностей и въ соблюденіи постовъ. Гостепріимство во всѣхъ видно чистосердечное, преимущественно же въ отношеніи къ духовенству. Достаточные и семейные, по мѣрѣ возможности, учатъ дѣтей грамотъ, посылая ихъ въ приходскія училища, а къ мастерамъ и мастерицамъ въ обученіе не отдають, кромѣ м. Корца, гдѣ всѣ кушперы, и учатъ своихъ дѣтей этому ремеслу.

НАРОДНЫЯ ПРЕДАНІЯ И ПАМЯТНИКИ.

У здѣшняго народа почти ничего нѣтъ нововведеннаго, а воспоминается одно старинное: пѣсни, поговорки, сказки говорятъ о прошедшемъ, особенно о малороссійскомъ.

Въ день Рождества Христова молодежь поетъ подъ всѣми окнами коляду въ честь народившагося Спасителя, кто какую съумѣетъ.

Коляда поется подъ окнами только въ первый день Рождества Христова, а послѣ того только въ домашнихъ собраніяхъ, но Поляки поютъ ее до 2-го февраля, по день Срѣтенія Господня. Подъ ихъ напѣвы, музыканты играютъ коленды по домамъ богатѣйшихъ жителей.

Такихъ пѣсень есть у нихъ множество.

Въ вечеру наканунѣ Новаго Года дѣти поютъ, тоже подъ окнами, пѣсни щедрухъ, или какъ здѣсь говорятъ щедруютъ. Вотъ одна изъ этихъ пѣсень:

Щодрый вечеръ, добрый вечеръ, добрымъ людямъ на весь вечеръ!
А дома, дома панъ господарь? щедрый вечеръ!

А я знаю що вип'є дома,
Сидить собі конець стола, щедрый вечерь!
А на іом' шуба шубаліова (вмѣсто: соболіова), щодрий вечерь!
А в'є ти шуби калеточка, щодрий вечерь!
А в'є ти калытоци сто червопыхъ, щодрий вечерь!
Сіому тому по червоному, щодрий вечерь!
А намъ дѣткамъ по шеляжечку, по пирожечку, щодрий вечерь!
Добрий вечерь, добрымъ людямъ, на весь вечерь, добры вечерь!

Такихъ дѣтскихъ пѣсень и обычаевъ здѣсь довольно.

Хозяева дають дѣтямъ за такую пѣсню по куску хлѣба,
или по пирожку, а болѣе достаточные по грошу.

Въ этотъ же вечерь учать молодой скотъ ходить въ упря-
жи и работать и обвязываютъ перевеслами изъ соломы
фруктовья деревья, ходя съ пирогомъ по всему саду.

На Ногой Годъ, рано утромъ, дѣти ходять по домамъ и
посыпають зерна разнаго збож'я, приговаривая: «на щастье
на здоровье, на новый рикъ, роди Боже жито, пшеницю, а в'є
запичку дѣтей копицю».

На Св. Великомученика Георгія, по выслушаніи литургіи,
всѣ жители выходятъ на свои нивы, посѣяныя съ осени, и
качаются, чтобъ пашня не буюла, а шла в'є колось и зерно,

9-го марта, празднують день 40 Мучениковъ и просятъ
Бога, чтобъ не было больше морозовъ.

25-го іюня молодыя дѣвушки собираются в'є полѣ, собира-
ють цвѣты, в'ють изъ нихъ в'янки и разведя огонекъ броса-
ють ихъ в'є огонь, или в'є воду, замѣчая: куда поплыветъ или
обернется в'єнокъ, оттуда и придетъ женихъ. Приэтомъ онъ
поють слѣдующую пѣсню:

Черезъ наше селце везено деревце, Звинкее! 2

А далеко воно чуткое. Съ того деревця становлена церковця. Звинкее! 2

Далеко чуткое; а в'є тій церковци штыри оконца, Звинкее! 2

Штыри оконца, штыри мисяца, штыря зирочки. Звинкое! 2

Со дня Пасхи, или со дня открытія весны, до Вознесенія
Господня, дѣвушки ежедневно собираются вечеромъ на улицахъ
и поють пѣсни в'є честь Володаря, освободившаго крестьянъ
отъ Ляховъ и излившаго на крестьянъ свои дары.

Насыпей и кургановъ по Волинской губерніи есть вездѣ
множество, но преданій объ нихъ нѣтъ; утверждаютъ, что

это слѣды древнихъ переворотовъ и нашествія Татаръ. Признаки старинныхъ зданій тоже есть, преимущественно въ с. Городницѣ, въ 12-ти верстахъ отъ этаго села на сѣверъ, надъ рѣкою Случемъ, на довольно высокой горѣ, гдѣ, какъ видно, былъ великій каменный замокъ, отъ котораго нынѣ остались только служившіе ему основаніемъ камни. Надъ тоюже рѣкою, въ селѣ Губковѣ, тоже на горѣ, былъ знаменитый замокъ; преданіе о нихъ исчезло, а остались лишь различные толки.

МѢСТЕЧКО АЛЕКСАНДРОВКА *.

ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНІИ
СОСНИЦКАГО УѢЗДА.

(Священника Г. Базилевича).

СВѢДѢНІЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ И СТАТИСТИЧЕСКІЯ.

До 1794 года мѣстечко Александровка называлось селомъ, а въ этомъ году, по утвержденіи здѣсь, съ разрѣшенія Правительствующаго Сената, торговъ и ярмарокъ, оно названо мѣстечкомъ. И теперь еще есть въ живыхъ люди, которые сами ѣздили по окрестнымъ селеніямъ съ повѣсткой приглашать стороннихъ жителей въ Александровку на ярмарку въ день

* Мѣстечко Александровка лежитъ на С. З. отъ уѣзднаго города Сосницы, и находится въ З. части Сосницкаго уѣзда. Изъ пятнадцати мѣстечекъ или слободъ и деревень, упоминаемыхъ въ описаніи, только Чернотичи находится въ восточной половинѣ уѣзда; всѣ же прочія въ западной. Самыя отдаленныя отъ мѣстечка Александровки поселенія, изъ названныхъ здѣсь суть: на С. Перелюбъ и Наумовка, а на Ю. Макошинъ и Куковичи остальные разбросаны около Александровки, въ Западной же половинѣ Сосницкаго уѣзда. Прим. Ред.

Пятидесятницы. Но при первомъ же прїѣздѣ людей на ярмарку, одна изъ здѣшнихъ владѣлицъ, теперь уже умершая, начала взыскивать слишкомъ высокія мѣстовыя пошлины, и съ тѣхъ поръ ярмарка эта, съ самаго же появленія ея, навсегда прекратилась. Даже и теперь, когда въ прочихъ селеніяхъ возникли новыя ярмарки *, здѣшняя невозобновляется. А торги въ каждую пятницу бывають и нынѣ. Здѣсь продается всякаго рода глиняная посуда, соль, перецъ, инбирь, цитварное сѣмя, кармазинъ и мелкій красный товаръ. Мѣстовыя пошлины, по одной к. сер. съ воза, взимаются и теперь.

Языкъ здѣсь нечисто малороссійскій, а представляетъ смѣсь литовскаго (не польскаго ли?) съ малороссійскимъ. Число жителей въ мѣстечкѣ Александровкѣ, при двухъ церквахъ, мужеска пола 1,361, женска 1,423 души.

Происхожденіе свое Александровка ведетъ отъ какого-то Александра, поселившагося первоначально близъ деревни Верховольсья. Верховольскіе жители, желая посѣтить его, обыкновенно говаривали: «хадимъ да Лександра». Такъ въ послѣдствіи времени возникла въ ихъ сосѣдствѣ Лександровка, а писать ее стали Александровкою.

Что деревня Верховольсье, находящаяся въ одной верстѣ отъ Александровки, дѣйствительно древнѣе послѣдней, объ этомъ и теперь сохранилось преданіе у старожиловъ-казаковъ; но годъ, мѣсяцъ и число происхожденія ея неизвѣстны. Только мѣстоположеніе доказываетъ, что Верховольсье селилось подъ лѣсомъ **, при истокѣ рѣки Мены, какъ обыкновенно прежде люди селились при рѣкахъ; а Александровка, напротивъ того, поселена какъ будто на время, при колодезѣ. Отъ того и теперь почти во всякомъ дворѣ есть колодезь.

Здѣсь помнятъ древнюю казацкую службу, когда казаки служили дома, учились военному искусству дома, и не дальше, какъ въ семи верстахъ, въ селѣ Киселевкѣ, имѣли свою Сотню. Оружіемъ служилъ имъ списъ, или пика (копье и топоръ

* Въ мѣстечкѣ Синявкѣ, въ 12-ти верстахъ отсюда, учреждена ярмарка въ 1844 году; также и въ селѣ Перелюбѣ.

** Эта деревня названа Верховольсьемъ отъ того, что верхи лѣсовъ этой деревни видны издалека.

вмѣстѣ); главною принадлежностью казака была лошадь. Въ селѣ Ольшаномѣ, Волынкѣ и Чернотичахъ были, говорятъ, особыя Сотни или Сотѣнцы, которыя памятливы здѣсь потому, что онѣ приносили нѣкогда Правительству жалобу на Александровскихъ и Верхолѣскихъ казаковъ за то, что послѣдніе, будучи богаты лѣсами *, недопускали ихъ, сотенцовъ, рубить въ дачахъ своихъ дрова для топлива и освѣщенія. По этому Правительству и отвело жалобщикамъ часть лѣса въ Александровскихъ дачахъ близъ Тютюниковой слободы, а Александровскимъ казакамъ, въ замѣнъ того, — луга за селомъ Куковичами, Сосницкаго же уѣзда. Говорятъ, что и нынѣ нѣкоторые помнятъ, какъ на этихъ лугахъ паслись древнія казацкія лошади. Но Сотенцы выпустили уже отведенные имъ Правительствомъ лѣса изъ своего владѣнія въ стороннія владѣльческія руки, а луга за Куковичами находятся и теперь во владѣніи Александровскихъ и Верхолѣскихъ казаковъ; только луга эти, въ послѣдствіи, раздѣлились на четыре части, называемыя *курени*. Каждый курень носитъ особое названіе отъ древнихъ Александровскихъ казаковъ, а именно: курень Зарѣцкихъ, курень Коржовъ, курень Зайцовъ и курень такъ-называемый Верхолѣскій. Каждый курень имѣетъ на 30 человекъ стенокоса и небольшое количество пахатной земли. Всѣ они отдаются теперь въ наймы стороннимъ лицамъ, а деньги, отъ найма выручаемыя, поступаютъ въ уплату податей съ казаковъ. Эти курени находятся за тридцать верстъ отъ Александровки, за селомъ Киселевкою, Величковою, мѣстечкомъ Меною и селомъ Куковичами.

Александровка примѣчательна по двумъ древнимъ Царскимъ дорогамъ, между которыми она находится. Изъ этихъ двухъ дорогъ, одна, къ Ю., называется *Царскимъ шляхомъ* и идетъ отъ Чернигова чрезъ мѣстечко Синявку и Киселевку въ Новгородъ-Сѣверскъ. Этою дорогою проѣзжала вѣчной памяти достойная Императрица Екатерина II, въ такъ-называемый здѣсь, по неурожаю хлѣба, дорогой годъ. Другая дорога, къ сѣверу, и гораздо древнѣй-

* И теперь, отъ избытка лѣса, постройка въ Александровкѣ лучше, нежели въ другихъ селеніяхъ; но тѣмъ, что внутри построекъ, Александровка бѣднѣе другихъ.

шая, идетъ отъ Чернигова чрезъ село Низковку и Каруковку, также въ Новгородъ-Сѣверскъ. На этой дорогѣ въ дачахъ Александровскихъ находится такъ-называемая *Королевая гребля*, то-есть Королевская гать или плотина. Говорятъ «проѣзжалъ ею Король», — вѣроятно Польскій, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, до 1667 года, когда Черниговъ находился еще въ подданствѣ Польши. Многіе изъ здѣшнихъ жителей видѣли, что на этой Королевой греблѣ еще торчали мостовыя пали, обветшалыя отъ давности лѣтъ; теперь онѣ уже несуществуютъ, но имя Королевой гребли и теперь еще сохраняется въ народѣ. Къ западу отъ Александровки нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго, кромѣ мѣстечка Синявки, гдѣ каждую субботу бываютъ весьма хорошіе торги хлѣбомъ и разными хозяйственными издѣліями, также грибами и краснымъ товаромъ. Къ востоку замѣчательно одно болотистое мѣсто, называемое *Гале*. Въ немъ полагать можно примѣрно болѣе десяти десятинъ. Любопытно это мѣсто потому, что доселѣ не изслѣдовано, отъ чего на немъ родится трава, которую не ѣстъ скоть, тогда какъ траву, растущую на всѣхъ прочихъ болотахъ, онѣ ѣстъ охотно? Люди не заботятся объ этомъ болотѣ, и скоть, какъ бы голоденъ ни былъ, не ѣстъ снятаго съ него сѣна, и даже травы. Кругомъ трава побита; а Гале какъ будто кто охраняетъ: тутъ трава цѣла! Скоть даже никогда неходитъ по Гале, развѣ только въ первые дни весны, когда на немъ начинается появляться трава, которая здѣсь называется «смычай черноголовый»: въ это время, и то рѣдко, какъ говорятъ Верхолѣсцы, «рогатый скоть походить по Галу»; а послѣ оно остается неприкосновеннымъ, и однѣ только птицы, крачки, водятся въ немъ. Мѣсто это отъ Александровки въ двухъ верстахъ, а отъ Верхолѣсья въ одной верстѣ, почти въ лѣсъ, въ правой сторонѣ отъ дороги, называемой здѣсь *военною*, потому что по ней проходятъ войска.

Не доходя отъ Военной дороги до болотнаго мѣста, есть возвышенность, похожая на могилу, которая называется *Батуркой*. Преданіе гласитъ, что тутъ погребенъ батуривскій житель, стяжатель излишней земли; но говорятъ объ этомъ различно. Одни утверждаютъ, что житель этотъ договорился съ другимъ человѣкомъ обѣжать въ очень короткое время болото Гале, съ тѣмъ, чтобы оно ему досталось, и недобѣ-

жавъ до дороги, упалъ и умеръ на мѣстѣ, прозванномъ Батуркой; отъ того Гале считаютъ мѣстомъ заклятымъ, и для скота негоднымъ. Другіе же, шестидесятилѣтніе грамотные люди, по преданію отцевъ, рассказываютъ иначе, но неправдоподобно, будтобы въ самомъ мѣстечкѣ Батурина, во время Гетманщины, одинъ Батуриискій житель просилъ себѣ земли у князя Гетмана, проживавшаго тамъ же въ Батурина. Этому просителю опредѣлено будто было дать земли столько, сколько онъ безъ отдыха пробъжитъ. Проситель былъ такъ силенъ, что пробъжалъ, безъ отдыха, отъ Батурина за деревню Верхольсье (болѣе 40-ти верстъ); тамъ, близъ военной дороги, около Галаго, упалъ, и, падая, еще протягивалъ вдалѣ правую руку, и кладя ее на землю, говорилъ: «и се ище мое», но съ этимъ словомъ умеръ, ничего не получивши. Послѣ этаго, надъ нимъ сдѣлана высокая насыпь или могила, называемая Батуркой. Нынѣ каждый мимоидущій или ѣдущій обязанъ бросить что нибудь на эту могилу, какъ бы въ утоленіе алчности покойнаго. Эта могила теперь уже значительно обрушилась, но все еще весьма замѣтна, и извѣстна не только старому и малому изъ здѣшнихъ жителей, но даже и чужесельцамъ, потому что, идя мимо, нельзя незамѣтить на ней всякаго рода накиди, какъ-то: сѣна, соломы, щепокъ, старыхъ лаптей, одежды и тому подобнаго, что только можно бросить. Отсюда и вошло въ народъ въ обычай, когда кто бросить что нибудь на другаго, говорить: «*шо ты на мене кидášь? Нічѣ* (какъ будто) *на Батурку!*»

СВѣдѣнія правоописательныя.

Пословица о Батуркѣ напоминаетъ другую поговорку, которая, смотря по тону, какимъ произносится, имѣетъ разныя значенія. Въ простомъ народѣ старыя и малыя говорятъ здѣсь весьма чисто: *атождь!* Произнесенное въ веселомъ расположеніи духа оно означаетъ подтвержденіе; въ этомъ случаѣ удареніе переносится обыкновенно съ *о* на *а*, и говорится: *áтождь!* — Но кто говоритъ «*атождь*» съ досадою и съ неудовольствіемъ, тотъ переноситъ удареніе съ *а* на *о*: *атóждь*; это слово въ такомъ случаѣ означаетъ отрицаніе. Напримѣръ, если вы спросите взрослого человѣка: «эта ли дорога до Чернигова?» — онъ

вамъ скажетъ весело : «а́тожъ» ! — Это значить : да ! такъ-точно ! но еслибъ вы спросили : пойдёшь ли ты въ городъ, а онъ вамъ скажетъ съ неудовольствіемъ : «а-то́жъ», и при этомъ еще сдѣлаетъ движеніе головою, то значить, что онъ вдвойнѣ отрицаетъ. Если же на вопросъ : «пойдешь ли въ церковь?» онъ скажетъ съ удовольствіемъ одно только : «а́тожъ!» то это значить всё равно, какъ бы онъ отвѣчалъ : какъ же нейти? пойду непременно! — Забавнѣе всего, когда скажешь ребенку : «пойди ко мнѣ!» а онъ угрюмо отвѣчаетъ на распѣвъ : «а-то́-жъ!» то-есть нехочу. Скажите ему : «сдѣлай вотъ это!» онъ отвѣтитъ съ неудовольствіемъ : «а-то́жъ ! буду !» — это всё равно, что : не буду ! — Но если сказать ему : «дать тебѣ вотъ-это?» онъ кратко скажетъ : «а́тожъ !», и при этомъ будетъ радъ, это значить : дай !

Гдѣ найти въ русскомъ языкѣ другое слово, которое бы служило и отрицаніемъ и вмѣстѣ подтвержденіемъ, какъ Александровское : а-то́жъ?

Другая отличительная черта Александровца та, что онъ не говоритъ о себѣ «я», а всегда «мы». — «Оцѣ мы пришлы до тебѣ, батюшка! — дытя вмерло !» — такъ обыкновенно объявляетъ священнику Александровецъ о смерти своего дитяти. Но если спросить его : отъ какой болѣзни оно умерло? на это онъ отвѣчаетъ : «не скажу, батюшка!» то-есть не знаю. *

Разговаривая между собою, казаки почти всегда говорятъ другъ другу «вы». Даже и помѣщичьему крестьянину они говорятъ *вы*, а не *ты* : «чи вы не знаете, дома панъ?» Но въ присутствіи самаго пана, или владѣльца, они говорятъ ему *ты* : «ты, добродію!»

Старые люди имѣютъ слѣдующій, весьма похвальный обычай : какъ бы они ни были раздосадованы въ своемъ семействѣ, или посторонними людьми, они никогда не употребятъ неприличнаго ругательства. При крайнемъ огорченіи они говорятъ тому, кто ихъ разсердилъ : «лихо батьку!», и никогда не прибавятъ : «твоему». — По ихъ мнѣнію, для досадителя нестерпимая обида, а для обиженнаго непростительный

* «Батюшкою» обыкновенно называютъ молодаго священника; а стараго зовутъ : «папоче!», то-есть; панъ-отче.

грѣхъ указывать на такого-то покойника, или отца. Потому-то они неопредѣлительно говорятъ только: «лихо батьку!»

Также похвальны и другіе обычаи Александровскихъ жителей. Каждый хозяинъ, или домоправительница, невидимо сохраняютъ въ своемъ домѣ три священныхъ предмета, а именно: крестъ, артосъ и святую воду. Крестъ хозяйки пекутъ сами изъ кислаго хлѣбнаго тѣста въ средопостье (на крестопоклонной недѣлѣ, въ среду); этотъ день обыкновенно называется: Хрестье.* Крестъ засушиваютъ и цѣлый годъ онъ лежитъ въ анбарѣ на житной мукѣ, изъ которой пекутъ хлѣбъ. Артосъ ежегодно получается въ церкви отъ священника въ артосную недѣлю; по вкушеніи онъ также засушивается, и хранится въ жилой избѣ или за иконами, или въ такъ называемой здѣсь круглой боднѣ съ крышкою, употребляемой вмѣсто сундука. Св. вода сперва приносится въ домъ изъ церкви 5-го января, съ навечерія Богоявленія, и называется «вечернею водою». Затѣмъ на самое Богоявленіе опять приносится вода, по освященіи ея близъ Верхольска на водѣ, или въ Александровкѣ, близъ колодезя, и называется просто «Богоявленскою водою». Эта вода смѣшивается съ первою; послѣ же она смѣшивается съ водою, освященною на житахъ 23-го апрѣля, въ Юрьевъ день, и съ водою, освященною въ церкви 1-го августа, въ день Маккавѣевъ. Святая вода хранится въ погребѣ, гдѣ варено. Эти три священные предмета тщательно сохраняются хозяевами, и когда во дворѣ родится какое либо животное, или птица, то хозяйка кропитъ новорожденное святою водою; крестомъ же хозяинъ, въ день Богоявленія, самъ освящаетъ всю постройку въ домѣ, и то мѣсто въ пунѣ, или въ клунѣ, гдѣ хранится жито. Съ крестомъ и артосомъ въ лѣвой рукѣ хозяйка выгоняетъ въ первый разъ весною скотъ на пашню, окропивъ оный предварительно святою водою, а въ правой рукѣ непременно держитъ въ такихъ случаяхъ вербу, полученную въ вербную недѣлю въ церкви отъ священника и, подгоняя ею скотъ, говоритъ: «иди себѣ съ Богомъ!» Съ крестомъ и артосомъ хозяинъ выходитъ также въ первый разъ весною орать поле, или какъ здѣсь говорятъ: за-

* Въ этотъ день—на Хрестье—сѣютъ въ огородѣ, обыкновенно по снѣгу, макъ, и онъ хорошо родится.

орувать; также съ ними идетъ онъ въ первый разъ съять. По возвращеніи онъ долженъ крестъ и артось положить въ свое мѣсто. По истеченіи года, когда на Хрестѣ печется новый крестъ изъ кислаго тѣста, старый сухой крестъ размачиваютъ въ водѣ и съѣдаютъ; прежній артось также съѣдаютъ по принесеніи новаго изъ церкви въ артосную недѣлю, и всегда съѣдаютъ его прежде новаго; оставшуюся же святую воду даютъ допивать 5-го января дѣтямъ, которыя не въ силахъ поститься въ такъ-называемую здѣсь голодную кутью, то-есть до навечерія Богоявленія; а если останется вода и отъ дѣтей, то ее выливаютъ въ колодезь; говорятъ, что нѣкоторыя старушки сохраняютъ ее надолго.

Сверхъ того, въ *Новый Годъ* (1-го января) люди собираются къ литургіи во множествѣ, благодарить за прошедшее лѣто и благословиться на наступившее; а мальчишки, еще до обѣдни, ходятъ въ этотъ день къ лучшимъ хозяевамъ и поздравляютъ ихъ съ Новымъ Годомъ и праздникомъ Василія Великаго, причемъ приносятъ съ собою всякія сѣмена, смѣшиваютъ ихъ и, заставая ими полъ, приговариваютъ:

Зароди, Боже,
Жито пшеницу,
Всяку пшеницу!

Будьте здоровы, съ праздникомъ и съ Новымъ Годомъ!

Здѣсь соблюдается также интересный *обычай* ходить въ день Рождества Христова съ *звѣздою*; грамотные казаки дѣлаютъ изъ бумаги кругообразную, двойную звѣзду, такъ чтобы между обѣими половинами ея оставалось пустое пространство; на каждой половинѣ рисуютъ человѣческій образъ съ сіяніемъ, и всю бумагу вымазываютъ коноплянымъ масломъ; потомъ звѣзду высушиваютъ и ночью ставятъ внутри ея горящую свѣчу, такъ что рисунокъ выказывается весьма ярко. Этотъ круглый рисунокъ или звѣзда утверждается на шпиль, такъ, чтобы она могла двигаться или вертѣться около шеста. Съ такою звѣздою поютъ подъ окошками слѣдующую псалму:

Шедше тріе Цары,
Ко Христу со дары;
Иродъ ихъ пригласивъ, куда идутъ? испросивъ 2 (повторяютъ два раза).
Отвѣщающа ему:
«Идемъ къ Рожденному!»

Къ Рожденному идите и мини возвестите; 2

Азъ шедъ поклонюся,

Предъ Царемъ смирюся,

Воздамъ честь обычну, Царевн приличну. 2

Ангелъ къ нимъ явился:

Де Христосъ родився,

Тамо иде и звезда; здѣ обрящете Христа! 2

Звезда идетъ чудно,

Съ Востокъ на полудно,

Надъ вертепомъ сіе, Христа Цара являе. 2

Ангели вѣщаютъ,

На путь наставляють:

Инымъ путемъ идите, ко Ироду неидите. 2

Волфы возвратившись,

Въ Ирода не бывши,

Воспять возвратишася, неволоче трудишася. 2

Пришли въ страны свой,

Христа славословя,

Чають въ неби житы, на вѣки служиты. 2

Слава жъ, ти, Рожденный!

Въ ясляхъ положенный!

Прими, Христе! человеки, во вѣчные во вѣки! 2

Поють также и слѣдующую пѣснь, называя ее псалмомъ:

Нова радость стала,

Якъ не бывала;

Надъ вертепомъ звезда ясна свиту возсіяла! 2

Де Христосъ родився,

Зъ дѣвы воплотився,

Тамъ чоловікъ пленами предъ Богомъ повився; 2

Де Царъ Давидъ пребываетъ,

На вси струны ударе.

На вси струны ударе, Бога хвалитъ. 2

Пастушки зъ агнѣтками

Передъ тымъ дитѣткомъ

На колѣняхъ упадаютъ, Христа прославляютъ. 2

И мы веселимся,

Христу поклонимся

Яко Цару Рожденному, Богу небесному! 2

Просимъ о ти, Царю!

Небесный хвалу!

Пошли лѣта щастливые сему господару! 2

Последнимъ словомъ указываютъ они на того хозяина, подъ окошкомъ котораго поють. А если хозяинъ хочетъ чтобы они пропѣли ему въ избѣ, то войдя въ домъ, поють:

Дай же, Боже, вечеръ добрый!
Вамъ, Божіи люде,
Хто въ симъ доми пребывае
Нехай здоровъ буде!
Шось вамъ скажутъ и объявють
Охотно почуйте:
Богъ, Владыка
Всего вика,
Пришовъ днесъ къ намъ житы;
Архангелы и Ангелы
Писнь Иму воспивають;
Согры (горы) скачуть, хольми пляшуть,
Весь свить веселытьця.
Чась намъ радости и сладости,—
Чего намъ смутытьця?
Торжествуйте, ликовствуйте, весь міръ—человики!
Восхвалите, прославите Христа во вся вики!

Свѣтлое Христово Воскресеніе празднують здѣсь тихо и чинно. Въ этотъ день нѣтъ злобы; всѣ христосуются въ семействѣ и съ сторонними людьми, а суетливая мать не можетъ пошумѣть даже и на нескромныхъ мальчишекъ; въ противномъ случаѣ мужъ тотчасъ сдѣлаетъ ей такое замѣчаніе: «Таки сей день хоть можно стерпеть таби» — ... Въ этотъ день приносятъ въ церковь до обѣдни «на цвынтаръ», или на паперть святить пасхи, приготовленныя гораздо лучше обыкновенныхъ куличей, а именно: здѣсь пекутъ круглыя хлѣбы, выше обыкновенныхъ, пшеничныя (изъ домашней пшеницы), или же ситныя; на каждомъ изъ нихъ непременно выложенъ изъ тѣста крестъ; верхняя часть хлѣба желтится инбиремъ, смѣшаннымъ съ водою, что придаетъ ему отличный видъ. Кромѣ пасхи обыкновенно святится соль, крашенныя яйца, колбасы, и непременно жареный поросенокъ, съ хрѣномъ въ зубахъ. По прибытіи домой, вкусивъ пасхи, тотчасъ ѣдятъ немного хрѣну, приговаривая: «укусить себѣ не много хрѣну, шобъ глисты замерли!»

День Сошествія Святаго Духа, или Пятидесятницы, также празднуется здѣсь отлично весело, быть можетъ потому, что Пятидесятница здѣсь храмовый праздникъ. Въ избѣ и на дворѣ ставятъ въ этотъ день зеленныя деревья и постилаютъ траву. На другой день Пятидесятницы, въ праздникъ Св. Троицы, прино-

сятъ въ церковь къ литургіи цвѣты и всякое душистое зѣлье, которое священникъ, во время обхода съ процессіею вокругъ церкви послѣ обѣдни, окропляетъ святою водою; при этомъ случаѣ каждый старается поднести свое зѣлье поближе къ священнику, для того чтобы оно непременно было окроплено. Всѣ поднимаютъ свои цвѣты и зѣлья вверхъ, какъ бы предупреждая одинъ другаго, такъ что въ это мгновеніе священника почти невидно за поднятыми кругомъ его зѣльями. По принесеніи въ домъ, зѣлья высушиваются и, въ случаѣ чьей либо смерти, кладутся въ гробъ, подъ голову покойника.

Праздникъ Усекновенія Честныя Главы Предтечи (29-го августа) празднуется, напротивъ того, уныло. Въ этотъ день многіе ничего неѣдятъ до вечера, другіе же даютъ обѣтъ поститься въ этотъ день, напр. чтобы быть здоровыми и т. п.

Празднованіе Воздвиженія Честнаго Креста (14-го сентября) замѣчательно здѣсь тѣмъ, что изъ-подъ креста берутся изъ церкви васильки, для укрощенія припадковъ, бывающихъ у младенцевъ. Обыкновенно кладутъ эти васильки больному подъ плечи и по вѣрѣ бываетъ облегченіе.

Равнымъ образомъ и верба, взятая въ церкви отъ священника въ Вербную недѣлю, имѣетъ, по мнѣнію здѣшнихъ жителей, цѣлебную силу. Въ случаѣ испуга дѣтей, ее пережигаютъ въ порошокъ и даютъ дѣтямъ пить съ водою. Свѣчка, которая въ Вербную утреню недогоритъ на вербѣ, приносится домой и кладется въ льняныя сѣмяна; съ этимъ огаркомъ сѣютъ лёнъ, вѣруя, что молнія не прибѣдетъ льна.

Страстною свѣчою окуриваютъ здѣсь также «причинныхъ» или припадочныхъ. Во время грозы ее зажигаютъ и ставятъ на столъ, покрытомъ бѣлою скатертью.

Въ день Преображенія (6-го августа), кромѣ плодовъ, освящается еще крестъ, сдѣланный изъ житныхъ колосьевъ или вѣнокъ, для перваго житнаго постѣву, и святится новый медъ въ стельникахъ.

Въ день Благовѣщенія закармливаютъ въ первый разъ пчелъ благовѣщенскою просфорою, взятою въ этотъ день на всенощномъ бдѣніи.

Юрьевъ день (23-го апрѣля) празднуется здѣсь торжественно. Всѣ, и старый и малый, идутъ послѣ литургіи изъ

церкви, вмѣстѣ съ духовною процессією, прямо на житное поле; тамъ одинъ изъ хозяевъ предварительно ставитъ на своей ближайшей нивѣ столъ, постилаетъ на немъ бѣлый покровъ и кладетъ хлѣбъ и кусокъ соли, около же стола приготовляетъ воду въ сосудѣ, для освященія; къ этому мѣсту приводитъ онъ всю духовную процессію, неся самъ впереди храмовую икону, или икону Св. Георгія. Подъ столомъ въ это время бываетъ скрыта трапеза съ виномъ, которую ѣдятъ уже по вкушеніи всѣми освященной здѣсь воды и по окропленіи житныхъ полевовъ. За тѣмъ расходятся до обѣда. Послѣ обѣда каждый хозяинъ съ своими пріятелями опять идетъ въ поле смотреть свой житный полевъ; они также несутъ питье и закуски; а молодежь собирается особо толпами и тутъ бываетъ музыка, пѣсни и прочее.

Въ Ооминѣ понедѣльникъ не поютъ уже никакихъ пѣсень, а только очень часто говорятъ: «вѣчная память умершимъ». Каждый хозяинъ куритъ у себя въ избѣ ладономъ, кладя его на горящіе уголья. Послѣ Свѣтлой недѣли, во время которой трезвонятъ во всѣ колокола, въ Ооминѣ понедѣльникъ колоколь уже уныло зоветъ всѣхъ къ вечерни, и каждый хозяинъ или хозяйка несетъ въ церковь къ вечерни четыре теплыхъ хлѣба за умершихъ; эти хлѣбы называются панихидою; кромѣ того, хозяинъ несетъ съ собою восковую свѣчу, не много ладону и небольшой сосудецъ съ медомъ, и еще до вечерни даетъ причетникамъ вписать вновь умершихъ въ принесенную имъ поминальную книжицу. Послѣ вечерни отправляется въ церкви, по всѣмъ усопшимъ, общая положенная по Уставу панихида, на которой *воспоминаются священникомъ всѣ умершіе, по имени.* Потому-то этотъ день и называютъ *поминальнымъ* понедѣльникомъ.

Вторникъ Ооминой недѣли называютъ *проводами*, тогда какъ у Велико-Руссовъ праздникъ Воскресенія Христова проводятъ на могилки, для возвѣщенія воскресенія и мертвымъ, въ понедѣльникъ. Проводами, называютъ здѣсь вторникъ Ооминой недѣли въ память того, что по воскресеніи Спасителя воскресли вмѣстѣ съ Нимъ и нѣкоторые изъ мертвыхъ *. Въ этотъ

* На этомъ основаніи въ понедѣльникъ вечеромъ сперва поминаются умершіе, а уже послѣ, во вторникъ, провожаютъ ихъ на могилы.—Проводы

вторникъ, а не въ понедѣльникъ, отправляется обыкновенно литургія о умершихъ, и послѣ обѣдни каждый хозяинъ идетъ на могилу своихъ родныхъ, и тамъ читаетъ: «Христосъ воскресъ» (трижды), «Оче нашъ» и «вѣчную память умершимъ!» За тѣмъ, разумѣется, бываетъ угощеніе приходящимъ на могилу. Нѣкоторые зовутъ и священника.

Дѣлаютъ также поминанія третинныя (послѣ смерти въ 3-й день), девятинныя (въ 9-ый день), шестинедѣльные (въ 40-ый день) и въ особенности годовыя, по давно умершимъ. Последнее бываетъ довольно веселое за обѣдомъ, потому что здѣсь отправляется служеніе и о здоровіи живыхъ.

Поминаютъ также мертвыхъ во весь Великій постъ по средамъ и пятницамъ до страстнаго четверга, но безъ панихиды. Панихиды служатъ обыкновенно въ недѣлю передъ Вознесеніемъ*, въ субботу передъ зеленой недѣлей, или Пятидесятницей, и осенью въ три субботы, изъ коихъ первая называется Дмитріевой, передъ 26-мъ октября, вторая Козьминой, передъ 4-мъ и третья Михайловской, передъ 8-мъ ноября. Всѣ эти субботы называются: *дпды*.

Въ Александровкѣ отправляются также молебны о здоровіи живыхъ въ первый воскресный день по новолуніи; ходятъ для здоровія въ Петровъ постъ на богомолье въ Кіевъ за 150 верстъ, въ Рыхловскій и Домницкій монастыри и, кромѣ того, въ село Макошинъ, на поклоненіе Чудотворной иконѣ Божіей Матери; наконецъ, тѣ изъ молодежи, у кого болятъ глаза или голова, ходятъ, какъ обыкновенно говорятъ, до *Криницы*. Криница находится въ 15-ти верстахъ отъ Александровки, близъ села Наумовки, Сосницкаго уѣзда, въ экономіи помѣщика Милорадовича, называемой *Каруковскою*, и есть нечто иное, какъ ключъ чистой и холодной воды; сначала онъ былъ обведенъ срубомъ, но въ послѣдствіи, по причинѣ стеченія народа, здѣсь устроена каплица въ видѣ часовни, и въ ней поставлены иконы. Чтенія здѣсь не бываетъ никакого; приходящіе въ часовню, обыкновенно въ первый воскресный день по новолуніи, при празднику Воскресенія Христова дѣлаютъ здѣсь въ среду предъ Вознесеніемъ, что, кажется, правильнѣе.

* До *Вшестья*, то-есть до Вознесенья, каждый хозяинъ вмѣняетъ себѣ въ обязанность служить панихиду.

носятъ съ собою свѣчи, зажигаютъ ихъ передъ иконою, и кладутъ поклоны; затѣмъ умываются криничною водою, берутъ ее въ сосуды и уходятъ домой. Криница, по вѣрованію здѣшнихъ жителей, имѣетъ цѣлебную силу для глазъ.

Къ числу повѣрій должно отнести, что въ пятницу Александровскіе казаки не орутъ, а семейства ихъ не прядутъ. Въ первый разъ идутъ въ поле орать, или, какъ здѣсь говорятъ, *заорувать*, и въ первый разъ зажинать жито и заламывать табакъ — при старомъ мѣсяцѣ, или при старолуніи, и притомъ въ такіе дни, въ кои не случалось праздниковъ Благовѣщенія, Срѣтенія и т. п. Говорятъ, что, въ противномъ случаѣ, будетъ что нибудь неладно: непременно кто либо заболитъ изъ людей, или скота, или изломается что либо изъ земледѣльческихъ орудій.

Есть также повѣрье, что въ понедѣльникъ послѣ зеленой недѣли и на самой зеленой недѣлѣ въ среду и четвертокъ, не должно ничего дѣлать. Четвертокъ этотъ называютъ «сухимъ четвергомъ»; въ это время нельзя даже полоть въ огородѣ, ни шить въ избѣ. А почему? на это отвѣчаютъ: «боимся русалокъ, чтобъ насъ не задавили.» Повѣрье о русалкахъ почти повсемѣстное; здѣсь въ простомъ народѣ рассказываютъ объ нихъ слѣдующее:

Русалки не иное что, какъ люди, умершіе на зеленой недѣлѣ, женщины и мужчины. Кто въ сухой четвертокъ или въ среду, или въ понедѣльникъ послѣ зеленой недѣли работаетъ, на того онѣ нападаютъ вѣявъ или во снѣ и мучатъ, именно лоскочатъ (щекочутъ), щиплютъ, кусаютъ, водятъ въ житахъ, болотахъ и заставляютъ съ собою танцовать, а играютъ на лзыкъ. Если между русалками случится родственникъ того, который работалъ въ заповѣдные дни, то онѣ защищаютъ виновнаго и не позволяютъ всѣмъ надъ нимъ издѣваться.

Это странное повѣрье уже слабѣетъ. Нынѣ досталось мнѣ въ первый разъ спрашивать объ этомъ старуху, болѣе другихъ уважаемую въ своемъ кругу, и она увѣрила меня, что ея ятровка (жена ея деверя) видѣла этихъ русалокъ, и онѣ чуть-чуть ее не задавили за то, что она мыла бѣлье въ понедѣльникъ послѣ зеленой недѣли. Гдѣ и какимъ образомъ случилось это съ нею? спросилъ я. — Она спала въ сѣняхъ, отвѣчала старуха, около оконца, и въ это оконцо русалки тянули ее съ

визгомъ и шипали. Но вдругъ затрубило что-то въ трубу и русалки сказали: ну счастливъ же твой Богъ, что нашъ старшій затрубилъ въ трубу! А то не быть бы тебѣ живой! Тыбъ знала, «какъ платье отжимать у панедилокъ».

Есть также повѣрье, что нѣкоторые портятъ людей такъ-называемымъ даньемъ *, то-есть: злые люди, потчуя въ бесѣдѣ горькою, даютъ кому нибудь тайно, по злобѣ, въ горячемъ винѣ, какой-то ядъ, отъ чего животъ пухнетъ и человеку становится нестерпимо больно, такъ что отъ данья, говорятъ, можно умереть. Отъ этаго лечатъ здѣшніе же люди: они вскорѣ послѣ данья заставляютъ принимать какое-то растеніе, отъ котораго сильнѣйшія бываютъ рвоты, и за тѣмъ больной получаетъ облегченіе. Противъ этаго суевѣрія дѣйствовать трудно, потому что оно извѣстно только тѣмъ, которые даютъ данье.

СВѣДѢНІЯ ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЯ.

Много уже сказано объ Александровкѣ, но не показано отличительнаго характера Александровскихъ жителей. Почти всѣ они слабы **, бѣдны *** и трудолюбивы. Старый и малый идетъ праздникомъ въ лѣсъ, за грибами и орѣхами ****. Продавши ихъ, бѣднѣйшіе покупаютъ себѣ одежду или платятъ подати.

Что они дѣйствительно трудолюбивы, видно даже изъ того, что у нихъ каждая работа ознаменована такою пѣснью, въ которой трудъ похваляется, а лѣньность порицается. Такъ на-примѣръ:

1. Передъ праздникомъ Іоанна Крестителя, въ Петровки, семейство, выполовъ на огородѣ свои грядки, обыкновенно поетъ пѣсню, въ которой хвалится своею дѣятельностію, а надъ лѣнностію другихъ смѣется.

* О дань я услышалъ впервые въ Александровкѣ. Не знаю, есть ли еще гдѣ такое повѣрье.

** Отъ того каждый носитъ жилетъ изъ сукна собственнаго издѣлія, длиннѣе дворянской. Сторонніе жители говорятъ: *Александровецъ въ жилеткѣ*. Слабы они еще и потому, что очень мало долголѣвныхъ.

*** Ибо людей съ деньгами нѣтъ здѣсь ни въ какомъ званіи.

**** Ходятъ также и грести сѣно. А грибы продаются отъ 15-ти до 25-ти коп. серебромъ за фунтъ. Орѣхи по 2½ копѣйки за фунтъ.

Ой чій-то лёнъ за горою,
Зарусь зильемъ, лободою?
Той-то лёнъ за горою (здесь вставляется имя лѣнливой сосьдки).
За чимъ вова не сполома?
То за тимъ, то за симъ, за спомъ частымъ. Гу!

Последнее «гу» — поютъ съ особенной протяжкой и съ возвышеніемъ голоса, чтобъ лѣнливая сосьдка слышала. Въ другое время, когда нѣтъ заросшаго льну, никогда не поютъ этой пѣсни: значитъ, она сложена собственно для лѣнливыхъ.

2. Впродолженіе гребовицы поютъ такую же пѣсню:

Ой чіи то гребци,
Дѣвки, молодці?

Греби, погребай! Боже помогай!

Ивановы гребци,

Дѣвки, молодци.

Греби, погребай! Боже помогай!

Гребци молодые,

Грабли золотые.

Греби, погребай! Боже помогай!

Опанасовы жъ гребци, — (т. е. сосьда Афанасія)

Старыя бабці ;

Греби, погребай! Боже помогай!

Грабли дѣрвенныя,

И самы старыя.

Греби, погребай! Боже помогай!

3. Косовицное время имѣетъ также свои пѣсни. Достойно замѣчанія, что въ Косовицу люди отлично веселятся, какъ будто Богъ знаетъ сколько дохода приносить имъ сѣно! Ъдутъ на сѣнокосъ, а особливо возвращаются съ сѣнокоса, съ шумными пѣснями, и не одни мужчины, но и женщины во это время веселятся. Отправивши своихъ мужей на сѣнокосъ, онѣ собираютъ обыкновенно своихъ подругъ и кумушекъ, и говорятъ: «нумъ (будемъ) ложки мыть» послѣ завтрака мужей; или: «ходимъ до такой-то ложки мыть»: это значитъ, что въ томъ дворѣ, куда собираются косари, хозяйка сама въ большихъ суетахъ, ухаживая за косарями и вновь приготавливая пищу, къ ихъ возвращенію, а потому онѣ, подъ этимъ предлогомъ, идутъ ей помогать, или, какъ говорятъ, *ложки мыть*. Тутъ-то пѣютъ такъ - называемую *косарицину*. Часто случается, что косарица въ домѣ больше стоить хозяйину, нежели самые косари на сѣнокосъ; ибо послед-

ніе, хотя и пьютъ, однако трудятся до-поту; а здѣсь, дома, женщины цѣлый день дурачатся, наряжаясь смѣшнымъ образомъ въ лучшее, праздничное платье, и ходятъ по селу, припѣвая и подбивая, отъ чего уборъ ихъ дѣлается еще смѣшнее, и люди говорятъ: «отъ нарядылась! наче (точно) медвѣдья!». О цѣломъ собраніи наряженныхъ такимъ образомъ бабъ, когда онѣ идутъ по селу, говорятъ обыкновенно: «медвѣдья йде». — Входить въ подробности о пѣсняхъ косарей и медвѣдицъ считаю излишнимъ.

Достопримѣчательнъ у насъ при косаряхъ одинъ старикъ — «старець» по малороссійски, а по русски нищій — казакъ Андрей Шуть, слѣпой, съ инструментомъ, называемымъ бандурою, которой онъ увеселяетъ косарей и подъ звуки которой поетъ пѣсни, по большей части въ честь Казацкаго Гетмана Хмѣльницкаго. — Сказано, что Господь умудряетъ слѣпцы: это на немъ видно. Не говоря о томъ, что этотъ нищій, при всей своей бѣдности, старается уплачивать всѣ повинности, — онъ еще, вдобавокъ, и отличный мастеръ плести канаты и всякаго рода веревки изъ конопель (пеньки). Но всего удивительнѣе его память! Преобширныя малороссійскія вѣрши (поздравительныя стихи) на Рождество и Воскресеніе Христово, преобширныя историческія пѣсни въ честь Гетмана Хмѣльницкаго, все это онъ — и одинъ только онъ — хравитъ здѣсь по преданію *.

Изъ всѣхъ сокровищъ мудраго старца сообщаю только одну пѣсню:

Якъ одъ Кумынщины, да до Хмельнщины, **
А одъ Хмельнщины, да до Добрянщины,
Якъ одъ Брянщины, да и до сѣго жъ то дня,
Якъ у земли Королевськуй, да добра не було.
Якъ жиды рандари (арендаторы) вси шляхи козацьки зарандовали (въ откупъ взяли);

* Добрѣйшій этотъ старикъ знаетъ въ честь Хмѣльницкаго много пѣсней; а сверхъ того рассказываетъ, по преданію, что Хмѣльницкій въ *хмѣлю* найденъ, и потому названъ Хмѣльницкимъ. За тѣмъ выросъ онъ при Королѣ Польскомъ, нашель тамъ въ бумагахъ кому принадлежала Малороссія со временъ Владиміра и ушелъ отъ Короля въ Запорожье, гдѣ служилъ дѣло и наконецъ прогналъ Ляховъ изъ Малороссіи. Андрей поетъ всѣ записанныя здѣсь пѣсни, а также и пѣсню о *войнѣ Хмѣльницкаго съ Волотами и Ляхами*, да, сверхъ того, многіе псалмы на разные церковные праздники.

** У Хмѣльницкаго Гетманъ Гербашъ былъ кумомъ; отъ того Кумынщина.

На одну милу
 Да по три шинки становили;
 Становили шинки по долинахъ,
 Зводили щоглы (шосты) по высокихъ могилахъ,
 Да брали миту промиту (пошлину мостовую.)
 Одъ (отъ) возоваго (который съ тѣлагою—съ возомъ ѣдетъ)
 По повзолотога (ползолотой—10 к. или 5 грошей),
 Одъ пшеничного - пшеницы (отъ пшеничаго бѣдняка)
 По три денежки мита брали;
 Одъ неборака (отъ бѣднѣйшаго) старца
 Брали крупы да яйца,
 Да - й - ще пытае:
 Цы нема, котыкъ, сче цого (нѣтъ ли, котыкъ! еще чего)?

(Такъ обыкновенно Андрей Шутъ передразниваетъ Еврея.)

Ще - жъ - то жида рандари въ томъ не перестали:
 На славную Украину вси казацки церкви зарондовали.
 Которому бѣ то давъ Богъ козаку, альбы мужику,
 Дытину появити (дитя родить):
 То нейды до попа благословитьця,
 А пойды до жида до рандара, да положъ шостахъ (деньги такія),
 Щобъ позволивъ церковь одчинити (отворить),
 Тую дытину окрестити.
 Ище жъ которому бѣ то давъ Богъ козаку, альбо мужику, дытину одружити
 ты (обвѣнчать),
 То нейды до попа благословитьця;
 А пойды до жида до рандара, да положъ быты (битый) талеръ,
 Щобъ позволивъ церковь одчинити,
 Тую дытину одружити.
 Ищежъ жида рандари въ тумъ не перестали:
 На славную Украину вси козацки рики зарондовали;
 Которыбъ - то козакъ, альбо мужикъ, исхотивъ (пожелалъ) на рички рыбы
 вловити,
 Свою жунку зъ дѣтьми покормити,
 То нейды до пана благословитьця,
 А пойды до жида до рандара, да поступи ему часть оддаты,
 Щобъ позволивъ на рички рыбки вловити,
 Свою жунку зъ дѣтьми покормити.
 Который бы козакъ исхотивъ на рички утѣ вбиты,

** И самъ отъ себя прибавляетъ: *да - нема! нехай теби халена!* т. е. да
 нѣтъ ничего—пусть тебѣ всё злое. *Халена* отъ Греческаго: *Χαλῆνα* —
 трудное. Или такъ: да нема! нехай теби *Цурахѣ* или: *цур - теби, нек - теби.*
 Это такія малороссійскія фразы, которыхъ нельзя перевести слово въ слово;
 онѣ сильнѣе, чѣмъ: «отойди прочь отъ меня, я тебя *чуждаюся*.»

Жунку свою зъ дитьми покормыты,
То пейды до пана благословитьця,
Да пойды до жида до рандаря, да поступи ему що небудь,
Щобъ позволивъ на рички утя вбыты,
Жунку свою зъ дитьми покормыты.
То одинъ козакъ мимо кабака иде,
За плечима мушкетъ несé,
Хоче на рички утя вбыты:
То жидъ - рандаръ у кватирку (стекло оковное) поглядае,
На жидовку свою стыха (потихоньку) словами примовляе:
«Эй жидовочка жъ моя Раса!
Шо сей козакъ себѣ думаетъ?
Шо вунъ у кабака не вступитъ,
За денежку горѣлки не купитъ.
Менѣ жида рандаря не перепроситъ,
Щобъ позволивъ ему на рички утя вбыты.»
То жидъ рандаръ стыха подхождае,
Козака зъ заду за-патлы (волосы) хватаетъ,
То козакъ на жида рандаря искося, якъ медвѣдь, поглядае,
Ище жида рандаря мастывымъ паномъ узываетъ.
«Эй жиду, жиду! Мастывый пане!
Позволь миннѣ на рички утя вбыты,
Свою жунку зъ дитьми покормити!»
Тогди жидъ рандаръ у кобакъ ухаждае,
На жидовку свою стыха словами примовляе:
«Эй жидовочка жъ моя Раса!
Буть миннѣ у Билуй Церкви наставнымъ равомъ! (раввиномъ)
Назвавъ мене козакъ мастывымъ паномъ!»
Одъ тогди жъ то, икъ (какъ) у Святы день, у Четвертокъ,
Жида рандаре у Билуй Церкви на сеймъ избирались,
Междо собою раду малы,
Стыха словами примовляли:
«Эй жида вы, жида рандаре!
Шо теперъ у васъ, на славну Украину слышно?»
Слышенъ, говорятъ, у насъ Гетьманъ Хмельницый;
Икъ отъ Билои Церкви да до славного Запорожа
Не така стоитъ жидовска сторожа!
То озоветьця одинъ жидъ Аврамъ,
У того бувъ невелики крамъ, (лавочный товаръ)
Тульки шпильки да иголки;
Шо ходывъ по-за Днѣпромъ, да дуривъ козацкы жонки.
«Эй жыды жъ вы, жида рандаре!
Екъ изъ низу литни вытеръ повье,
Вся ваша жидовска сторожа погине.»
Тогди жъ - то икъ у Святы день во вторникъ

Гатьманъ Хмельныцки козакувъ до всходу сонця у походъ виправлявъ
(отправлялъ)

И стыха словами примовлявъ :

« Эй! козаки, диты, друзы!

Прошу васъ, добре дбайте! (старайтесь)

Одъ сна вставайте,

Русьски: Отче Нашъ читайте!

На Славну Украину прибувайте!

Жидовъ-рандаровъ у пень (въ конецъ) рубайте!

Въиры свои Християньской у поругу не подайте!

Жидовському шабасу не польгуйте!»

Тогди жъ то жида рандаре догадливы бувалы,

Вси до города Поленого повтекали.

Тогди Хмельныцки на славну Украину прибувавъ,

То жида рандара негодного (ни одного) не зустававъ.

То Гатьманъ Хмельныцки не пышенъ (не гордъ) бувавъ,

Пудъ городъ Поленогъ прибувавъ,

Одъ своихъ рукъ лысты писавъ,

А въ лыстахъ приписувавъ:

« Эй! Полоняне! Полоняньская громада! (общество)

Колы бъ вы добре дбалы, (хорошо сдѣлали)

Мини жидувъ рандаровъ до рукъ подады!»

То воны ему отпысали:

« Папе, Гатьмане Хмельныцки!

Хоть будемъ одинъ на - двумъ (одинъ на одномъ) лягаты, (ложиться)

А не можемъ тыби жидувъ рандаровъ до рукъ податы.»

Тогди жъ то Хмельныцки одъ рукъ своихъ лысты писавъ,

У городъ Поленогъ други разъ подававъ:

« Эй Полоняне, Полоняньская громада!

Не хороша ваша рада!

Есть у менѣ одна пушка, сырота!

Одчинятыя (отворятся) ваши широкіе желізныя ворота!...»

Одъ тогди жъ-то икъ у Свѣты день Четвертокъ

Хмельныцки до всходу сонця устававъ,

Пудъ городъ Поленогъ ближей прибувавъ,

Въ городъ Поленогъ гостынецъ подававъ

Тогди Жида рандары горкимъ голосомъ заволали: (закричали)

« Эй, Полоняне! Полоняньская громада!

Колыбъ вы добре дбалы,

Одъ Полны ворота одпырали,

Да насъ за Вислу ричку хоть у въ одныхъ рубашкахъ пускали,

То бъ мы за Быслою ричкою перебували,

Да соби дитей дожидали,

Да ихъ добрымы диламы наущали,

Щобъ на козаццу Украину и кривымъ окомъ не поглядѣли.»

Отъ тогда жь-то козакамъ у городи Полонози
Дана воля на три часы съ половиною: «пійте, гуляйте!
Коло жидувъ рандаровъ соби наживу хорошу майте!»
Тогда жь-то козаки на славну Украинну обратно прибували,
Очертомъ (кружкомъ) сѣдали,
Сребро и злато на три часты поевали (дѣлили):
Первую часть на Покрову Сѣчовую, да на Спаса Мижигорського отдали;
А другую часть на медѹ, да на оковитуй горилъци пропивали, *
Трейтую часть миждо собою козаками поевали.
Тогда не одинъ козакъ за пана Хмельницькаго Бога просивъ,
Що не одинъ жидувськи жупанъ зносивъ.
Тоджѣ то Хмельницьки помѣръ, а слава ёго козацька невмре, неполяже!

4. Замѣчательнѣе всего время жнитва! Жнутъ тихо; каждый, по пословицѣ, *на себя работаетъ*. Но когда хозяинъ дожинаетъ послѣднюю ниву, семейство его поетъ пѣсню, въ которой свои труды хвалить, а лѣность другихъ порицаетъ. На примѣръ: Иванъ трудолюбивъ, а Афанасій лѣнивъ; вотъ и поютъ:

Ой чѣ-то поле

Зазвенило стоя.

Зазвенило, зазвенило стоя!

Иванове поле

Зазвенило стоя.

Зазвенило, зазвенило стоя!

Женцы молодые,

Серпы золотые.

Зазвенило, зазвенило стоя!

И жито пожали,

И въ копы поклали.

Зазвенило зазвенило, стоя!

Опанасове (Афанасьево) поле

Задремало, стоя!

Задремало, задремало стоя!

Женцы все старые,

Серпы лубяные.

Задремало, задремало стоя!

Жита не пожали

Серпы помомали

Задремало — задремало стоя!

* «Оковитая горьлка» — горячее вино столь крѣпкое, что когда его пьешь, то глаза (око) какъ будто выпяся.

На томъ мѣстѣ, гдѣ жатва оканчивается со всѣмъ, хозяинъ оставляетъ горсть несжатыхъ колосьевъ и называетъ эту горсть «бородою», говоря: *оставлю на бороду!* За тѣмъ, сложивъ житные снопы въ копы, идутъ всѣ къ бородѣ и мужчина непременно долженъ заломать эту бороду посреди на востокъ и опять пустить ее концами на востокъ же, какъ бы въ благодарность за начало и за конецъ! Послѣ этого онъ долженъ перевязать бороду вверху красною ниткою, а прочіе жнецы украшаютъ эту бороду всякаго рода цвѣтами, опалываютъ траву кругомъ нея и въ срединѣ, и наконецъ, въ средину ея кладутъ краюшку хлѣба, кусочекъ соли и сплетаютъ крестъ изъ колосьевъ, который приносятъ въ домъ на цѣломъ хлѣбѣ и освящаютъ въ день Преображенія. Всѣ эти дѣйствія надъ бородою сопровождаются слѣдующею пѣснью:

Сидѣтъ ведмидь (медвѣдь) на капи (на копнѣ) *
Дывується борода:

«Ой — дыво мни.

«Объ туй борода!

«Ой чіа жъ то борода,

«Чорнымъ шовкомъ увита?

«Чорнымъ шовкомъ увита,

«Сриблюмъ злотомъ улыта?

Иванова борода!

Чорнымъ шовкомъ увита,

Сриблюмъ злотомъ улыта.

Опанасоважъ борода

Мачулами увита,

А смолою улыта!

Идя съ поля домой, жнецы поютъ еще съ большимъ восторгомъ, похваляясь своими трудами:

Ой мы жъ своему пану

Снарядили славу!

Снарядили, снарядили славу!

* Слово «медвѣдь» употребляютъ здѣсь по тому, что люди живутъ близъ лѣса. Въ другихъ дальнихъ отъ лѣса селеніяхъ поютъ: «Сидитъ воронъ», т. е. ворона.

И жито пожалы

И въ копы поклалы

Снарядыли, снарядыли славу!

Наставыли купакъ

Якъ на неби зурокъ

Снарядыли, снарядыли славу!

Наставили стожкувъ

Якъ де небудь божкувъ *

Снарядыли, снарядыли славу!

Поставили копки

Да вдарили гопки

Снарядыли, снарядыли славу!

Эту пѣсню поютъ, идя домой, за селомъ, и въ селѣ, и на дворѣ, и въ избѣ, и послѣ ужина; всѣ похваляются своими трудами, что они «снарядили славу»!

Послѣ этаго, естественно, рождается вопросъ: если эти люди такъ трудолюбивы, то отъ чего же они бѣдны?

Бѣдны они отъ того, что семейства ихъ раздробляются, и бѣольшая ихъ часть малоземельны; къ тому еще и земля у нихъ неплодородная **, отъ чего многіе переселились въ губерніи Екатеринославскую, Таврическую и въ Черноморское Войско; нѣкоторые и теперь еще желаютъ переселиться.

ЛЮБИМЫЯ ЗАНЯТІЯ.

Главный промыселъ здѣшнихъ жителей — табакъ; но цѣны на табакъ низки. Отдаленность городовъ также не способствуетъ Александровцамъ. Они не успѣютъ еще табакъ хорошо обработать или высушить, какъ уже везутъ его — сырой и зеленый — продавать въ мѣстечко Мену, 8-го сентября; а это вредитъ зажиточности жителей, во-первыхъ потому, что табакъ продается по 10-ти или 15-ти к. сер. за пудъ, гораздо дешевле сухаго и хорошо приготовленнаго табака въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ; во-вторыхъ, этотъ худой и дешевый табакъ естественно *устанавливаетъ уже цѣну и на хорошій*; ибо повѣренныя отъ

* «Какъ гдѣ нибудь божковъ». А другіе поютъ: «Якъ у церкви божкувъ».

** Земля неплодородна и къ обработкѣ неудобна. Для одного плуга надобно здѣсь имѣть 4 рогатыя скотины, а это не всякій можетъ имѣть, и потому *на одну соху спрягаются обыкновенно два хозяина*.

Рижскихъ купцовъ, находящіеся въ мѣстечкѣ Ментъ, козаки и Евреи, сообразно съ этими дешевыми цѣнами, стараются уже какъ можно скорѣе закупить для вѣрителей своихъ нужное количество табаку, съ тѣмъ, чтобы скорѣе получить за трудъ по 10-ти к. асс. съ пуда. Такимъ образомъ сырой и дешевый табакъ естественно вредитъ хорошо приготовленному, а торгъ табакомъ въ Ригѣ существенно отъ того страдаетъ.

Кромѣ того, здѣшніе жители работаютъ еще топоромъ: строятъ мельницы и магазины для хлѣба, и отправляются на заработки. Съ недавняго еще времени начали они промышлять и заработками на водѣ. Какъ скоро весною осушится земля, каждый отправляется или водою въ Екатеринославскую и Таврическую губерніи, для доставленія деревянной (чужой) посуды и хлѣбнаго товара байдаками (отъ чего и говорятъ: пошовъ на байдакъ!), за что получаютъ 3 р. сер. въ мѣсяцъ; или же сухимъ путемъ и пѣшкомъ идетъ въ тѣ же губерніи, для снятія тамъ постовъ и травы, за что получаетъ 50 к. сер. въ сутки и болѣе, смотря по тому, какъ велико требованіе на рабочихъ. Зимой, кто побогаче, сами везутъ продавать свой табакъ въ Минскую и Витебскую, болышею же частію въ Могилевскую губерніи, въ особенности въ мѣстечко Гомель *.

* Для избѣжанія обмана со стороны Евреевъ, тѣ, которые по расторгнѣ, уговариваются за деньги съ тамошними жителями изъ Христіанъ, чтобы они продали ихъ табакъ вмѣсто своего; въ такомъ случаѣ обмана и не бываетъ.

ДОМАШНІЙ БЫТЪ МАЛОРОССА.

(Священника А. Иваницы) *.

1. ХАТА.

А. ВЪНШНЕЕ УСТРОЙСТВО.

Малороссъ строить свою хату изъ небольшого количества разнаго дерева, лѣпитъ стѣны ея изъ земли и обмазываетъ снаружи и внутри глиной. Приготовивъ заблаговременно лѣсъ и нанявъ плотника, онъ приступаетъ къ дѣлу. Сперва плотникъ строитъ на чистомъ мѣстѣ основаніе, которое зовется *сѣнецъ*. Каждая сторона вѣнца сбивается изъ трехъ или четырехъ (не болѣе) деревь, которыя кладутся одно на другое; длина и ширина этихъ деревь равны размѣрамъ будущей хаты; вдоль вѣнца кладется одна балка, которая зовется *сволокомъ*. Потомъ стро-

* Авторъ этой статьи — приходскій священникъ села Оболони или Оболовья (какъ оно значитъ на картѣ Шуберта), находящагося въ З. углу Хорольскаго уѣзда, на Ю. З. отъ уѣзднаго города Хороль. По картѣ Шуберта село это стоитъ близъ слиянія рр. Руды и Толстой, которыя подъ именемъ Кривой - Руды текутъ въ Сулу. Окружныя поселенія около села Оболони суть: Ивановка, Новоселица, Толстая, Кривая-Руда и мѣстечко Мохначь.

ятся пять стропилъ — *кроковъ*, которыя ставятся на основаніи, то-есть на вѣнцѣ, безъ укрѣпленія, а поперекъ кроковъ или стропилъ прибиваются деревянными гвоздями и довольно слабо *латы*, на разстояніи аршина другъ отъ друга. Этимъ и оканчивается постройка вѣнца, основанія крыши.

Построивши крышу хаты, плотникъ приступаетъ къ постройкѣ хаты или, правильнѣе, ея стѣнъ. Для этого онъ отрубаетъ, смотря по обширности хаты, 12-ть, а иногда и болѣе дубовыхъ или сосновыхъ колодъ въ 4 аршина длины и не менѣе четверти аршина толщины, выкапываетъ 12 ямъ въ $1\frac{1}{2}$ аршина глубины, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ должна стоять хата, ставить приготовленныя колоды, — по здѣшнему *сохи*, — въ выкопанныя ямы и плотно обсыпаетъ и обиваетъ эти сохи землею. Послѣ того онъ осторожно разбираетъ крышу съ ея основаніемъ (винцемъ), накладываетъ вѣнецъ на крѣпко вкопанныя колоды (сохи) въ прежнемъ порядкѣ, укрѣпляетъ на вѣнцѣ стропилы деревянными гвоздями, прибиваетъ также крѣпко къ кроквамъ латы, — и вотъ является въ селеніи новая хата, которую въ этомъ первоначальномъ видѣ плотникъ зоветъ *клиткою*. Потомъ плотникъ prepares отъ 50-ти до 100 нетолстыхъ колодочекъ — *киля*, какія найдутся у хозяина; вкапываетъ ихъ одними концами въ землю, а другіе прибиваетъ деревянными гвоздями къ вѣнцу — основанію крыши, размѣшая колодочки одну отъ другой на поларшина разстоянія; плететъ поперекъ колодочекъ плетень изъ лѣснаго орѣха или вербовой лозы, растущей во многихъ огородахъ, и оканчиваетъ всю постройку хаты *сокирою*.

Когда строится новая хата, съ плотникомъ, какъ съ мужчиной, раздѣляютъ труды мужчины, умѣющіе хоть какъ-нибудь держать топоръ въ рукахъ; но когда приходитъ пора мазать новую хатку, трудятся однѣ бабы, припѣваячи, по повѣрью, чтобы хата была весела. Для этой работы выкапывается земля и насыпается въ кучу; бабы размѣшиваютъ ее хорошенько съ водою ногами, часто подсыпая *полову* какого-либо хлѣба или навозъ, и облепляютъ этимъ вязкимъ веществомъ стѣны хаты на $\frac{1}{2}$ аршина толщины и болѣе, смотря по величинѣ зданія. Облепляя стѣны хаты, бабы оставляютъ въ нихъ восемь отверстій: два большихъ для дверей, изъ хаты въ стѣны, а изъ стѣ-

ней на дворъ; четыре для оконъ: *передпѣшняго*, которое должно находиться въ стѣнѣ противъ печки; *покушняго*, которое оставляется въ одной стѣнѣ съ передпѣшнымъ и поближе къ углу, назначенному для образа; *причѣшняго*, которое въ стѣнѣ противъ двери, ведущей изъ хаты въ сѣни, и *напѣшняго*, въ стѣнѣ, гдѣ лежитъ *пиль* — малороссійская кровать; кромѣ того, два небольшихъ отверстія оставляются: одно для окошка *нижняго*, которое на печкѣ, а другое для прохода дыма изъ печки въ трубу.

Обмазанная хата покрывается тростникомъ, или соломой, или соломой и тростникомъ вмѣстѣ, такъ что тростникъ покрывается соломой. Потомъ оставляютъ хату на нѣсколько времени сохнуть, а когда высохнетъ, хозяину предстоитъ довольно легкій трудъ устроить ее внутри и собрать домашнюю утварь.

Б. Внутреннее устройство хаты и домашняя утварь.

Новую хату хозяинъ раздѣляетъ на три отдѣленія: 1) хату въ собственномъ смыслѣ; это жилье; 2) сѣни, и 3) хижу. *Хижа* — маленькая кладовая, въ которой хозяинъ держитъ съѣстные припасы, одежду и все имущество, какое у него есть.

Строеніе, раздѣленное такимъ образомъ на три отдѣленія, обмазывается мѣломъ или бѣлой глиной. Потомъ хозяинъ устраиваетъ въ своей новѣй хатѣ лавы и пиль. *Лава* — сосновая или другая какая нибудь доска, которая отрѣзывается по внутренней длинѣ жилья и помѣщается на слѣпленныхъ изъ земли столбахъ. Одна лава устраивается у стѣны, въ которой окна передпѣшное и покутное, а другая у стѣны, гдѣ окно причѣльное, и соединяется дномъ концомъ съ первою лавою, въ уголъ, назначенномъ для образа — *на покуты*. *Пиль* дѣлается изъ 5-ти досокъ, положенныхъ одна подлѣ другой одними концами на лаву покушняго окна, а другими на *привалокъ*, то-есть на доску, которая лежитъ около печки на двухъ земляныхъ столбикахъ, въ аршинъ вышины. На полу стоитъ *скрыня* — сундукъ, съ однимъ женскимъ имуществомъ, если есть столъ; а если стола нѣтъ, то скрыня служитъ столомъ и стоитъ тогда поближе къ покутѣ, чтобъ удобнѣе было около нея садиться на обѣихъ лавахъ. Кромѣ этой

утвари въ хатѣ Малоросса находится: 1) *жертка* — шесть, повышенный на пеньковыхъ веревкахъ близко къ потолку и недалеко отъ стѣны, у которой лежитъ пилъ. 2) *Стылычкѣ* — маленькая скамейка. 3) *Ослынь* — длинная узкая скамейка, которую приставляютъ къ лавѣ, когда ложатся спать, и къ скрынѣ, либо къ столу, когда хозяева одни, или съ гостями, хотятъ уѣсться къ нимъ въ праздникъ. 4) *Каганецъ* — плошка, изъ дна разбитаго горшка. Каганецъ освѣщаетъ хату фитилемъ — *гнотомъ*, облитымъ саломъ свинымъ, бараньимъ, либо другимъ, которое называется по-малороссійски *смальцемъ*, либо *льнянымъ*, *коноплянымъ*, и *свиринымъ* масломъ *олією*; *гнытъ* выдираютъ изъ чистой ветошки. 5) *Гребинь*, на которомъ Малороссіянки прядутъ пеньку, ленъ и шерсть; *днище*, въ которое вкладывается гребень; *гребинка*, которою растрепываютъ ленъ и пеньку на гребнѣ, и *щипки* изъ свиной щетины, которою вычесываютъ мычку изъ пеньки и льна; *веретѣно*, которымъ прядутъ на гребнѣ; *мотовыло*, на которое наматывается пряжа и, наконецъ, *вытушка*, съ которой сматываютъ *посмитокъ*, снятый съ мотовила. 6) *Мысникъ* — доска, укрѣпленная около стѣны, въ которой двери изъ хаты въ стѣну; на мыснику ставятся въ рядъ *черепаля* (глиняныя) *мыски* и кладутся деревянные ложки. 7) *Полыця* — доска, укрѣпленная около стѣны, въ которой окна передпичное и покутное, поближе къ потолку. На *полыцѣ* кладется хлѣбъ печеный, ставятся обороченные вверхъ дномъ горшки и стоитъ *салалка* — деревянная маленькая лоханка, въ которой толчется сало для борща. 8) На стѣнахъ въ избѣ висятъ: *сыто*, *подсытокъ* и *пидришитки*. Первымъ просѣвается мелкая шпеничная мука, вторымъ крупная мука, последними мука еще болѣе крупная. 9) Въ углу около печки стоятъ всѣ ея принадлежности, именно: *кочергѣ*, которою таскаютъ въ печь топливо и выгребаютъ золу; *хвѣтки*, — коими ставятъ въ печку горшки, и вынимаютъ ихъ оттуда; *лопѣта*, на которой сажаютъ въ печку хлѣбъ, и *помыло*, которымъ чистятъ печку и обмокнувши въ воду тушатъ въ ней огонь; оно состоитъ изъ старыхъ тряпокъ, привязанныхъ къ концу палки. 10) *Ночвы*, въ которыя сѣютъ муку. 11) *Дига*, гдѣ тѣсто вскидается. 12) *Помыиыця*, — грязная кадушка, въ которую цѣлый день сливается въ избѣ всякая-всячина для корма свиней; она стоитъ въ

углу около дверей. 13) *Рубель и качалка* — орудія, коими ка-
тается мытое бѣлье. Наконецъ, 14) самое главное — въ углу,
противъ двери, стоять образа. Вся эта утварь непременно на-
ходится въ хатѣ; но и другія два отдѣленія — сѣни и хижина —
также содержатъ нѣкоторыя вещи, необходимыя для Малоросса.
Въ сѣняхъ стоитъ въ углу *дожка* — кадушка съ водою, для питья;
два ведра деревянныхъ и *кордысло* для ношенія на плечахъ
воды изъ колодца; *жлукто* — кадушка безъ дна, въ которой
золятся бѣлье, пересыпанное золою и наливается кипяткомъ
коса, которою косятъ; *грабли*; *вилы*; *рожень* — коимъ носятъ со-
лому, обмолоченнаго хлѣба; и *ципъ*, которымъ молотятъ хлѣбъ.

Въ хижинѣ стоитъ *шанлыкъ* — ушатъ въ полбочку, необходи-
мый во многихъ случаяхъ; *кишъ* — ящикъ, плетеный изъ вербо-
вой лозы, обмазанный внутри и снаружи глиной и содержа-
щій въ себѣ зерновой хлѣбъ; *засичокъ* — небольшая часть хижины,
перегороженная досками, и раздѣленная на нѣсколько частей,
для разнаго рода зерноваго хлѣба или муки — ржаной, грече-
вой и пшеничной; тутъ же въ хижинѣ помѣщается нѣсколько бо-
чекъ, висятъ гдѣ-нибудь мышки и *рядна* — мужское и женское
платье.

Вотъ вся домашняя утварь Малоросса, живущаго ни бѣдно,
ни богато. Разумѣется, всѣ описанныя выше хозяйственныя ору-
дія и вещи можно находить въ большемъ или меньшемъ коли-
чествѣ, смотря по числу душъ въ семействѣ; можно находить
много и другихъ орудій и инструментовъ, смотря по тому, ка-
кимъ ремесломъ занимается хозяинъ. Объ этихъ орудіяхъ и
инструментахъ надлежитъ сказать въ особой статьѣ о люби-
мыхъ занятіяхъ Малоросса; но описывая внутреннее устройство
хаты и домашнюю утварь земледѣльца, нельзя ничего приба-
вить къ сказанному.

В. ВНЕШНІЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ХАТЫ.

Около хаты Малоросса устроены слѣдующія принадлежно-
сти ея: 1) *комира* — небольшой сарай, обмазанный глиной или
пометомъ скота, или обставленный тростникомъ, съ *загономъ*. Въ
коширѣ содержатся овцы, днемъ въ загонѣ, а ночью въ сараѣ,
который запирается дверью, сплетенною изъ вербовой лозы.

2) *Загорода* — сарай вдвое больше коширы, обмазанный съ трехъ сторонъ пометомъ рогатаго скота, или обставленный тростникомъ, также съ *загономъ*. Въ загородѣ содержится крупный и мелкій скоть, а у кого есть — и лошади. 3) *Хливъ* — сарай, въ которомъ сберегаются отъ непогоды *визъ*, *саны*, *бороны*, *плугъ* и многія другія хозяйственныя принадлежности. 4) *Погрибникъ* — крыша, утвержденная на землѣ, надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ выкопанъ погребъ. Въ погребѣ стоитъ въ зимнее время бочка съ бураками, кадушка съ шинкованной капустой, кадушка съ рубленой (сѣченой) капустой, и маленькая кадушка съ огурцами. Въ погребѣ сберегаются также картофель, рѣдька, хрѣнь, морковь, свѣжіе красные бураки и нѣсколько корешковъ свѣжей капусты для сѣмянъ. 5) *Свининецъ* — маленькій сарайчикъ, въ который круглой годъ загоняють свиней. Онъ плетется изъ лозы и обмазывается глиной или пометомъ. 6) *Сажъ* — небольшой сарайчикъ, четвероугольный, на высокихъ подставкахъ по угламъ и срубленный изъ дерева, съ маленькою дверью, въ которую втаскивають свиней для откармливанія; наконецъ 7) *курникъ* — сарайчикъ, въ который загоняють гусей, утокъ, индѣекъ, и садятся на перекладинахъ на ночлегъ куры.

2. ОДЕЖДА МАЛОРОССІЯНЪ.

А. ОДЕЖДА МУЖСКАЯ.

Малороссъ носить: 1. *Сорочку* — рубаху изъ холста, приготовленнаго дома. Сорочка шьется длиною въ 4 аршинъ, съ рукавами довольно широкими и воротникомъ въ $\frac{1}{2}$ вершка ширины; холста идетъ на сорочку 7 аршинъ. 2. *Штаны* — брюки, также холстяные, которые обвязываются около поясицы узкимъ ремешкомъ, *учкуромъ*, съ пряжкой; ремешокъ этотъ протянуть въ верхней части брюкъ. Холста толстаго, а также и сукна идетъ на штаны 6 аршинъ. 3. *Юпку*, которая шьется изъ домашняго сукна, чернаго или сѣраго цвѣта, съ узкимъ воротникомъ въ одинъ вершокъ ширины и длиною до колѣнъ. Сукна идетъ на юпку 7 аршинъ. Поверхъ юпки надѣвается иногда 4. *Свита*, изъ простаго чернаго или сѣраго сукна, съ воротникомъ въ одинъ вершокъ ширины, и длиною ниже ко-

лѣтъ; сукна идетъ на свиту 8 аршинъ. 5. *Кобинякъ*—замѣняетъ шинель; шьется изъ сѣраго простаго сукна съ узкимъ воротникомъ, за спиной съ *кобкой*—суконной *тарбишкой*, которая во время дождя накрываетъ шапку на головѣ, ибо одною своею стороною кобка прикрѣплена къ воротнику. Кобинякъ шьется длиною до земли, и сукна на него идетъ 10 аршинъ. 6. *Кожухъ* шьется изъ овчинъ съ молодыхъ овецъ—*лентвиривъ*, съ воротникомъ въ 2 вершка ширины и длиною ниже колѣнъ. Кожухъ подпоясывается около чреселъ шерстянымъ поясомъ, приготовленнымъ дома или купленнымъ. «Лентвиривъ» на кожухъ идетъ 5 штукъ. 7. *Тулубъ* шьется изъ овчинъ съ старыхъ овецъ, длиною до земли, и съ воротникомъ въ $\frac{1}{4}$ аршина ширины. На кожухъ идетъ 10 старыхъ овчинъ. 8. *Шапка* шьется изъ *смуха* съ маленькаго ягненка, чернаго либо сѣраго, съ смушевымъ околышемъ и верхомъ изъ чернаго либо синяго сукна, либо вся смушевая. 9. *Поясъ*, или дома вытканый шерстяной, или купленный. 10. *Рукавицы* хозяинъ самъ вяжетъ изъ пряженой шерсти. 11. *Накорѣжни* покупаются у разнощиковъ, и надѣваются поверхъ рукавицъ. 12. *Чоботы*—сапоги, шьются изъ простой кожи, съ голенищами до колѣнъ, и подбиваются желѣзными узкими подковками, которыя укрѣпляютъ подпятокъ сапога помощію трехъ гвоздей и 13. *Постолы*—похожія на древнія восточныя сандалии, готовятся изъ сыромятной кожи и повязываются поверхъ обвертокъ ноги, кругомъ ея до колѣна, тонкими ремешками или плетеными пеньковыми сворками; постолы очень похожи также и на русскія лапти.

Б. ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА.

Женская одежда замѣтно отличается отъ одежды мужчинъ. Ее составляютъ: 1. *Сорочка*—рубаша долгая до пятъ, съ широкими рукавами и узенькимъ воротникомъ; холста идетъ на женскую рубашу 9 аршинъ. 2. Двѣ *запаски*—*задницы* и *попередницы* надѣваются поверхъ рубахи, и укрѣпляются около поясицы широкимъ шерстянымъ поясомъ—окрайкою. Запаски готовятся дома изъ шерсти домашнихъ овецъ, окрашиваются въ черныя либо темносинія цвѣта краскою каліею и стѣются 1 р. серебромъ. 3. *Юпка*—футайка; она шьется изъ демикото-

на, пестряди, мебельнаго ситца и сукна; пестряди и демикотона идетъ на юпку 8 аршинъ, а мебельнаго ситца и сукна — 5 аршинъ. 4. *Кожушанка* — полушубокъ женскій, шьется изъ овчинъ съ молодыхъ овецъ и покрывается сверху пестрядью или тикомъ, либо полудемикотономъ. Овчинъ идетъ на нее 10, а пестряди и демикотону 12 аршинъ; тикъ 6 аршинъ. Кожушанка шьется съ узкимъ воротникомъ въ 1 вершокъ ширины и длиною бываетъ ниже колѣна. 5. *Кожухъ* — женская шуба, шьется изъ овчинъ съ старыхъ овецъ, длиною до земли, и съ двумя воротниками: стоячимъ въ 1 вершокъ ширины и другимъ воротникомъ полукруглой формы, лежащимъ на плечахъ и пришитымъ къ узкому воротнику. На лежацій воротникъ идетъ три смухи, а на кожухъ 9 или 10 овчинъ съ старыхъ овецъ. 10. *Плахта* — женская щегольская одежда, которая надѣвается поверхъ рубахи вмѣсто запасокъ. Плахта ткется мастерицею Малороссіянкою изъ разноцвѣтной крашеной шерсти клѣтками, и стоитъ 2 или 3 р. сер. 7. *Чаботы* — сапоги женскіе, отличаются отъ мужскихъ формою и широкими желѣзными подковами въ 1 вершокъ ширины. 8. *Намысто* — кораллы, либо рѣзное, граненое и цвѣтное стекло. Намысто носятъ на шеѣ; оно состоитъ изъ 5-ти, 10-ти, а иногда и изъ 15-ти нитокъ коралловъ или бусъ въ одной связкѣ. 9. *Очипокъ* — носится женщинами на головѣ, и бываетъ ситцевый, либо парчевой, либо холстинный и обвязывается на головѣ простою лентою. 10. *Платокъ* — бываетъ разнаго рода: кашемировый, бумажный и шелковый; голову женщины завязываютъ поверхъ очипка такъ, что послѣдняго совсѣмъ не видно, а дѣвушки обвязываютъ имъ голову такъ, что видны верхушка головы и коса. По этому убору сторонній человекъ и различаетъ дѣвушку отъ женщины. 11. *Перстни* — кольца, носятъ на пальцахъ женщины, а больше дѣвушки, по два, по три и по четыре перстня. 12. *Серьги* — украшеніе женское и дѣвичье; онѣ бываютъ и мѣдныя и серебряныя; и 13. *Ленты*. Дѣвушки вплетаютъ по нѣскольку лентъ въ косу и концы опускаютъ до земли.

В. ЛѢТНЯЯ ОДЕЖДА.

Лѣтомъ Малороссіяне одѣваются весьма легко, ибо всѣ работы они исправляютъ подъ открытымъ небомъ и подъ сол-

нечнымъ жаромъ. Поэтому лѣтняя одежда мужчинъ состоитъ въ одной холстяной рубахѣ и въ холстяныхъ штанахъ, а женщинъ — въ рубахѣ и запаскахъ. Какъ мужчины, такъ и женщины лѣтомъ большею частию ходятъ безъ сапогъ; мужчины на работѣ даже рѣдко надѣваютъ на голову шапку. Но какъ посреди ясныхъ, жаркихъ и даже душныхъ дней лѣта бываетъ и осенній холодъ съ ливнемъ, градомъ и бурями, то въ такую ненастную погоду мужчины надѣваютъ сверхъ рубахи суконную свиту до колѣнъ, а женщины суконныя юпки. Да и въ ясные и жаркіе дни лѣта, выходя на работу за часъ, а иногда и ранѣе, до восхода солнца, когда еще сыро и холодно, мужчины надѣваютъ свиты, а женщины юпки. Но говоря вообще, Малороссъ круглое лѣто работаетъ въ сорочкѣ и штанахъ, а Малороссіянки — въ сорочкѣ и запаскахъ, съ повязанною платкомъ головою.

Въ храмъ Божій на молитву мужчины приходятъ лѣтомъ въ свитахъ, а женщины въ суконныхъ юпкахъ и въ сапогахъ; но обыкновенно большая часть женщинъ и дѣтей идутъ въ церковь босыя.

Г. ЗИМНЯЯ ОДЕЖДА.

Зимой Малороссы одѣваются тепло. Мужчина сверхъ холстяныхъ штановъ надѣваетъ суконные, которые стягиваются на поясицѣ учкуромъ — узкимъ ремешкомъ съ пряжкой; сверхъ рубахи — суконную свиту, длиною до колѣнъ, а поверхъ свиты кожухъ; сверхъ-того, въ большіе морозы, поверхъ кожуха онъ надѣваетъ еще тулубъ, а въ мятели кобинякъ. На ноги Малороссіянинъ обвертываетъ по аршину простаго сукна и надѣваетъ зимніе сапоги, которые гораздо больше лѣтнихъ, а на руки либо простыя рукавицы, либо накоржни. Въ такой одеждѣ Малороссъ проводитъ цѣлую зиму и даже можетъ безъ вреда проспать цѣлую ночь подъ открытымъ небомъ.

Женщины зимой также одѣваются теплѣе, нежели лѣтомъ. Сверхъ сорочки онѣ надѣваютъ суконную юпку до колѣнъ, на юпку — кожушинку, сверхъ кожушинки — кожухъ женскій, а въ мятели и мужской кобинякъ; на ноги обуваютъ сапоги больше лѣтнихъ, а на руки надѣваютъ рукавицы.

Д. ОБЫКНОВЕННАЯ ИЛИ БУДНИЧНАЯ ОДЕЖДА.

Въ рабочіе дни Малороссы, и лѣтомъ, и зимою, и осенью, и весною, исправляютъ всѣ свои работы въ избѣ въ однихъ рубахахъ, а выходя изъ избы на открытый воздухъ одѣваются смотря по времени года и по погодѣ. При этомъ они носятъ описанное выше платье, только старое, со многими заплатками, а въ праздники (въ которые работы не прекращаются) одѣваются тоже въ будничное платье, только новое.

Е. НАРЯДНАЯ ИЛИ ПРАЗДНИЧНАЯ ОДЕЖДА.

Въ праздники Господскіе, Богородичныя и многихъ Святыхъ, Малороссы и дома ходятъ, и въ гостяхъ бываютъ, и приходятъ въ храмъ Божій на молитву въ одеждахъ новыхъ, мужчины въ свитахъ сѣрыхъ, либо черныхъ, новыхъ, изъ простаго, поарковаго сукна, подпоясанные новыми кумачными кушаками, въ сапогахъ, тоже новыхъ, изъ простой кожи, либо юхты, а нѣкоторые въ сафьянныхъ желтыхъ сапогахъ и въ шапкахъ изъ хорошаго сѣраго или чернаго сукна; въ зимнее же время — въ новыхъ кожухахъ поверхъ свитъ или въ кобинякахъ изъ сѣраго или чернаго сукна. Также и женщины въ праздники наряжаются иначе, чѣмъ въ рабочіе дни; вмѣсто старыхъ суконныхъ юпокъ, онѣ надѣваютъ новыя поярковыя или изъ мебельнаго ситца или демикотонныя или пестрядныя; на головы надѣваютъ вмѣсто простыхъ холстинныхъ или ситцевыхъ очипковъ — парчевыя и повязываютъ ихъ новыми платками; запаски надѣваютъ новыя; а богатыя Малороссіянки надѣваютъ новыя плахты, и на ноги сапоги изъ краснаго, либо желтаго сафьяна. Въ зимнее время вмѣсто лѣтнихъ юпокъ онѣ носятъ кожушанки изъ овчинъ, покрытыхъ пестрядью, демикотономъ, либо тикомъ, непременно полосатыми, а въ большіе морозы поверхъ кожушанокъ надѣваютъ новыя женскіе кожухи.

На шею надѣваютъ намысто, состоящее иногда изъ 25-ти нитокъ въ одной связкѣ (бунтѣ); въ уши вѣшаютъ серьги, а на пальцы надѣваютъ кольца.

3. пища малороссіянъ.

Малороссіане употребляютъ пищу самую простую и по крѣпкому тѣлосложенію ихъ самую здоровую.

а. пища ежедневная.

Главная и повседневная пища Малороссіанина есть хлѣбъ ржаной, а иногда ячменный или гречневый, или же изъ ржаной муки, смѣшанной съ ячменною, или наконецъ изъ ячменной муки, смѣшанной съ гречневою. Всякій хлѣбъ ѣдятъ непременно съ солью и запиваютъ водою. Такъ Малороссіане завтракаютъ, полудничаютъ, а часто и обѣдаютъ и ужинаютъ; хлѣбъ, соль и вода — обыкновенная, ежедневная пища. Къ обѣду варятъ борщъ изъ кислыхъ красныхъ бураковъ съ капустой, приготовляемыхъ осенью и сберегаемыхъ зимою въ погребахъ, и кашу, круто сваренную изъ пшена. Къ ужину варятъ или жидкую кашу изъ просѣяннаго пшена, или галушки изъ гречневой муки, изръдка изъ муки пшеничной.

б. пища праздничная скоромная.

По праздникамъ и воскреснымъ днямъ Малороссіане употребляютъ пищу болѣе разнообразную, чѣмъ въ рабочіе и постные дни, а именно: 1. *Борщъ* съ свинымъ мясомъ приготовляютъ преимущественно въ Рождество Христово, Новый годъ, въ Богоявленіе и по воскреснымъ днямъ. Зимою Малороссіане откармливаютъ свиней, и почти весь, кромѣ бѣдныхъ, долго употребляютъ на борщъ свиное мясо; въ борщъ съ мясомъ всегда кладутъ толченое свиное сало. Осенью варятъ борщъ съ бараниной, очень часто съ поросятиной, иногда съ цыплятами. Но съ какимъ бы мясомъ ни варился малороссійскій борщъ, всегда кладется въ него свиное толченое сало. 2. Къ борщу готовится каша пшенная, круто сваренная, либо жидкая, съ коровьимъ молокомъ. 3. *Мясо жаркое*, какое случится у хозяина. 4. *Вареники* съ сыромъ коровьимъ или овечьимъ. 5. *Пирог* съ такимъ же сыромъ. 6. *Холодное* — холодецъ — большею частію готовится изъ свиныхъ ногъ съ чеснокомъ. 7. *Локшина* — супъ, приготовляе-

мый такимъ образомъ: изъ прѣснаго тѣста, которое мѣсится съ куриными яицами, дѣлають большіе *коржи* и намелко изрѣзываютъ ихъ ножемъ; эти обрѣзки, называемые *локшиной*, сушатся и кладутся въ отваръ изъ свиного или бараньяго мяса, или изъ поросятины, гуся или курицы. 8. *Картофель* жарится съ коровьимъ масломъ. 9. *Гарбузъ* — тыква; изрѣзавъ ее въ мелкіе куски, наливають коровьимъ молокомъ и варятъ; потомъ кладутъ туда просяное пшено и свиное сало. *Кутья* варится изъ ячменя, обтолченнаго въ ступѣ; круто свареную кутю ѣдятъ и просто съ борщемъ и съ коровьимъ молокомъ и съ коровьимъ масломъ и съ гусинымъ жиромъ. 11. *Лымишка* варится изъ гречневой муки съ водою и употребляется съ коровьимъ молокомъ, съ коровьимъ масломъ и съ гусинымъ жиромъ.

При этомъ не лишнимъ считаю упомянуть, что у Малоросса рѣдко бываетъ за обѣдомъ три кушанья, развѣ на свадьбѣ, на крестинахъ или на похоронахъ; обыкновенно же обѣдъ состоитъ изъ двухъ только блюдъ: борща и каши, или борща и холодца, или борща и вареника, борща и гарбуза или картофеля, борща и лымишки.

В. ПИЦА ПОСТНАЯ ВСЕГДАШНЯЯ.

Постная пища Малороссіянъ по праздникамъ и рабочимъ днямъ одна и таже, съ тѣмъ только различіемъ, что въ праздники готовятъ три блюда, а въ рабочіе дни не болѣе двухъ, именно: 1. *Борщъ постный* съ рыбой, свѣжей и вяленой, заправляется пшеничною мукой съ коноплянымъ масломъ; эта заправка называется *засмажкой*; кладутъ также въ постный борщъ фасолю и картофелю. Весною и лѣтомъ постный борщъ состоитъ обыкновенно изъ хлѣбнаго кваса — *сиривцю*, въ который кладутъ мелко изрѣзанную крапиву, или лебеду, или свеклу изъ красныхъ бураковъ; осенью же и зимою постный борщъ готовится изъ кислыхъ красныхъ бураковъ и кислой капусты, хранимыхъ въ одной посудѣ. 2. Къ постному борщу варится *каша* изъ пшена, рѣдко изъ крупъ. Въ праздникъ подливаютъ иногда къ кашѣ, подавая ее на столъ, коноплянаго или льнянаго масла. 3. *Капуста*, мелко изрубленная и сберегаемая цѣлую зиму въ кадушкѣ, въ погребѣ, варится во вре-

мя поста съ небольшимъ количествомъ пшена и къ столу, въ праздники и въ рабочіе дни, поливается коноплянымъ, либо льнянымъ масломъ. 4. *Горохъ*, разваренный въ водѣ и потомъ растертый, такъ же поливается къ столу коноплянымъ, либо льнянымъ масломъ; бѣдные же ѣдятъ горохъ вареный въ водѣ, но не растертый, а только посоленный солью. 5. *Кисель* готовится изъ овсяной муки и подается, у богатыхъ, съ разведеннымъ водою медомъ, бѣдные же ѣдятъ его съ коноплянымъ масломъ, а часто и безъ всякой приправы. 6. *Кваша* — кислосладкая жидкость, приготовляемая изъ гречневой и ржаной муки и подаваемая на столъ иногда съ медомъ, обыкновенно же безъ меду. 7. *Шулыки*, кушанье постное, приготовляемое въ Малороссіи такъ: пекутъ изъ прѣснаго пшеничнаго теста коржи, въ палецъ толщины; потомъ, изломавъ коржъ на мелкіе куски, поливаютъ ихъ медомъ съ мятымъ макомъ. 8. *Балабухи или панпухи* приготовляются двоякимъ образомъ: онѣ или пекутся изъ кислаго пшеничнаго тѣста въ видѣ просвиръ, или изъ кислаго гречневаго тѣста и варятся въ кипяткѣ. Балабухи и панпухи поливаются къ столу коноплянымъ масломъ съ толченымъ чеснокомъ. 9. *Вареники* съ шинкованной капустой, поджареной на сковородкѣ, съ олеєю. 10. *Вареники* съ вишнями, шелковицами, ожинами, паленикой. Вареники съ ягодами поливаются иногда медомъ, обыкновенно же подаются безъ меду. 11. *Вареники съ урдой*, приготовляемой изъ шикухи — выжимокъ, остающихся въ маслобойнѣ отъ коноплянаго масла; шикуху мочатъ въ водѣ сутки, потомъ выжимаютъ, выжатый сокъ варятъ съ пшеномъ, и изъ огустѣвшей урды варятъ вареники съ урдой. 12. *Юшка* — супъ изъ картофеля съ водою, лукомъ, иногда съ вяленой рыбой. 13. *Киртофилъ* — рѣпа свареная въ водѣ; въ Малороссіи это блюдо считается постнымъ. 14. *Галушки* Малороссы приготовляютъ изъ прѣснаго пшеничнаго, либо гречневаго тѣста, которое они бросаютъ небольшими кусками въ посоленный солью кипятокъ. Гречневая или пшеничная галушки составляютъ въ Малороссіи непремѣнную принадлежность ужина. 15. *Соленые огурцы*. Ими часто завтракаютъ съ шинкованной капустой, а иногда и одними. 16. Кислая капуста, мелко изрубленная или изрѣзаная въ нити и шинкованная; и та и другая поливаются олеей. 17. *Зеленый лукъ* составляетъ завтракъ. 18. *Молодой и старый чеснокъ*. Имъ часто

завтракають и полудничаютъ, соля мелкою солью. 19. *Салата*, изрѣзанная въ куски и налитая квасомъ сиривцемъ съ солью, а такъ же 20. огурцы свѣжіе съ зеленымъ лукомъ, съ чеснокомъ, налитые сиривцемъ, составляютъ, въ извѣстное время любимое постное кушанье Малороссіянъ.

Само собою разумѣется, можно было бы насчитать болѣе кушаньевъ, извѣстныхъ въ Малороссіи; но опущенныя здѣсь не находятся у Малороссіянъ во всеобщемъ употребленіи; такъ напримѣръ въ Великій постъ ѣдятъ сырой бураковый квасъ съ хрѣномъ, рѣдку зимнюю съ солью и олеей, и т. п.

4. ОБЫЧАИ, СОВЛЮДАЕМЫЕ ПРИ РОЖДЕНІИ ДѢТЕЙ.

Когда родится младенецъ, отецъ его приглашаетъ воспріемниковъ, которые, пришедши къ нему въ домъ съ ржанымъ хлѣбомъ, кладутъ хлѣбъ на столъ. Потомъ повивальная бабка, отрѣзавъ кусокъ хлѣба, принесеннаго кумомъ-воспріемникомъ, завязываетъ этотъ кусокъ въ чистую рубаху, принадлежащую отцу новорожденнаго и завернувъ въ эту же рубашку младенца, кладетъ его на шубу и подаетъ куму-воспріемнику, съ словами: «нате вамъ, куме, нихрыщене, ни мольтвяне, а мині пренесіть и хрыщене и мольтвяне». Кумъ, взявши у бабы дитя, отдаетъ его кумѣ. Послѣ того бабка кладетъ передъ порогомъ избы свѣкиру, (топоръ), черезъ которую воспріемники, выходя изъ избы, должны переступить, для того, чтобъ никто не зглазилъ младенца, какъ желѣза никто не можетъ сглазить.

Во всей Малороссіи воспріемники носятъ крестить младенцевъ къ приходскому священнику на домъ, и при этомъ приносятъ съ собой въ гостинецъ три ржанныхъ хлѣба: одинъ отъ бабки, другой отъ кума, третій отъ кумы; также приносятъ они и $\frac{1}{4}$ кварты водки; въ нѣкоторыхъ приходахъ приносятъ священникамъ, при крещеніи, и куръ.

По совершеніи Таинства Св. Крещенія, воспріемники приносятъ младенца въ домъ и опять отдаютъ повивальной бабкѣ, съ словами: «на тобі, бабо, дитя! мы въ тебе взяли ни хрыщене ни мольтвяне, а тобі отдаемъ и хрыщене и мольтвяне!» На это баба отвѣчаетъ: «Спасыби батюшца и матушца и вамъ добри люди, що потрудились». Послѣ этого обряда

идеть угощеніе, а за тѣмъ повивальная бабка потчуетъ всѣхъ гостей варенухой, либо простой водкой, а гости награждаютъ ее мѣдными деньгами, неменьше гроша.

На третій день послѣ крестинъ, повивальная бабка сливаетъ на руки родильницы (родили) воду, для того, чтобы у ней было обильное, какъ вода, молоко для новорожденнаго. Этотъ обрядъ происходитъ такимъ образомъ: родильница три раза проситъ прощенія у повивальной бабки за то, что надѣлала ей хлопотъ и труда своими болѣзнями; въ это время повивальная бабка три раза льетъ воду родильницѣ на правую руку, такъ, чтобы вода текла до локтя, а родильница подхватываетъ съ него воду лѣвою рукою и пьетъ ее три раза. Такимъ же образомъ бабка льетъ три раза воду и на лѣвую руку родильницы, которая съ локтя лѣвой руки подхватываетъ воду правой рукой и тоже пьетъ три раза; при этомъ обрядѣ правая босая нога родильницы стоитъ въ ночвахъ, т. е. въ корытѣ, на топорѣ и на вѣникѣ, которые лежатъ вмѣстѣ. По окончаніи возливанія, повивальная бабка три раза черпаетъ воду рукой изъ ночвъ и мажетъ ею грудь и спину родильницы. Послѣ этого обряда, по общему мнѣнію Малороссовъ, у родильницы появляется обильное молоко для младенца; безъ этаго же обряда она неможетъ кормить своего дѣтища.

Наконецъ, черезъ годъ, родители младенца выкупаютъ его у воспріемниковъ. Для этого родная мать младенца идетъ къ куму и къ кумѣ съ тремя ржаными хлѣбами, повымъ карманнымъ платочкомъ и водкой. Все это оставляетъ она у кума и у кумы въ подарокъ, что и означаетъ выкупъ младенца отъ воспріемниковъ. Мать младенца вездѣ этимъ хвалится, говоря: «я уже выкупила свое дитя.»

Другихъ обрядовъ при рожденіи и крещеніи дѣтей въ Малороссіи нѣтъ.

5. ОБРЯДЫ ПРИ СВАДЬБѢ.

А. ОБРЯДЫ ПРИ СВАТОГСТВОѢ.

Женихъ идетъ къ невѣстѣ съ двумя почетными стариками-старостами и при этомъ приноситъ съ собою ржаной хлѣбъ. Пришедши въ домъ, они кладутъ хлѣбъ на столъ

и просятъ показать имъ невѣсту. Родители невѣсты, получивъ ея согласіе на замужство, велятъ ей отыскать подарки, которыми она должна дарить двухъ старостъ и жениха — молодого. Невѣста, отыскавъ подарки и положивъ ихъ на столъ, кланяется до земли сперва три раза своему родному отцу, потомъ столько же разъ родной матери; эти троекратные поклоны называются у Малороссовъ благословеніемъ: родители благословляютъ дочь выдти замужъ. Надобно замѣтить, что когда невѣста кланяется отцу или матери, то они, держа обѣими руками ржаной хлѣбъ, дотрогиваются имъ до головы дочери. Послѣ поклоновъ, невѣста перевязываетъ старостъ холстяными утиральниками, съ праваго плеча на лѣвый бокъ, а жениху перевязываетъ правую руку полотенцомъ — хусткой, и потчуетъ старостъ и жениха водкой. Наконецъ старосты, поблагодаривъ хозяина, оставляютъ ему ржаной хлѣбъ, который принесли съ собой, а у хозяина берутъ другой. Это называется мѣнью хлѣба; «мы, — говорятъ старосты, — абминылы хлѣбъ.» Этотъ-то вымѣненный хлѣбъ старосты несутъ въ домъ къ жениху, и отдавая родителямъ, говорятъ: «кланяется вамъ свѣтъ, и свѣха, и молодѣ сымъ чѣснымъ и вельчнымъ хлѣбомъ». На эти слова отецъ жениха отвѣчаетъ старостамъ: «спасѣби свѣтови, свѣси и молодой и всимъ, добри люды, щѣ потрудѣлысь». Потомъ отецъ жениха потчуетъ старостъ, и всѣ пьютъ за здоровье будущей четы, за здоровье ихъ родителей и всѣхъ родныхъ и гостей.

Этимъ угощеніемъ, которое повторяется и въ домѣ невѣсты, оканчиваются всѣ обряды, соблюдаемые при сватовствѣ.

Б. ОБРЯДЫ ПРИ СВАДЬБѢ.

Свадьба назначается обыкновенно черезъ недѣлю послѣ сватовства и обрядовъ при ней несравненно болѣе, чѣмъ при послѣднемъ. Въ субботу, женщины, собравшись у жениха и невѣсты, пекутъ изъ кислаго пшеничнаго тѣста хлѣбъ, называемый короваемъ и два большихъ калача, называемыхъ лежнями; эти лежни кладутся на двухъ концахъ стола, а между ними одна большая пышка, съ вырѣзками; сверхъ того, женщины пекутъ много небольшихъ круглыхъ пышекъ, которыя женихъ и невѣ-

ста разносятъ по домамъ, когда ходятъ просить, на завтра, на свадьбу. Печенье коровая сопровождается угощеніемъ женщинъ, которыя его изготовляютъ и которыя, во время печенья его, поютъ разныя свадебныя пѣсни, смотря по дѣйствию, происходящему при печеніи коровая.

Разрѣзывая на куски тѣсто, онѣ поютъ слѣдующую пѣсню:

Ой зашумѣла заговорила яра (яровая) пшеница въ стѣзи.
«Та неподобоньки минѣ въ стѣзи стоять,
Та подобоньки зѣ мене коровай бѣаты:
Хороши коровайницы,
Хорошенько коровай бѣають,
Сырцемъ присыпають,
Въ маслычко вмечають».

Изготовивъ коровай, женщины заставляютъ мужчину вымѣсти вѣникомъ печь и сажать коровай, а сами поютъ:

Кучыравый пѣчь выгрибае,
Кучырава въ пѣчь заглядаетъ.
«Печы печы, наша пѣче,
Спычы намъ коровай грѣчий!»

Посадивши коровай въ печку, мужикъ поднимаетъ правую ногу и бьетъ сапогомъ три раза въ край печки, вѣроятно для того, чтобы она хорошо испекла коровай; женщины въ это время подхватываютъ дижу и поднимаютъ къ потолку, припѣвая:

Ой пѣчь стойтъ на сохѣхъ,
А дижу носѣтъ на рукахъ;
Печы печы, наша пѣче!
Спычы намъ коровай грѣчий!

Мужика, который сажалъ коровай, повязываютъ утиральникомъ и сажаютъ на покутье, чтобы коровай не разошелся и былъ достоинъ сѣсть на покутьи.

Въ субботу вечеромъ, женихъ и невеста ходятъ по домамъ родныхъ и знакомыхъ и просятъ ихъ на свадьбу, словами: «Прохавъ батько и маты и я прошу на хлѣбъ на силъ и на висилья: хлопцивъ у бояры, дивчить у дружкы», кланяются очень низко и даютъ небольшую пышку. Женихъ ходитъ

просить на свадьбу съ однимъ старшимъ бояриномъ, а невеста набираетъ съ собою до десяти и болѣе подругъ-дѣвушекъ, и когда невеста съ старшею дружкой входитъ въ избы просить на свадьбу, онѣ поютъ слѣдующія свадебныя пѣсни:

1.

Лытять галочки въ дваѣ рядочки,

А зозуля по переду;

Всѣ галочки на лугахъ сілы,

А зозуля на калыни;

Всѣ галочки защебетали,

А зозуля закувала;

«Та чого ты куєшь, чого жалуєшь:

Чи жаль же тобі тѣмного лугу, чи чырвонои калыны?»

—Ой жаль же мині ранняго кування и пизняго литання,

Що я рано встаю и раненько кую. —

Ишла Марушка все улычками, съ своими дружечками,

А за нею йшовъ молодой Семѣнко, съ своими боярами.

Та всѣ дружечки по лавахъ сілы,

А Марушка на посади;

Ой усѣ дружечки заспивали,

А Марушка заплакала.

«Ой погожь ты плачешь, чого ридасешь, молодѣ Марушко?

Чи жаль же тобі батенька свого,

Чи подвирячка его?»

—Не жаль же мині ни батенька свого

Ни подвирячка его

А жаль же мині русои косы

И дивоцькои красы;

Що дивки гуляють,

Кискамы мають,

Менѣ непримайють;

А хоть же приймутъ и прыгорнутъ,

Такъ правды нескажуть!

Ой пиды, пиды, ты заручена,

Ты одъ насъ отлучена;

Ой пиды, пиды, ты повинчана,

Тыжъ одъ насъ отмичена.—

2.

Плевѣ утинка зъ утынятами на морѣ пучуваты,

А за нею сызый селезень съ сызымы косыцами.

«Ой пожды, пожды, сіра ўтинко, щось тобі за звiсть скажу:
Що б'увъ же я въ ставкѹ,
Чувъ же я словкѹ:
Що плытуть же сiты
На твоi диты
И на тебе, сірая ўтинко.»
— Нехай же плытуть, нехай же в'яжуть, я того небоюся;
А моi диты подыруть сiты, я сирѣнька перелечу. —
«Ой пожды, пожды, молода Марушко!
Щось тобі за звiсть скажу:
Що б'увъ же я въ мiсти,
Ти чувъ двi звiсти;
Крoять кытайчку,
Спыоуть кыбалочку,
На твою голoвочку.»
— Та нехай же крoять, нехай же шыоуть,
Я того небоюся;
У недiленьку въ вѣчери у неi прыбыруся,
И отцю i нѣньци нyzѣнько поклонюся;
И отцю i нѣньци, и всiй родыноньци
И вiрний дружиноньци. —

3.

Ой лугомъ, лугомъ вода iдѣ,
А по пидъ лугомъ стѣжечка;
Тудыжъ молода Марушка ходыла
И iзъ луговою водою говорыла:
«Ой водо, водо луговая!
Якъ була я у бaтеньки молода,
Та я тебе вицѣречкомъ набирала,
Та все своє бiле лiчко вымывала,
Шытымъ бiлымъ рушнычкoмъ вытрырала,
Шытый бiлый рушнычoкъ покаляла,
Такы я того та Семѣнка сподабала.»

* * *

Лугомъ, лугомъ вода iдѣ;
По пидъ лугомъ стяжечка;
Ой туды iхавъ староста;
Изъ далѣка коныченьки збупыняе (останавливаеть),
Изъ пидъ бoка шабѣленьку (саблю) вытягае,
Та на тую калыноньку заширяе.
Стала тая калынонька къ ѣмѹ промовляты:
«Ой стоi, старосто, нерубай!
Не для тебе ся калынонька сажена,
За для тебе сванечки зряжено.»

Лугомъ, лугомъ вода йдѣ,
По пѣдъ лугомъ стѣженька;
Тудѣ ѡхавъ молодой Семѣнко,
Изъ далѣка коньчепьки зъупыняе,
Изъ пѣдъ бѣки шабѣленьку вытягае,
Та ни тую калыноньку заширяе.
Стѣла къ ѣму калынонька промовляты:
«Ой стоѣ, Семѣнку, нерубай!
Не для тѣбе ся калынонька сѣжена,
За для тѣбе Марусенька зряжена.»

Въ субботу вечеру, послѣ приглашенія на свадьбу, женихъ идетъ къ невѣстѣ съ старшимъ бояриномъ и двумя старостами, въ сопровожденіи музыки. Старшій бояринъ несетъ гылце — вѣтвь вишневаго дерева. Пришедши во дворъ невѣсты, все собраніе останавливается у дверей избы; а въ избѣ невѣсты въ это время уже собраны ея дружки — подружки дѣвушки, родные, знакомые и два старосты съ ея стороны.

Старосты жениха, вступивши въ стѣнцы невѣстиной избы, говорятъ ея старостамъ: «Старосты пане пидстаросты?» Изъ избы отвѣчаютъ: — «Рады слухать!» — Первые опять кричатъ: «Благословить молодого въ хату въвысты?» Изъ избы отвѣтъ: — «Богъ благословить!» — Первые говорятъ: «Въ другой разъ?» Изъ избы отвѣтъ: — «Богъ благословить!» — «Въ третій разъ?» Изъ избы отвѣтъ: «Богъ благословить!» —

Послѣ этихъ переговоровъ, все свадебное собраніе входитъ въ избу и старосты жениха опять говорятъ старостамъ невѣсты:

«Старосты, пане пидстаросты?» — «Рады слухать!» — «Благословить молодого за стылъ завысты?» — «Богъ благословить!» — «Въ другой разъ?» — «Богъ благословить!» — «Въ третій разъ?» — «Богъ благословить!» —

Садятся за столъ въ слѣдующемъ порядкѣ: на главномъ мѣстѣ, въ углу, сидитъ женихъ; за нимъ, по лѣвую руку, невѣста; за невѣстою — старшія дружки и прочія дружки дѣвушки; а за женихомъ садится старшій бояринъ и прочіе за нимъ бояры — холостые.

Когда всѣ усядутся за столъ, старшіе дружки испрашиваютъ благословенія у всехъ четырехъ старостъ:

«Старосты пане пидстаросты?» — «Рады слухать!» — «Благословить гильце звыть?» — «Богъ благословить!» — «Въ другой разъ и въ третій разъ?» — «Богъ благословить! Богъ благословить!» —

И начинаютъ вить гильце — вѣтвь вишневаго дерева, воткнутую въ ржаной хлѣбъ, который лежитъ на столѣ. Сперва женихъ и невѣста привязываютъ по одной вѣтви калины съ ржаными колосьями, а потомъ тоже дѣлають и всѣ дѣвицы, причемъ поють:

1.

Благословы, Боже, се гильце звыть
И домъ сей звысылить!

2.

Гильце выють и горилку пьють,
А намъ педають.

3.

Дѣжъ булѣ гилѣчко? у бору;
Та привезмѣжь ёго до двору,
Та поставымы на столѣ,
На гильчастымъ береборчастымъ скатерти.

4.

Такы мы Маруси гильце звымы!
Всѣ лугы, береги сходмы,
Зелѣный барвинокъ вытоптамы,
Червону калыну выламалы
Такы мы Маруси гильце звымы!

Свивши гильце, ужинають. Во время ужина дѣвицы-дружки опять поють:

Субботонька, недѣленька такъ якъ одиный дѣнь;
Сушувала (грустила) Марусенька сей увѣсь тыждень.
«Ой якъ миннѣ тыхъ дружечокъ позбираты!
Ой дѣ миннѣ ихъ зъ висока посажаты!
Позбираю тыхъ дружечокъ по надвѣрью,
Посажаю ихъ зъ висока по застылю,
А сама сяду, молодая, щѣ найвыще всѣхъ,
Схылю, склоню головоньку ныжще всѣхъ,
Та заплачу, молодая, дужще одѣ усѣхъ!»

Послѣ ужина старосты жениха говорятъ старостамъ невесты:

«Старосты пани пидстаросты?» — «Рады слухать!» — «Благословить молодого изъ-за столу вывысты?» — «Богъ благословить!» — «Въ другой разъ и въ третій разъ?» — «Богъ благословить! Богъ благословить!» —

Вставъ изъ-за стола, старшій бояринъ беретъ «свитое гильце» и отправляется съ женихомъ къ нему въ домъ, а другіе свадебные гости расходятся.

На другой день, въ воскресенье, поутру, невеста идетъ съ своею дружкой къ жениху и кланяется три раза до земли его отцу, матери и всѣмъ его родственникамъ, а потомъ женихъ и невеста вмѣстѣ идутъ въ домъ ея родителей и кланяются также по три раза ея отцу, матери и всѣмъ ея родственникамъ.

Эти троекратные поклоны также называются въ Малороссіи благословеніемъ. Сперва кланяются мужчинамъ, а потомъ женщинамъ; при всякомъ поклонѣ, то лицо, которому кланяются женихъ или невеста, дотрогивается до головы кланяющагося ржанымъ хлѣбомъ съ солью.

Изъ дома невесты, женихъ и невеста отправляются въ церковь; по дорогѣ заходятъ къ родственникамъ и знакомымъ кланяться; дорогою также низко кланяются всякому прохожему.

Послѣ вѣчанья, женихъ и невеста идутъ въ домъ къ жениху и тамъ обѣдаютъ. Послѣ обѣда, женихъ остается съ гостями дома; а невеста съ старшей дружкой отправляется въ домъ своихъ родителей. Затѣмъ женихъ съ гостями также собирается къ невестѣ, что называется *иты съ поиздомъ*. Невеста съ дружками - дѣвицами садится у себя въ избѣ за столъ и угощаетъ приходящихъ гостей водкой, черпая ее ложкой изъ миски, въ знакъ обилія и веселія на свадьбѣ. Дружки въ это время поютъ свадебныя пѣсни:

1.

Ой идѣ Марусенька на посаду,
Зостряѣе їй Господь самъ,
Ой и зъ долею щастливою,
И зъ доброю годиною.

2.

Въ чыстомъ полі крыныченька одна,
Тамъ холодная вода;
Ой тамъ Марусенька лычко мѣла и зъ бѣтенькомъ говорила:
«Ой бѣтеньку мій, рѣжевый цвѣте,
Мій окрашенный свѣте!
Кудыжь я пиду, забарюся,
До дому иду, небоюся.

* * *

Въ чыстомъ полі крыныченька одна,
Тамъ холодная вода;
Ой тамъ Марусенька рученьки мѣла,
И зъ нѣнькою (матерью) говорила:
«Ой нѣнько моя, мій рѣжевый цвѣте,
Мій окрашенный свѣте!
Та кудыжь я пиду, забарюся,
До дому иду, небоюся.»

* * *

Въ чыстомъ полі крыныченька одна,
Тамъ холодная вода;
Ой тамъ Марусенька ныженьки мѣла,
И съ Семѣнкомъ говорила:
«Семѣнку мій, мій рѣжевый цвѣте,
Мій завязанный свѣте!
Та кудыжь я пиду, небарюся,
До дому иду, тай боюся.»

3.

Летѣвъ, летѣвъ соколенько чѣрезъ вѣшнѣвъ садъ,
Та вдѣрився крылычками объ садъ виноградъ.
Тай пытае: «чы тутъ моя галочка, чы нымѣе?
Чы зъ ыншымы соколами та литѣе?»
Мѣложъ сѣгдъ, соколеньку, та бувае,
Шо зъ ыншымы сколами та литѣе.

* * *

Ихавъ, йхавъ Семѣнко чѣрезъ тѣстивъ двѣрь,
Та вдѣрився кинь зъ копытѣмъ объ тѣстивъ порѣгъ.
Та вдѣрився кинь копытѣмъ, тай пытае:
«Чы тутъ моя Марусенька, чы нымѣе?
Чы зъ ыншымы молодцѣями пѣе гуляе?»
Мѣложъ сѣго, Семѣнку, та бувае,
Шо зъ ыншымы молодцѣями пѣе гуляе.

4.

Если невеста сирота, ей поют:

Ой ходыла Марусенька по крутій горі,
Забачыла селёзника на тыхій воді.
«Плевы, плевы, селёзнику, по тыхій воді!
Пребұдь, пребұдь, мій батеньку, тепёри кь мины!
Та дай мины порідонку, бідный сыроті.»
—Ой радъ жебъ я, дытя мое, пребыть и кь тоби;
Насыпано сырѡй землі на рўкы мой,
Скмыпымыся кари ѡчи и ўстонькы мой,
Немогў я, дытя мое, промѡвыть словця и кь тоби,
Поклоныся, дытя моє, чужій чужыні,
Нехай тоби дасть порадѹ бідный сыроті!—
«Кланялася же, мій батеньку, разѡвъ ины тры,
Нихтѡ недасть порадѡныкы такой якъ ты;
Що чужая радѡнонька непосміла,
А рѡдная радѡнонька несхотїла.»

5.

Ой говорыла куня съ кунѡю,
Сыдячы вькўпи надъ водѡю:
«Чы дѡбре тоби, моя кўночко, сыдячы надъ водѡю?
—Пѡкыжъ и дѡбре, пѡкы и горїздъ, пѡкы дащївъ нымає;
Дѡщикы пїдуть, берложкы стануть, менє сженўть. —
Ой говорыли сестра съ сестрою, сыдячы за скамнѡю:
«Ой чы дѡбре тоби, моя сѣстрѡчко, сыдячы за скамнѡю?»
—Пѡкыжъ и дѡбре, пѡкы й горїздъ, пѡкы бояръ немає,
Боярє найдуть, дружечѡкъ розженуть, менє самѹ застѡвлють. —

Выше было сказано, что женихъ, собравшись съ потѣздомъ, отправляется кь невестѣ; пришедши ко двору, все собраніе останавливается предъ воротами избы, гдѣ и остается до тѣхъ поръ, пока старосты жениха несходятъ съ шишкой три раза въ избу, испрашивая позволенія войти съ женихомъ; при всякомъ входѣ они перемѣняютъ шишку и подаютъ ее отцу невесты, говоря: «кланяется вамъ сватъ и сваха и молодой сынъ чеснымъ и вымычнымъ хлибомъ.» Возвратившись изъ избы кь жениху съ другой шишкой, говорятъ: «кланяется вамъ сватъ и сваха и молода сынъ чеснымъ и вымычнымъ хлибомъ.» Послѣ третьяго входа и выхода изъ избы, все свадебное собраніе или *поиздѣ* входитъ во дворъ и останавливается передъ порогомъ той избы, гдѣ ставится столъ. Кь столу мать невесты

выносить подарки и раздаетъ мужчинамъ утиральники, а женщинамъ полотенцы — хустки. Получая подарки, всякій благодаритъ такъ: «спасыби сватови, сваги и молодой, що раненько вставали и хорошенько прями». Раздавши подарки, мать невесты выходитъ накрытая шубой шерстью вверхъ и держитъ въ рукахъ небольшой глиняный кувшинчикъ съ водой, либо квасомъ; этотъ выходъ матери символически означаетъ, что теща пугаетъ зятя. Вышедши въ такомъ видѣ, мать невесты подаетъ кувшинчикъ жениху, который, взявъ его, пьетъ изъ него и отдаетъ своему старшему боярину — шаферу; шаферъ же обноситъ этотъ кувшинчикъ три раза около поясицы жениха и перебрасываетъ его либо черезъ избу, либо въ глазахъ всѣхъ бросаетъ на землю и разбиваетъ.

Послѣ этого обряда, мать невесты выноситъ овесъ, смѣшанный съ орѣхами и сыплеть на жениха три раза; посыпаніе жениха овсомъ съ орѣхами дѣлается для того, чтобы женихъ былъ здоровъ и богатъ, какъ здоровъ зерномъ орѣхъ и какъ богатъ зерномъ овесъ. Присутствующіе при этомъ обрядѣ поютъ:

1.

Ой сыпъ матинко овесѣць!
Щобъ нашъ овесѣць расѣнь буйъ,
Щобъ нашъ Семѣнко красѣнь буйъ.

2.

Ой сыпъ матинку пшенѣчку!
Щобъ наша пшенѣчка рясна була,
Щобъ наша Марушка красна була.

Потомъ все собраніе входитъ въ избу, съ женихомъ, причемъ старосты, иначе называемые дружками, какъ начальники, идутъ впереди. Въ это время дѣвушки, сидя за столомъ, поютъ:

Ой ты душенько наша, Марушко!
Съ пидъ похилои вышши,
Два друженькы выйшли;
Не вмилы говорыты,
Ни шапочки зяты,
Ни рученькы даты:
Шапочки прышыты,
Рученькы прыбыты;
Дайже ймъ сыри йсты,
Щобъ умилы у насъ систы;

Дай же їмъ пѣва пѣты,
Щобъ умилы говорѣты.

Когда пропоютъ эту пѣсню, дружкамъ-мущинамъ подаютъ воду мыть руки и даютъ ѣсть сыръ и пить квасъ. Въ это время дѣвушки поютъ:

Мылы друженькы рѹчки,
Глянулы ни килѹчки:
Чы ны высять рушпычкы,
Щобъ потѣрты рѹчки.

Когда дружки вытираютъ руки, поютъ опять:

Та спасыби тоби, мой нѣнько!
Що будыла мене ранѣнько;
Та я слѹхала вставала,
Старости рушпычкѹ напѣла.

Когда дружки ѣдятъ сыръ и пьютъ квасъ, дѣвушки поютъ:

1.

Поглядае дружкѹ скѹса,
Чы нымѣе на пичи прѹса;
Колыбъ швыдче втыкты,
Щобъ незаставылы товкты.

2.

Забарныи гѹсти,
Забарылыся въ хѣти;
На двѹри коня вѣто,
За Дунѣй завѣто,
За мѣдь, за горѣлку,
За Марѹшку дивку.

Когда дружки покушаютъ сыра и напьются квасу, дѣвушка, начальница въ свадьбѣ, называемая свитылкою, — сестра невесты, — пришиваетъ къ шапкѣ жениха бантъ изъ красной ленты, — квитку и поетъ:

1.

Ой дай, маты, голку
И нѣточку й шѹвку,
Прышѣты квиточку
Къ зятнему шлѹчку.

2.

Я съ кыны шва́чки,
Я й та́мъ негуля́ла,
Квиткы́ пришива́ла,
По та́ляру бра́ла.

За эту работу женихъ долженъ платить свитылкѣ; для этого она надѣваетъ шапку жениха съ квиткою себѣ на голову и неотдаетъ ее до тѣхъ поръ, пока не получитъ плату, причемъ поетъ:

1.

Ой глянь, зятѣньку, на мене!
Мѣньшая свѣстонька отъ тебе!
Щы не сдромъ тоби, зятеньку,
Що въ полѣ идѣшь безъ шлычка,
А въ тѣстя стойшь безъ лучка,
Безъ сестрыно́го вино́чка?

2.

Ой зятю, зятю, хорѣшый,
Та не дамъ шапочкы безъ грошый;
Якъ ты минѣ шесты гривень непоможышь,
Ты мепѣ съ поиздомъ неспросышь,
Я тебѣ на ворѣтахъ перейму,
Съ пидъ тебѣ коныченьки отниму,
И старшому боярину подарю. —

Если мало дають денегъ, свитылка поетъ:

3.

Ой казали люды зять богатый;
Ой казали люды грошей мѣхъ:
Кладѣ копѣйку якъ на смѣхъ

Получивши плату, свитылка отдаетъ шляпу жениху, а старосты, т. е. дружки, спрашиваютъ у невестиныхъ старостъ позволенія заводить молодую за столъ:

«Старосты пани пидстаросты?» — «Рады слухать» — «Благословить молодого за стылъ завысты?» — «Богъ благословить!» — «Въ другой разъ?» — «Богъ благословить!» — «Въ третій разъ?» — «Богъ благословить!» —

Но когда женихъ подходитъ къ столу, чтобы сѣсть, въ углу уже стоитъ братъ невестиныхъ съ палкой и непускаетъ его, а дѣвушки между тѣмъ поютъ, пока женихъ не заплатитъ ему за мѣсто:

Не стій, зятю, за плычымі,
Не свиты очымі;
Трэба, зятю, трэба зятю, сымь дэнь молотыты,
Щобь шұрына, щобь шұрына, съ покуття скупыты.

Когда все усядутся за столъ, начинается угощеніе и свадеб-
ный пріемъ всѣмъ гостямъ; а дѣвушки въ это время поютъ
разнымъ лицамъ разныя пѣсни.

Боярамъ онѣ поютъ:

1.

Сдвинутыя стѣны,
Якъ бояры силы;
Ще й не такъ сдвинутыся,
Якъ пѣва напѣются.

2.

Ой у садѹ соловейко гниздѹ вѣе.
Чы всимъ боярамъ мѣсто е?
Старшому тѣлько нымѣе,
Ныхай на прыпичку сидѣе.

Старшей дружкѣ поютъ:

Старшая дружка красна,
На ній юпочка рясна;

Однѣ другимъ поютъ:

Свѣнечки голубочки!
Заспѣвайте хоть одный,
Пріизжон писенькы.

Дружечкы наши голубочки!
Не вміємо не сміємо:
Се чужа сторона,
Доведѣ соромѣ,
Просемо васъ.

Дружки опять поютъ боярамъ (а угощеніе между тѣмъ все
продолжается):

Ой вы бояре, мищане, городяне!
Десь вы, бояре, коныкивъ добували,
Десь вы, бояре, жупанывъ позычали,
Що такъ нерано до насъ прѣихали?

Дружкамъ на это поють:

Ой вы дру́жечки на́ши голубочки!
У насъ коныки по стинкѣхъ сто́ялы,
У насъ жупаны позбираны лежа́лы,
Забарывъ же насъ се́мёнки въ ба́тенько,
Напувавъ же насъ солдо́кымы меда́мы,
Годуваеъ же насъ би́лымы калача́мы,
Выряжа́въ же насъ съ скрѣ́пками съ цы́бала́мы.
«Ой иды, Се́мёнку, въ чужу́ю сторо́ну,
Та, беры, сыну, чужу́ю ды́тиночку.»
— Ой пыта́къ, ма́ты, чужё ды́тя взя́ты,
А тре́ба, ма́ты, въ поро́га посто́яты,
Треба, ма́ты, вся́кому коры́тыся,
И ма́ленькому тре́ба покло́нытыся.—

Новобрачнымъ поють:

Де́жъ бу́въ селезе́нь, де́жъ бу́ла у́тинка?
Селезе́нь на ста́вку, у́тинка на пла́вку;
Ида́тъ во́ны рясо́чку зъ одна́го ста́вочку,
Пью́тъ во́ны во́дыцю зъ одны́и крѣ́пыци.
Де́жъ бу́въ Се́мёнку, де́жъ бу́ла Ма́рушка?
Се́мёнку у ба́теньки, Ма́рушка у сво́га,
Тепе́рь во́ны обо́е вкѣ́пыци,
Ида́тъ во́ны калачи́ зъ я́рой пше́ныци,
Пью́тъ во́ны во́дыцю зъ одны́и скля́пыци.

Всѣ́ эти́ пѣ́сни дѣ́вицы успѣ́вають про́петь пока́ продол-
жается угоще́нїе свадебнымъ го́стямъ. Когда же оно́ окончит-
ся, дѣ́вушкамъ напомина́ють пѣ́снею, что имъ́ пора́ уже́ уби-
раться. Пѣ́сня поется́ такъ:

Пре́дъ поро́гомъ мо́гила,
А въ тѣ́й мо́гили ка́лына;
Спусти́ли гѣ́лечку до́ дому,
Ча́съ ва́мъ, дру́жечки, до́ дому.

На это дру́жки отвѣ́чаютъ:

Ще́ жъ не́ ча́съ, ще́ жъ не́ пора́,
Ще́ зѣ́рочка ве́чирня не́зѣ́шла.

Въ это́ время́ родно́й бра́тъ не́вѣсты́ черезъ сто́лъ распле-
таетъ е́й ко́су и е́е переодѣ́ваютъ изъ дѣ́вичьяго на́ряда въ
же́нскїй, для́ чего́ приносятъ́ плато́къ или́ сѣ́тку, ко́торою́
обвива́ють не́вестѣ́́ голову́. Дру́жки поють:

Ой ты душенько наша Марушко!
Ой глянь ни поригь, диво!
Несуть твоё діло,
Якъ биль билесеньке,
Якъ папірь тонесеньке;
Біле билуванья,
Вичне покриванья.

Женщины, покрывши невесту, быють въ ладоши и при-
пѣвають:

Ой такъ мы зробылы,
Якъ самы схотылы;
Съ кнышй въ поляныцю,
Съ дивкы молодыцю.

А дѣвушки оспоривають, припѣвая:

Якъ быжь мы схотылы,
Тобъ мы й развертылы;
Повылы бь до дружкы,
Запылыбъ въ дрибушкы;
Повылыбъ у свѣтлоньку,
Запылыбъ у кѣсоньку.

Когда братъ развиваетъ косу, поють:

Братъ косу расплѣти,
Дѣ винъ ты выплѣтки подиви;
Понисъ на торждѣкъ непродавъ,
Меньшій сестрыцы дурно давъ.
«Оцѣжь тоби, сестрыце, за тѣс,
Не плетѣ кѣсонькы у трѣс!
Заплѣты кѣсоньку въ дрибушкы,
Вжѣжь тоби пеходыть у дружкы.»
— Ой косо, косо кохана
Симъ лѣть я тебѣ кохала,
Щѣ субботонькы чесала,
Щѣ недѣленькы вбирала,
За дѣнь вѣчеръ я тебѣ збросала. —

Потомъ дружокъ или староста начинаетъ рѣзать коровай,
разумѣется послѣ обыкновенной просьбы «благословить ди-
лѣть коровай». Дѣвушки въ это время поють:

1.

Дружкò коровай крае,
Сéмеро дитёй мае;
Та всѣ съ кошелямы,
Увёсь коровай забрамы.

2.

Чы бачыжъ ты, дружку!
Що бо́йре коровай крадутъ,
То въ мѣхъ, то въ кешелю,
Батькови на вечерю;
То въ мѣхъ, то въ рукавыци,
Дѣвкамъ на вечернѣи.

Когда дружка раздасть всѣмъ гостямъ коровай, молодежь удаляется со свадьбы, а холостые бояры ведутъ въ домъ старшую дружку, припѣвая:

1.

Немѣтена улычка, немѣтена,
Старшая дру́жечка невѣдена;
Мыжъ сію улычку прометѣмъ;
Мыжъ сію дру́жечку проведемъ.

2.

Та до дру́жки бо́йре, до дру́жки!
Та ни сыряны на масляны пиро́жки!

3.

Свиты, маты, свѣчку?
Выдуть твою дочку,
Съ скрыпками, съ цынба́лами,
Съ хорóшыми бо́йрамы.

Когда молодежь разойдется, вмѣсто ея садятся за столъ женщины и поютъ:

Зажурылась перепелочка:
«Бидная моя та головочка,
Що я рано изъ вѣрію вымыла!
Нигды минѣ гнѣзда звыты,
Нигде минѣ дитокъ накладѣты!
Що по горамъ сныгы лежаты,
По долинамъ воды бижаты!»
Озовѣтся соловѣнчко;
— Нежурыся, перепелочко!

Есть у мене трѣ сады земѣны :

Що въ пѣрвому ти зниздѣ зовѣшь,

А въ другѣму дитѣкъ наведѣшь,

А въ третѣему дитѣкъ погадѣешь.—

* * *

Зажурѣлась молодѣ Марушка :

« Бѣдна моя тѣ голѣвочка !

Щѣ я молодѣ замѣжъ пошла !

Невмѣю свѣкрови годѣты,

Невмѣю ранѣнько вставѣты,

Невмѣю пизнѣнько лигѣты ! »

Озовѣтся молодой Семѣнко :

— Нежурѣся молодѣ Марушко !

Есть у мене трѣ нагѣечкы ;

Пѣрвая бѣде пизнѣнько лигѣты,

А другѣя ранѣнько вставѣты,

А третѣя бѣде свѣкрови годѣты. —

2.

Засвѣчу я свѣчу восковѣю,

Такы пидѣ причкы,

Тѣмной вѣчкы,

На всю вѣчь :

И свѣчечка негорѣть,

И бѣтенько не спѣть,

Такы пидѣ причь.

* * *

Засвѣчу я свѣчу восковѣю,

Такы пидѣ причкы

Тѣмной вѣчкы

На всю вѣчь :

И свѣчечка негорѣть,

И мѣтинка не спѣть,

Такы пидѣ причь.

Наконецъ дружкѣ, поднявшисъ изъ-за стола, провозглашаетъ :
« Старосты пани пидстаросты ? » — « Рады слухать ! » — « Благо-
словить молодыхъ изъ-за стола вывысты ? » — « Богъ благо-
словить ! » — « Въ другой разъ ? » — « Богъ благословить ! » — « Въ
третій разъ ? » — « Богъ благословить ! » —

Тогда дружка выводитъ молодыхъ изъ избы за порогъ, гдѣ стоитъ дижа—кадушка, въ которой вскисаетъ тесто для хлѣба, покрытая полотенцомъ и на которой лежитъ въ это время ржаной хлѣбъ съ солью. Дружка обходитъ новобрачныхъ около дижи три раза, а женщины при этомъ обрядѣ бьютъ въ ладоши и поютъ:

Боже дай, Боже дай,
Що день, той выдѣля!
Щобъ наша певичка робыты невмѣла,
Щобъ вона прядива пемьѣла,
Щобъ їй головонька пыломъ не прыпѣла!
Старый диду!
Старый диду!
Старый оселѣдку,
Не стоить за рѣдку;
Невспивъ пожывиться,
Стала жінка быцця!

Потомъ дружка вводитъ новобрачныхъ въ сѣнцы, гдѣ сидятъ на скамейкѣ родители жениха. Новобрачные кланяются имъ по три раза—сперва отцу, а потомъ матери.

Последнимъ обрядомъ и оканчиваются всѣ свадебные обычаи въ воскресенье.

Въ понедѣльникъ утромъ, новобрачные приходятъ въ церковь, а изъ церкви ходятъ по домамъ съ визитомъ, «съ добрымъ днемъ», и кланяются хозяевамъ, а женщины, собравшись, провожаютъ новобрачныхъ и поютъ:

1.

Тѣмного дугу калына,
Доброго бѣтьки дытына!
Така вона дрѣнька,
Якъ рѣжа повнѣнька.
Ничого дывувати,
Така була їй й мати;
Записати їй въ лѣсты,
Щобъ були їй такі й сѣстры;
Записати їй въ квѣты,
Щобъ були такі їй й дѣты.

2.

Была Марушку мати,
Червонымъ дубцемъ съ хаты;

Вона тогò побоялась,
Въ комірочку заховалась,
Съ комірочки въ огорѣжу,
Та въ червѣную рѣжу.

3.

Зна́ты Мару́шку, зна́ты,
Въ́ котѣ́рій вона́ ха́ти;
Че́пчыкомъ обсы́пана,
Ка́лыною обты́кана;
И ла́вки и прыла́вки,
Съ червѣ́ной кытайки.

4.

Ой, ты ду́шенько
На́ша Мару́шко!
Ка́лыно ма́лыно!
На те́бе ды́вытыся мы́ло;
Се́ме́нко по́вна рѣ́жа,
На не́го ды́вытыся го́жо.

Когда обходятъ всѣ дома родственниковъ и гулявшихъ на свадьбѣ, идутъ въ домъ къ жениху, раздѣляютъ жениховъ коровай, и потомъ новобрачные потчуютъ всѣхъ гостей водкой; а гости дарятъ молодыхъ, богатые — овцами и рогатой скотиною, а бѣдные — мѣдными деньгами.

В. ОБРЯДЫ ПРИ ЗАКАЛАЧИНАХЪ.

При закалачинахъ никакихъ особенныхъ обрядовъ не бываетъ. Только въ домъ жениха, въ субботу, послѣ свадьбы, пекутъ изъ пшеничнаго теста столько калачей, чтобы ихъ стало на всю родню и знакомыхъ, пировавшихъ на свадьбѣ. Новобрачные, безъ всякихъ особенныхъ обрядовъ, приносятъ эти калачи въ домъ и отдаютъ хозяевамъ, говоря: «Кланяется вамъ батя и маты и прислалы калачъ». Получившій калачъ отвѣчаетъ: «Спасыби батькови и матери и вамъ добра диты, що потрудылысь». Само собою разумѣется, что во всякомъ домѣ, въ который молодые приносятъ калачъ, ихъ угощаютъ и отдаютъ тотъ подарокъ, которымъ ихъ подарили на свадьбѣ.

Закалачины завершаютъ собою всѣ обряды, соблюдаемые при малороссійской свадьбѣ.

6. ОБРЯДЫ ПРИ ПОХОРОНАХЪ.

Обрядовъ при похоронахъ весьма мало, а именно: когда покойника выносятъ изъ избы на кладбище, родня его старается какъ можно поскорѣе затворить двери избы и непускаетъ въ нее никого, пока не отнесутъ умершаго подалѣе.

Когда возвратятся съ кладбища и помянутъ покойнаго обѣдомъ, то съ вечера того дня, когда были похороны, до слѣдующаго утра, нѣсколько старыхъ бабъ стараются не спать въ избѣ всю ночь, чтобъ караулить душу покойнаго. Для этого онѣ разводятъ водою медъ, ставятъ его въ мискѣ на столъ, и думаютъ, что душа покойнаго представится имъ мухой, сядетъ на миску и будетъ пить медъ.

Этимъ краткимъ описаніемъ малороссійскихъ обрядовъ при похоронахъ, я окончиваю на первый разъ описаніе малороссійскаго быта.

12/5-

